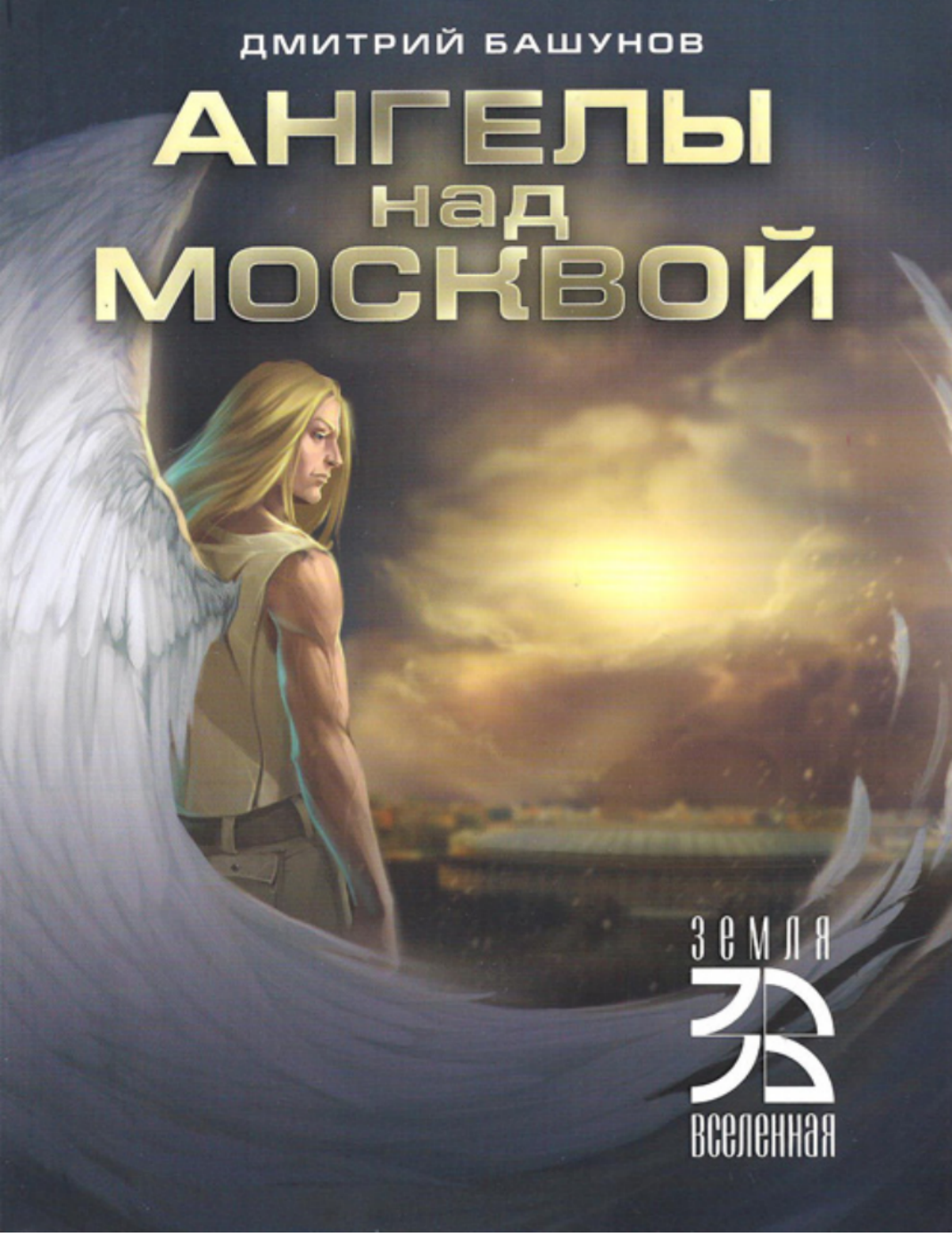
ДМИТРИЙ БАШУНОВ

АНГЕЛЫ над МОСКВОЙ



ЗЕМЛЯ
ВСЕЛЕННАЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Наш мир устроен, как компьютерная сеть. Люди — пользователи. Ангелы — незримые модераторы. Тысячи лет система стабильно работала, но пришло время перемен.

Интернет-сообщество захватывает идея существования психосетей. Они предназначены для управления человеческими судьбами. Тема интересна хакерам и спецслужбам, а московские экспериментаторы, специалист по защите информации Дима и амбициозная девушка Оля, даже проникают в небесную систему. Однако взлом не может остаться незамеченным: герои попадают под пристальное внимание ангелов…

- Дмитрий Башунов
  - Часть первая: ВЗЛОМ
    - Ангелы, Дмитрий Школьник
    - Дима, Москва, двадцать первый век
    - Встреча с Ольгой
    - Цветы для Ольги
    - Оля
    - Дима, проект «Кобра»
    - Москва, Управление Министерства Внутренних дел
    - Дима, «Ведис Геймз Индастри»
    - Оля и Дима
    - Ангелы
    - Взлом
    - Капитан Камышин
    - Встреча после взлома
    - У Камышина — новый помощник
    - Познакомимся еще раз…
    - Хамдиэль и Камышин
    - Трое
    - В гостях
    - Ксор идет на дело
    - За деньгами
    - Камышин и Апостол
    - Улетай!
    - Провинился
    - Полет, да не тот
    - Промежуточный финиш
    - Дорога и ожидание
    - Суд

- Часть вторая: ЭКСПЕРИМЕНТ
  - Школа ангелов
  - «Обсохну заодно…»
  - На Землю!
  - Архангел
  - Хозяева!
  - Новая Москва
  - Кто живет в Москве?
  - Степи, небо, океан…
  - Миры Хамдиэля
  - Решение Ксора
  - Мир Ксора. Охотник
  - Завоеватель
  - Ученый
  - Симпозиум
  - Земля. На острове
  - Ксор вернулся на Землю
  - Хамдиэль тоже на Земле
  - Визит архангела
  - Миры Хамдиэля. Открытия и интриги
  - Амдиэль — главный в Содружестве
  - Спецзадание
  - Спор
  - Маршалы тоже боятся
  - Поиск
  - Шпионы
  - Земляне готовы
  - Хитрый план
  - Маршал и Моргенштерн
  - Безбедная оккупация
  - На острове остаются…
  - Строители
  - Строители — строят, охотники — охотятся
  - Первая кровь
  - Кто ускорил собаку?
  - Не все ладно у военных строителей…
  - Пулемет и пулеметчик
  - Личный состав убывает
  - Чудовища
  - Спасение
  - Остров освобожден
  - У маршала
  - Показ
  - Трудное решение

- Отец и сын
- «Остров — уничтожить!»
- Летчики
- Разговор с полковником
- Переговоры
- Четверо
- Весточка с Амдиэля
- Эулий летит в гости
- Властитель Лидмаха
- Приговор миэлянам
- Ксаверий и Эулий
- Главное оружие
- Реальная угроза
- Конец амдиэльского флота

○ Вместо эпилога

Дмитрий Башунов
Ангелы над Москвой

Суета сует! Все — суета!

Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под Солнцем?

Екклесиаст (Библия)

Часть первая: ВЗЛОМ

Ангелы, Дмитрий Школьник

Ангелы, высокий белокурый Ксор и чернокожий гигант Хамдиэль, коротали время на Луне. Ксор лежал на спине, заложив руки за голову, и беспечно пожевывал невесть откуда принесенную соломинку. Хамдиэль сидел, разглядывая удаленную на сотни тысяч километров голубую планету. Припекало солнце, накаляя плотную пыль спутника Земли. Впрочем, даже если бы поверхность под ними расплавилась, ангелы вряд ли переменили бы позы: тело для духовного существа — такая условность…

— Как будто у людей что-то произошло? — поинтересовался Ксор.

— Ага, — зевая, подтвердил Хамдиэль. — Русские ракету запустили.

— Опять сюда? — оживился Ксор.

— Нет, — качнул головой Хамдиэль. — На Марс.

— Так сразу — и на Марс? — с сомнением произнес Ксор. — Не долетит, пожалуй. Первый блин комом. Особенно у русских… Что еще происходит? Как люди смотрят на это чудо?

— Да как, — пожал плечами темнокожий. — Никому не интересно. Только один мальчик, вместо того чтобы спать, так на нас с тобой засмотрелся, что сейчас шею вывернет.

— Вывернуть не вывернет, — отметил Ксор, приглядевшись к мальчишке, с открытым ртом уставившемуся на сияние ночного светила, — а свернуть свернет. Свалится с подоконника, и готово… О-у, Хамдиэль, ты где?

Но чернокожего ангела на Луне уже не было. Он стоял в комнате, за спиной мальчика, разглядывавшего Луну и звезды, и ждал, когда маленькая ножка соскользнет с округлого края подоконника. Наконец это случилось. Дима — так звали мальчика — вскрикнул, потерял равновесие, но Хамдиэль подхватил его.

— Вы кто? — не испугался малыш.

— Ангелы, — просто ответил возникший рядом Ксор, и откинул одеяло. — Ложись-ка давай, исследователь.

— Ух ты-ы-ы… — шепотом протянул Димка. — А вы правда существуете? Или мне снитесь?

— Существуем, — ответил Хамдиэль.

— Снимся, — сказал Ксор, — спи, давай.

Через несколько мгновений они уже шагали по заснеженной московской улице.

— Мама! — сказал утром Димка. — Ко мне ночью приходили

ангелы.

— Ты только никому об этом не рассказывай, мой хороший, — почему-то очень тихо и очень серьезно проговорила мама.

Дима, Москва, двадцать первый век

Осеннее солнце добиралось до двора угловатого дома. Едва выглянув из-за крыши, оно осветило тихую комнату и дотянулось до спящего. На часах было восемь.

Спавший проснулся. Он всегда ждал солнца, досыпая последние минутки. Он знал: солнце — это тепло, это радость. Лежать больше не хотелось. Дима сел и зажмурился. Ему было хорошо, как коту, выбравшемуся на припек. Пытаясь продлить тихое счастье, он старался не шевелиться, но чувства стали уступать место мыслям, захотелось кофе, а необходимость поторапливаться на работу стерла с лица улыбку.

Дима встал, побрел в ванную, без эмоций представляя, как сложится день. Все будет как всегда. Дежурные улыбки коллег. Веселенькие перекуры со старыми анекдотами и ленивым враньем о мнимых любовных и реальных алкогольных победах… Он зачерпнул в пригоршню воды и плеснул ее на лицо. Обеденный перерыв, который смело можно растянуть на полчасика дольше дозволенного. Скучное ожидание конца рабочего дня. И снова дежурные улыбки — теперь уже на прощанье… На этом месте Дима вздохнул поглубже и перекрыл горячую воду. Нежные струи душа вмиг превратились в жалящие холодом иглы. Другой давно сбежал бы, посинев и дрожа, а он — стоит!

Благоухая парфюмом труднопроизносимого бренда, сияя выбритым до блеска подбородком, он вошел в кухню. Вчерашняя посуда громоздилась возле раковины. Позавчерашняя и еще более ранняя — в раковине. Дима озабоченно распахнул шкафчик. Чистые чашки еще имелись. Ложки — тоже. Значит, с мытьем можно не торопиться… Потягивая крепкую робусту, Дима благодушно затягивался пряным дымом, прикладывал к губам рюмочку «Бейлиса» и грезил… В последнее время его все чаще посещала мысль, что пора бы остепениться и завести жену. Именно так: завести жену. Постановка задачи его веселила. У кого-то собаки, а у него — жена. Возраст самый подходящий — двадцать пять, мужчина в полном расцвете сил, недурен собой, с хорошей работой и зарплатой, характер вполне сносный. Поэтому кастинг на роль миссис Школьник намеревался быть серьезным. Миловидная, но не слишком красивая — чтобы в люди не стыдно было выйти, но чтобы не слишком засматривались. Умная, но в меру, чтоб его мнение ставила во главу угла. Хозяйственная. Чтобы стол накрыт был, когда гости придут. Ну, и в постели… чтобы приятно было домой возвращаться. Интересно, кто может

подойти по этим параметрам?

Погруженный в раздумия, Дима запер входную дверь, одним махом преодолел ступеньки от квартиры до двери подъезда, выскочил во двор и чуть не уткнулся носом в широкую спину дворника. На перекрестке он оглянулся. Дима любил смотреть на свой дом в таком — да и в любом другом — ракурсе. Он здесь родился и вырос, здесь мама отпускала погулять во двор, строго-настрого запрещая выскакивать на проезжую часть. Сколько ж лет уже прошло?.. Дима учился фотографии по отцовым книгам, и силился поймать в кадр ворону. Она скакала, озираясь на назойливого фотографа, а потом полетела, и Дима наудачу — почти в отчаянии — нажал на кнопку. Ворона вышла такой живой, такой стремительной, такой блистательной, что мама отнесла снимок в местную газету, и Диме дали поощрительную премию…

Отец, как рассказывала мама, всегда жил своей жизнью, больше думал, чем говорил, молчал, читал, пропадал в Ленинке и на раскопках. Однажды, так же молча, уехал в Израиль. Мама не смогла этого понять и простить — ни отцу, ни Израилю. Затем переехала на другую квартиру и сразу как-то повеселела…

Светофор загорелся зеленым, и Дима, бросив рассматривать знакомый до последней трещины дом, зашагал через дорогу.

Встреча с Ольгой

Вот и офис! Дима кивнул в сторону ресепшена, поздоровался с охранником и устремился к лестнице.

— Дмитрий Сергеевич! Уделите минуту!

Дима резко остановился. Директор? Ждет его в холле? Это честь! Да он не один… С симпатичной девушкой. Ведущий программист опытным взглядом сканировал объект. Длинные шелковистые волосы, высокая грудь, крутые бедра, задумчивые пытливо изучающие карие глаза. Хм…

— Ольга Игоревна, — начал шеф, — позвольте представить вам нашего ведущего программиста, Дмитрия Сергеевича.

Девушка кивнула Диме.

— Полагаю, — продолжил начальник, — вам будет удобнее выяснить все производственные вопросы непосредственно у компьютера? Мы уже сделали предварительные прикидки. Заказ, конечно, невелик, но ответственен. Дима, я полагаю, справится с ним быстро…

— О чем речь? — откликнулся Дима. — Лучшие ресурсы нашего скромного предприятия — к вашим ногам!

Дима опустился на одно колено и склонил голову, одновременно шикая на директора, и жестами предлагая ему опуститься на колени рядом.

— Кг-х-м… — покраснел директор. — Дмитрий Сергеевич, уважаемая Ольга Игоревна, хоть и паясничает, специалист хороший…

— А то, — выпрямился Дима, отряхивая колено от несуществующей пыли. — Образование классическое: латынь, греческий, турбо паскаль… Считать могу непрерывно, а могу и дискретно, причем в уме.

Открылись створки лифта, и они вошли в кабину. Директор нажал кнопку.

— Это я к тому паясничаю, — заметил Дима, — чтоб вы себя чувствовали у нас свободно и комфортно: пожелаете чаю, кофе — так и говорите, организуем!

Лифт остановился, и директор вышел, недовольно поглядывая на своего лучшего специалиста. Двери закрылись.

— Школьник, — совершенно серьезно пояснил Дима, — это мой крест, с гордостью несомый от самого рождения. Фамилие такое, как выражался кот Матроскин, понимаете? А по совместительству — мой ник в Интернете. Не приходилось встречать?

— К сожалению, нет, — покачала головой Ольга.

— Жаль. Очень жаль! Вы много потеряли, — нарочито сурово отозвался Дима. — Идемте! Наш этаж. А заказик-то ваш уже почти готов, — добавил он уже деловым тоном. — Процентов на восемьдесят сделан.

Ольга с удивлением посмотрела на него.

— Как?

— Ну, как… Вы когда присылали файл техзадания на ознакомление?

— Неделю назад, — припомнила Ольга. — Ваш директор просил несколько дней на знакомство с задачей…

— Ну, вот, я посмотрел. Задание показалось интересным. Директору сказал, что осилим. Кое-какие наработки на эту тему имелись. Ну, и в свободное от работы время сделал.

— Но, если так, зачем же мы поднялись?..

— Во-первых, необходимы уточнения. Во-вторых, сколько времени отведено на решение этой проблемы?

— Ну-у… Не горит, в общем-то.

— Прекрасно! — Дима повернул ключ в замочной скважине, открыл дверь и жестом пригласил девушку войти. — Тогда я буду ходатайствовать, чтоб часть высвободившегося времени вы провели со мной. Молчите, не отвечайте. Давайте сначала посмотрим на материалы.

И он включил компьютер. Глянув в экран монитора, пробежав взглядом по строчкам, Ольга подняла взгляд на Диму. Переворачивает листы в папке, принесенной ею, но читает лишь некоторые фрагменты — значит, остальные подробности ему известны. Сел рядом. Ого! И это называется «мы сделали предварительные прикидки»? Основной костяк работы действительно выполнен, осталось только подключить к программе несколько плагинов, да опробовать ее на громоздкой базе данных… Дима украдкой следил за заказчицей. Интересный экземпляр. Молчаливая, серьезная, Диме нравились такие девушки.

В конце рабочего дня шеф осторожно заглянул в Димин кабинет. Там вовсю кипела работа.

— Заканчиваете уже? — пошутил директор.

— Да! — чуть не сорвалось с языка у девушки.

Но Дима ее опередил:

— Где там… До конца недели будем писать, пробовать и переписывать, а после еще неделя на внедрение уйдет. Как минимум!

— Хорошо, хорошо, — кивнул начальник. — Занимайтесь.

Две недели, думалось ему… Ну, отлично! В техническом задании проставлен срок выполнения — целый месяц. И значится

премирование за скорость…

Как только дверь за начальником закрылась, Дима с улыбкой взглянул на заказчицу.

— Не возражаете, если мы сделаем небольшой перерыв, перекусим?

— Конечно, — Ольга поднялась со стула. — Через сколько мне подойти? Или, может быть, хватит на сегодня?

— Ни в коем случае. Я страшный трудоголик. Могу работать сутки напролет. Даже неделю могу, почти без сна.

Глаза девушки удивленно расширились. Довольный произведенным эффектом, Дима распрямил плечи.

— Есть только одна вещь, которая мне никак не удается, — он горестно вздохнул.

— Какая?

После небольшой паузы, ровно столько, сколько было нужно, чтобы подогреть интерес слушательницы, Дима ответил:

— Не могу есть в одиночестве. Может, составите мне компанию?

Девушка лишь слегка опустила подбородок. Когда она улыбалась, у нее появлялась ямочка на левой щеке. Едва заметное «да». И все-таки, это «Да».

Цветы для Ольги

Наступивший вечер был долгим и теплым. Как старшеклассники, Дима с Ольгой бродили по вечерней Москве, и люди, шедшие им навстречу, почему-то улыбались, хотя каждый, кто хоть раз присматривался к выражениям лиц москвичей, знает: заставить горожанина усмехнуться может только редкостно хорошая погода да наблюдение за большим породистым псом, бережно ведущим маленького двуногого хозяина на прогулку.

Дима рассказывал страсти, пережитые им в командировке, всячески сгущая краски вокруг безобидных приключений, и умалчивая о встречах, которые вспоминались без радости. Он припомнил, как по студенческому обмену ездил с друзьями в Германию, но из экономии в спальном вагоне катили только до Польши, а там маршруткой прибыли в Дрезден, и оттуда на электричке — или как там зовутся у них поезда местного сообщения — должны были добираться до Штутгарта. И все бы ничего, но только немецкие электрички так удобны и так быстро ездят, а сами студенты так умотались, что на конечной их разбудили, и из вагона без излишних церемоний выпроводили. Весь вечер они бродили по городу, попивая замечательное немецкое пиво, в поисках улицы, обозначенной на бумажке с адресом, и только в очередной раз проходя мимо вокзала, сообразили: они же в Цюрихе! А это совсем не Германия, хоть и похоже внешне…

Ольга смеялась: с ней таких приключений не случалось, и случиться не могло. Она тоже бывала в Цюрихе, но ехала именно в Цюрих, и пива пополам с водкой по пути не пила. Выпить сейчас? Прекрасная идея! Тем более что ее машина осталась ночевать на офисной стоянке. Заглянуть в гости? Нет, не сегодня.

Дима проводил девушку до подъезда. На прощание он едва прильнул шершавой щекой к ее щеке, посмотрел ей пристально в глаза и выдавил из себя чуть слышно:

— До встречи…

Ольга быстрыми шагами скрылась за темной дверью подъезда. Дима сел в такси. Назвал свой рабочий адрес. Остановился возле въездного шлагбаума.

Чтобы вызвать охранника, пришлось звонить по телефону. Услышав Димин голос, тот отпер вход и, пригнув голову, высунулся в дверной проем.

— Доброй ночи, Виталик!

— Здорово, Димон! — пророкотало как из бочки. — Чего это ты в такой час?

— Виталь, у тебя на стоянке должна машина нашей заказчицы стоять…

— Ну, одна она и стоит. Завтра суббота, все по домам разъехались. В обычный день, если пробки, так многие домой на метро едут…

— Стоит, говоришь… А если я тебя попрошу?

— Проси! — осклабился охранник, сверкнув зубами. — Когда я тебе отказывал?

— Я сейчас цветов куплю, они у тебя ночь перестоят в сторожке… Воды есть во что набрать-то?

— Для тебя — найду.

— Спасибо. В общем, как утро настанет, ты ей этот букет на лобовое стекло, за дворник, положи… Хорошо?

Охранник громко рассмеялся:

— А что цветы от тебя — говорить? А то она еще меня обнимать бросится!

— На тебя, Виталик, только Валуев броситься может. И то, если не испугается…

Довольный охранник загоготал: внешне он был действительно страхолюдиной, и смягчить впечатление никак не старался. При этом женат был, по слухам, на миниатюрной красавице, жил где-то за МКАДом, а дочек, чтоб не обижали в школе, иногда встречал после занятий. Помогало…

— Ну, ты езжай, я жду. Только слышь, Дима, мож, не будем цветы к машине пришпиливать? Тачка-то дорогая…

— Круче директорского «Кадиллака»?

— А я знаю? Во всяком случае, не дешевле… «Бентли Асур».

— «Азур», Виталик… «Бентли Азур». Пожалуй, ты прав… Но цветы-то все равно передашь?

— Не вопрос! Передам, конечно. Скажу, от школьника одного…

Дима вернулся в такси и велел ехать до первого цветочного магазина. На душе было легко. Почему бы не сделать девушке приятное? В конце концов, благодаря ей день вышел радостным. Просто знак благодарности.

— Молодой человек, цветы будем брать?

Он очнулся от мыслей.

— Да-да. Розы, пожалуйста, — Дима махнул в сторону большой вазы с красными бутонами.

Продавец, усталый седовласый грузин, принялся доставать цветы из воды.

— Сколько?

Дима смотрел на розы и вдруг ему вспомнилась улыбка Ольги. Эта озорная ямочка на щеке. И чуть заметный кивок

подбородка.

— Нет. Не то. Не розы ей понравятся. Не холодная красота с шипами. Что-то другое.

— Подождите. Лучше мне вон тот букет, — Дима показал на белые цветы, похожие на ромашки, только меньше и элегантнее.

— Эти? Сколько?

— Много. Давайте все.

Грузин выудил из вазы охапку пушистых цветов, со стеблей на пол капала вода. Дима ощутил удивительный запах. Он не знал, как его назвать, запах какой-то чистоты и свежести. Ему вдруг вспомнились крахмальные простыни, на которых он так любил валяться в детстве.

Отдавая охраннику букет, Дима вспомнил его слова насчет автомобиля Ольги. «Бентли». Интересно, откуда у девушки с такими копеечными заказами такой автомобиль? В голову ему пришло сразу несколько возможных вариантов, и ни один из них ему не понравился. Он поспешил переключиться на другую тему. В конце концов, какая разница.

Оля

Оля росла смышленой и послушной девочкой. Домашние задания делала, иностранные языки учила, немножко занималась музыкой, с подружками гуляла только до темноты. В институт поступила без труда, хотя прикладная математика — не самое простое направление.

Работать Оля начала еще на первом курсе. Фирма, куда она устроилась, использовала расторопную девчонку на «подай-принеси». Однако очень скоро Оля проявила себя как девушка неглупая и невредная. Схватывала все на лету. Учась на программиста, не гнушалась отыскать ошибку в бухгалтерском плане счетов — и, по совету главбуха, окончила бухгалтерские курсы.

Преподаватели курсов — а в ту пору не гнушались подобной подработкой и серьезные специалисты — узнав, что учиться к ним устроилась математик, единогласно заявляли: лучшие бухгалтеры — это дипломированные математики. Оля улыбалась, слушая их, но задачи решала действительно лучше всех, и баллы на экзаменах получила самые высокие.

На работе Оля помогала всем. Если уборщица затевала генеральную уборку, Оля бралась натирать спецсоставом листья фикуса, чтобы блестели — а их на дереве насчитывалось шестьсот пятьдесят семь штук… При этом никому не завидовала, в распространении жгучих сплетен и ошеломительных слухов участия не принимала. Довольствовалась той зарплатой, которая ей была положена руководством, и о прибавках не просила даже тогда, когда производственные планы строились уже отчасти в расчете и на нее.

С боссом была накоротке — равно, как и с уборщицей. Он относился к ней как к дочери — но только на первых порах… А после применил обаяние, чтобы понравиться девушке. Он, конечно, был немолод, но выглядел солидным мужчиной. Так что ничего удивительного не было в том, что вскоре Оля им увлеклась.

Однако, никаких бурных романов офисные поборники добродетели — а кому не известно, какие чудеса шпионажа они порой совершают? — обнаружить не могли. Тайная страсть, яркая и захватывающая, захватила обоих. Для Оли это была первая настоящая любовь. И он в ней души не чаял…

Время шло, отношения становились все ближе. Он пытался делать ей подарки, подчас дорогие — она отказывалась. Он настаивал — она обижалась.

— Тогда так, — сказал он однажды. — Когда-нибудь мы расстанемся. Неважно, по какой причине. Я, даже если буду огорчен тобою…

Тут Оля подняла брови: она его так любит, так ему верна — как она может огорчить своего любимого человека?

Но он продолжил:

— Я, даже если буду огорчен тобою, хочу знать, что твое будущее обеспечено. На твое имя в Швейцарии будет открыт вклад. Хочешь — пользуйся деньгами. Не хочешь — пусть капают проценты. Детям твоим достанутся… Единственное, что требуется от тебя — побывать там вместе со мной, чтобы впоследствии у банкиров не возникало сомнений.

Оля согласилась. В конце концов, платить или не платить за любовь — личное дело каждого. Если ему так хочется уплатить — пускай. Она к этим деньгам не прикоснется. И они поехали в Цюрих. Случилось это много позже случайного Диминого пребывания в этом городе. Швейцария Оле, бывавшей только в Турции да в Египте, понравилась чрезвычайно. Взятая напрокат машина — мощная, стремительная, открытая — катала их по Европе, позволяя не замечать границ и не обращать внимания на расстояния. В восточной Франции Олю кормили страсбургским пирогом, который оказался изумительным паштетом, запеченным в тесте. Северная Италия порадовала ее кальмарами, зажаренными в кляре. В Германии Оля побывала в музее часов-ходиков. Надо же! А ей-то казалось, что домик с белочками на циферблате и цепью с шишками — чисто русское изобретение.

Открытый роскошный «Бентли», в котором они путешествовали по Европе, был выкуплен и переправлен в Москву для Оли. В скором времени судьба предпочла совершить куда более крутой поворот. В августе босс заболел. Его срочно госпитализировали, увезли в Швейцарию. Вести шли неутешительные, и Оля сдерживалась изо всех сил, чтобы не расплакаться в трубку… Такие болезни в таком возрасте не лечатся, сетовали врачи. Но мы попытаемся купировать некоторые симптомы…

— Что делать, милая, — бодрился босс. — Меня может спасти только возвращение молодости. Но это — чудо, а чудес не бывает. Хотя, знаешь, несколько раз в жизни я отмечал — честно говорю, не шучу: люди, за судьбой которых я следил, внезапно становились моложе. Нет-нет, в продажу души дьяволу я не верю! Но телом каждый из этих внезапно помолодевших и вправду делался моложе…

И босс приводил имена и фамилии людей знаменитых и не очень, живших совсем недавно и довольно давно, и

действительно проживших жизни долгие, счастливые… Значит, есть такая возможность? Но где? Искать Оля начала наугад. Она перешерстила весь Интернет. И отыскала много неожиданного…

* * *

В отчаянье Оля захлопнула ноутбук и отшвырнула мышку. Черт знает, как эти хакеры обходят парольные барьеры! Бьется она, бьется — и все как горох об стену! Выхода нет. Нужно нанимать кого-то из специалистов.

Оля встала из-за стола, потянулась, и пошла на кухню: ставить кофе. Легко сказать — нанимать. Кого? С учетом сложности задачи, привлекать нужно из самых-самых. При этом самые-пресамые наверняка уже давно привлечены по нескольким статьям… Сливать же информацию беспринципной школоте не хотелось…

Девушка отмерила две ложечки кофе, смешала их с ложечкой сахара, капнула сливок. Теперь смеси нужно дать постоять: густой сахарный сироп и сливки впитают самые летучие ингредиенты. Пить такой кофе — ни с чем не сравнимое удовольствие.

Стоп-стоп… В годы учебы — Оля это отчетливо помнила — ходила громкая слава о двух хакерах, а именно о Чейзе и Школьнике. Поговаривали, что Школьник — это не просто никнейм, это — фамилия! Но не мог же хакер прятаться за свою же собственную фамилию? А почему бы не попробовать? Кто ж заподозрит зловредного умника в заурядной тупости? Носишь фамилию Иванов — возьми ник Иванов и упорно отрицай свою причастность к информатике. И все шито-крыто!

Оля осторожно сделала глоток. Кофе удался. Потом подняла трубку и набрала номер справочной службы. Вскоре она звонила уже в Banking Security Co. Через неделю после принятия заказа директор пригласил Олю для уточнения задач с программистами. Чтобы к девяти быть во всеоружии женской красоты, девушке пришлось встать пораньше… Без десяти девять ее «Бентли» въехал на стоянку у офиса. Директор, сама любезность, дожидался в фойе. Девушке даже не пришлось выписывать пропуск: подготовленный еще вчера, он был подан с полупоклоном. Ей даже немножко неловко стало — они все стояли и стояли у лифтов, и никуда не ехали, и никуда не уходили. Наконец, директор перестал нести обязательную в беседе с дамой чушь.

— Дмитрий Сергеевич! — громко сказал он. — Уделите минуту!

Молодой человек, к которому он обратился, резко остановился. По всему было заметно, что тот удивлен. Видимо, руководство фирмы предпочитало встречаться с подчиненными в кабинетах, с непременным и срочным вызовом через секретаршу. Оля присмотрелась к подошедшему. Не мальчик… Строен, сухощав, улыбчив. Брюки сидят как влитые, и наглажены — правда, не вчера. Видимо, сам старался: если б мама, то стрелки были бы бритвенно остры. Смотрит на директора с удивлением, но без малейшего подобострастия. Ты не в Мадриде, дружок, у нас за подобную вольность обычно выгоняют! Но — ведь не выгнали до сих пор? Значит, ценят…

— Ольга Игоревна, — склонился директор в полупоклоне, — позвольте представить вам нашего ведущего программиста, Дмитрия Сергеевича.

Сдержанно улыбаясь, девушка кивнула молодому человеку.

— Полагаю, — продолжил директор, приняв позу градоначальника из «Ревизора», — вам будет удобнее выяснить все производственные вопросы непосредственно у компьютера? Мы уже сделали предварительные прикидки. Заказ, конечно, невелик, но ответственен. Однако Дима, я полагаю, справится с ним быстро…

— О чем речь? — вскричал ведущий программист, и Оля заметно вздрогнула. — Лучшие ресурсы нашего скромного предприятия — к вашим ногам!

Он вдруг упал на колено, наклонил голову и простер правую руку ладонью кверху. Левой же он стал делать решительные жесты в сторону директора, приглашая того поклониться «прекрасной даме».

Оля едва удержалась от хохота — так комичен был директор, мгновенно покрасневший, вспотевший и обескураженный.

— Кг-х-м… — пробурчал начальник. — Дмитрий Сергеевич, уважаемая Ольга Игоревна, хоть и паясничает, специалист хороший.

Хороший специалист будто ждал:

— А то! — вскочил он и принялся вдохновенно врать. — Образование классическое: латынь, греческий, турбо паскаль… Считать могу непрерывно, а могу и дискретно, причем в уме.

Впервые за несколько недель Оле стало смешно. Насупленный как индюк директор пропустил Диму с Олей в лифт и нажал кнопку.

— Это я к тому паясничаю, — глядя в глаза девушке, стал объяснять Дима, — чтоб вы себя чувствовали у нас свободно и комфортно: пожелаете чаю, кофе — так и говорите, организуем!

Директор вышел из лифта первым. Оля и Дима поехали

дальше.

— Школьник, — продолжил Дима, — это мой крест, с гордостью несомый от самого рождения. Фамилие такое, как выражался кот Матроскин, понимаете? А по совместительству — мой ник в Интернете. Не приходилось встречать?

— К сожалению, нет, — мотнула головой Оля и почувствовала, что краснеет, сказав неправду.

— Жаль. Очень жаль! Вы много потеряли, — как будто даже разочаровавшись в гостье, произнес спутник. — Идемте! Наш этаж. А заказик-то ваш уже почти готов, — добавил он уже без ерничества. — Процентов на восемьдесят сделан…

Оля изумилась. Да ведь договор о его выполнении подписан только вчера!

— Как? — недоумевая, проговорила она и вдруг поняла, что идущий рядом человек — именно тот, кто ей нужен, и что судьба никогда не бывает слепа, и что все у нее теперь получится.

— Ну, как? — ответил Дима. — Вы когда присылали файл техзадания на ознакомление?

— Неделю назад… Ваш директор просил несколько дней на знакомство с задачей… — Оля говорила, а сердце у нее пело: господи! Неужели? Неужели, господи?

— Ну вот, я посмотрел, — как ни в чем не бывало, рассказывал Дима. — Мне ваше задание показалось интересным. Директору сказал, что сделаем. Кое-какие наработки на эту тему имелись. Ну и в свободное от работы время сделал.

— Но если так, — ошеломленно проговорила Оля, — зачем же мы поднялись?..

Впрочем, задав этот вопрос, Оля прекрасно понимала, зачем они поднимаются в кабинет. Наверняка Дима смог бы и сам справиться с завершением работы. Но хотелось ему — с нею…

— Во-первых, необходимы уточнения. Во-вторых… вами сколько времени отведено на решение этой проблемы?

— Не горит…

— Прекрасно! — Дима отпер дверь. — Тогда я буду ходатайствовать, чтоб часть высвободившегося времени вы провели со мной. Молчите! Давайте сначала посмотрим на материалы.

Угадал! Она ведь действительно хотела тут же отказать ему! Хотя где-то глубоко внутри себя чувствовала: встретиться с этим мужчиной еще раз — ей хочется… А может, и не раз.

Дима, проект «Кобра»

Теплый осенний день не обещал никаких сюрпризов. Дима вошел в просторный холл здания, где размещался родной офис. Когда Дима впервые оказался в этом помещении, блеск стекла (прозрачного и затемненного), зеркал, глянец металла и гранита очаровал его. Однако уже довольно давно Дима реагировал на роскошь помпезности по-своему: проходя под купольным сводом холла, вслушиваясь в раскатистый цокот каблучков вечно спешащих бизнес-леди, Дима не отказывал себе в удовольствии тихонько, одними губами, с шипящим придыханием произнести крайне неприличное слово…

Продуманная акустика зала разносила скабрезный шепот по всем уголкам помещения. Снобы оскорблялись. Клерки подхватили поветрие. Собственник здания вызвал архитектора с требованием изменить к лучшему звуковой фон. Ушлые журналисты раздули сенсацию. На архитектора посыпались заявки, он стал знаменит, и потому за переделку — в конечном итоге — запросил столько, сколько хватило бы на постройку небольшой египетской пирамиды. Домовладелец плюнул и смирился, надеясь, что непристойное эхо когда-нибудь исчезнет само собой. Но Дима почти каждый день ходил на работу, и слава не утихала… Поторапливаясь, он прошел мимо стены, украшенной надписью из выпуклых хромированных букв, складывающихся в название фирмы — Banking Security Co., миновал открывшуюся с легким шорохом автоматическую дверь. Он прошел между рядами офисных перегородок, разделявших рабочие места, глубоко вздохнув, «надел» выражение лица деятельного оптимиста и только после этого открыл дверь кабинета шефа.

В приемной Дима осторожно кивнул секретарше, обладательнице невероятного обаяния, выражающегося в неповторимо пышном бюсте и огромных темных глазах. Машенька отличалась уникальностью: знала несколько языков, слыла начитанной и умной. По слухам, не позволяла ничего лишнего даже шефу.

Неизвестно почему, но Дима ею гордился. Быть может, потому, что отшила она его не раз и не два…

Сегодня Маша была сама любезность:

— Дмитрий Сергеевич? Присядьте! Хотите чаю? Или, быть может, кофе?

«Ого! — подумал Дима. — Последнее желание перед казнью?»

— Что случилось, Маша?

— Да ничего, — удивленно проговорила девушка. — Вам велено подождать. А чай или кофе — так вон чайник стоит, а в шкафчике чашки… поищите.

Дмитрий разволновался. Наконец дверь кабинета открылась, и оттуда стали выходить рядовые программисты. Когда поток сотрудников иссяк, на пороге показался шеф: немолодой мужчина с приятным правильным лицом, острым проницательным взглядом. Он увидел Дмитрия, поздоровался и пригласил его в кабинет.

— Дмитрий, вы сегодня не попали на планерку, потому что опять опоздали. Но…

Шеф взял паузу, а Дима почувствовал себя школьником, пойманным на горячем. Чего он действительно не ожидал, так это воспитательных бесед по поводу соблюдения трудовой дисциплины.

— …ваше присутствие отныне не обязательно. Мы начинаем особый проект, который будет самым внушительным за всю историю нашей компании.

Директор немного помолчал и без всякого драматизма произнес:

— Вы здесь больше не работаете.

Дима чуть не задохнулся. Неожиданно прозвучало, да! Хорошо, что чай не начал пить, а то бы захлебнулся.

— Для вас и вашей команды, — шеф интонацией выделил слово «команда», — организовано новое место работы, куда вы все в ближайшее время и переберетесь. Работать под вашим, Дмитрий Сергеевич, началом назначены самые сильные программисты, в том числе и несколько удаленных работников. Вам наверняка небезызвестных…

Дима взял в себя в руки. Радоваться — рано, и бог весть (или черт знает), что это за работа, и сколь труднодостижимы поставленные цели.

— А оплата? — поинтересовался он как можно равнодушней, и даже не без тени иронии, — по-настоящему приличная? Я тут винтажный «Порше» присмотрел, кабриолет восемьдесят второго года.

— С наддувом? — участливо поинтересовался шеф, поклонник мягких американских лимузинов.

— Атмосферный, — удивился осведомленности начальника Дима.

— Табуретка на колесах, — резюмировал любитель автокомфорта. — Справишься — заказчик тебе его подарит, я ему замолвлю словечко. В виде бонуса будет.

Он отпил восхитительного чаю и умолк на секунду-другую, стараясь продлить вкусовое ощущение. Дима ждал.

— Итак, компания Banking Security Co. при финансировании трех крупнейших банков страны начала разработку программного пакета, главной задачей которого является обеспечение защиты конфиденциальных данных…

Шеф рассказывал, снова перейдя на «вы».

— Перед вами ставится специфическая задача: тестирование программы «Кобра». Только делать это придется не стандартно. Сегодня вы познакомитесь с вашими новыми подчиненными.

Шеф улыбнулся, видя, как посерьезнел его подчиненный.

— С сегодняшнего дня вы работаете на новом предприятии, которое официально занимается разработкой компьютерных игр. Должность ваша более весома, чем вчерашняя, но названия ей я еще не придумал. Подумаете сами, Дмитрий?

Дима кивнул.

— На деле вы начнете — причем немедля — заниматься подготовкой к главной стадии тестирования «Кобры», то есть попытаетесь взломать ее. Если для вас это дело новое, в чем я сомневаюсь, то для ваших новых сотрудников (особенно удаленных) — вполне привычное. Суть легенды вы узнаете из инструкций, которые получите у Марии. Ваша личная задача — координация работы команды и полный контроль. Мы бы не доверили это вам, если бы не считали вас нашим лучшим сотрудником.

Дмитрий снова молча кивнул. Шеф продолжал говорить.

— Все работы по проекту «Кобра» засекречены. Вам необходимо разработать алгоритмы взлома и попытаться реализовать их. Кроме того, нужно уйти безнаказанными! То есть определить ваше местоположение должно быть не просто сложно, а невозможно! Задача-максимум — проникнуть на закрытые серверы и скачать с них контрольный файл, тем самым выявив возможные слабые места в защите. Все инструкции вы получите у секретаря.

— А секретаря я не получу? — быстро поинтересовался Дима.

— Марию, что ль? — улыбнулся шеф. — Вам с нею не совладать…

— А вы, — пробормотал вполголоса Дима, — конечно же, не могли не попытаться…

— Что-что?

— Она — человек заказчика? — спросил Дима бодро и вслух.

Шеф приложил палец к губам и встал, таким образом обозначив окончание аудиенции. Дима вышел в приемную. Маша протянула ему запечатанный пластиковый пакет. Чтение бумаг

отняло несколько часов. Некоторые документы требовали подписания, в том числе и связанные с его увольнением. Официально он уходил по собственному желанию, а обоснованием увольнения являлся переход на более денежную и перспективную работу. Особенно в части оклада: он втрое превышал нынешний. На «Порше» хватит. Хотя действительно, на кой черт нужна эта скоростная табуретка на колесах! Можно подумать об английской классике или об итальянском футуризме…

«Хватит!» — мысленно оборвал себя Дима. — «Что делить шкуру неубитого медведя? Надо хоть к людям присмотреться…»

В пакете обнаружились досье на подчиненных. Их ники… О-о-о! Это не просто известность, это слава!

Взять хотя бы Чейза. Он основательно попил крови у нескольких концернов, но свое главное дело совершил скорее из романтических побуждений. Он — знай наших! — за один день переформатировал жесткие диски тысяч компьютеров и серверов, принадлежавших одной очень крупной софтверной компании. Он не только пробрался в корпоративную сеть и заразил все компьютеры вирусом, сожравшим всю информацию в них, но и успел от имени этой компании заказать сто двадцать тонн (с предоплатой!) туалетной бумаги, с требованием доставить в головной офис… Тогда по телевидению или смеющиеся, или нарочито строгие корреспонденты CNN показали шикарный репортаж с грузовиками, которые пытались припарковаться на корпоративной стоянке у здания компании. А потом, когда погасли экраны всех компьютеров, началась настоящая паника, и софтверный гигант в мгновение ока оказался на грани банкротства.

Американцы, конечно, тут же объявили хакера в розыск. Но отыскали только номер, снятый в португальском мотеле, да брошенный корпус продвинутого ноутбука, лишенный не только умного содержимого, но и отпечатков пальцев.

Прилетевшие из Америки копы замучили сонную португальскую полицию, но что толку в опросах таксистов, возивших черноволосого обросшего юношу с вокзала и на вокзал? Пока его искали в Европе, акцентируя внимание на выходцах из России и Балканских стран, Чейз «зажигал» в Марокко. Ничто в его багаже не могло выдать пристрастие к информатике, даже мобильник был примитивным — сугубо для звонков и sms.

Не менее ловко Чейз заметал следы в киберпространстве — вычислить его не удавалось вот уже лет десять. Как он оказался в команде Димы — загадка. Почти целый день ушел на то, чтобы в голове уложилась вся новая информация. Когда он бросил

последнюю страницу в ворох бумаг, волной накатила усталость. Дима подошел к приемной. Маша сидела на своем прежнем месте, а на экране компьютера красовался логотип популярной социальной сети. Она обернулась на звук и без улыбки указала на дверь шефа.

Часы, встроенные в стильный письменный стол, показывали без четверти семь. Рабочий день в офисе закончился.

— У вас есть ко мне вопросы? — директор торопился домой.

— Да. Когда мне и моей группе нужно будет показать свои способности?

— На все про все у вас месяц максимум. «Кобра» практически готова, остались только технические мелочи. Адрес нового офиса вам даст Мария. Если у вас все, то к работе нужно приступить завтра. Времени у вас мало.

Документация по самой системе отсутствовала. Данные по ней, наверное, уже в офисе меня дожидаются, догадался Дима.

Москва, Управление Министерства Внутренних дел

Заведующий отделом киберпреступлений капитан Вячеслав Васильевич Камышин благоденствовал. Милицейские начальники, мало понимающие в информатике, изредка сетовали на низковатую эффективность его работы, однако в целом результаты находили удовлетворительными, и Камышина особенно не донимали. Полковник Ивашов, правда, зуб точил… Ну, на то и щука в реке, чтоб карась не дремал. Камышин даже рад был, что есть и у него хоть один враг: а то как-то неловко перед товарищами. Все жалуются, что зажимают, задания несусветные всучивают, завидуют, черт возьми — а тут тишь да гладь, да божья благодать! Однако на любом междусобойчике можно сделать грустно-мужественное лицо, и, рассчитывая на понимание коллег, процедить: «Да все в порядке… Ивашов подзадрал, но это пустяки…» И все кивают, и взгляд каждого ненадолго погружается в собственные воспоминания. Потому что у каждого имеется свой Ивашов: начальник, инспектор, конкурент. И каждый старается так пристроиться на службе, чтоб и рыбку кушать, и сидеть удобно. Ничего не попишешь, специфика жанра. Ну, у Камышина, однако, дела идут получше, чем у остальных: громких подвигов нет, зато ежемесячные показатели — в норме. И время на личную жизнь остается. И даже в течение рабочего дня пофилонить не возбраняется — если с умом да с оглядкой, конечно. А все благодаря чему? А все благодаря грамотно поставленной агентурной работе! Вот у него, у Камышина, есть Игорь Николаевич Коваленко: человек, весьма близкий к самым мутным слоям Интернета. Золотой человек: дистанцию держит, масло к хлебу поставляет, а надо на ушицу поймать пескарика-другого, а то и окунька позубастей — так и пособит. Ну, пока рыбных дней не объявлено, можно и общим развитием заняться: о чем нынче пишут? Что народ всего более волнует? Аналитики говорили про какую-то психоинформатику… Камышин ввел запрос в строку поиска. Нашлось ровно четыреста четыре ссылки. Не густо… Но в отделе анализа дурачков не держат: грамотные ребята тенденции не просто отслеживают, они их прогнозируют, и ждут исполнения прогнозов. Похоже, с этой самой психоинформатикой именно так все и обстоит: они ее выдумали, а серая масса подхватит, если идея созвучна времени. Менее пятисот ссылок в знак того, что идея еще не пошла в народ, но ведь появилась же! А ну как станет психоинформатика

главной модой следующего года, а он, Камышин, не в теме? Капитан кликнул первую по списку ссылку и углубился в чтение. Тема статьи обозначалась серьезно и глобалистично: «Информационная революция и новая картина мира».

> Начало информационной эры, — говорилось в статье, — ознаменовалось существенными изменениями в человеческом сознании, порожденными открытиями современной науки. Разум сегодня испытывает колоссальное давление со стороны глобальных информационных сетей.

Ага, — отметил про себя Камышин. — А Волга впадает в Каспийское море.

> Поток информации ежегодно нарастает в геометрической прогрессии. Каждый день открываются старые и создаются новые тайны. На основе обновляющихся сведений комбинируются отрасли знания, воплощающиеся в ранее не известных науках. Одна из новейших дисциплин открылась людям сравнительно недавно, хотя и создана — нет никаких сомнений — давно… Это психоинформатика. Предыстория открытия психоинформатики такова. В виртуальном пространстве, где любое значимое явление не остается незамеченным, больше пяти лет назад начало складываться сообщество единомышленников, занимающихся вопросами буквального, происходящего на электронно-органическом уровне соединения души человека и информационного ресурса.

Брехня! — уверенно подумал милиционер. — Не было такого сообщества, нет его и сейчас!

> Поначалу сложилась группа людей, которые хотели сблизить две такие разные науки, как психология и информатика. Но по мере накопления данных у всех членов рабочей группы сложилось впечатление, что они «изобретают велосипед», так как эти науки давно объединены. И сделали это не кто-нибудь, а работники так называемой Земной канцелярии. Во всяком случае, потоки отслеженных сведений частенько подписывались словосочетанием, которое в вольном переводе с арамейского можно интерпретировать именно так… Кто они такие? Что это за учреждение?

Ну, дичь! — восхитился Камышин. — Распоряжения некоей Земной канцелярии, да еще и на арамейском языке! Молодец автор. Тот еще выдумщик!

> Это понятие, как и сама психоинформатика — новорожденные термины, вполне возможно — неверные. Да и кадровый состав вышеназванной Земной канцелярии — загадка.

Все правильно, — заметил капитан, — сделать реверанс в сторону читательского сомнения — отличный ход. Сразу доверие возрастает.

> Как возникло умозаключение, что Земная канцелярия вообще существует? Это не просто сухой термин и выдуманное словосочетание, у нас (я представляю группу единомышленников, приверженцев психоинформатики) есть все основания считать, что это словосочетание — официальное наименование действующей организации.

Группа единомышленников, — ухмыльнулся капитан. — Да мы б эту группу давным-давно отследили.

> Эта структура, вероятно, защищает доступ к данным о мироздании и миропостроении. Она крепко держит под контролем людей (все население Земли), их эмоции, поступки через обособленные и давно существующие психосети (еще одно новейшее понятие).

О-о! — капитан мысленно поставил галочку. — Ключевой момент! Вон они какую удочку закидывают… Ну, дураков в комментариях наловят полный садок.

> Сами по себе психосети работают по принципу сетей электронных, компьютерных, распространенных и развиваемых ныне. Наблюдается некоторая аналогия работе психосетей в организации мыслительного процесса. Помимо этого (и это, по нашему разумению, главное) психосети являются связующей цепью между человеческими разумами и Земной канцелярией. То есть наблюдается прямая связь по направлению: Земная канцелярия — человеческие души, имеет место и обратный отклик. Доминирующее звено — Земная канцелярия.

Чуть более многословное разъяснение уже сказанного. Точно ищут, кто разумом попроще!

> Конечно, наши знания ограничены. Мы лишь фрагментарно получаем крупицы доказательств существования и самого учреждения, и его психосетей. Однажды соединив воедино мозаичные данные, накопленные за годы наблюдений и исследований, мы получили явление, которое не могли назвать никак иначе, кроме как психоинформатика.

Опять вранье, густо приправленное мечтами, — капитан поморщился. — Как там в песенке… «Параноики рисуют нолики». Хорошо бы к зарплате. Моей.

> Эта наука еще не стала официальной, хотя ее вопросами (по большей части разрозненно) занимаются ученые по всему миру, численность которых не превышает и полторы тысячи человек. Поэтому говорить о мощном развитии психоинформатики пока рано…

Во наглецы! — у капитана аж перехватило дух. — Во всем мире если и наберется сотни три специалистов, еще только пытающихся проводить какие-то опыты по передаче информации непосредственно в мозг, то хорошо. А эти — полторы тыщи…

> Наиболее значимая часть сведений до сих пор остается засекреченной спецслужбами, но, несмотря на это, в целом информация доступна и обычным пользователям Интернета — правда, в разной степени. Вместе с этим потоки информации становятся все более неконтролируемыми. То есть достоверность получаемых людьми сведений непредсказуема. Даже после того, как психоинформатика стала почти официальной наукой (пусть и закрытой от обывателя), правдивость, точность и корректность сведений, касающихся этой дисциплины, очень сложно отследить.

Ого! — мысленно зааплодировал капитан. — Какой мощный заряд откровенного бреда! И главное, возбуждает в обывателе желание противоборствовать спецслужбам — а не каждый ли у нас мнит себя д' Артаньяном?

> Но одно мы можем сказать точно и с полной уверенностью: с появлением на виртуальной сцене

психоинформатики картина мира должна измениться. В какую сторону — станет известно, и возможно, совсем скоро. Темпы накопления сведений настолько велики, что качественный скачок в сфере познания психоинформативных возможностей неизбежен.

Финальный аккорд. Иными словами, если ты, читатель, честный человек и если тебе не безразлично будущее — присоединяйся к нам! Сначала прокомментируй, желательно умненько, после мы тебя осчастливим ответом, а там завяжется переписка по «мылу»… Тут уж недалеко до встречи в реале с целью вхождения в преступный сговор!

В общем, понятно. Кто-то кого-то ищет, или пытается заинтересовать. Но кто? И зачем? Скорее всего, весь текст — бред очередного параноика, которому шизофреники, соседи по палате, нашептали про зловредные голоса и лучи смерти.

«Домой иди, жена заждалась!» — прикрикнул на капитана будущий майор Камышин. Майора капитан слушался охотнее и засобирался домой…

Дима, «Ведис Геймз Индастри»

Проснулся Дима как обычно, в семь. Оторвался от подушки, встал с постели и шаркающей походкой побрел в ванную. Прохладная вода в душе разогнала кровь по жилам и заставила сердце биться быстрее. Нетвердым шагом Дима прошлепал на кухню и сварил крепкий душистый кофе. Захотелось есть, курить, спать — причем не в одиночестве. Где, интересно, та девушка на «Бентли», Ольга, которой он букет через охранника передавал? Больше не объявлялась… Спросить у шефа телефончик? Несолидно. Не спрашивать? Тоже нехорошо. Ведь девушка необычная и красоты необыкновенной… Что-то в ней есть такое, отчего хочется приплясывать на месте — перед тем, как своротить гору.

«Ужас какой!» — подумалось Диме. Впрочем, многие герои Шекспира считали влюбленность безумием. «Стоп, стоп!» — остановился Дима, сделав открытие. «Выходит, я — влюбился?» Ему стало смешно — и одновременно грустно. «А, ладно. Работать надо…»

На работу он почти бежал. Хлопнув дверью такси, Дима вошел в здание и, показав пропуск хмурому охраннику, подошел к консоли идентификации. Здесь пришлось задержаться: свой личный код доступа он ввел быстро, а вот сканер сетчатки глаза заставил пройти процедуру идентификации дважды. Наконец Дмитрий Сергеевич, руководитель группы разработки новейших компьютерных игр, попал в свой кабинет, включил кофе-машину и расположился в кресле. Пропущенных звонков на экране телефона не высветилось.

Дима быстро собрал «летучку» с программистами. Когда, наконец, знакомство с подчиненными закончилось, пришло время расслабиться. Пойти пообедать? Или сначала пообщаться с Чейзом, который отозвался еще вчера, скинул номер своей «аськи», но рано просил не тревожить. То ли ночной образ жизни ведет, то ли… живет в ином часовом поясе. Писал, что помнит Школьника.

Друзьями они никогда не были, но идейки друг другу в хакерской молодости подбрасывали остроумные. Дело естественное: незамыленным глазом, со стороны то есть, и алгоритм виден во всех несовершенствах, и программные коды порой точнее свой смысл раскрывают.

Чейз, похоже, уже оповещен о поставленной задаче. Знает, что проект зовется «Коброй». Откуда, интересно? Впрочем, было бы смешно, если бы Чейз, получив задание, не просканировал

компьютеры учреждения, из которого поступил запрос. Пообещал сегодня же подредактировать и прислать кое-что из старых, но актуальных наработок. Старых, в его понимании, это двухнедельной давности, вероятно? Ну, у гениев свои привычки. Сначала обедать, потом все остальное…

Когда стемнело, Дима вызвал такси, но вдруг звякнул почтовый оповеститель. Чейз таки переслал ему версию программы, которая, по заверению хакера, «способна завалить змеюку».

Та-ак-с, что там прислал неуловимый Чейз?

* * *

Дмитрий наблюдал за чередой цифр, менявшихся на экране монитора. Программа тестировала новый алгоритм системы безопасности, главное достижение компании в этом году. Над ним основательно поработала команда молодых умных программистов, и, как заявил начальник отдела разработок, это самый стойкий к взлому алгоритм, «который когда-либо создавался человеком». Сегодня на нескольких мощных серверах работала программа, за обладание которой многие хакеры продали бы душу дьяволу. Новую систему безопасности атаковали из глобальной сети сразу несколько сотен компьютеров-зомби, каждый из которых искал строго определенные дыры в защите. Заложенные в основу программы взлома элементы искусственного интеллекта анализировали получаемую от атакующих компьютеров информацию и корректировали их наступательную деятельность, а то и мгновенно перенастраивали ее. Серверы, закрытые новыми сетевыми экранами, в течение нескольких часов оставались недоступными. Для успешного взлома это был почти критический срок, но задача стояла масштабная. Требовалось не просто получить доступ к закрытой информации и завладеть контролем над удаленными компьютерами. Необходимо обнаружить слабые места и откровенные дыры в комплексной защите. Пока их не отыскивалось. Это и радовало, и огорчало. Любая из существовавших ранее систем безопасности давно бы рухнула, а эта держалась. Может, что-то с программой взлома? Может, опробовать сначала ее мощь на серверах Пентагона?

Мысль Диме понравилась, он даже улыбнулся, но экспериментировать не стал: американцы — такие законники. Обязательно засудят кого-нибудь невиновного… Зазвонил телефон. Мама. Улыбка с Диминого лица исчезла моментально:

она сетовала, что сын о ней забыл и заходит крайне редко. Совсем в гостях не появляется… Она приняла решение сегодня же к нему приехать.

— Надеюсь, — язвительно говорила мама, — мне не придется вышвыривать из нашего дома очередную девку, как это случилось в прошлый раз?

— Нет!

— И вообще, сынок, — сменив гнев на милость, заворковала мама заботливой квочкой, — отчего тебе не жениться на хорошей девушке? Вот у Виктора Яковлевича, соседа по даче, замечательная дочь на выданье, Настенька. Умная, красивая, образованная, и ребеночек уже есть… Чего ты смеешься, сынок? Девушке, если ей уже под тридцать, естественно иметь детей!

— Мама! — улыбался Дима, — найди мне невесту, у которой с этим противоестественно!

— Я воспитала глупого сына! — почти всерьез сердилась мама. — Ты знаешь, дурачок, какая прелесть ее Леночка? Три годика всего, а рассудительности — на все тридцать три. Такая лапуля… Настя, конечно, ленивая. Только и делает, что виснет ночи напролет в Интернете. Потом спит до обеда, ходит вечно сонная. Вылезет на веранду, в одной руке кофе, в другой — сигарета, и чередует глотки с затяжками…

— Ну, и что? Я тоже так по утрам в себя прихожу. Ты ей посоветуй «Бэйлис» еще прихлебывать, очень помогает!

— Я ей посоветую стрихнин прихлебывать! Она дрыхнет, а ребенок не знает куда приткнуться…

— Но ты же рядом?

— Вот именно! И я не понимаю, как можно такую славную девочку бросать практически одну!

— Мама… Ты не понимаешь своей выгоды. Сделай так, чтобы эта Настя вообще спала целыми днями. Тогда Леночка будет твоя весь день!

— Сын! Я внуков хочу, своих, понимаешь? Мне, конечно, приятно нянчиться с этой девочкой, но мог бы и ты постараться для матери — раз уж сам ничего в жизни не понимаешь!

— Да понимаю я, мама… Ты не поверишь, но я, кажется, встретил ту, которую ты не стала бы вышвыривать из дому….

— Наконец-то, Дима. Когда ты меня с нею познакомишь?

— Эх… Мне б самому знать, где ее найти. Это наша клиентка, мама. Мы работу сделали — она исчезла…

— Так что же ты сидишь в своем офисе, увалень? Беги, ищи девушку! Возможно, она сама дежурит у окна, ожидая, когда ты появишься!

— Мама! Да где ж я ее искать буду?

— Сынок, не будь таким наивным. Если девушка хоть чуть-чуть заинтересована, она для тебя столько подсказок оставит, что ты никогда не заблудишься. Мы, женщины, знаем: мужчины — существа примитивные. В общем, я выезжаю. Через часок буду. Что тебе приготовить?

— Ой, мам, ну, что-нибудь. Я всему буду рад. Я тоже скоро буду. Пока…

Дима потянулся в кресле и крепко зажмурился. Хруст в суставах означал, что пора встать и размяться, а можно и вовсе закончить работу — компьютерная программа способна трудиться самостоятельно. Если что-то произойдет, то в записях-логах это отразится.

Однако через секунду в мерный шум вентиляторов охлаждения неожиданно вмешался новый звук. Дмитрий не шевельнулся и остался в своей расслабленной позе, даже глаз не открыл, только по лицу расплылась блаженная улыбка. Этот тихий переливающийся звон обозначал, что все его усилия оказались не напрасными. Программа взлома нащупала слабинку в новой системе безопасности по имени «Кобра»!

Немедленно раздавшийся телефонный звонок только подтвердил его предположение. Шеф. Проникновение через сетевые экраны не могло остаться незамеченным, администраторы системы его моментально засекли и немедля доложили начальству.

Дима улыбнулся: его программа взлома анализировала полученную от удачливого компьютера-фантома информацию и пересылала новый алгоритм проникновения остальным сотням машин. А попробуйте справиться со всеми сразу!

Шквал сообщений об удачном взломе заполонил экраны мониторов. Всех, кроме одного. Этот экран зеленел цветом весенней травки, потому что на нем отображался ход взлома второго уровня защиты, примитивного по сравнению с первым. Так и есть. Вторая преграда рухнула через несколько минут, программа взлома отыскала базу данных пользователей и изменила политику безопасности.

Дмитрий сидел, откинувшись в кресле и заложив руки за голову. Сейчас администраторы получат отказ в доступе. Так. Началась загрузка контрольного файла с серверов — это будет доказательством кражи информации. Но загрузка файла оборвалась, и все экраны запестрели надписями, сообщающими об ошибках и потере доступа. «Конвульсии умирающего», — заключил Дмитрий. Он улыбнулся, потому что, отключив питание серверов, противная сторона расписалась в своем бессилии.

Оля и Дима

Вопреки ожиданиям, шеф вовсе не сопротивлялся, когда Дима спросил у него номер заказчицы. Откуда Диме было знать, что не далее как вчера Ольга сама звонила шефу и обсуждала новый заказ, исполнение которого страстно желала поручить исключительно Дмитрию Сергеевичу Школьнику.

Удивила Диму и Оля. Она явно обрадовалась звонку. Поэтому Дима решил события форсировать: пригласил даму к себе домой, на ужин. А что? В худшем случае — откажется. В лучшем же…

Оля, окинув взглядом великолепие накрытого стола, с восхищением вздохнула:

— Дмитрий Сергеевич… Я рассчитывала ограничиться чаем!

— Чай — сказал ей Дима — это уже после всего! У нас стол скромный, ностальгический.

— Да уж… — прошептала Оля.

Гостеприимство хозяина было приятно, хотя с другой стороны, это ведь лишь показуха перед красивой девушкой. Первобытный охотничий инстинкт — подарить женщине убитого мамонта. Только теперь мамонт оформлен поизящнее — на фарфоровых тарелках да под бокал вина. Но суть-то от этого не меняется. Вечные охотники. Пока жертва бежит, он догоняет. Потом бросает и бежит за следующей. Оля одарила Диму обворожительной улыбкой.

— Кстати, Дима, я так и не поблагодарила тебя за чудесный букет от таинственного поклонника.

Он растерялся и не нашелся сразу что ответить. Такое с ним бывало редко.

— Как ты узнал, что хризантемы — мои любимые цветы? Ты случайно не тайный агент?

— Я… да по совместительству, — смущенно отшутился он. — Рад, что понравились.

И быстро сменил тему.

— Рекомендую: строганина по-байкальски, расстегаи — правда, местного производства, но вполне аутентичные, копченый олений язык, кыкватоль, черемша, маринованный папоротник. В духовке подходит плов. К чаю — эклеры.

— Ох-хо-хо! — рассмеялась Оля. — Со строганиной я как будто знакома, но объясни мне, пожалуйста, что такое кыкватоль?

— Это оленина, соленая, вяленая и копченая одновременно. Главный секрет — чтобы внутри куска мясо оставалось сырым. Кус кыкватоля режется на ломтики, и каждый из них обжаривается на сковороде. Отличная горячая закуска! — с

гордостью произнес Дима. Он догадывался, что Оля искушена по части изысканных блюд, но верил, что удивить ее удастся.

— Дима, — проговорила Оля серьезно. — Я ведь, собственно, о деле пришла поговорить…

Она точно рассчитала время. Не сразу — чтобы хозяин уверился в том, что произвел на нее впечатление. Надо дать понять, что она не собирается становиться одной из его подружек на одну ночь. Господи, все мужчины одинаковы. Ужин, романтика, музыка, танцы и постель. Утром — обещание позвонить и поминай как звали. Оля иногда ощущала себя чужой в современном мире. Все ее подруги тусовались в ночных клубах, развлекались, пытались попробовать как можно больше разных блюд на этом празднике жизни. Оля была другой. Вместо тусовок и шумного угара она предпочитала сидеть за компьютером, искать новую информацию в Интернете, узнавать что-то новое, учиться чему-то. Вот и полюбила она не своего сверстника, а начальника, который ей в отцы годился. Но с ним было так интересно, так спокойно и уютно. С ним она чувствовала себя то маленькой девочкой, которая с горящими глазами внимает опытному учителю, то желанной красавицей, к ногам которой готовы сложить все бриллианты мира. Словом, она была счастлива. И статус любовницы не тяготил ее, несмотря на то, что в вопросах морали она была достаточно принципиальной. Но жизнь есть жизнь, а человеческая душа подвижна, как и все живое. И нет ничего плохого в том, чтобы следовать велению сердца. И вот Оля сидела за шикарным столом напротив молодого человека, который соловьем разливался, чтобы произвести на нее впечатление и думала только об одном.

— О каком таком деле? — выдавил из себя удивленный хозяин.

— О поиске психосети.

— Психо… чего?

Переключиться с праздничных блюд на что-то серьезное оказалось не так просто.

— Психосети, — повторила Оля. — Уверена, ты о них слышал.

— Ну-у… — замычал Дима, титаническим усилием соскребая со стенок мозга информацию, которую считал совершенно бесполезной. — В общем и целом…

— Дима, послушай, — Оля подалась чуть вперед. От близости ее тела и тонкого аромата духов у Димы чуть не закружилась голова. Что она делает, играет с ним, пытается завлечь?

Оля продолжила.

— Дима, я должна признаться кое в чем. Мой первый заказ

был лишь прикрытием. Мне нужно было тебя проверить, удостовериться, что твоя слава не надумана и ты действительно лучший из лучших.

Она помолчала, давая ему время осмыслить сказанное. Он выжидающе смотрел на нее.

— Так вот я получила, что хотела. Ты гений в компьютерах… И к тому же… очень хороший человек… Ты — тот, кто мне нужен.

— Нужен для чего?

Оля кивнула, давая понять, что ждала именно этого вопроса и глотнула вина. Дима следил за ее движениями, за точеной линией рук, как она изящно ставила бокал, и спрашивал себя, зачем эта девушка вошла в его жизнь.

— Возможно и, скорее всего, то, что я скажу, покажется бредом. Но я не пришла бы сюда, не будь уверена в том, что говорю. У меня есть доказательства, и в свое время ты их увидишь. Но пока попробуй отнестись серьезно к тому, что услышишь.

Дима попробовал. Он помотал головой, свел брови и уставился на золотой ободок тарелки с солониной, чтобы избежать искушения смотреть на Олю. Смотреть и мечтать…

— Человек, который мне очень дорог, серьезно болен. Есть лишь одна возможность ему помочь. Возможность не совсем обычная, но вполне реальная. Нужно вернуть ему молодость путем подключения к психосети.

Дима сделал над собой усилие, чтобы не пошевелиться.

— Долгое время я досконально изучала всю информацию о психосетях и нашла кое-что интересное. В Москве в одном старом доме есть подвал. По прихоти судьбы через него проходят интернет-кабели, причем весьма солидной пропускной способности, и во множестве. Согласись, это нетипично для подвального помещения.

Дима пожал плечами.

— Кроме того. Здание очень старое, уже два года как подготовлено к сносу, но снос все откладывается… Дом стоит, весь в трещинах и без окон, хибара одним словом. Огорожен кое-как. Но никто его не трогает.

— Это уже интересно! — оживился Дима. — В центре?

— То-то и оно. Самый что ни на есть центр столицы. Я уверена, что без влияния сил более могущественных, чем московская мэрия, тут не обошлось.

— Похоже, — согласился Дима. — Но я все равно не пойму, к чему ты ведешь.

— К тому, что в этом подвале и находится центральный сервер подключения к психосети. И, подключившись к нему,

возможно, перепрограммирование человеческой жизни!

Дима наконец включился в разговор.

— Подожди, хочешь сказать, мы вот так просто сядем за компьютер и одной кнопкой скинем кому-то десяток-другой лет жизни? Ты меня разыгрываешь, проверяешь на вшивость или что?

— Я говорю серьезно, Дима! — что-то в ее голосе заставило поверить. — Иногда, когда ничего другого не остается, нужно поверить в чудо. И пытаться его сотворить своими руками. Я изучила множество научных трудов, разговаривала с людьми, которые одной ногой стояли в могиле. Все они в один голос твердят, что произошло нечто. Как будто кто-то повернул время вспять. Понимаешь, доказательства есть. Просто все это от нас скрывается. Иначе… Только представь, что будет, если эта новость разнесется по всей стране. Начнется анархия.

— Да уж… — пробормотал Дима. — Ну, допустим, я тебе верю. И что ты планируешь делать?

— Я предлагаю действовать. И чем скорее, тем лучше. Я уже подготовила все необходимое — завезла необходимую аппаратуру. Но я очень боюсь, что дом находится под наблюдением.

— То есть, — задумчиво проговорил Дима. — Тебе нужен телохранитель?

Оля повернулась к нему.

— Мне нужен гениальный и бесстрашный взломщик паролей.

— Действительно, — смущенно пробормотал Дима, — и как я сразу не додумался.

Он колебался всего мгновение.

— Тогда считай, что ты его нашла.

Дима окинул взглядом богатый стол. Есть не хотелось. Да и какой тут ужин, когда тебе предлагают стать вершителем человеческих судеб. Почему бы не поиграть в рыцаря? Именно этого ему не хватало. Приключений.

Ангелы

Ксор вынырнул на поверхность метанового океана, шумно втянул переохлажденного водорода и, вздымая каждым гребком брызги, тускло поблескивавшие в рассеянном и неярком свечении атмосферы Нептуна, поплыл к углекислотному айсбергу. На уступе сухого льда, будто нарочно вырезанного для удобного размещения группы отдыхающих, небрежно лежал Хамдиэль. Плескаться в жидком метане ему надоело. Хотелось тепла — но не обжигающего зноя разогретой докрасна Венеры и не жесткого меркурианского каления на солнцепеке, а мягкого, как в июльской Сахаре или августовской Москве образца 2010 года.

Хамдиэль слепил углекислотный снежок, вдавил в его середину сероводородную ледышку.

— Ксор! — позвал он. — Кончай океан баламутить! Давай на Землю слетаем, погреемся, на людей посмотрим, да и к архангелам на отчет.

— Успеется, — отозвался Ксор, подтягиваясь на край уступа. — Куда греться-то? Дай остыть немного: сколько мы с тобой по Магеллановым облакам шатались, да все по звездам, не по планетам? Ты, кстати, итог сводил, инспектор? Как, не напрасно галактика пространство занимает?

— Сводил, как не свести… — Хамдиэль сел, обхватив мускулистыми руками колени. — Дает энергонов маленьким плюсом, чего уж там. Но вяло. Очень вяло…

— Еще бы, — согласился Ксор. — Галактика маленькая, событий не происходит. Масштабных…

Он вздохнул и сел рядом с Хамдиэлем. Наблюдатель, окажись он в ту минуту за спинами ангелов, отметил бы, что плечи Ксора, обликом напоминающего синеглазого скандинава, пожалуй, немного уже, чем у чернокожего крепыша. Зато мускулы, скорее всего, плотнее — хотя и не так рельефны. Или этого в серенькой дымке холодной планеты не разглядеть?

— Да и в больших галактиках положение дел не намного лучше, — проговорил Хамдиэль и, размахнувшись, швырнул в волну обледеневший колобок. Жидкий метан принял подарок без единого всплеска. — Вон, Туманность Андромеды, уж на что приличная галактика — ведь не меньше Млечного пути! И дыра у нее черная в середине, и новые взрываются каждый миллион лет, а общий дебет ненамного выше нуля…

— А сколько галактик с отрицательным энергонным балансом существует? Тебе Малахиэль не шептал по секрету, когда меня на отчете чихвостили? Я только на вас и глазел со

скуки…

— Нет, — улыбнулся Хамдиэль. — Он мне новый анекдот рассказывал. Послушал, говорит, как Ксор выкручивается, и анекдот, говорит, вспомнил. Стоит ежик на пеньке, вокруг туман. Крутится, лапой показывает: «Там…» «Нет, там…» «Нет, вон там…». Медведь не выдержал, хвать его за шкирку: «Там — что?» А ежик: «Где, Миша?»

— Малахиэль, я так понимаю, вновь на Земле был? — спросил Ксор. — Раз такие анекдоты рассказывает?

— Выходит, был, — пожал плечами Хамдиэль. — Возможно, опять говорящим драконом летал, деревни да леса поджигал.

— Мне бы сказали, — заметил Ксор. — Район-то мой. А раз летал тайно…

— Значит, ничего не делал. Смотрел просто, — закончил фразу Хамдиэль. — Говорил он мне, что психосети земные ревизии требуют: уж больно много сумасшедших объявляться стало. Люди творят, что хотят. А которые и не хотят вроде, так те тоже — такого начудят порой, прямо и не смотрел бы…

— Что ты имеешь в виду? — заинтересовался Ксор. — Как будто ничего нового начудить они не могут: все уже придумано, все уже испытано.

— Не все. Помнишь того мальчишку, что мы поймали, когда он с подоконника падал?

— Помню, но чем он сейчас занят? Давай посмотрю… — и Ксор замолчал, погрузившись внутренним взором в жизнь Дмитрия Сергеевича Школьника. Через секунду или две он поднял взгляд.

— Да-а… — протянул белокожий ангел. — Дела-а… Это ж кто его надоумил под нашу Земную лабораторию подкапываться? Взлом психосетей затевать?

— Он уверен, что его Оля попросила. А я уверен, — вздохнул Хамдиэль, протягивая ноги под лиловые хлопья фтороводорода, вьющиеся в воздухе, — что это Малахиэль ее надоумил.

— Малахиэль? — удивился Ксор. — Вряд ли архангел стал бы действовать из хулиганских побуждений. Маловероятно, что меня как куратора данного пространства не стали бы оповещать о каких-либо плановых акциях. Выходит…

— …выходит, что ставится какой-то эксперимент. Причем с твоим участием, Ксор.

— И с твоим тоже, инспектор Хамдиэль. Тебе ведь тоже ничего не сообщили? Или ты мне все тут врешь, ангелоидное творенье? — Ксор прищурился и приготовился, что друг расколется и они вдвоем посмеются над удачной шуткой. Но чернокожий ангел, против всех ожиданий, оставался серьезным.

— Похоже, ты прав, Ксор… По всему выходит, что и мое участие в этой странной затее предусмотрено. Как ты думаешь, кем?

Ксор пожал плечами.

— Ни серафимам, ни херувимам до нас дела нет. Кто мы для них такие? Так, мелочь… У властей да господств и своих забот полон рот: надобно следить, чтоб распределение энергонов шло как надо и чтоб вселенная часом не схлопнулась вместе с нами всеми, неразумными.

— Разумными, — поправил его Хамдиэль.

Ксор поднял брови, демонстрируя сомнение, но промолчал.

— Не хочешь ли ты сказать, — нарочито отчетливо выговаривая слова, произнес Хамдиэль, — что в основе всего происходящего — воля Всевышнего? Но если так — то зачем? Какая цель всей этой интриги? Ну, жило бы человечество как жило…

— Цель одна, — заметил Ксор. — Энергоны. Вполне вероятно, господь усмотрел возможность увеличения их производства. Но по своему обыкновению дает детям своим свободу выбора. То ли мы проявим себя как последние ретрограды и снова зальем крамолу кипящей серой. То ли не станем сдерживать набирающую обороты инициативу.

— И дадим загубить все начинания?

— А сколько там тех начинаний? Ты вспомни, Хамдиэль, как долго я с рептилиями нянчился. Сотни миллионов лет! И где они теперь? Крокодилами безмозглыми по грязи ползают. А эти, так называемые люди? Пятьдесят тысяч лет им от роду, из которых сорок пять они прожили, не зная колеса. Погибнут — так и не жалко! Новых выведем!

— Новых, говоришь… Что ж, может статься, что и придется. В общем, летим на Землю, к этому мальчишке. Посмотрим, что он там затевает. И действовать будем по обстоятельствам. Согласен?

— Согласен! — ответил Ксор, поднимаясь и отряхивая с себя корку быстро схватившегося фтороводорода. — Хамдиэль? Ну, куда ты пропал?

— Да здесь я, здесь. Не ори. Архангелам отчет о Магеллановых Облаках носил.

— Приняли?

— Приняли. Ты одеваться думаешь?

Ксор оглянулся. Они были уже на Земле. Осенняя ночь — поздняя, глубокая — укрывала большой город. Ангелы стояли на тротуаре. Машин в такой поздний час по переулку не ездило, и свет горел лишь в оконце стояночной сторожки. Окна офисов, целиком занимающих обе стороны улочки, темнели.

Скрипнула дверь. На порог вышел угрюмый громила и, безо всякого уважения рассмотрев божественное телосложение ангелов, пробасил:

— Але… Шо за дела? Чо вы голые, пацаны?

— Сам ты пацан, — огрызнулся Ксор и повернулся к громиле боком. — А ну посмотри: так хорошо?

На Ксоре вдруг появились высокие замшевые ботинки, свободные, даже мешковатые, штаны и бесформенная льняная рубаха с контрастными заплатами то там, то здесь. Под рубахой виднелся обтягивающий свитерок.

Он хохотнул и поднял правую руку, в которой удобно умостилась длинная и толстая резиновая дубинка.

Хамдиэль, облаченный в нечто длинное, балахонистое и красочное, увенчанный такою же шапочкой, улыбнулся и мягко произнес:

— За такую дерзость у тебя, Виталик, рука должна бы отсохнуть…

— И к утру отпасть! — ввернул Ксор.

— … но у нас ангельское терпение. Поэтому за Людмилу — она ведь больна, твоя жена?..

Не окончив фразы, Хамдиэль умолк, выжидательно глядя в глаза охраннику.

— Ну, да… — изумился Виталик. — Откуда ты знаешь? Лимфо… этот… некроз.

— Лимфогранулематоз, — поправил его Хамдиэль. — Ты больше не переживай. Утром твоя жена проснется совершенно здоровой. А твои дочки, которых ты иногда встречаешь из школы, они ведь на тебя похожи? Чисто внешне?

— Ну, — мрачно согласился Виталик.

— Твои девочки отныне будут все больше и больше походить на свою мать, и к весне станут первыми красавицами микрорайона.

— Так что тебе все равно придется их из школы встречать, — усмехнулся Ксор. — Будешь чрезмерно ретивых женихов отгонять!

— Слышь, пацаны… — растерянный и смущенный Виталик перетаптывался с ноги на ногу и не знал, что сказать, — а вы не брешете?

— Отвечаю! — торжественно произнес Хамдиэль и стукнул себя в грудь кулаком.

— Виталя, все будет хорошо… — мягко сказал Ксор.

Глаза охранника заблестели.

— Простите, пацаны…

— Бог простит, — сказал Ксор.

— Уже простил, — произнес Хамдиэль.

Ангелы повернулись, как по команде, и пошли. Виталий вернулся в сторожку, сел за стол, достал из-за пазухи крест, поцеловал его и беззвучно заплакал. Его Люся, его девочки… Господи! Надо хоть дверь прикрыть, увидит еще кто…

Взлом

«Бентли» неспешно подкатил к заброшенному дому, обнесенному сетчатой оградой.

— У тебя есть ключи от ворот? — поинтересовался Дима.

— А кто, по-твоему, ограду соорудил да замки повесил? — улыбнулась Оля. — Заказчик думает, что подрядчик. Подрядчик думает, что заказчик. А командую парадом, тем не менее, я…

— Командир, а командир… — разыгрывая робость, пробормотал Дима.

Они вышли из машины на улицу и направились к воротам. Оля несла напичканный всем необходимым ноутбук. Большой и тяжелый кейс достался Диме. Он шагал следом за девушкой. Ему нравилось на нее смотреть. Оля неслышно ступала, и в атмосфере царящей таинственности ее едва угадываемая на слух поступь казалась Диме походкой властвующей королевы.

Они вошли в подъезд. Темные загаженные ступени вели в подвал. В черноте спуска угадывалась дверь… Краска на двери местами слезла, а коробка покосилась от времени и сырости, разъедавшей подвал здания. Вокруг было темно, воздух был тяжел и неподвижен.

Дима откинул колпачок зажигалки и крутанул колесико. «Надо было фонарик взять, что ли…», — подумалось ему. Внезапный шум заставил встрепенуться. Зацокали коготки по трубам, метнулись тени к углам. Совсем рядом зашуршало и заскрежетало тихонько, будто когтистый чертенок пытался протиснуться сквозь узкую щель в стене и, пробравшись к людям, поиграть с ними, как у себя в аду…

Дима наклонился взять камень — и уронил зажигалку. Он уже было потянулся ее поднять, но резко отдернул руку — его пальцы коснулись холодного лысого хвоста сидевшей в углу крысы.

Оля зажгла фонарик.

— Что ты потерял?

— Зажигалку…

— Идем, там дальше свет есть…

Дима нашарил старенькую «зиппо», с которой не расставался, и поспешил вперед. Подвал был непомерно длинным. Дима догадался, что он связан с другими давно забытыми бомбоубежищами, а они могут тянуться от здания к зданию через весь квартал.

Казалось, что сюда уже много лет никто не спускался — от стен веяло холодом и пахло плесенью, а протянутые вдоль стен

трубы с вентилями были заржавлены и осклизлы. Свет фонарика отбрасывал причудливые тени. Будто сама смерть тянет к ним свои холодные пальцы. «Смерти я не боюсь, — спокойно думал Дима, шагая за Олей, — но процесс умирания все-таки был бы неприятен…».

Вошли в просторное помещение. Справа от входа виднелся узкий дверной проем, который вел еще куда-то. Оля потянулась вправо и щелкнула выключателем. Перед ними из темноты возникла большая пустая комната, в которой из мебели выжил лишь старый стол с компьютером, прикрытым черной пленкой, и три шатких даже с виду стула.

— Да уж… — еле слышно протянул Дима. Оля вытащила из кармана флешку.

Они сели: Оля — за машину, ее спутник — рядом, на предательски заскрипевший стул. Оля подсоединила к компьютеру свой ноутбук, распаковала странное устройство из кейса, который нес Дима.

— Что ты хочешь сделать? — спросил Дима.

— Давай пока посмотрим только. Тут есть на что…

Оля включила монитор, запустила компьютер и вошла в сеть. Набрала электронный адрес сервера, и на экране высветилось новое окно. Требовался пароль.

— Здесь, похоже, уловка, — сказала Оля. — Это пустой экран. Судя по всему, можно сколько угодно вводить сюда пароли, продолжения не дождешься, хоть подряди на это всех китайцев и индусов вместе взятых… Я, во всяком случае, никакой реакции не увидела. Но именно здесь сопрягается наша электронная сеть и сеть совсем иного рода…

— Ты здесь… в который раз? — поинтересовался Дима.

— Уже и со счета сбилась, — улыбнулась девушка. — Но войти в систему у меня так и не получилось. Поэтому пришлось добыть новое оснащение и обзавестись помощником. То есть тобой…

Она достала прибор, похожий на шлем, и предложила его Диме. Второй, точно такой же, надела сама.

— Что делают эти странные штуки? — поинтересовался Дима.

— Повышают чувствительность, помогают увидеть то, что находится за гранью реальности.

— Типа как охотники за привидениями?

— Точно. С такой штукой на голове можно видеть, что находится за закрытой дверью. Я пробовала. Все получается.

— А у тебя они откуда?

— Места знать надо. Я же сказала, что серьезно изучила

вопрос, не с бухты-барахты…

— А в нашем случае чем они помогут? Призраков будем ловить?

— Нам с тобой нужно преодолеть парольный барьер, чтобы войти в систему. А трансмиттеры — так эти штуки называются — помогут нам увидеть то, что скрыто за парольным барьером. Хотя лично я мало что увидела: туманное помещение, расплывчатый узор на полу… Не знаю, как это все нам поможет, но надо попробовать.

— Ладно, посмотрим. Включай!

— Хорошо!

Дима непроизвольно зажмурился. Возникло ощущение полета… Яркая вспышка света и вязкая тишина. Дима медленно открыл глаза. Старый обшарпанный подвал исчез. Вокруг него — простирался? покоился? — Дима не мог подобрать подходящего слова — огромный зал. Возможно, он просто казался огромным, потому что был наполнен светом. Дима ощущал себя стоящим в центре этого зала. Под ним в полу из белого мрамора светилась легким рубиновым цветом звезда Давида. В одной из стен зала виднелось огромное окно. Возможно, это был экран. Что он отображал? Дима не мог понять этого, но не мог и отвести глаз от великолепия бесконечности Вселенной. Хоровод звезд, медленно обегавших это окно — или все-таки экран? — зачаровывал, складывался в невероятные, недоступные человеческой фантазии узоры. В ушах сама собой звучала божественно красивая мелодия, легкая, едва слышная, но оттого еще более проникновенная. Собственно, и не мелодия даже, а берущее за душу сочетание нескольких звуков, аккорд своего рода, бесконечный и изменчивый. «Я слышу музыку сфер», — подумалось Диме. Еще немного, и звуки завладели бы его сознанием полностью, если бы не осознание необходимости действовать. Компьютер, стоявший на столе в подвале, принял вид иного устройства, снабженного, однако, и монитором, и клавиатурой. Символы, нанесенные на кнопки, и знаки, высвечивавшиеся на мониторе, выглядели одновременно и знакомо, и чужеродно.

Дима шагнул к терминалу. То, что он видел, не удивляло его новизной — или не удивляло оно не его, а Олю, с которой они, похоже, объединили разумы? Полная общность разумов и чувств — удивительное ощущение. Не к этому ли стремятся все влюбленные? Замечательное состояние, отметил про себя Дима. Но они пришли сюда не за любовным слиянием… И потому нужно сосредоточиться на компьютере.

Так… Что там у нас? Все, как всегда… Разве что графический интерфейс не вполне обычный… Но и тут особых сюрпризов нет.

Несколько движений пальцами по виртуальной клавиатуре — и столбцы строк исчезли, а на экране возникло приглашение к входу в систему.

Дима покачал головой. Пытаться вводить какие-либо буквы и цифры не имело смысла. Вариантов миллионы, и попасть в нужный сложнее, чем найти иголку в стоге сена.

Пальцы Димы — или пальцы Оли? — не переставая, бегали по призрачным клавишам. Экран менял картинки. Дима захотел отвернуться — в глазах зарябило. Но Оля, похоже, в этой ряби нашла систему взаимозависимостей — и получала удовольствие и от наблюдения, и от начинающегося понимания.

— Наверняка здесь имеется какая-либо служба безопасности. Должны же они видеть, что кто-то пытается пробраться к ним? — посетовала Оля.

— Тогда выйдем отсюда побыстрее, — с сожалением произнес Дима.

— Вырубаем трансмиттеры.

Дима коснулся выключателя. Звук небесной музыки не успел утихнуть, как огромный зал стал терять свои очертания. Свечение стало угасать, и пол с рубиновой звездой даже не провалился — он просто растворился в цветных сполохах, делавшихся все гуще, все темнее.

— Мне это не приснилось? — фраза Диме далась с трудом, голос звучал хрипло.

— Вроде того, — ответила Оля и с беспокойством заглянула в глаза своему спутнику. — Что ты думаешь об увиденном? — ответ ее волновал, чувствовалось, всерьез.

Дима ответил не сразу, а лишь припомнив все, что видел и что успел осознать.

— Я не заметил ничего особенного. Обычная одноуровневая защита. Точнее, необычная, но одноуровневая. Наверное, те, кто ее делал, предполагали, что до интерфейса пользователя слишком сложно добираться. Да и чужие там, похоже, ходят нечасто… Если так, то нам нужно только подобрать — или преодолеть иным путем — кодовое сочетание знаков. Я и сам не очень-то представляю, какие алгоритмы защиты положены в основу и на какой стадии вторжения срабатывает «тревога». Боюсь, что без ловушек не обойдется.

— Типа ограничения количества вводов?

— Хуже. Типа частоты набора. То есть соблюдения временного интервала перед вводом каждого символа. Три секунды между первым и вторым символами, потом одна, потом пять или сколько… При этом лично я даже не фиксировал бы отдельные буквы или цифры, а устроил бы тоновое отображение

набора: типа наиграл простенькую мелодию — заходи. Сфальшивил — громко не плачь, все равно не услышат…

— Да уж, — сказала Оля. — Не дай бог такой фантазии тамошним программистам. А то ведь нас оттуда действительно никто не услышит и не достанет. Нужно действовать наверняка…

— Наверняка, — вздохнул Дима, — это только дворником Арбат мести. Каждое утро гору мусора сгребать. При любой погоде и в любое время года.

— Дима… — тихо сказала Оля, — у тебя есть уверенность, что нам стоит туда отправиться еще раз? Уже не просто на экскурсию?

— Да, — коротко ответил Дмитрий, стараясь, чтобы голос не выдал его душевного смятения. Уверенности он не испытывал.

Дмитрий не знал в точности, как он пройдет защиту на виртуальном терминале. Конечно, программа, которой он владеет, хороша, но она сделана все же для другой системы. Не факт, что сканер найдет возможность проникновения, не факт и то, что атаки не будут отражены. В том числе и методом физического воздействия на нарушителей, ибо кому же, как не службам охраны, знать: есть человек — есть проблема… И чем соревноваться с хакером разумом, проще оглушить его дубиной. По голове, чтобы не умничал! Но отступать некуда…

— Начали! — скомандовала Оля.

Снова полет, похожий скорее на падение, и даже легкая тошнота в конце… Преображение пространства… Странная, невесть откуда идущая музыка… Зал с изломанной линией пола, отделяющей белый с прожилками мрамор от густо-красного свечения… Огромное окно в стене из клубящегося облака, и звезды в этом окне…

Дима затаил дыхание и залюбовался, но Оля поторапливала. Да, конечно, чего ждать? Вот полупрозрачный экран терминала. Дима активировал управление, поместил диск с программой взлома в считывающее устройство.

На виртуальном экране возникло забавное изображение мангуста. В другой раз он посмеялся бы над шуткой Чейза — он, как один из создателей программы, имел право на фирменный знак, но сегодня Дима с надеждой посмотрел в глаза нарисованного зверька. Прошло несколько секунд, и программа начала работать. Мангуст, насколько знал Дима, встречи с коброй в обычной жизни вовсе не ищет, а встретив — не обязательно нападает. Да и напав, не всегда побеждает…

Работа программы прослеживалась по бегущим столбцам и строке прогресса. Оставалось просто наблюдать со стороны за тем, что происходило на экране. Сам Дима заметно нервничал,

Оля старалась оставаться спокойной, но ей это тоже удавалось с трудом. Секунды шли, складываясь в минуты. Эх, напрасно они поспешили… У него слишком мало времени было на подготовку. По большому счету, эта акция взлома — самая безобразная авантюра, рассчитанная на счастливое стечение обстоятельств. А точнее, не рассчитанная вовсе. Так, наобум все… Хотя, говорят, дуракам везет…

— Похоже, не получается? Наверное, нам пора возвращаться, — прошептала Оля.

Дима вздрогнул, но не от сказанного девушкой — на экране поток информации резко прервался, а после возобновился с куда большей интенсивностью. Дима повернул голову к Оле, и она увидела на его лице счастливую, немножко горделивую улыбку.

— Сработало, — пробормотал Дима.

Сервер психосети покорился храброму и настырному мангусту! Дима просто задохнулся от восторга и гордости. Пора было уступить инициативу Оле. Что из того, что ее цель — спасение другого мужчины? Дима, как благородный рыцарь, поможет даме сердца. Хотя о каких, в самом деле, мужчинах может идти речь, когда он — единственный, настоящий — вот он, рядом с нею?

Очертания комнаты изменились. В помещении, ограниченном клубящимися стенами, появилась непостижимая глубина и неоспоримая реальность. Их с Олей личности — это Дима ощущал предельно отчетливо — вновь разделились, и мировосприятие обособилось. Оля сделала несмелый шаг вперед. Дима остался у терминала. Клубящаяся дымом (паром? облаком?) стена отодвинулась перед нею, обнажив угол полупрозрачной подставки. Оля шагнула уже смелее. Стена послушно сдвинулась, и теперь между девушкой и видимой границей помещения располагался высокий пюпитр, словно отлитый из туманного света. На нем, отливая тусклым золотом — или даже старой бронзой, как показалось Диме, — лежал внушительных размеров фолиант. Старинная красота переплета нарушалась совершенно прозаической надписью, сделанной как будто даже и не по поверхности тисненых золотом арабесков, а сквозь них. Обычным русским языком, черным шрифтом, напоминающим то ли «колибри», то ли «вердану», было написано: крупно — КНИГА СУДЕБ; и пониже, помельче — Российская Федерация.

Медленно протянув руку, Оля коснулась фолианта. Даже не взмахнув обложкой, книга вдруг оказалась раскрытой. На одной ее странице читалась надпись: «По дате рождения» — ниже шли плотные столбцы чисел, месяцев и лет. На другой значилось «По

имени», а ниже располагался алфавит.

Оля коснулась нужной буквы, отыскала фамилию, имя, отчество… Притронулась к строчке, относившейся к человеку, который коротал дни (судя по записи, последние) в лечебнице под Цюрихом. Что же нужно сделать, как изменить запись, чтобы жизнь этого человека продлилась, чтобы молодость вернулась к нему? Оля смотрела на светящиеся слова, не решаясь коснуться страницы.

Дима зачарованно наблюдал за ней, не в силах поверить в происходящее. Слишком уж все это напоминало волшебный сон. Он даже больно ущипнул себя, чтобы проверить. Вроде бы не спит.

В этот момент комната задрожала, а по всему зданию пронесся гул.

— Что происходит?

— Так, Дима, наверное, случается при землетрясениях, — с усилием проговорила девушка. — Или неботрясениях…

Гул с каждой секундой усиливался, Оля еле устояла на ногах, Дима сделал шаг и подхватил девушку. Вокруг воцарялся хаос — возник оглушительный треск ломаемого камня и звон бьющегося стекла. Свет, ранее яркий и мягкий, стал мигать, резать глаз. Воздух потерял прозрачность и загустел, образуя то здесь, то там неясные фигуры. Ошеломленные, Дима и Оля следили за метаморфозами. Они вторглись в запретный мир — мир их не принимал.

Однако все кончилось так же внезапно, как и началось. Из клубящихся облаков вышли два человека — или не человека? Один — высокий и могучий негр с коротким ежиком густых волос, одетый в цветастую хламиду. Другой — статный блондин, чуть менее широкоплечий, но столь же гибкий и крепкий.

Негр молча и с укоризной смотрел, переводя взгляд с Книги Судеб на нарушителей и обратно. Блондин театрально воздел руку и продекламировал:

— О, Хэм! Ты видишь: помогло! А спрашивал: зачем? Кого пугают представленья?

— Вы кто? — хрипло спросил Дима.

— Мы! — с возмущением проговорил негр. — Он нас забыл… Еще и спрашивает! Мы тут по службе.

— Ну а вы? — уже совершенно нормальным голосом обратился Ксор к парочке. — Зачем сюда приперлись? Чем думали? С тобой все ясно, — кивнул он Диме, — в твоем положении мужчина думает не мозгом. Но вы, милая девушка? Далась вам эта первая любовь! Ради него — вы даже не представляете, что именно вы намеревались сделать!

Оля вспыхнула и набрала воздуха, чтоб ответить, но Ксор остановил ее жестом.

— Ну, хорошо. Ну, допустим, ваш план свершился. Вам удалось вернуть молодость, — при этих словах негр насмешливо хмыкнул и презрительно отвернулся. — Точнее, возвратить телу вашего возлюбленного кондиции молодости. Дальше что? Дальше, мечтали вы, что все будет как у людей. Вы будете путешествовать, узнавать новое, родите ребенка… Так, да?

Оля вдохнула, и ангел снова ее остановил.

— А вы спросили, интересны ему эти путешествия? Нужны ему младенцы? Столько лет разницы. Это непреодолимо.

— Ксор, довольно разговоров, — произнес чернокожий. — Она — Борэа. Другой, я вижу, Орэс? Распределяй их по колониям, и дело с концом. А заодно и деятеля этого, ради которого разгорелся весь этот сыр-бор, который сейчас в Бад-Рагаце лечится, тоже пристрой на тот свет. И вернемся-ка в Туманность Андромеды — у нас в полгалактики энергоны не считаны. Взгреют нас за нерасторопность, и поделом…

Блондин кивнул, посмотрел на людей, потянулся к ним и… зачерпнул рукой пустоту.

— Хамдиэль, — удивился Ксор, — что за новости? Души не ловятся…

— Трансмиттеры!.. — громко шепнула Оля Диме. — Выключаем и снимаем!

Дима коснулся выключателя и сдернул с головы странную штуку, похожую на шлем. Они снова стояли в затхлом и сыром подвале. Облезлую комнату освещала тусклая лампочка. Чернела заплесневелая дверь. На экране терминала приплясывал веселый и расторопный зверек…

Капитан Камышин

Вячеслав Камышин бросил на стол папку с новым делом и пошел налить кофе. Отпуск теперь точно накрылся медным тазом! А ведь он только позавчера спешно, заботясь именно о грядущем отпуске, закрыл дело о наглых студентах, которые в очередной раз выложили на десятке сайтов отчет какого-то тылоОля ВМФ США о закупках нижнего белья для новобранцев. Ну, американосы! Не могут поставить более-менее стойкую защиту на своих компьютерах. По триста шестьдесят пять раз в году их взламывают, а они только на нас жалобы строчат в ООН да в газетенках своих называют Россию «бухтой для киберконкистадоров».

Не успели разобраться с «конкистадорами» из общаги, как полковник всучил ему эту папку. Если бы только одну эту… Сейчас парни притащат еще черт знает сколько томов материалов, касающихся нового дела! Это полковник Ивашов мстит за демарш, учиненный строптивым капитаном месяц назад. Тогда Камышин отказался закрыть дело, по мнению начальства бесперспективное, — дело о крупном интернет-магазине, который взломали хакеры, чтобы забрать клиентскую базу данных. Камышин с подчиненными практически раскрутил это преступление, но всплыли факты, которые компрометировали кое-кого из камышинских начальников. Юный лейтенант, дотошный и чрезмерно инициативный по молодости лет и желанию выслужиться, покопался там, где рыться долг его не обязывал.

Оказалось, что через виртуальный супермаркет сбывался таможенный конфискат, который по документам числился уничтоженным. Речь шла о колоссальных оборотах, в деле замешаны не рядовые таможенники. В результате дело у Камышина отобрали, и он, кипя праведным гневом, накатал возмущенный рапорт вышестоящему начальству. Делу снова дали ход, но за время простоя основные фигуранты успели подчистить хвосты. Репутация Ивашова, до этого чистая и безупречная, пострадала едва ощутимо, и должности он не потерял. Зато теперь пытается рассчитаться с капитаном по-свойски…

С виду новое дело серьезным назвать трудно. Никто никого не убил, не ограбил, не расчленил. Его передали из отдела, курировавшего религиозные объединения и секты. Тамошние спецы посчитали, что теория психосетей и психоинформатика (вместе с адептами, ее проповедующими) находятся в юрисдикции киберсыщиков. Камышин сам интересовался

киберинформатикой и знал, что у этого псевдонаучного, как он считал, учения многовато последователей. К утверждениям о существовании психосетей он относился скептически. Он даже встречался с несколькими умными людьми, которые живо толковали (всякий раз по-разному) теорию «божественных» серверов, но почти все его вопросы остались без ответов. По-видимому, практического значения все эти идеи не имели. На этом бы руководству и успокоиться — и оно было успокоилось — но надо же чем-то досадить капитану? Вот и дали: иди туда, не знаю куда; ищи то, не знаю что…

Дело, которое свалилось на плечи Вячеслава Камышина, представляло собой гору несистематизированных материалов, часть которых явно принесла бы больше пользы, если б можно было сдать в макулатуру. Разрулить эту историю быстро — нечего и думать. Жена Ольга огорчится, конечно, но пусть уж сама съездит к матери в деревню. В конце концов, увидеть ее одну мама будет рада не меньше, чем в компании с зятем…

Из бумаг, подшитых в папках, капитан почерпнул немало интересного, но скепсиса чтение не убавило. Присутствовали в деле не только печатные материалы. Сыщики вели плотную слежку за некоторыми особо увлеченными личностями. Удалось заполучить несколько улик. В одном из московских подвалов повезло обнаружить нечто, напоминающее небольшую лабораторию. Специалисты изучили информацию, найденную на жестком диске подозрительного компьютера, и высказали мнение, что им достались лишь разрозненные файлы, по которым невозможно точно определить, для чего они предназначены.

Программный код указывал на высокую квалификацию человека или людей, которые его создали. Эксперты утверждали, что никогда с подобным подходом в программировании не встречались. В заключении экспертов говорилось, что в подвале располагается не просто компьютер, а аппаратный комплекс с мощным каналом подключения к глобальной сети. Некоторые компоненты комплекса отсутствовали. Самое странное, что в том же подвале обнаружили непонятные устройства: они, по сути своей, являлись тупиковыми ответвлениями информационной сети. Но пропускная способность линий, связывавших сервер с этими странными устройствами, была непомерной. Кроме того, что именно представляли собой оконечные устройства, установить не удалось даже специалистам из академии связи. Они поднимали брови и заявляли в один голос: «Интересно!» А после начинали говорить, что те напоминают волноводы, но частоты передаваемых сигналов, скорее всего, относятся к оптическому спектру электромагнитного излучения, а

электронно-модулирующие узлы при тестировании выдали частоты, резонансные неким биологическим излучениям…

Налицо, уверял Камышина один доктор наук, двусторонняя связь. Но между чем и чем — он знает только наполовину. В том смысле наполовину, что с одной стороны участвует компьютер (тот сервер подвальный). Что с другой стороны — загадка. Специалистам (попроще доктора) удалось отследить десятки ресурсов в Интернете, по сути, являвшихся темными лошадками. Это были вполне легальные популярные информационные порталы и даже крупная поисковая система. За потоками безобидного трафика легко скрывались терабайты «серой» информации. Точнее, угадывались… Всякие попытки проконтролировать эти эфемерные потоки приводили к моментальному возвращению трафика в общепринятые рамки — при одновременном незначительном его увеличении на десятках иных наблюдаемых участках…

Основных фигурантов в деле насчитывалось немного. Сыщики склонялись к необходимости установить наблюдение за одной молодой парой. Но они — скорее исполнители чьей-то посторонней воли. Чьей, узнать не получалось. Так или иначе, вышестоящее руководство, приняв к сведению вновь возникшие обстоятельства, связанные с информационными технологиями, решило передать дело группе Камышина. Конечно, не без содействия Ивашова. Что ж, завтра нужно подключать к делу ребят из отдела. В первую очередь отследить связи основных фигурантов, получить санкцию на доступ к серверам, на которых работают засветившиеся сайты. Тут придется контактировать с другими спецслужбами, потому что такие ресурсы, как поисковик, точно курируются ФСБ или ГРУ, а то и обеими конторами сразу. Камышин наморщил лоб. С этими коллегами он не любил иметь дела. Там все суперсекретно, и делиться информацией не заведено. Скорее, сольют одну из своих версий, и станут тихо наблюдать, как простой милиционер бьется, стараясь ее подтвердить или опровергнуть. А после опишут результаты своих наблюдений в закрытых диссертациях. Получат ученые степени и новые звания. Вечному же капитану Камышину тем временем придется распутывать клубки ложных построений за скромную зарплату и почти без перспектив к служебному росту. Селяви, как говорится. Тяжела и прихотлива жизнь простого детектива.

Встреча после взлома

Следующим утром Дима отправился на работу, толком не выспавшись. События прошедшей ночи были настолько невероятны, что воспринимались как нечто вполне естественное. Ну взлом, ну случился, ну какая-то виртуальная библиотека… Эка невидаль: объемная книга, страницы которой переворачиваются сами собой, а строки загораются, стоит лишь прикоснуться к ним. Два клоуна эти, черный и белый… Мультфильм, да и только!

Правда, этот белый и этот черный — неуловимо знакомы, но, вполне возможно, что это банальное дежавю. Оля, однако, вовсе не мультяшка. Дима вспоминал о ней — и сердце его замирало.

Эти трансмиттеры — они заставили какое-то время ощущать взломщиков единым целым. Оля и до того ему нравилась, с момента самой первой встречи, но то было обычное восхищение красотой и привычное желание… Теперь, после трансмиттерного единения, Дима чувствовал девушку чуть ли не как единое целое с самим собой. И чувство это было новым, свежим, захватывающим и манящим. Не раз и не два подмывало его, изнемогшего без женской ласки, подняться среди ночи и отправиться в клуб, где пяти минут достаточно, чтобы выбрать себе пару. Да что клуб! Стоило лишь набрать известный номер — и обеспечить досуг без промедлений, с доставкой на дом. Он удерживался. Потому что стоило ему вспомнить Олю — как наваждения исчезали, случайные красотки меркли, и животная страсть переставала одолевать его. Дима чувствовал, что любит Олю. Любит по-настоящему, желая обладать и одновременно жертвовать собой.

Он уже не сомневался, стоило или не стоило участвовать во взломе. Раз Оле это было нужно — то стоило! Что из того, что она стремилась помочь другому мужчине? Хочет — пусть помогает, он ей поможет.

Вот сейчас, представлял Дима, она достает из сумочки мобильник… Отыскивает его номер. Нажимает кнопку вызова… Утирает слезу, катящуюся по щеке. Плачет? Отчего? Дима положил перед собой телефон и уставился на него. Вот, вызов дошел. Сейчас зазвонит… Он протянул руку, взял аппарат и приготовился нажать зеленую кнопку. Тут же трубка завибрировала, забилась в трели. Не глядя на экран, Дима ответил:

— Привет, Оля. Отчего ты плачешь?

— Как ты догадался?.. — опешила девушка, потом всхлипнула и согласилась. — Да-а, плачу… Ты знаешь… Ты

помнишь, тот черный велел белому пристроить на тот свет человека, который лечится в Бад-Рагаце?

— Что такое Бад-Рагац?

— Курортное местечко под Цюрихом…

— Говорил, наверное, — пожал плечами Дима, — я точно не помню. А что?

— А то, — разрыдалась Оля в голос, — что я туда дозвонилась, мне сказали: умер! Этой ночью умер!

Оля всхлипывала так горестно и так безнадежно, что Дима, вместо ожидаемой ревности, испытывал лишь смущение и сострадание.

— Ты это… — кашлянул он в трубку, чтобы прервать рыдания. — На похороны поедешь?

— Не-ет! — почти прокричала Оля. — Кому я там нужна? У него жена — как моя мама…

Дима отчего-то почувствовал себя спокойней.

— Ну, тогда что ж… Все, кто родился, умирают… Тем более те, кто употреблял яд… Вот ты, Оля, ела огурцы?

— Да-а, — непонимающе протянула девушка. — И что?

— А то, — серьезным голосом проговорил Дима, — что огурцы содержат смертельный яд. Этот яд очень коварен. Иногда его действие растягивается на десятилетия. Но потом человек обязательно умирает.

— Дима! — закричала на него Оля. — Я ему — о серьезном, а он об огурцах шутит!

И она снова зарыдала, однако уже не так надрывно.

— Какие уж тут шутки… — серьезно проговорил Дима. — Хорош стенать! Ангелы сказали — на тот свет, значит на тот свет!

— Ангелы? — изумилась Оля. — Откуда ты знаешь?

— Вспомнил. Собственно, всегда помнил, и всегда ждал новой встречи. Двадцать лет назад они приходили ко мне, вот именно эти двое, черный и белый. Я на подоконник взгромоздился, на Луну смотреть. А они сзади стояли. Я упал. Этот черный поймал меня. А белый говорит: спать ложись. Знаешь что, приезжай вечерком в «Ясуми», я тебе все в подробностях перескажу.

— Хорошо, — неожиданно легко согласилась Оля. — В десять я буду.

— В десять? Не раньше?

— Ну, я же должна привести себя в порядок. Куда я такая зареванная пойду… Ой, Дима, что я тебе тут рассказываю? Будто ты мне подружка, — горько усмехнулась Оля. — Ладно. До вечера.

И она отключилась, а Дима удивленно почесал затылок. Ведь

и в самом деле, говорили они… ну, если не как подружки, то как друзья — точно. Видимо, и на Оле трансмиттерное взаимодействие сказывается так же, как и на нем самом. Или дело не только в трансмиттерах?

* * *

Дима вошел в просторный зал, и к нему сразу заспешила девушка-администратор. Она помнила этого симпатичного и нежадного молодого человека, и, поинтересовавшись, на сколько персон сервировать ужин, проводила к столику. Дима устроился на удобном диване. Подошла официантка. Миловидная девица, явно новенькая, абсолютно непохожая на работницу сферы обслуживания, она не могла не понравиться. В униформе ресторана она выглядела невероятно! Дима поймал себя на том, что зачарованно разглядывает точеные формы официантки, и тут же смущенно отвел глаза. Девушка положила на столик два меню, и их глаза встретились. Вблизи она еще лучше, отметил про себя Дима. Соломенного цвета волосы, яркие голубые глаза со зрачками чернее черного зачаровывали, обаятельное лицо не давало отвести взгляд, великолепная фигурка манила. От близости девушки у молодого мужчины по спине пробежала волна мурашек.

«Господи, какая сверхъестественная красота! — подумал Дима. — Или это я оголодал до крайности? Что ж она делает в официантках-то? Ведь ей достаточно поманить пальцем, и весь мужской мир падет на колени».

В другой раз он и сам бы с удовольствием пал в эту бездну, но в голове строго прозвучало: «Лучше удержись!» И тут же другой, вкрадчивый голос возразил: «Падай!»

Дима приготовился предвкушать бурный спор, и еще неизвестно, что случилось бы дальше, но в проходе между столиками появилась Оля. Молодой человек стряхнул наваждение и, улыбаясь, поднялся с дивана. Оля поспешила к нему. Она ела мало, все больше потягивала простую воду, слушая Димин рассказ.

— Собственно, добавить что-либо существенное к телефонному разговору я не могу. Мне было лет пять. Стоял в полный рост на подоконнике, поскользнулся и упал. Но меня тут же поймал чернокожий. Никогда до этого, кстати, негров я не видел. И когда потом стал встречать их на улицах, то думал, что они все — ангелы…

Оля улыбнулась.

— Я, ты знаешь, внутренне давно уже была готова к смерти моего мужчины… С того самого дня, наверное, как он заболел. Все-таки около сорока лет разницы — это действительно много. Но он для меня настолько был всем, что даже расставание пережить было непросто, а эта бредовая, на первый взгляд, идея о возвращении молодости…

— Как будто не бредовая? — уточнил Дима. — Ты же видела надпись на обложке: «Книга судеб». О Российской Федерации… Хотя в целом эта идея хороша только для второсортного фантастического романа.

— Что гадать, — вздохнула Оля. — Не получилось, значит, не получилось.

— А мне кажется, все получилось, — заметил Дима. — И даже некоторый резерв времени у нас был. Рассуждая трезво: раз простые прикосновения к «Книге судеб» ее активируют, то чтобы изменить судьбу, нужно коснуться слов или дат.

— Чего же ты раньше об этом не сказал? — искренне удивилась девушка.

— Во-первых, — пожал плечами Дима, — я и сам уразумел только что. А во-вторых, лично для меня мотивировка слабовата: делать подсказки любимой женщине, как побыстрее да понадежней попасть в объятия к другому…

— Что ты мелешь, Дима? — возмутилась Оля.

— Что ж в моих словах такого? — продолжил Дима спокойным голосом, поражаясь собственной наглости. — Мало того, что я к тебе отношусь… сильно и серьезно. Я еще намерен, как только мы закончим ужин, пригласить тебя к себе.

— Чтобы утешить невербально? — съязвила Оля.

— Чтобы утешить всяко, — уточнил Дима. — Разве ты не понимаешь, что мы теперь ближе друг к другу, чем… брат и сестра?

— А ведь ты не это хотел сказать… — Оля задумчиво всмотрелась в льняную салфетку, которую крутила в руках. — Ты хотел сказать… Напиши на бумажке и мне не показывай. А я скажу — и сравним.

Дима с готовностью выудил из кармана визитную карточку, что-то нацарапал на обороте.

— Написал? Так вот, ты хотел сказать не «брат и сестра», а «муж и жена».

Визитка, поднятая в воздух Диминой рукой, перевернулась и легла на стол надписью кверху.

— Даже читать не стану, — заявила Оля. — Знаю, что не ошиблась.

Дима молча кивнул. Примолкла и Оля.

— Это трансмиттеры виноваты, — сказал Дима, чтобы как-то заполнить неловкую паузу.

Оля вспыхнула.

— Трансмиттеры? Ты еще напомни чисто русское, дескать трезвый — человек как человек, а выпьет — дурак дураком.

— К чему ты это? — удивился Дима, но пиалу для саке на всякий случай отставил подальше.

— К тому, что ни алкоголь, ни электронные устройства ничего нового в личность человека не привносят! А только обнажают сущность.

— Может и так, — не стал спорить Дима. — А может, наше совместное приближение к Книге Судеб автоматически внесло некие изменения в наши судьбы. И они стали настолько похожи, что отныне даже неразрывно связаны.

— Умный ты, Дима, а… такой дурак! — вспылила Оля. — Я, — трагическим голосом произнесла она, — так стремилась…

— … пожертвовать собой, — подхватил Дима, схватив девушку за руку.

Оля вырвала свою ладонь из его руки и закрыла лицо. Дима понял, что перегнул палку, и что она сейчас разрыдается. Однако через минуту девушка отняла руки от глаз. Выглядела она на удивление спокойно.

— Ты знаешь, — с удивлением в голосе проговорила она, — я не могу понять, что происходит. Строго говоря, мне стоило бы съездить по твоей морде за приставания и издевательство… Но мне почему-то не больно. Он, ну, тот, который ночью умер в Бад-Рагаце, по-прежнему дорог мне, но дорог… как-то в прошлом.

— А я? — Дима вновь поймал ее руку, и она сжала его ладонь.

— А ты — гадкий, противный и мерзкий!

Оля улыбнулась. Дима заговорщицки потер руки и ухмыльнулся.

— Но если мы и поедем к тебе, Дима, знай — может ничего не случиться! — нарочито строго произнесла девушка.

— Ну и пускай, — совершенно искренне ответил Дима.

Оля смотрела прямо на него, но руки больше не отнимала и говорить больше ничего не говорила, а Дима готов был болтать глупости еще долго, но во рту пересыхало и язык отнимался.

Он смотрел в ее сверкающие глаза, замечал ее дыхание и движения рук… Позади — нелегкий день, принесший ему усталость и головную боль, но все отступает, когда перед тобой — желанная женщина!

Он разглядывал ее так, как будто видел впервые. Он мысленно срывал с нее одежды, представляя обнажившееся тело

идеальным, и — странное дело! — этот идеал совершенно совпадал с реальными формами. Вот она подняла чашку с чаем, поднесла ее к губам, пригубила, поставила на место… А Дима видел, как синхронно с рукой приподнялась ее грудь, едва качнулась во время глотка, и плавно вернулась на прежнее место вместе с тихонько звякнувшей о блюдце чашкой. Сладостная истома охватила его. Он не просто желал эту женщину, он жаждал ее, он нуждался в ней.

— Да, пожалуй, пора, — Оля поднялась с дивана. — Я на минутку, и поедем.

Девушка ушла привести себя в порядок, а Дмитрий знаком попросил официантку подать счет. Как бы ни был он увлечен Олей, отсутствие той красавицы с голубыми глазами, что положила перед ним меню, тревожило… Счет принесла другая. Дима открыл папку и, кроме чека, обнаружил плотный белый кусочек бумаги. Визитка? Но на ней ничего не написано, хотя… На ощупь бумага показалась рельефной, и Дмитрий заметил на ней тисненую надпись. Он попытался понять, что за слово написано, но не смог. Не потому, что печать не качественна: просто буквы или знаки оказались незнакомыми. Да, ресторан был японский, но на бумаге выдавлены совсем не иероглифы. И не латиница, и не кириллица. Лишь по самому краю визитки бежали мелкие рукописные буковки, на сей раз русские: «Сохрани эту карточку обязательно!» Эта бумажка — явная загадка, и ее разгадка, чувствовалось, непременно свершится — и непременно к его, Диминой, пользе. Сейчас ему было не до головоломок, поэтому он просто сунул таинственную визитку в бумажник, отсчитал деньги и встал из-за столика.

Они ехали по ночной Москве. Город не спал, но машин было немного. По московским меркам немного… Оля вела свой «Бентли», не особенно придерживаясь рекомендаций дорожных знаков, ограничивающих скорость передвижения. Глянув в зекало заднего вида, девушка заметила силуэт на заднем сидении. В салоне автомобился был кто-то еще, третий.

У Камышина — новый помощник

Камышин все утро вводил в курс дела своих подчиненных и раздавал задания. Поработать в тишине не удалось. Дверь распахнулась, и в кабинет вошли два человека. Первому было за сорок. Невысокий, похожий на Винни-Пуха, только в форме полковника милиции. Ивашов пожаловал, собственной персоной! Камышин встал в присутствии ненавистного начальства. Второй был ему незнаком. Примерно метр девяносто шесть, широкоплечий, подтянутый, волосы темные, кудрявые, подстрижены коротко. Явно спортсмен, но строгий темный костюм носит умело. Лицо волевое, скуластое, даже симпатичное. Абсолютно черное, губастое широконосое лицо…

— Присаживайся, капитан, — произнес Ивашов.

Камышин сел за стол. Чернокожий франт, спутник полковника, расстегнул пуговицу пиджака и уселся напротив.

— Пришел представить тебе гражданина суверенного иностранного государства, уполномоченного в сборе информации и расследованию по делу о психосетях. Особо его интересуют всевозможные хакеры.

— Студенты не подойдут случайно? У нас в хакерах все больше они…

— Вячеслав Васильевич, введите товарища… э-э-э… господина в курс дела, и вообще держите его в курсе всего. Отчитываться теперь будете ежедневно. Лично передо мной.

У полковника зазвонил мобильник. Пробормотав «иксьюзьми», Ивашов вышел в коридор и уже там раздраженно произнес свое вечное «да».

Когда за начальством закрылась дверь, Вячеслав начал «есть глазами» посетителя.

— По-английски я говорю на уровне высшей школы милиции, и в отсутствие переводчика не стану напрягать вас, коллега, своими лингвистическими пробелами, — капитан не улыбался, но в тоне его голоса отсутствовали нотки начальственности или заносчивости. — Чисто же по работе имею сказать следующее: не собираюсь вам мешать. Хотя и помощи особой обещать не стану: на что оно мне? Вы можете рассчитывать на поддержку техникой и людьми, только если обратитесь непосредственно к полковнику Ивашову. Андэстэнд ми? Колонель Ивашов — ауэ майти босс.

Гость продолжал молчать, внимательно разглядывая капитана. Вячеслав понял, что молчанка продлится столько, сколько потребуется Ивашову, чтобы добыть и прикомандировать переводчика. То есть — дня два. Ну, до вечера — уж точно…

Камышин понимал, что может даже читать вслух прогноз погоды, главное — интонация сказанного. Она должна вызывать у собеседника безотчетное доверие. После, когда доверие оформится в дружескую улыбку, хорошо бы слегка принять за воротник, знакомства ради… Когда психологический комфорт будет создан, можно браться за конструирование информационного пространства. Ведь дело не напрасно шьют! А перед этим кроят… Пусть оно будет неладно скроено — лишь бы крепко было сшито.

Улыбнувшись столь уместной народной мудрости, Камышин продолжил.

— Вы можете спросить у меня о чем угодно. Можете даже поинтересоваться: есть ли жизнь на Марсе? Нет! И никогда не было, — сказал он жестко и без тени улыбки. — Еще что-то? Могу сказать, что миров, заселенных людьми, больше нет, а потому стремиться в космос в поисках братьев по разуму бессмысленно.

Тон капитана ни в коем случае не выдавал его желания немного поюродствовать.

— Правда, лично мне не очень понятно: почему столько внимания этому делу? Неужели байки о психосетях способны навредить государственной безопасности? Пожалуй, — задумчиво произнес он, встав и направив неспешные шаги к окну, — нет. Байки — не способны. А вот некоторые фигуранты, буде мы таковых обнаружим, очень даже могут.

Капитан примолк. Это дело вместо отпуска — горело бы оно огнем, черт его подери! Какие-то сети, какие-то психи… Хороший псих, капитан это знал по опыту работы, наружу выйдет. Замочит кого, набедокурит непотребно. Тут ему и лапти сплести, да впаять по полной. За то, не за то… какая разница! Главное — изолировать от общества. Нет, ну ждал он всякой мерзости от руководства, но чтобы она материализовалась в таком размере и цвете — это однозначный сюрприз.

Вошел Ивашов. Снова извинился, и снова по-английски. Гость кивнул в ответ.

— Итак. Чтобы ты, наконец, понял, насколько важное дело тебе поручено, представлю нашего коллегу. Занимается расследованием похожего дела. Имеющаяся в нашем распоряжении информация чрезвычайно заинтересовала… дружественное государство. Причин секретничать руководители наших служб не нашли.

«Ого!» — подумал Камышин. — «Наверное, действительно что-то важное…»

— Наше руководство, — продолжал Ивашов, — договорилось объединить усилия и дальше вести расследование совместно с

полицией иностранного государства. Так что работайте…

И полковник вышел. Оторвавшись от созерцания гостя, Камышин открыл рот и даже привстал, чтобы сказать, что иностранными языками не владеет, и давайте по-быстрому шлите переводчика, оно и на троих соображать веселее как-то, но начальство уже бодренько прикрыло за собой дверь.

Камышин устало плюхнулся в кресло, посмотрел на туземного коллегу и, глядя ему в глаза, с вежливой улыбкой произнес:

— Ну, и что мне с тобой, исчадие ада, делать?

И, не ожидая ответа, подошел к шкафчику, где стояла чашка с давно остывшим кофе. Конечно, сейчас бы лучше принять стопку коньяку, и стресс моментально растает, но в шкафчике спиртного уже давно не водилось. Не хватало еще подать такой повод Ивашову… Сразу влепит выговор. Надо идти на улицу, там в ближайшем кафе у Камышина открыт неограниченный кредит. То есть от получки до получки только, но терпят молча…

— Да, вы, коллега, не переживайте. Я русскому языку обучен, так что проблем с общением не будет.

Хорошо, что капитан только поднес чашку к губам, а то бы еще одним неловким моментом стало больше. Он еле справился со смущением, повернулся к гостю и хотел было выдавить из себя слова извинений, но гость перебил.

— За «исчадие ада» не беспокойтесь. Я не считаю обидным данное мне прозвище, даже предлагаю использовать его дальше в качестве оперативного псевдонима. А насчет Марса я с вами полностью согласен. То есть микробы там кое-какие имели место — в свое время, да, но разве микробы — это жизнь?

— Болезни одни, — согласился Камышин.

— То-то и оно, — очень по-русски подытожил негр, вздохнул, косо и быстро глянул на дверь и достал из-за пазухи плоскую бутылочку дагестанского коньяка.

— За знакомство, — объяснил он. — А то удачи не будет…

Говоря это, коллега Камышина даже не улыбнулся, да и в голосе не чувствовалось шутливых ноток. Капитан подошел поближе и протянул руку, назвал себя по имени-отчеству. Гость тоже встал и, пожав руку, представился. Звали его Хамид-Малах, но он просил называть его просто Хамид.

— А откуда такое знание языка? — не удержался Сергей от вопроса после первой. Уж больно не вязалась внешность Хамида с его изысканно безупречным русским!

— От бабушки. Еще до революции родители вывезли ее в Палестину. Там она вышла замуж за чернокожего еврея. Есть такие, есть… Родом из Эфиопии. Потом семья переехала в

Америку.

Они выпили еще понемножку.

— Скажите, Хамид, а почему ваша служба так плотно занимается этим делом? Чем так опасна психоинформатика? Неужели в этой теории есть что-то от реальности? — Вячеслав решил перейти к делу.

— Сама теория вполне безобидна, — охотно ответил Хамид. — Но вы знаете, все больше людей увлекаются психоинформатикой, и она может стать прикрытием для различного рода криминальной деятельности. И этот процесс уже начался… Стихийные течения адептов психоинформатики стали попадать под контроль преступных группировок. Между тем мир уже стал так зависим от Глобальной сети и компьютеров, что с их помощью можно контролировать важнейшие элементы мировой инфраструктуры. К примеру, в холодный период перекрывать подачу газа в Европу, вырубать электроэнергию в крупнейших городах, корректировать работу ведущих бирж и так далее. А уж лет через пять-десять… Сложно даже представить, что именно не будет компьютеризовано! Нам в отдел, Слава — можно, я вас так звать буду?..

Камышин кивнул.

— …купили чайник, обычный электрочайник — так и тот с дисплеем. Шесть режимов закипания, возможность поддержания температуры воды на любой требуемой отметке. Можно с вечера запрограммировать его на утреннее включение. Пока тебя начальник на пятиминутке жарит, чайник тебе кофе греет!

— Здорово, — мечтательно сказал Вячеслав. — Кофе с коньяком поутру — моя мечта…

— Вот видите… — произнес Хамид. — А теперь представьте, что гадкий хакер получил доступ к этому суперчайнику. Весь отдел ходит без чая. Бренди лакают от досады прямо из горла, работа стоит, мордобой назревает. Так ладно если в одном отделе такая беда! А если одновременно — и во всем управлении? Или во всей американской полиции? Катастрофа!

Вячеслав усмехнулся. Да уж! Это наша милиция тут же кипятильниками обзаведется, а они без суперчайников пропадут.

— В общем, надо звонить в Голливуд. Без него нам тут никак, — досмеиваясь, выдавил из себя Вячеслав. — Не то что я вам не верю, однако рассказанная история напоминает кино.

— Ну, — усмехнулся Хамид, — сюжеты наших фильмов нередко имеют жизненную подоплеку. Но это не важно. Дело в другом. Во время спецоперации мы ликвидировали только часть криминальной группировки. Два активных ее члена находятся сейчас здесь, в Москве. Только вы недооцениваете их значимость

и степень опасности для мирового сообщества.

Хамид говорил спокойно и серьезно, и Камышин вдруг понял, что этот негр, при всей его веселости, — профессионал. А уж что человек он хороший, с которым и последнюю рубаху разделить не жалко — так за это и мамой поклясться готов. И вот щас они встанут, запрут дверь и проследуют в то кафе на улице за углом, чтобы закрепить знакомство. Но завтра с утра — как штык, без дураков…

И Камышину вдруг самому стало интересно: что ж за дело это такое про психосети? И что за злодеи смеют вольничать в родной его Москве, не последнем, между прочим, городе на планете?

— Только ради Бога, ведите машину без остановок. А я вам все сейчас постараюсь объяснить.

Дима ошеломленно обернулся назад. На заднем сиденье «бентли» удобно устроилась та самая девушка, что в униформе официантки так понравилась ему.

— Кто вы? — встревоженно спросил Дима. — И как сюда попали? Вас не было, когда мы садились в машину!

— Именно так, не было… — усмехнулась девица. — Пришлось грузиться на ходу. Понимаете, в одном из вариантов прошлого… нет, так нельзя. Вы не поймете… Скажем иначе: в основном варианте прошлого вы с Олей нормально заехали во двор, заперли машину, поднялись наверх. Ты, Дима, набросился на девушку. Она — умница и красавица — отослала тебя в ванную. Вы пили вино, курили тоненькие сладкие сигары…

— Я не курю! — громко сказала Оля.

Сзади пожали плечами.

— Говорю же: курили оба. Понюхайте каждый правую руку и убедитесь…

Дима и Оля, как по команде, одновременно поднесли к лицам руки, переглянулись ошеломленно и кивнули.

Оля включила правый поворот, прижала машину к бордюру и остановила ее. Руки ее дрожали. На лице читался испуг.

— Я больше так не могу, — прошептала она, близкая к обмороку.

— Ой-ой-ой, — запричитала девушка сзади, — зря вы остановились… Так нас моментом зажопят. Позвольте-ка!

И она, обхватив Олю по-мужски сильными руками, в одно движение переместила ее на заднее сиденье. Тут же перелезла вперед, завела двигатель и сорвалась с места. Впрочем, девушку новый водитель «Бентли» напоминал уже очень условно. Это был, вдруг понял Дима, тот самый крепкий высокий мужчина, который еще в детстве… И в недавнем прошлом, возле Книги Судеб… Ангел?

— Вы, главное, успокойтесь, — мягким тоном говорил Ксор, лавируя в потоке транспорта, сгустившемся возле светофора. — Просто если мы остановимся, вас убьют.

— Но мы же едем? — с надеждой поинтересовался Дима.

— Пока что… — улыбнулся ему ангел. — Ты, я вижу, вспомнил меня?

— Обоих вас вспомнил, — кивнул Дима.

— Тогда дай девушке водички, — Ксор передал Диме

бутылку минералки, — и слушайте. Потому как без вашей помощи мне не справиться… А вам — без моей. Ваша судьба решилась. Вас, как водится у духовных сущностей, было решено умертвить. Высвободившиеся души ваши, как обычно — отправить в колонии по принадлежности к Борэа и Орэс.

— А что, были сомнения? — тихо поинтересовался Дима.

— Еще какие, — ответил Ксор. — Обычно все, кто всякими неправдами попадает в места Силы — а именно там хранятся региональные Книги Судеб — меняют личные судьбы на более счастливые. Иные банально просят денег. Другие жаждут знаний… Никто, однако, не учитывает причинно-следственных деформаций, сопутствующих изменению судьбы и коверкающих господние планы. Поэтому мы таким смельчакам обычно жизненный путь укорачиваем — во избежание подобных осложнений… Но из-за вас у нас вышел спор. Куда ехать: направо и налево?

— Это кольцевая, все равно, — подала голос Оля. — А в чем заключались разногласия на наш счет?

— Видите ли… — поднял брови Ксор, выворачивая налево, — лично у вас не было корыстного мотива. То есть вы старались как будто бы для себя, пытались вернуть молодость своему избраннику. Однако очень отчетливо понимали: как только он помолодеет, вашему роману — крышка.

Дорога стала свободной, и Ксор придавил. «Бентли» мчался, радостно шурша шинами и с готовностью отзываясь на каждое движение руля.

— Да-а… — почти прошептала Оля. — Я чувствовала, что не ровня ему… Но все равно…

— И я о чем, — перебил Ксор. — А с тобой, Дима, дела обстоят куда запутанней. Я, понимаешь ли, ангелом служу довольно давно. Но не было еще случая, чтоб одному человеку уделялось столько внимания. Помнишь, как ты собрался сверзиться с подоконника головой в пол?

— Помню…

— Думаешь, часто ангелы ловят неловких?

— Не знаю.

— Вообще не ловят. А тебя и поймали, и годика через три из Истринского водохранилища вытащили — а ведь утонуть тебе всерьез светило, — и после тоже… Ты ведь, не при даме будь сказано, ни разу триппером не заразился? Хотя и мог, и даже должен был…

— Дело прошлое, — смутился Дима.

— Конечно, — согласился ангел. — Только я давно понял, что участь твоя не напрасно на виду у Всевышнего. Скорее всего,

чего-то от тебя ждут… Поэтому дать тебе сгинуть я не мог. Но ведь до сих пор ты ничего еще не сделал? Значит, что-то есть впереди…

Впереди, в свете фар, замаячили две фигуры инспекторов ГИБДД, закрутился полосатый жезл.

— Оп-па, — огорчился Ксор. — Не мытьем, так катаньем. Остановимся — Хамдиэль тут же сообразит наше местоположение и примчится, не остановимся — будет погоня. Исход один. Ну, ладно… Подчинимся…

Он остановил машину, опустил стекло и высунулся почти наполовину. Тут же подскочил милиционер:

— Ваши документы!

— У вас, лейтенант Ветров, видеокамера есть? — не здороваясь, и как будто даже с раздражением проговорил Ксор. — Будьте любезны, прикажите прапорщику Вербицкому взять ее в машине, включить, и зафиксировать процесс нашей беседы.

Лейтенант пожал плечами и кивнул прапорщику. Тот вернулся почти сразу, и наставил объектив на машину.

— Снимаю! — объявил милиционер.

— Н-да? — с показным недоверием отозвался Ксор. — Тогда так: скорость я превысил сознательно, выполняя крайне важную государственную задачу. Документов я вам не предоставлю, и далее следовать намерен еще быстрее. Запись эту передадите полковнику милиции Ивашову, для капитана Камышина и его коллеги Хамид-Малаха. Поняли, лейтенант Ветров?

— Так точно! — вытянулся в струнку милиционер.

— Выполняйте… — Ксор нажал кнопку стеклоподъемника, включил передачу, и «Бентли» помчался, свистя резиной.

— В общем, диспозиция сил такова, — продолжил он повествование, когда закрытое окно оградило пассажиров от шума дороги. — Хамдиэль — это другой, черный ангел — жаждет ваши души извлечь из ваших тел. Что для человека является смертью… Я ему препятствую в этом. Почему и зачем — точно не знаю. Вы мне сами должны подсказать, чем вы так ценны для Создателя и что за роль он вам поручил, кроме как служить источником энергонов.

— Извините, уважаемый ангел, — подала голос Оля. — Вы тут столько наговорили… И все впустую. Я вам не верю.

— Напрасно, — отозвался Ксор, сворачивая с кольцевой в сторону лесистых пригородов. — Но я вам докажу. Первое — я вас выхватил из уже свершившегося будущего и поместил в прошлое. Воспоминаний о будущем, у вас, естественно, нет. Но прислушайтесь к себе, милая: вам ли не знать интимности этих ощущений? Догадались, о чем я? И второе: на вас, Ольга, нет

нижнего белья. Вы его постирали после душа. Оно сохнет на балконе в Диминой квартире. А тебе, Дима, тоже нужны доказательства?

— Нет. Я верю.

— Да можешь и не верить… С тобой проблема покруче: твой бумажник остался дома, в тех самых брюках, в которых ты был в кафе. Теперь, как ты можешь убедиться, на тебе старые джинсы…

— Действительно, джинсы… И что с брюками? — поинтересовался Дима.

— А то, что карточка, полученная тобой из моих рук, осталась в бумажнике.

— Зачем она?

— Она представляет собой код доступа к любому месту Силы на Земле. Без нее мы не сможем добраться до Книги Судеб. А потому поменять надпись, сделанную в Книге Хамдиэлем, тоже не сможем.

— Что он там написал? — встревожилась Оля.

— Да что… — пожал плечами Ксор. — Все как положено… Проставил даты ваших смертей.

— Когда наш срок? — спросил Дима.

Ксор бросил взгляд на часы.

— Прошел тридцать семь минут назад.

Хамдиэль и Камышин

Хамид оказался дотошным и въедливым. Целый день он изучал папки с делом, задавал массу вопросов и не раз ставил Камышина в тупик. Он исписал толстый блокнот, попросил сделать кучу запросов. Рабочий день уже закончился, но гость явно был настроен действовать до победного конца.

С утра в кабинет несколько раз заглядывали подчиненные Камышина и добавляли работы. Столы и пол укрылись бумагами. На стенах тоже висели фотографии, карта Москвы ощетинилась цветными булавками. Хамид был совершенно невозмутим. Пиджак и галстук он давно снял, за ухом у него торчал карандаш.

Вячеслав начинал медленно звереть. Ему даже поесть не дали по-человечески. Сержант притащил пиццу и кефир, но чернокожий коллега не взглянул на кулинарные изыски. Слава попытался перекусить, но когда тебя постоянно достают вопросами, на которые «да» или «нет» не ответишь, кусок в горло не идет.

Когда стемнело, чернокожий гость выпрямился и глубоко вздохнул. Камышин потянулся к куртке, в надежде, что рабочий день наконец-то закончен, и сегодня Ольга будет приятно удивлена неожиданному появлению мужа в родных пенатах.

— Ну что? С этим мы закончили. Сейчас перекусим, и наступит моя очередь поделиться с вами своими козырями, — Хамид снял со спинки стула пиджак и ловко облачился в привычную форму одежды.

Вячеслав не нашелся, что ответить. Сердце у него упало. Неужели впереди всенощное бдение с кучей бумаг? Как будто прочитав его мысли, Хамид улыбнулся и успокоил:

— Это займет меньше времени, если ваш компьютер подключен к Интернету.

Тут Камышин испытал легкую обиду за отчизну и ее внутренние органы. Канал работал, и очень даже прилично. Все-таки отдел-то профильный, занимается преступлениями в сфере цифровой информации. Какого хрена издевается?

— Прошу, — сказал Камышин и жестом пригласил Хамида за свой стол. — У меня хороший канал связи с сетью.

В действительности информации по расследуемому делу у американца накопилось даже больше, чем у Камышина, но времени на просмотр четко систематизированных материалов было потрачено немного. Тем более что читать на английском Камышин не мог, а Хамид в ознакомительной речи не стремился к деталям.

Удивляло обилие фотографий и видео. Фигурантов по делу черт-те сколько, и в некоторых нюансах материалы сотрудничающих сторон перекликались и дополняли друг друга. Особый интерес у Камышина вызвала видеозапись беседы бесстрастного дознавателя с неким Сергеем Школьником, профессором археологии одного из американских университетов, аккредитованным в Израиле и уже несколько лет ведущим раскопки в Иерусалиме.

— Внимание полиции привлек ряд малообъяснимых событий, в которых прямо или косвенно был задействован профессор Школьник, — рассказывал Хамид. Он прокрутил видеозапись до нужного места и стал переводить.

— …Итак, вы утверждаете, — спокойно и даже по-доброму увещевала седоватого мужчину, который только подходил к шестидесяти годам, молодая черноволосая израильтянка, — что каждого из этих двоих вы не видели ни разу в жизни?

На экране возникли две хорошо сделанные фотографии. Эти же люди, вне всякого капитанского сомнения, фигурировали в деле о психосетях. Досье на одного составлено если не полно, то вполне репрезентативно. Второй, выглядевший убедительнее и отзывавшийся на кличку Ксор, — Камышин это твердо понимал — явно приезжий: ни в одной из силовых структур о нем не имелось ни байта сведений.

Профессор Школьник давал путаные объяснения касательно происходивших в последние дни событий. Он честно сознавался, что может заблуждаться и выдавать желаемое за действительное, так как по старинному русскому обычаю (вместе с не названными приятелями) хорошенько обмыл свое археологическое открытие.

На экране профессор Школьник тем временем что-то рассказывал черноволосой внимательной диве, с неподдельным интересом рассматривавшей осколок какой-то то ли глиняной, то ли каменной плашки с остатками линий на обеих своих поверхностях.

— Профессор говорит, — продолжал Хамид, — что этот камешек добыт им в раскопе, и что это — не что иное, как осколок скрижали, данной Моисею Господом. По утверждению профессора, осколок указывает на близость места сокрытия Ковчега Завета…

— Смотри, какой охмуряла! — возмутился Камышин. — Ковчег, говорит… А на самом деле что?

— А на самом деле, — вздохнул Хамид, — профессор вплотную подобрался к месту, которое в иерусалимских подземельях запретно для смертных. Вы понимаете меня?

— Надеюсь, что да, — кивнул капитан, ничего на самом деле

не понимая. — Но ведь не проник? А может, и не понимает, куда лезет?

— И даже скорее всего — не понимает, — согласился Хамид.

— По-ня-ат-но… — протянул Камышин.

— Вряд ли вам может быть понятно все и полностью, — улыбнулся иностранец. — Местоположение, назначение и внутреннее устройство этих объектов, аналогичных друг другу во всем мире, без учета политической принадлежности государств, держится в строгой тайне. Специалистов по ним немного. Один из них — я.

— Кстати, Хамид, а вы знаете, что по моей догадке Сергей Школьник и Дмитрий Школьник — это отец и сын? — Вячеславу очень хотелось выглядеть компетентным и не ударить в грязь лицом перед заграничным коллегой. — В досье Дмитрия значится, что его отец, тогда кандидат исторических наук Сергей Школьник, который внезапно вспомнил о своих еврейских корнях, бросил жену и сына и переметнулся на Запад. Нет ли между родственниками не только обычной для отцов и детей взаимосвязи, но и прямого сговора?

— Вы просто молодец, Слава! — воскликнул Хамид. — Несомненно, сговор есть. Кроме того, есть основания полагать, что преступникам удалось овладеть самыми секретными экспериментальными разработками ученых. И — поставить эти изобретения на службу своим преступным устремлениям.

— Это тоже секрет, или вы можете мне рассказать? — удивленно спросил Камышин.

— Посмотрите видеозапись, — ответил Хамид. — Мы поставили профессора Школьника в особые условия… Ну, вы понимаете, да? Так вот, досточтимый профессор Школьник, как от него и ожидалось, и именно в тот момент, когда этого потребовало развитие событий в камере — то есть совершенно управляемо, по своей воле — поднялся в воздух. То есть взлетел! Причем ровно настолько, чтобы избежать опасности, грозившей ему снизу — не стану уточнять ее сущности, но и не так высоко, чтобы оказаться в опасной близости от высоковольтных проводов, находившихся в нескольких метрах над ним…

— Невероятно… — вздохнул Камышин. — Допросили?

— А как же! — вдохновенно врал Хамдиэль. Ему кровь из носу было необходимо, чтобы этот капитан верил, подчинялся, а главное, активно работал сам и подчиненным не давал лениться. Самостоятельно он, ангел Борэа, инспектор галактического уровня по созданию и развитию разумной жизни, не имел ни сил, ни ресурсов, чтобы справиться с Ксором! И то сказать: Ксор, хоть и ниже по ангельской должности, куда более опытный ангел; он

— от рождения ангел. А Хамдиэль совсем недавно бегал босоногим пацаном под палящим африканским солнцем. Эх, чудны дела твои, Господи…

— Но толку мало, — продолжал говорить Хамид, — профессор утверждает, что подобное свойство присуще каждому человеку, а неконтролируемая тяга к полетам чревата выносом тела на высоты, где жизнедеятельность организма прекращается мгновенно…

— И все?

— Нет, конечно… Еще он говорит, что подобным образом ежегодно в мире пропадает немалое число людей. Не знаю, откуда ему известны цифры, но называет он их верно. А ведь это закрытые сведения…

— Значит, — предположил капитан Камышин, — у преступников есть высокопоставленный осведомитель.

— Или несколько осведомителей, — уточнил Хамид. — А возможно, и организаторов…

Беседа, уже совершенно профессиональная и деловая, потекла по новому руслу. В голове у капитана вырисовывался новый взгляд на проблему. Постоянно звучали знакомые имена. Увидев одно фото, Камышин постарался сохранить на лице невозмутимость. «А вот агентуру свою я тебе выдавать не планировал», — подумал он, глядя на неуловимого (не без помощи самого капитана неуловимого) хакера.

Вячеслав слушал Хамида и понимал, что вляпался с этим делом основательно. Закрыть его, находясь в удобном кресле теплого кабинета, теперь не выйдет. Дай Бог, обойдется все без стрельбы и военных действий. Открывать все свои карты перед партнером по делу он спешить не стал, а для начала решил встретиться с агентом, который имел оперативный псевдоним Апостол, и дать ему инструкции о возможных контактах с разыскиваемыми международными преступниками.

Тем более что по верным сведениям Дмитрий Школьник не так давно входил в контакт — чисто по работе — с одним из подчиненных Апостола. И даже чувствует себя несколько зависимым от предложений, поступивших от этого самого подчиненного. Который верит и подчиняется Апостолу. Который, в свою очередь, нехотя помогает Камышину. Который пытается — с недавних пор — дотянуться до Дмитрия Школьника. Которому на всю кибермилицию вообще и на Камышина в частности, судя по всему, плевать… Как все запутано!

Наконец чернокожий лектор исчерпал свое красноречие и откинулся в кресле.

— Какие будут соображения по сотрудничеству? — задал

вопрос Хамид, не глядя на Вячеслава.

— Пока никаких. Нужно подумать над всем этим. Завтра у нас будет информация о личных контактах и деятельности Дмитрия. Постараемся взять его на дому… Уже сегодня мои люди займутся вторым фигурантом — этой девушкой. Скорее всего, они обязательно проявят себя в ближайшее время. А завтра совместно распланируем мероприятия по делу, — Камышин специально сыпал шаблонными фразами. Сейчас главное отделаться от ставленника Ивашова и связаться с Апостолом. Все равно домой уже вовремя не попадет, ну хотя бы снова не пропасть суток на двое.

Трое

Шикарный «Бентли» мчался по дороге.

— Почему мы все время едем? — спросила Оля. — Мне нужно ненадолго выйти. В машине скоро кончится бензин.

— Сумеете потерпеть немного? — участливо спросил Ксор. — Мне нужно примерно полчаса еще, чтоб окончательно перестроить распределение ваших энергонов.

— Выдержу, — ответила Оля. — Только объясните ради Бога, о каких таких энергонах вы толкуете?

— Как вы думаете, — поинтересовался Ксор, — для чего существует человечество? Почему Вселенная расширяется? Каков из себя Бог?

— О-о-о, — всплеснул руками Дима. — Лекционного материала этой тематики лет на пятьсот непрерывного изложения накоплено. Только ответов нет…

— Есть ответы, — улыбнулся Ксор. — Все просто. Люди, по большому счету, и даром никому не нужны. Вселенная расширяется потому, что есть чем прирастать. У Бога нет внешности. Это вкратце… Теперь подробнее, и ближе к причине нашего безостановочного движения. Так вот: один из ваших умников сделал вывод, что материя — есть сгущенная энергия. Не слишком задерживаясь, другой умник пришел к иному выводу: само пространство — суть есть еще более концентрированная энергия. Третий умник, в отдаленном будущем, если оно для человечества наступит, сообразит — а после и кучу подтверждений нароет — закон сохранения энергии действует лишь при рассмотрении частных случаев. На деле же конгломерации типа «материя-энергия», к каковым относитесь и вы, к примеру, способны производить на свет элементы типа «пространство-энергия». А само пространство дает возможность существования материи…

— Типа как рука руку моет, да? — попытался упростить услышанное Дима. — А Бог — это и есть тот кусочек мыла, который создает пену?

— Нет, — улыбнулся Ксор, и в неверном отсвете фар, в оранжевых сполохах приборной доски его лицо озарилось вселенской мудростью. — Бог — это локальное объединение двух противоположно направленных сил, которые и есть Вселенная. Я, к вашему сведению, — и ты, Дима, тоже — отношусь к Орэс, силе разрушения. Вы же, Оля, а равно и чернокожий ангел по имени Хамдиэль, относитесь к Борэа, силе созидания. При этом люди Орэс частенько работают строителями, а люди Борэа —

взрывниками…

— Вы нарочно нас путаете? К чему все эти бредни? — возмутилась Оля. — Долго вы еще нас возить будете?

— Пожалуй, уже можно и остановиться… — согласился Ксор.

Машина встала на обочине дороги, окруженной смешанным лесом.

Пронзительный запах свежести, разбавленный грибной прелью, вливался в раскрытые окна. Верховой ветер шумел верхушками деревьев, жухлые листья слетали, кружились, сталкивались, и наконец вырывались из чащобы на простор лесной дороги, где, уже плавно, неспешно и без помех ложились на серое полотно асфальта.

Голубоватый свет фар заставлял искриться и переливаться всеми цветами радуги немалый отрезок шоссе, но дальше, поворачивая, дорога уходила в сырую и неприветливую тьму. Дима смотрел, как рубинами горят яблочки рябин, подросших на опушке, и как бриллиантово сверкает роса на ветке, ближней к машине, но темнота, укрывавшая большую часть окружающего пространства, немножко — совсем как в детстве — пугала его.

Ксор разъяснял.

— Энергоны — это элементы пространства-энергии, непрерывно излучаемые всеми материальными объектами. Особенно велики потоки энергонов при возникновении в структуре материальных тел любых изменений.

— Тогда, — поторопился вставить Дима, — живые организмы, как постоянно изменяющиеся, должны на единицу массы давать больший выход энергонов?

— Мало того, — кивнул Ксор, — мыслящие живые организмы, то есть люди, дают выход энергонов в сотни и тысячи раз больший, чем просто живущие. Вот по этим-то энергонным потокам Хамдиэль вас и способен обнаружить. Пока мы передвигаемся, происходит рассеяние. А вот когда стоим…

— А что теперь изменилось? — спросила Оля, вернувшись в машину. — Мы как будто стоим? Но нам вроде ничего не угрожает?

— За этот час, что мы вместе, — Ксор обернулся к девушке, — я перенаправил ваши энергоны на себя. Теперь я — главный потребитель производимой вами энергии пространства. Поэтому Хамдиэлю вас не видно.

— Значит, поездку можно прекратить? — резонно заключила Оля.

— Можно. Только по домам вам возвращаться не стоит. Вашу маму, Оля, сейчас развлекает наряд оперативников, в количестве двух человек. А у тебя, Дима, дома аж три человека: ты

Камышину, в помощники к которому под видом иностранного специалиста затесался Хамдиэль, кажешься опасным преступником. Понятно, что и по гостиницам ориентировочки разосланы…

— Оля! — Дима обернулся к девушке. — Когда мы садились в машину, ты телефон куда положила? Мой, если мы были дома, должен лежать где-то ближе к спальне…

— Точно! — встрепенулась Оля. — Телефон здесь. Открой вон там… Ага!

Дима набрал номер.

— Чейз? Привет, это я, Школьник… Что за шум у тебя? Гуляешь? Это ж который там час? Ладно, ладно, молчу… Ты это… Не в силах ли помочь? Менты на хвост сели, щемят по-черному, того и гляди лапти сплетут. На дно бы упасть… Отлежаться на матрасике с недельку. Не, на лыжи встать не могу. Ну, долго рассказывать… Есть у тебя рекомендации по Москве? Давай…

Дима нажал красную кнопку и положил трубку на сиденье.

— Сказал, щас перезвонит. Уверен — позвонит из автомата!

— Если вообще позвонит, — усомнилась Оля. — Это тот самый, легендарный?

— Он, — кивнул Дима, и все замолчали. Звонка пришлось ждать минут пять. Наконец трубка завибрировала.

— Да? — ответил Дима. — Так, диктуй, пишу… Спасибо. И за «Мангуста» тебе — отдельное мерси. Действенная штука… Деньги? Придумаем что-нибудь. Давай. Пока!

Дима сложил телефон, а записку поместил в карман.

— Что ждешь, извозчик? — лукаво взглянул он на Ксора. — Трогай!

Ангел снова обернулся к девушке.

— Давайте и мы с вами перейдем на ты?

— Как хотите, — холодно ответила Оля. — Езжайте уже… А ты, который Дима, переползай сюда. А то мне одной холодно и неуютно.

В гостях

Дима, Оля и Ксор стояли у подъезда московской девятиэтажки, расположенной по адресу, записанному со слов Чейза. Здание построено давненько, еще при Брежневе, и районч ик так себе…

Дима уже два раза позвонил в квартиру номер тридцать два, но ответа не было. Он хотел это сделать снова, но вдруг в кармане завибрировал мобильный телефон. Дима посмотрел пришедшее сообщение и набрал четыре цифры кода. Дверь пискнула и открылась. Высоко подниматься не пришлось. На площадке четвертого этажа у мощной дубовой двери лежал потертый коврик. Нажали кнопку звонка…

Дверь ответила мягким щелчком, но никто не спешил ее распахивать. Ксор потянул за дверную ручку, и она подалась навстречу. Было видно, что для этого действия крепкому мужчине пришлось приложить усилие.

— Бункер. Тут броня минимум сантиметра четыре, а то все пять. Однако какой смысл ставить такую дверь, если стенка — в полкирпича, и проще пробить перегородку, чем ломиться сквозь сталь? — резонно заключил Ксор и первым шагнул в квартиру.

Коридор ярко освещен, но в нем — никого…

— Проходите, проходите! Дверь захлопните, а то сквозит, — голос, донесшийся из глубины квартиры, показался Дмитрию незнакомым. У отозвавшегося в квартире человека был мягкий густой бас.

Замки закрылись почти беззвучно, и Дима ощутил, что они в ловушке. На двери не просматривалось никаких внешних признаков запоров, просто ровная деревянная поверхность и ручка. Ксор взял под руку Олю, уверенно двинулся на голос и вошел в комнату. Окно закрыто плотными наружными жалюзи, горят настенные светильники. Интерьер совершенно домашний. Диван с пледом, два глубоких кресла в чехлах, мягкий, толстый и явно недешевый ковер на полу. Одна стена заставлена шкафами. Из невидимых динамиков льется мягкая музыка.

На диване под мягким светом торшера сидел хозяин.

— Гость в дом — радость в дом! — прогудел он, вставая. — Проходите, присаживайтесь.

Увидев смущение гостей, он заулыбался.

— Ну простите, девушка, простите, юноша. Извините меня и вы! — хозяин отвесил церемонный поклон в сторону Ксора. — В нашем деле безопасность — главное. Но сейчас вы мои гости. Через минуту я угощу вас на славу.

— Ваша любезность удивительно своевременна! — заметил Ксор. — Как ни странно, но за время странствий я лично успел проголодаться. Да и спутники мои, размявшись горсточкой риса, пахнущего рыбой, наверняка не прочь подкрепиться поосновательнее.

— Вот еще! — заявила Оля. — То есть спасибо вам, конечно, уважаемый хозяин. Просто наш провожатый очень уж распоряжается…

— Никто силой потчевать и не собирается, но традицию соблюсти надо. Тем более что гости у меня — нечастое явление, — улыбнулся хозяин и неспешно прошагал туда, где, наверное, располагалась кухня. — Могу я вас, дорогая, просить немножко помочь мне? Ах да! Я же не представился. Игорь Николаевич.

И он добродушно улыбнулся.

Столовая была просторной и светлой. Пейзажа за окном не видно, но здесь мешали не жалюзи, а прозрачная рисовая бумага — своеобразные шторки в восточном стиле. В центре стоял круглый стол с приборами, среди которых виднелись тарелки и блюдца с маленькими огурчиками, грибами, соусами, тонко нарезанными блестящими ломтиками рыбы, мраморного сыра, сыра с плесенью голубой, сыра с плесенью зеленой. В центре красовалась емкая керамическая супница, а рядом с нею возвышался заиндевелый графин с водкой. Оля, в роскошном льняном фартуке, внесла нарезанный крупными ломтями хлеб. От острых запахов в ноздрях у Димы защекотало. Все уселись за стол. Прозвучал тост за знакомство.

— А теперь главное блюдо, моя гордость! Уха из осетрины и семги, жир снят. Если вы скажете, что это плохо, — вы мои враги навеки, — сказав это, Игорь Николаевич хохотнул и наполнил до краев тарелки гостей горячим пряным варевом.

Вкусна была уха чрезвычайно. Да и хозяин ел так, что заражал азартом. После пришло время для серьезного разговора.

— Как я понял, господа, вы во что-то вляпались, — начал хозяин.

Ксор особо не распинался, однако не произнес и слова правды. Дима старался сохранить невозмутимое выражение лица, но способность ангела столь безбожно врать его шокировала. Короче всех высказалась Оля.

— Я знаю один счет в Швейцарии, владелица которого не прикасается к деньгам. За ним не очень-то следят. Можно снять с него немного… Скажем, миллион. Этого нам хватит, чтобы спрятаться.

Игорь с минуту помолчал, после достал сигару, понюхал и

положил ее в пепельницу.

— Три года уже не курю. И что вы от меня хотите?

— Помощи, — ответил Дима.

— Непростое дело вы затеяли, — серьезно произнес хозяин. — Вы же понимаете, что если история всплывет, не только вам понадобится глубокое дно. Знаю я эти швейцарские банки… С невостребованными вкладами они обращаются бережно! Никто не хочет расставаться с инструментом, дающим ежегодную прибыль. Знаете ли, друзья мои, на чем так поднялись швейцарские банки в прошлом веке? На еврейских вкладах! Которые немецкие евреи спешно делали, польстившись на невиданные условия. А можете представить, сколько из этих вкладов осталось невостребованными? То-то и оно…

Игорь улыбнулся и хлопнул широкими ладонями по коленкам.

— Ладно! Вы отдыхайте, а я пока проконсультируюсь.

Ксор идет на дело

Ксор сидел на крыше Диминого дома и ждал. Светало. Холодный ветер пронизывал легкую одежду ангела, но это ему не мешало. Он старался почувствовать, когда оперативникам, всю ночь не выходившем из квартиры, станет невмоготу.

Наверняка они уже триста раз проверили содержимое Диминого холодильника и накурили так, что и самим тошно. Ксор чувствовал, что вот-вот один из них подойдет к окну кухни, отдернет шторку, растворит форточку настежь, вздохнет поглубже и отвернется от окна, чтобы прикурить. Вот тогда он, Ксор, и появится…

Хамдиэль, чувствовал Ксор, где-то рядом. Но вовсе не следит за каждым шагом беглого ангела. Странно, думалось Ксору. Но Хамдиэль — Ксор это чувствовал так же верно, как и холод кровельного железа — мало того что был чем-то увлеченно занят, так еще и не имел особого желания ревностно ловить своего друга, с которым рука об руку — или крыло об крыло — они провели столько времени и сотворили столько дел.

Ксор знал, что будь поручено именно ему кого-либо изловить и уничтожить, в секунды решилось бы дело. Что изловить: стоило только коллегии архангелов хмыкнуть о бесперспективности Содомитских и Гоморрических развлечений, как уже струились во Вселенную потоки энергонов, производимые горящими в пламени небесном гражданами этих распутных городов.

Не оставить и тени жизни в любом заданном объеме пространства, камня на камне, атома возле атома — это Ксор умел сделать виртуозно, так ведь Орэс все-таки! Хамдиэль — он Борэа, по его ведомству проходит созидание, и очень может быть, что сейчас руками Хамдиэля вновь что-то сотворяется, а он, Ксор, и иже с ним Дима с Олей — так, жалкая компания муравьишек, не знающих, куда они бегут.

Скрипнула форточка в кухне Диминой квартиры. Пора подниматься… Влететь в кухню неслышно не получилось. Тесный оконный проем попытался задержать стремительное наступление Ксора, да где там… Оперативник только и успел, что повернуться на треск рамы и звон стекла, но Ксор уже обхватил его затылок и сдавил гортань, вместе со всеми прилегающими венами и артериями. Способность к сопротивлению покинула оперативника быстро. Аккуратно уложив его на пол, Ксор двинулся в спальню. Еще в коридоре он услышал щелчок пистолетного затвора. Не медля ни полсекунды, Ксор вернулся в кухню…

Мягко шагая и держа ПМ наизготовку, полноватый сержант прошел по коридору и остановился возле кухонной двери. Прислушался к тишине. Абсолютно тихо… Медлить было нельзя. Ударом ноги он распахнул дверь, впрыгнул в помещение, больно получил по левому локтю дверью, отскочившей от стены, но обнаружил только своего напарника, без чувств валяющегося на полу. Форточка висела на одной петле, рама была сломана, оконное стекло треснуло. Сержант сунул пистолет за пояс и наклонился к товарищу.

Где-то по соседству, совсем близко, буквально рядом, будто и не в соседней квартире, а в соседней комнате, раздались удары молотка. Было даже слышно, как звенят с натугой входящие в древесину гвозди. Сержант приложил руку к шее товарища. Пульс был ровный, но мелкий и частый. Под подбородком багровели отпечатки сильных рук.

Бесшумно поднявшись с пола, сержант ступил к окну. Двор пуст. Никто из старушек не провожает взглядом никакого прохожего. Молоток в соседней квартире не умолкал. Вот, наконец, отстучал последний, пятый гвоздь, и на пол упало что-то тяжелое.

Волна ледяного ужаса омыла внутренности сержанта: он вдруг осознал, что звуки исходили вовсе не из соседней квартиры, а действительно из соседней комнаты. Шепотом чертыхаясь, сержант бросился в спальню, стараясь не топать и держа пистолет как в кино, двумя руками. Толкнул дверь. Она не поддалась. Сильнее! Еще сильнее!

— Головой попробуй, — с улыбкой прозвучало из-за приколоченной к косяку двери.

— Открыть дверь! — заорал сержант. — Приказываю немедленно открыть дверь! Иначе открываю огонь!

— Огонь? Ну поджигай! — рассмеялись за дверью.

* * *

Ксор склонился у черной «Волги» с частными номерами и непроглядной тонировкой и постучал в водительское стекло. Окно на сантиметр приоткрылось…

— Простите, — сказал Ксор, — но там на третьем этаже стреляют, и кровь из-под двери течет…

— Костюк! — закричал оперативник, выскакивая из-за руля, — задержи гражданина! — И бросился к подъезду.

— Да-да, конечно, — кротко проговорил Ксор, проводив бегущего взглядом и поворачиваясь к подходившему Костюку. —

Я никуда, я подожду…

Костюк протянул руку открыть заднюю дверь, и Ксор молниеносно треснул его головой о кузов машины. После сел за руль, завел мягко зафырчавшую «Волгу» и поехал куда глаза глядят. К девятиэтажке в спальном районе он добрался только через час.

* * *

Дима отворил балконную дверь и впустил Ксора. Ничего не говоря, ангел вручил ему бумажник.

— Вот она, эта карточка! — радостно воскликнул Дима, отыскав в кожаных закоулках белый твердый прямоугольник.

— Отлично, — сказал Ксор.

— Быстро нашел?

— Да, но стреляли, — Ксор кивнул и одновременно пренебрежительно махнул рукой и спросил:

— За что у вас «Волгу» не любят? Такая машина! Ведешь ее…

— …будто плечом толкаешь, — закончил фразу Дима. — Ты что, «Волгу» угнал?

— У милиции, — кивнул Ксор. — Чисто из хулиганских побуждений. И вовсе не плечом толкаешь: летит ласточкой!

— У этих двигатели несерийные, мощность повыше, чем обычно. А машину ты где оставил?

— А там где-то, — Ксор неопределенно показал рукой в сторону. — Прогулялся немного… Хорошо быть человеком!

За деньгами

Утром того же дня Игорь Николаевич ушел, ничего не сказав. Вернулся в обед, ничуть не усталый, принес здоровенную бутыль граппы с грушей на веточке внутри.

— Ну-с, друзья, все согласовано. Вас, — тут Игорь Николаевич слегка поклонился в сторону Димы, — мой клиент знает только с хорошей стороны. Поэтому договоренность была достигнута мгновенно. Времени потребовала организация канала связи, но трудности носили сугубо технический характер. Наше участие…

— Интересно, интересно… — перебил Дима.

— … в совокупности обойдется вам в половину суммы. Ну а как иначе? Я рискую непосредственно, так сказать, головой. Чейз тоже нуждается во вспомоществовании. Кроме того, есть «крыша» — всесильная и могучая. А вы как думали? Ей тоже надо отстегнуть…

Ксор искренне расхохотался.

— Всесильная, говорите? И могучая? Небось недавний прыщавый подросток, который носит подмышкой пистолетик, возомнил себя властелином судеб?

— Напрасно иронизируете, молодой человек… Если бы не благосклонность «крыши», вам никто и ничем не смог бы помочь, даже если б какой-нибудь сумасшедший и захотел этого. В общем, пятьдесят процентов от снимаемой суммы вы перечисляете вот на эти три счета, — тут Игорь положил перед Димой и Ксором листок с надписью: «Двести мне, двести Чейзу, сто — «крыше». Такой процент — это норма…»

Оля склонилась над столиком, читая слова, написанные на листочке.

— У меня встречное предложение, — спокойно произнесла она. — Вы получаете требуемую сумму, мы тоже получаем все, чего хотим. То есть со счета снимаем не миллион, а полтора миллиона. В этом случае как будто снижается ваш процент, однако, согласитесь, реальные деньги куда важнее условных цифр.

— Этого мало, — сказал Игорь Николаевич, помолчав. — Вдруг дело не выгорит? Вы должны внести залог наличными… Двадцать тысяч меня устроит. Лучше в евро, чем в долларах.

Пораженный Дима умолк, Оля развела руками, а Ксор взял в руку хрустальный стакан для виски, поставил его на ладонь и сказал:

— Смотри сюда, Игорек.

Игорь Николаевич уставился на тяжелый стакан, сверкающий полированными гранями в свете торшера. Ксор накрыл стакан другой ладонью, с видимым усилием сжал. Тут же стакан звякнул и с хрустом превратился в стеклянную крошку, которую Ксор горкой высыпал на журнальный столик.

— Так вот, Игорь Николаевич. Если вы продолжаете давить на нас, мы — то есть лично я — надавим на вашу голову. Эффект стакана обеспечен, это я ручаюсь.

— Вы не выйдете без меня! — торопливо прокричал Игорь, испуганный грозящей перспективой. — Дверь из броневой стали!

— Хорошая дверь, — согласился Ксор. — Зато перегородка с соседями — в полкирпича. Я такую легко пробиваю.

— Договорились, — нехотя произнес Игорь. — Работаем без залога. Когда приступаем?

— Прямо сейчас. Пока в Швейцарии рабочий день не окончился, — ответил Дима.

* * *

— С чего начнем? — скребущий душу голос вырывался из динамиков и заставлял морщиться.

— С инструкций, — Дима все же собрал волю в кулак и старался не обращать внимания на искореженный специальными цифровыми фильтрами голос бывшего приятеля.

— Насколько велик риск того, что наше проникновение будет замечено? — в очередной раз поинтересовался Игорь.

— Он присутствует: мы входим в банковскую сеть нелегально. Наша задача состоит в том, чтобы перевести деньги с банковского счета на наши собственные депозиты и — в случае надобности — дестабилизировать работу штатной системы хотя бы на короткий период. От второго пункта зависит, какую фору во времени мы получим. В любом случае нам придется удирать со сверхзвуковой скоростью, — Дима снова стал серьезным, как тогда, когда он тестировал систему безопасности «Кобра». — Препятствием является собственная парольная система банка. Необходимо сгенерировать согласие системы на допуск к управлению счетом, а для этого нужно преодолеть запрет, наложенный руководством банка.

— Как и оговорено, вся информация с моих мониторов поступит на ваш компьютер. Вы можете в режиме онлайн контролировать и корректировать процесс. Некоторые нюансы могут возникнуть неожиданно и пройти незамеченными, поэтому прошу немедленно меня о них информировать, — спокойно

произнес Чейз.

Дима повернулся, чтобы убедиться, что Ксор все слышал. Ангел вальяжно полулежал в кресле. В его руке покоился стакан с граппой. Дима сокрушенно покачал головой и отрапортовал:

— Да, мы все поняли. — Он старался говорить так, чтобы в его голосе звучало как можно меньше эмоций. Не хотелось бы, чтобы, заметив излишнее волнение в голосе, осторожный хакер отключился и исчез. Игорь честно предупредил, что Чейз прекратит с ними сотрудничество при первых признаках опасности. А то Дима сам не знал этого неуловимого смельчака!

Картинка на экране Диминого монитора изменилась: на нем всплыло сообщение о запросе удаленного доступа, потом замелькали сообщения о настройке подключения. Через полминуты изображение дрогнуло и исчезло, а потом на экране стали появляться новые окна. Курсором Дима не управлял, но тот двигался. В командной строке возникали символы, одни окна закрывались, открывались другие, всплывали отчеты об исполнении алгоритмов и отдельных команд.

— Начинаем, — синтезированный голос оставался беспристрастным, а вот Дима, хотя и сидел в одной футболке, сразу взмок от волнения. В адресной строке браузера побежали буквы доменного имени, и в окне возникла форма с надписью: Enter Password.

— Программный ввод пароля, — и тут в голосе хакера ни капли азарта и волнения. Дима почувствовал, что за спиной стоит Ксор.

— А если автозаполнение не прокатит?

— Риск минимален, — отреагировал далекий Чейз. — Стопроцентная эмуляция клавиатурного ввода. Совершенно никакой разницы. Для естественности установлены диапазоны допустимой временной погрешности нажатия клавишей.

Ксор выслушал тираду, повертел головой и попытался отхлебнуть из уже пустого стакана. Он оглянулся, с радостью обнаружил ароматную (хотя и горлодерную) граппу на месте, налил и вернулся к столику.

В форме ввода пароля одна за другой стали возникать черные точки. Дима следил за астерисками с замиранием сердца. Как узнать, прозвучал сигнал тревоги или нет? Может, их заметят, но все равно впустят в святая святых, чтобы не спугнуть. Они тут начнут миллионы загребать, а над их головами уже вознесется карающий меч. Если сейчас всплывет отказ в доступе, все рухнет.

— Мы вошли. Приступаем ко второй фазе операции. Загрузка модулей слежения и сканирования, поиск банковских серверов.

Дима посмотрел на часы в уголке экрана компьютера.

Напряжение сказывалось. Прошло всего около двух минут, а он уже чувствовал невообразимую усталость. До чего же много этих модулей! Вереница бегущих строк казалась бесконечной. Наконец, она оборвалась.

— Инициализация программного комплекса, — сообщил Чейз.

Момент истины! Если сейчас все программы не заработают, то вероятность успеха устремится к нулю. Появилась строка прогресса, замелькали проценты. Дима ладонью вытер лоб. Этот Чейз настоящий гений. Он справится. Эх, про этот его подвиг никто не узнает! Хотя про большую часть его разбойничьих набегов никто не знает. Ну разве что пострадавшие. Дима улыбнулся своим мыслям.

Вдруг зазвонил телефон. Игорь Николаевич, тихонько сидевший в уголке дивана, поднял трубку.

— Апостол, ты? — прозвучал знакомый голос. — Где был вчера? Я звоню, а тебя нигде…

— Отдыхал, — коротко ответил Игорь.

— Хо-хо!.. Молодец! На море? Ракушку привез?

— Едет еще, — усмехнулся Игорь. — Дольче вита, а не ракушка.

— Понятно, — ничего не понял собеседник. — Ты давай подтягивайся, Апостол. Тайная вечеря сегодня… Часикам к восьми удобно тебе?

— Разумеется, — сказал Игорь и повесил трубку.

С каждым новым процентом сердце Дмитрия билось сильнее. Не дай Бог сработает закон подлости. Уже близко те самые 99 %. Так! 97! 98! 99! Где же эти сто процентов?! Вот и они. И пауза. Сколько времени может обходиться без воздуха человек? Если бы тайм-аут затянулся дольше, Дима, наверно, грохнулся бы в обморок… «Инициализация выполнена успешно. Самотестирование системы», — на экране возникло новое сообщение, и снова всплыла строка прогресса.

Дима повернулся на кресле и в два шага оказался рядом с Ксором. Тот только что наполнил приземистый стакан граппой и потянулся к нему губами. Но ему не удалось ощутить резковатый вкус итальянского самогона. Дима выхватил емкость из его рук и залпом выпил, а потом так же быстро вернулся на место.

Выждав минуту, необходимую для усвоения сладковатой отравы, Дима с удовлетворением отметил, что тесты программы прошли четко и без сбоев.

— Поиск серверов. Подключение. Идентификация.

Последовал двадцатисекундный перерыв.

— Повторная идентификация не требуется. Доступ открыт.

Поиск депозита. Всего найдено пять депозитов с общей суммой вклада в пять миллионов евро, — голос из динамиков сыпал словами, дублируя отчеты, которые всплывали на экране монитора. — Выполнение транзакций на новые счета. Получено подтверждение согласия на перевод денег.

Даже сейчас, когда Чейз получил вполне пристойную по меркам успешного хакера сумму, он никоим образом не показал эмоций:

— Прошу разрешения на выполнение заключительной фазы.

Голос Чейза проскрипел в тишине квартиры и привел Диму в чувство. Он глянул на Олю. И тут громкий зуммер разрезал спокойствие и умиротворение. На экране засветилась надпись «готово», но ее перекрывала другая, мигающая красным!

— Вторжение обнаружено. Попытка противодействия. Активизация вируса. Активизация произведена успешно, — сухо прокомментировал свои действия Чейз.

— Операция успешно завершена, — произнес в очередной раз Чейз штампованную фразу, и экран монитора погас.

— Блин! Ни тебе спасибо, ни мне до свидания, — попытался пошутить Дима и направился к балконной двери.

— И чем все дело кончилось? — стоя рядом с ним, поинтересовалась Оля.

— А пес его, этого Чейза, знает! Если нас — то есть Игоря Николаевича — в течение часа за одно место не возьмут, то благополучно. Деньги-то уже на счетах. А там — поминай как нас звали.

— Помянуть — все время поминают, — сказал Ксор и внимательно посмотрел в небо.

Камышин и Апостол

Камышин шел по пустынной аллее и наслаждался запахами осени. Под ногами пружинила отсыревшая листва. Влажный западный ветер трогал лицо, по темному небу плыли тяжелые тучи, подсвеченные сиянием мегаполиса. «Рановато для снега», — подумал он, посмотрев на проглядывавшие среди голых ветвей кленов фонари. Хорошо освещенный парк просматривался практически насквозь, в радиусе двухсот метров ни одной живой души не было. Вячеслав взглянул на часы. Он пришел раньше назначенного времени. Нечасто удается побыть наедине с собой, поэтому он воспользовался поводом прогуляться по парку в одиночестве. Апостол точен, как швейцарский хронометр, а потому явится с минуты на минуту.

Капитан подошел к скамейке. Хотелось присесть и закрыть глаза. Но только он собрался устроиться на деревянных брусочках с облупившейся краской, как в конце аллеи возникла темная мужская фигура. Даже отсюда видно, что неспешно шагавший по парку человек обладает внушительным телосложением. Можно не сомневаться, это тот, кого ждал Камышин. Он достал сигарету — начиналась работа.

Апостола Камышин уважал и ценил. Уважал как человека, который умнее его самого, ценил как агента, который ценнее целого отдела. Всего год назад они узнали о существовании друг друга. Тогда капитан расследовал дело по линии Интерпола. Злобный хакер подломил сервер крупной компании, занимавшейся поставками цветных металлов по всему миру, и сорвал ее участие в международном тендере.

На Камышина давили чрезвычайно сильно: бизнесмены были плотно связаны с высшим руководством страны. Ивашов ходил как в воду опущенный и заранее упаковал всякую личную мелочь, собираясь покинуть свой кабинет в ближайшее время. Однако техники сумели выследить логово хакера, а вот самого ворюгу в нем не застали. Когда рылись на квартире, нашли пару улик, которые и вывели на этого человека. Взять его в плотную разработку не успели, потому что в руководстве той компании, что потеряла многомиллионные контракты, очень вовремя возник разлад. Трест лопнул, прессинг ослаб.

Камышина перевели на более важное направление, а его преемник умело прикрыл дело. Но Камышин, передавая дело о срыве тендера, одну папку припрятал — он знал, чем все кончится и что такими людьми разбрасываться грех.

Рука Камышина утонула в мощной ладони Апостола.

— Здравствуйте, Вячеслав Васильевич! — пророкотал бас.

— Здравствуйте, Игорь Николаевич.

— Как жена? Как у сына с учебой? — вежливо поинтересовался Игорь.

— Нормально. Жена? А что ей станется? Терпит меня. Сын учится старательно. В милицию точно не пойдет.

— Паршивая работенка, — констатировал Апостол. — Ладно, платят хоть прилично.

— Насмехаешься, Апостол?

— Да я не про государство, Вячеслав Васильевич… Мобильный банк подключен у вас?

— Ну?

— Счет свой проверьте…

— Сейчас… А что там?

— Ракушку я привез, говорил же.

Ничего не понимая, Камышин достал телефон и вошел в банкинг. Счет, на котором дотоле болтались дежурные пятьсот евриков, пополнился единичкой и несколькими ноликами.

— Апостол, что это?

— Ракушка, Вячеслав Васильевич…

— Откуда взялись?

— Обычное дело… Гражданин одной страны попал под раздачу, являясь вкладчиком банка в другой стране. Как обратиться в банк, если не выпускают? Ну вот и пришел ко мне: помоги, дескать. Так что все в принципе законно. Я и взял с них всего десять процентов, которые полностью перевел на ваш счет. Так что выделите мне за труды, сколько не жалко…

— Сколько ж вы хотите?

— Давайте по-честному, в пополам войдем. Ну, поскольку счет все-таки ваш, было бы справедливо мне чуток меньше платить. Скажем, всего сорок пять процентов.

— Вы мудры, Игорь Николаевич… А как вы хотите получить свою долю?

— Как предусмотрено законом: переведите мне на счет в Сбербанке, я налог подоходный посчитаю, с государством разочтусь…

Камышин помолчал с минуту, после так же молча кивнул и вынул из кармана фотографии, которыми наделил его Хамид.

— Эти люди могут в ближайшее время выйти на тебя, — сказал Вячеслав, протягивая фото агенту. Тот посмотрел и протянул обратно, чем удивил Камышина.

— Уже вышли, — сообщил тот и немного погрустнел.

Камышин задумался. Сначала иностранный «помощник» на него с неба свалился, теперь его «подопечные». Кто следующим

будет, интересно?

— Что они натворили? — задал не свойственный его статусу вопрос Игорь.

— Пока ничего особенного, за что их можно было бы взять под стражу. То есть мы подозреваем одного из них в прямой уголовщине: в квартиру чужую проник, сотрудника милиции избил, даже двоих. Машину угнал. Другой вроде таится пока… В том-то и проблема. Его проще взять… Девушка с ними — но она не опасна.

— Зачем они вам, домушники эти? — Игорь искренне удивился.

— Да они мне бы и на фиг не нужны. Но ими интересуются…

Тут Камышин осекся. А вот это было лишним. Агенту знать суть дела необязательно.

— Меньше знаешь — крепче спишь. Завтра за ними установим наблюдение. Какие у них планы?

— Да тут такое дело, капитан, — сказал Игорь, доставая из кармана сложенные вчетверо листы бумаги — агентурное донесение, — ребят завтра уже может не быть в городе. И в стране тоже. Ночью у них самолет. Они уже снабжены билетами и паспортами. Там все изложено в деталях.

— А если бы я тебя спросил о другом, ты бы мне эти листки не отдал? — Камышин изучающе посмотрел на Апостола.

— Вы же знаете, Вячеслав Васильевич, — Игорь прямо и открыто смотрел в глаза Камышину, и тот понял: не отдал бы. За это и уважал. Честен до чертиков. Деньги вот полностью на счет перечислил… Когда вербовал этого богатыря, он не хитрил и не юлил: посмотрел документы и согласился сотрудничать.

— Насчет гостей будут указания? — после паузы спросил Игорь.

— Нет. Делай то, что обещал им. Наблюдение приставим, Интерпол подключим. Об изменениях в планах сообщай без промедления. Я тоже буду тебя держать в курсе дел.

Они пожали друг другу руки и разошлись в разные стороны. Камышин все же уселся на скамейку в конце аллеи у дымившейся кучи листвы. Он прочел донесение Апостола и задумался. А может, пусть они валят из страны, а этот Хамид пусть едет парить мозги кому другому?

Что милиция сможет предъявить при задержании? А ничего! В квартире чужих отпечатков пальцев не осталось, в лицо сержанты из засады никого не видели… Костюк такой фоторобот составил, что похоже на что угодно — от бешеного буйвола до газонокосилки. Фотографию злодея ни он, ни водитель угнанной «Волги» не признали. Судя по донесению Апостола, ребята за

границей собираются затихариться… А какое нам дело? Особенно если тысчонка-другая осядет на личном камышинском счету? Тем более — все пятьдесят? И даже пятьдесят пять? Тут капитан хмыкнул и улыбнулся. Если вор украдет у вора, то это не воровство, а дележ. Да и судя по тем материалам, что показал ему Хамид, тому этой троице предъявить нечего. А может, утаил чего? Ну тогда сам виноват. С этими мыслями капитан встал со скамейки, отряхнул сзади пальто и двинулся в сторону шумного потока машин. Пока ехали в отдел, Камышин думал, как по-быстрому отделаться от чернокожего соглядатая. Вячеслав сидел на заднем сидении служебной «Волги» и смотрел в забрызганное мелкими каплями боковое стекло. В салоне тихо играло радио.

Хамид ему почти друг, но их планы не совпадают. Зарубежному коллеге кровь из носу нужны эти трое, что сейчас парятся в квартире Апостола. Но принятое решение капитан менять не собирается. Более того, есть возможность изрядно подгадить полковнику Ивашову, который явно уже просверлил дырку в парадном мундире, вознамерившись за его, капитана Камышина, счет украсить китель минимум орденом. Не-е-ет! Пусть латает мундир! Камышину вряд ли перепадет от этого дождя из почестей и званий. Полковник костьми ляжет, но найдет за капитаном прегрешения. Если сейчас все выложить начальству, то Ивашов начнет махать шашкой. Он заставит взять подозреваемых на пороге подъезда, а когда окажется, что на них ничего нет, за неудачу отвечать придется ему — Камышину. Но чего больше всего боялся опытный опер, так это засветить Апостола.

Улетай!

Они вышли из подъезда в промозглую осеннюю темноту. Дима встревоженно огляделся вокруг и вздохнул — погода могла оказаться нелетной. Неподалеку вспыхнули и погасли автомобильные фары.

— Нам туда, — коротко скомандовал Ксор. Час назад он вернулся: поставил в паркинг «Бентли», выпил чаю и теперь был готов следовать туда, где им никто не должен помешать.

Вот только помешать — в чем? Ксор не задумывался. Он — ангел. Его дело — выполнять господню волю. И уж если ему, ангелу, вдруг заблагорассудилось удержать этих людей на белом свете, значит, так угодно Богу. В конце концов, что такое эти Книги Судеб? Так, обычные инструменты управления коллективом трудящихся, неустанно производящих энергоны…

В Москве, конечно, Хамдиэль не даст подступиться к Месту Силы. Но сконцентрировать внимание на всех Книгах Судеб Земли даже он не в состоянии! Да и потом, Хамдиэль — мальчишка, по ангельским меркам. Каков опыт у Ксора? Миллиарды лет! А Хэм? Еще недавно был человеком. Обычным, хоть и не вполне заурядным. А то б, конечно, кто его в ангелы перевел бы? Нечасто такое бывает…

Нечасто, да… Но и нужда обманывать одному ангелу другого возникает еще реже. Ксор, к примеру, такого даже вспомнить не мог. Вселенная, конечно, большая, и на большинство галактик по паре ангелов непременно приходится, так что всякое может случиться. Но вспомнить нечего.

А раз вспомнить нечего, нужно придумывать. Оставить в дураках Хамдиэля — дело непростое. Ну, допустим, улизнуть от его бдительного ока они улизнут. Дальше что? А дальше нужно проникнуть в Место Силы — любое, — войти в связь с Москвой и дистанционно вымарать из Книги Судьбы две строчки. Все произойдет именно так, как бывает при смерти человека.

Живет человек — вместе с ним живет запись в Книге. Светится, меняется, укорачивается либо удлиняется: закон воздаяния ведь пока никто не отменил. А как умирает, отдав Богу душу, запись тускнеет, но держится. Всего девять дней. После исчезает полностью и навсегда. Освободившиеся строки заполняются автоматически.

Ну вот и им нужно: запись поменять да девять дней продержаться.

* * *

Винтажный «Форд Гранада» зафыркал трехлитровым мотором. За рулем в просторном салоне высилась мощная фигура Игоря. Ксор уселся рядом с Игорем, а парочка забралась на заднее сиденье и захлопнула за собой дверцу. Послышалось сопение, возня и шелест пластика.

— Вы сели на ваши новые документы и билеты, — сказал Игорь, включая первую передачу.

— О как! И кто мы теперь? — Дима изумленно вскинул кверху брови.

— Вы теперь Иннокентий Севостьянович Дробкин, а ваш партнер — Петер Иоганнович Кляйн. Девушка — Клавдия Никаноровна Гоберидзе. Собственно, можно было бы дать вам и другие имена, но… уж какие паспорта были. Из тех, чьи даты рождения подходят… По моим данным, вас сегодня никто искать не будет. Кстати, куда летим? Конечный пункт, я имею в виду? — Игорь адресовал вопрос Диме, который и заказывал билеты.

— Перт, — ответил Дима наобум. Билеты приобретались до Эр-Рияда, а там следовало купить другие.

— Классный городок, — Игорь коротко присвистнул, оценивая сверхвысокий класс жизни в этом населенном пункте. — На ваш самолет до Эр-Рияда билетов первого класса не было — уж простите, спешка… Полетите эконом-классом. Я сначала хотел вас отправить как сопровождающих с почтовым самолетом: перелет бесплатно, да и искать вас на таком рейсе никто не станет. Но решил — это лишнее, — Игорь посмотрел на Диму. — Кстати, вы по легенде занимаетесь торговлей подержанными авто, и у вас деловая поездка. Что искать вам в арабском краю? Антикварный «Бьюик», принадлежавший некоему шейху и, по слухам, прошедший более миллиона километров за семьдесят четыре года, при этом ни разу не бывавший в ремонте. В багажнике машины вы найдете четыре сумки, а то без багажа будете смотреться подозрительно. В одной из них — еда, вполне доброкачественная. Так что рекомендую…

В Домодедово, несмотря на поздний час, народу накопилось много. До начала регистрации оставалось пять минут и, уточнив для своих подопечных время отправления рейса Москва — Эр-Рияд, Игорь пожал им руки и удалился. Подходя к «Гранаде», дожидавшейся его на аэропортовской стоянке, Игорь достал из кармана телефон, пощелкал по кнопкам и произнес:

— Это Апостол…

Провинился

Камышин сидел на стуле, как приклеенный. Спина, ровная, будто аршин проглотил, прижата к спинке. Руки на коленях в самом непринужденном положении. Со стороны могло показаться, что человек просто отдыхает, откинувшись на спинку стула. На самом деле капитан не мог пошевельнуться, даже если бы и захотел. Но и шевелиться ему не хотелось…

По кабинету перед неподвижно сидящим капитаном нервно расхаживал Хамид. Он был вне себя от ярости и недоумения. Этот человек, этот Камышин — он попытался провести ангела! Скрыл от него факт нападения Ксора на милицейский наряд в квартире, угон машины с последовавшим за ним преспокойным путешествием через пол-Москвы. Скрыл и факт (что там факт, помощь свою скрыл!) приобретения билетов на самолет, и плюс к тому проводил — посредством своего то ли агента, то ли сообщника — всех троих преступников на борт.

Хамдиэль уже побывал в небе, разыскал этот «Боинг», мирно летящий на берега Персидского залива, просмотрел полупустой салон через стекла иллюминаторов и нужных пассажиров там не обнаружил. Ну, что Ксор хитер, сомневаться не приходится… Безупречный костюм Хамида от полетов с такими скоростями пришел в полную негодность, измочалился и изорвался, и ангел сейчас напоминал африканское огородное пугало — но Камышину, единственному зрителю этого цирка, было не до смеха. Всем своим нутром он чувствовал, что за этим невероятно изодранным костюмом и рассерженным негром, быстрыми шагами меряющим камышинский кабинет, кроется нечто большее и куда более страшное, нежели погоня за преступниками, обманом завладевшими чужими деньгами. Ужас, который чувствовал Славик Камышин, молодой еще человек, был первозданным и непреодолимым. По временам ему даже хотелось смерти, желательно мгновенной… Переживания капитана Хамдиэля волновали меньше всего. Он не мог понять, как так случилось, что он, ангел, не сумел почувствовать близкое присутствие другого ангела — а ведь способен ощутить волю архангелов, удаленных на миллиарды километров.

И самое главное, чего не мог уразуметь Хамдиэль, это причину, по которой он бездействует. Он действительно не знал, что делать, — и не хотел ничего делать! А ведь есть четкое и недвусмысленное решение: Ксора с Земли удалить, предоставив решение его судьбы Совету архангелов, а Диму и Олю… Кто они? Так, человечки… Душу из них долой, и по колониям. Пусть

пользу приносят.

При этом действовать Хамдиэлю банально не хотелось! А хотелось… в отпуск, ему хотелось забыть о своей сущности и предаться приятному ничегонеделанию где-нибудь на заросшем пальмами пляже. С бутылочкой дагестанского коньячка, ожидающей в тенечке…

Это наваждение Хамдиэля почти пугало. Он, конечно, мог предполагать, что нарушения его чувствительности проистекают из системного сбоя во взаимодействии с Ксором. Но ведь почувствовать Ксора он обязан был раньше, когда тот проникал в квартиру через кухонную форточку, и когда тот катался по Москве на «Волге». Однако не только не почувствовал, но даже и намека не ощутил никакого… Что-то явно мешало Хамдиэлю — но что? Что вообще может помешать ангелу? Такого в природе нет…

Наконец Хамдиэль остановился, поставил стул напротив Камышина, сел и спросил:

— Сдохнуть хочешь? Вину чувствуешь? Пятьдесят пять тысяч евро душу греют? Думаешь, не врал ли профессор Школьник о возможности полетов в никуда?

Капитан ошеломленно молчал, не зная, что и сказать. Откуда этот черный полисмен мог узнать о поступлении денег на совершенно левый счет, к которому документально Вячеслав Васильевич Камышин ни малейшего отношения не имел? Как он догадался о суицидальных настроениях? И о желании хоть разок полетать так, как старший Школьник — в рассказе Хамида?

Хамдиэль сверлил взглядом находящегося в ступоре капитана, после бросил взгляд на свое чрезмерно живописное одеяние.

— Не бери в голову костюмчик, капитан. Смотри — вот он делается как новый… Давай-ка мы с тобой, Славик, коньячку дернем, чтобы ты меня за врага не держал!

Хамдиэль повернулся к столу, что-то достал из внутреннего кармана, что-то — вообще из воздуха, чем-то тоненько звякнул — и через полминуты повернулся к Камышину. На столе стояла неоткупоренная бутылка шестимедального «Дагестана», из высокой вазы свисали виноградные гроздья, тонко нарезанный лимон истекал соком в пиалке полупрозрачного фарфора.

— Придвигайся поближе, Слава… Ну ее, эту работу. Давай выпьем, и я открою тебе — чисто по дружбе — один большущий секрет.

Полет, да не тот

Игорь закончил доклад и отправил телефон в карман. Кажется все… Подальше от этих полоумных заказчиков, посытнее заткнуть пасть представителю власти. Заработанного хватит на год, а за год можно и отдохнуть, и нервы подлечить, можно и новое дело провернуть. Чейз молодец… Совсем, правда, съехал на секретности и безопасности, но Игорю это только на руку. Пусть прячется себе в кварталах корсиканской бедноты. Главное, что Игорю он доверяет и на его предложения всегда реагирует с полной готовностью. Собственную инициативу он, похоже, задвинул далеко и надолго. А что, доход хороший, а все концы сходятся на некоем Игоре, который за тысячи верст на севере живет. Чем не жизнь?

Игорь открыл водительскую дверь и плюхнулся на сиденье. Вставил ключ в замок зажигания. Мягко закрыл распахнутую дверку. Запираясь, щелкнули все четыре замка, хотя такой опции конструкторами не предусмотрено… Что за черт? Он подергал ручку, потянулся к пассажирской стороне. Правая дверь тоже не поддалась. Сердце забилось чаще. А задние двери? Может, хоть одну из них можно открыть?

Игорь рывком обернулся назад и встретился взглядом с Ксором. Рядом с ним сидели Дима и Оля.

— Д-д… добрый вечер, — выдавил из себя Игорь. — Чем обязан?

— Привет! — с улыбкой произнес Дима. Оля даже не кивнула.

— Давно не виделись, — резюмировал Ксор.

— А как же Эр-Рияд? Или вы решили сразу в Перт? — спросил Игорь.

— Отличная мысль. Сейчас и полетим, — ответил Ксор. — Заводите двигатель и включайте печку: на высоте холодно. И позвольте мне перебраться вперед, а то тесновато…

Игорь повернулся к лобовому стеклу и увидел, что озаренная ночным светом Москва плавно уходит все дальше вниз.

— Печку, — прозвучало сзади. — А то продрогнем тут насмерть. Да не тряситесь вы, Игорь Николаевич. Просто у нас есть подозрение, что самолет, если мы в нем будем находиться, не долетит до места.

* * *

— …Вот такие дела, Слава. — Хамид закончил рассказ.

Камышин с усилием тряхнул головой и медленно произнес:

— В-водки… хватит. Хамид, ты обещал мне…

— Да, Слава. Я обещал научить тебя летать. Только давай откроем окно, а то летать в таком виде прямо в кабинете — ты всю побелку с потолка на себя соберешь.

— Давай, — согласился Камышин.

Они постояли у открытого окна, вдыхая свежий воздух осенней московской ночи.

— Начинаем, — проговорил Хамдиэль и крепко взял капитана за локоть. Подоконник медленно скользнул под ноги. Растворенное светящееся окно осталось внизу.

Камышин ничего особенного не чувствовал. Ну, летит он. Ну, Москва сияет как на ладони. Холодно, однако, в вышине. Ветер колючий.

— Ну, как ты? — перекрикивая свист ветра, прокричал Хамид.

— Пьяный я… — пробормотал Камышин. — Мне все по шарабану…

— Понятно! — воскликнул Хамдиэль. — Тело мешает душе воспарить и возрадоваться. Хочешь выйти из тела?

— Бухим? — уточнил Камышин.

— Нет, — рассмеялся ангел, — душа всегда чиста… Так хочешь?

— Давай! — согласился капитан.

Хамдиэль подлетел поближе, одной рукой крепко взялся за затылок, а другую запустил куда-то внутрь Вячеслава, не нарушая, однако, его телесной целостности. В тот же миг Вячеслав почувствовал, как нетрезвость исчезла, холод исчез, желание посетить туалет тоже исчезло. Под ним, перед ним, над ним простирался огромный мир, бесконечно прекрасный, разный в каждом своем уголке.

Славу неудержимо тянуло туда, вверх, прочь от Земли. Он знал, что его ждет что-то большое и хорошее, и силился вспомнить, что именно.

— Вспомнишь, как только я тебя отпущу, — услышал он голос Хамдиэля.

— Как это? — изумился Слава.

— Отпущу вот как это проспиртованное мясо, — сказал Хамдиэль и разжал одну руку. Безжизненное тело в капитанском мундире устремилось вниз. — А твой путь отныне — наверх. Прощай, Слава!

Хамдиэль разжал руку, и душа Вячеслава Васильевича Камышина, капитана милиции, устремилась вверх, с каждой

секундой утрачивая сожаление о безвременном окончании земной юдоли. Дольше всего он жалел, что не успел ни цента истратить из полученных пятидесяти пяти тысяч евро. А главное, и жене они не достанутся. А может, это уже и не главное… Тело капитана впечаталось в асфальт прямо под окном его служебного кабинета. Экспертиза показала присутствие в крови самоубийцы непомерного количества алкоголя. Строго говоря, умереть он должен был еще литр назад… Характер повреждений указывал на огромную скорость, которую сумел развить капитан, планируя с четвертого этажа.

Но этот факт полковник Ивашов приказал в протоколе не отражать.

* * *

В Перт не полетели. Ксор направил полет на восток.

В Сингапуре было не просто тепло, там стояла жара. «Форд Гранада» с московскими номерами и непривычным здесь левым рулем приютился в уголке большой автостоянки. Заспанные Ксор, Дима, Оля и Игорь выбрались наружу.

— Ну, что? Будем прощаться? — Ксор протянул руку Игорю Николаевичу.

— Будем, — согласился Игорь. Двадцать часов полета утомили его, хотя, без сомнения, и развлекли. Особенно ему понравился обгон авиалайнера — того самого, на котором должны были лететь его клиенты. А до глубины души его поразил вид чернокожего мужчины, методично перемещавшегося от иллюминатора к иллюминатору и пытавшегося чего-то там, внутри, рассмотреть. И хотя между «Фордом» и «Боингом» было от силы метров сто, автомобиль остался незамеченным для этого странного мужика.

Ксор что-то объяснял про научно-практические достижения спецслужб, но Игорь ничего не понял. Кто гоняется, кого ловят, за что… Темный лес. Ну ничего… Сейчас он устроится на заднем сиденьи и уснет. Только бак нужно наполнить, да не чем-нибудь, а «экстрой».

Игорь помахал удаляющимся попутчикам и сел за руль, чтоб проехать двести метров до заправки. Ксор пообещал, что как только Игорь решит вылететь, ему достаточно завести двигатель, рычаг скоростей перевести в нейтральное положение и любой из имеющихся переключателей перевести в положение «вверх», вне зависимости от того, «включено» это будет или «выключено».

— Это ему и назад почти сутки лететь? — спросил Дима

негромко, догадываясь, что не все так просто в организации полетов.

— Скорее всего, меньше, — пожал плечами Ксор. — Кто не даст его автомобилю развалиться? Меня рядом не будет. Скорость-то — под тысячу километров… Кто наполнит машину кислородом? На большой высоте его маловато… А холод? Автомобильный отопитель с ним не справится… Так что лететь Игорю ровно столько, сколько в нем протеплится жизнь. Как только он потеряет сознание, машина упадет.

— В общем, он обречен?

— Все обречены, Дима. Только никто об этом не задумывается…

— А мы куда?

— Нам нужен компьютер со сканером. И Интернет. Покупаем ноутбук, сканер, снимаем номер в гостинице с вай-фаем, и вперед. Если все проходит удачно — через девять дней про вас все забывают. И делайте все, что заблагорассудится. А я посмотрю, для чего Господь вас — моими усилиями — уберег…

Промежуточный финиш

Обустройство не отняло много времени и сил. С наступлением утра Дима и Оля оказались в банке, где девушка быстро вошла в роль распорядителя немалых денег, переведенных из Швейцарии, а Дима проявил себя квалифицированным покупателем гаджетов.

В гостиничном номере все было готово к контакту с психосетями. Ксор объяснял Диме, Оля внимательно слушала:

— Войти в психосеть и получить виртуальный доступ к Книге Судеб мы можем и без трансмиттерного проникновения в Место Силы. Для этого нам достаточно обычного канала…

— Но там, — возражал Дима, — есть тупиковый парольный вход, и что ни вводи, толку нет…

— Ошибаешься. Та карточка, которую ты получил от меня в кафе, и есть пропуск. Если ты физически вошел в Место, приложи ее к терминалу — облачная стена и отодвинется. Если ты решил вторгнуться в предначертанное виртуально, в качестве пароля введи скан этой бумажки. Ларчик, опять-таки, и откроется…

— Что тут сканировать, Ксор? — спросила Оля. — Карточка чиста, только рельеф да Димкины каракули…

— Э-э, Оля, — усмехнулся ангел. — Не все так просто! Помести эту бумажку в сканер, и световой луч обежит все ее волокна. Их взаимное расположение — и есть неповторимый, неподбираемый код. Ангел, конечно, в состоянии и на память воспроизвести всю структуру листка. Но проще воспользоваться пропуском.

Дима просканировал карточку и создал файл. Вошел в сеть. Набрал в поисковике адрес сервера, обслуживающего, среди прочих, психосети. И… ничего не произошло! Компьютер завис. Дима старался, как мог. Он перезагружал машину, переустанавливал системы — результат был одним и тем же.

— Что-то тут не так, Ксор, — наконец сдался он.

— Сам вижу, — отозвался ангел. — Давайте-ка перестанем суетиться, попьем чайку, пораскинем мозгами…

Девушка набрала воды в гостиничный чайник и нажала кнопку выключателя. Потом достала из посудного шкафчика три чашки, насыпала в каждую по щепотке заварки.

— Готовь на четверых, — предложил Ксор.

— Почему на четверых? — спросил удивленный Дима.

— Невежливо пить чай втроем, когда нас четверо… — Ксор сделал несколько шагов к выходу, открыл дверь и сказал:

— Входи.

И посторонился.

Высокий негр в отлично сидящем костюме вошел без приветствий и без улыбки, словно к себе домой. Сел на диван. Вскипел чай. Сделав два маленьких глоточка ароматного настоя, Хамдиэль спросил Ксора на арамейском:

— Давно ты понял?

— Еще там, на Луне, — ответил Ксор. — Ты молод, тебе невдомек… Потом дай, думаю, шутки ради не в дверь войду, а в форточку влезу, — и он кивнул на Диму, — это когда в его квартиру. А когда ты и туда не явился, я уж совсем распоясался — поехал на милицейской «Волге» по Москве кататься… Вот тогда-то стало окончательно ясно, что не мы действуем, а нами действуют.

Ангелы дружно рассмеялись, а Дима и Оля остались сидеть в недоумении.

— Объясни им, — сказал Хамдиэль.

— Мне не все в точности известно, — произнес Ксор уже по-русски, — но вам, Дима и Оля, похоже, срок жизни вовсе не укорочен. Нам не было нужды добывать деньги, прятаться, лететь в Сингапур. Записи в московской Книге Судеб, сделанные Хамдиэлем, не были утверждены.

Дима и Оля ошеломленно молчали.

— Иными словами, — подхватил мысль Хамдиэль, — в полночь, в момент смены дат, когда вы по Подмосковью ошивались, моя запись о прекращении ваших жизней стерлась. Сама собой. Найти же вас, чтобы сообщить об этом чрезвычайно важном событии, даже с помощью доблестной московской милиции, мне не удавалось. Пока тот замерзающий на десятикилометровой высоте идиот не взмолился об избавлении.

— Представляю, как он орал… Но что же теперь там написано? — хрипло спросил Дима.

— Ничего, — просто ответил Ксор. — В таких случаях обычно остается пустое место вместо слов и дат.

— То есть исчезает, — уточнил Хамдиэль, — только дата смерти. Дата рождения, начатки жизненного пути — есть, а смерти — нет.

— Последний раз, — Ксор отставил чайную чашку, — такое было много лет назад. Вот с ним. Только его перевели в ангелы. А куда переведут вас — неизвестно…

Ксор кивнул на Хамдиэля.

— Допивайте чай, — проговорил черный ангел, — нас ждут там.

И он указал наверх.

Дорога и ожидание

— Что с нашими телами? — спросил Дима, когда четыре души — две ангельских и две человеческих — покинули Землю и отправились в полет.

— Ваши тела, а также вещи, деньги, и драгоценная карточка остались в номере и в скором времени будут утилизованы по законам государства Сингапур.

— Утилизованы… Где ты таких слов набрался, Хамдиэль? — поинтересовалась Оля. — Если у меня было тело, я б содрогнулась… Кроме того, пока мы летим невесть куда, не соблаговолят ли господа ангелы кое-что разъяснить человеческим душам?

— Соблаговолят, — ответил Хамдиэль. — Но разъяснять особо нечего… Вы с Димой нагло вторглись в святая святых — в психосети, предназначенные для скрытого управления человечеством. За это вас будут судить.

— А потом — казнят? — в голосе Оли прорезалась тревога.

— Не торопись, — беспечно посоветовал Ксор. — Все решится. Но рукоплесканий не ждите…

Ангелы умолкли. Молчали и человеческие души. Вселенная, безмолвная в пустотах, разделяющих редкие — пусть и циклопические — сгустки материи, бесстрастно сопровождала их полет.

Времени не ощущалось. Дима, даже если бы и захотел, не смог бы сказать, как долго они летели. Он не удивлялся ни быстроте перемещения, ни унылому спокойствию в глубине собственной души. Что-то они делали не так, пока жили на Земле. Не все ли равно? Теперь? Когда все позади?

И только маленький осколочек былой страсти, хранивший в себе все, что было свойственно Дмитрию Сергеевичу Школьнику, не давал душе утонуть в безразличии.

«Не все позади! — убеждало его это что-то, — и не все проиграно! Возможно, ты жил неправильно. Возможно, от тебя ждали несбыточного. Возможно, плохого ты сделал больше, чем хорошего. Возможно, ты кругом не прав! Все равно не сдавайся!»

«А может, — возражалось в душе, — эта непокорность и стремление «не сдаваться» любой ценой — и есть главная беда? Стоит ли тогда перечить?»

— Остановитесь, души! — вдруг прозвучало везде и нигде. — Хватит бороздить просторы Вселенной. Сейчас сюда слетятся архангелы, и ваша участь будет решена.

— Малахиэль! — радостно и одновременно почтительно

воскликнули Ксор и Хамдиэль.

— Я, — подтвердил архангел. — Не позабыли старика?

Суд

— Освоились? — спросил Малахиэль. И не дожидаясь ответа, объявил:

— Предлагаю начать суд!

Он немного помолчал, обводя взглядом архангелов, собравшихся со всех концов Вселенной, и продолжил:

— Как куратор проекта «Разумная Земля» позволю себе вступительное слово. Основу нашей Вселенной составляют две противоборствующие силы, Борэа и Орэс. Сумма этих начал дала нам Господа. Господь, отделив части духа своего, дал жизнь нам, ангелам, и всем остальным душам. Я говорю об этом затем, чтобы напомнить архангелам, с высоты положения которых заботы маленьких людских душ могут показаться ничтожными. Каждая живая душа — великая ценность, потому что она — часть Бога. Для чего великие силы Борэа и Орэс пошли на соединение своих сущностей в лице Господа? Зачем Вседержителю было отделять от себя части, давая жизнь нам? Необходимость в нас проста: мы обеспечиваем выполнение законов Вселенной, а они, в свою очередь, направлены на преодоление энергетического дефицита. Пространство, для того, чтобы существовать в развернутом виде, нуждается в постоянном расходе энергии. Время, для того чтобы течь более или менее равномерно, тратит энергии еще больше. Все первоначальные запасы энергии истрачены Господом на создание Вселенной. Дальнейшее ее существование возможно только при активном восполнении энергетических расходов. То есть, при производстве материальными объектами энергонов — элементов мироздания, пригодных и для расширения пространства, и для движения времени. Материя синтезирует и выделяет энергоны — вот основа жизнеспособности Вселенной. Неживая материя энергоногенна в меньшей степени, живая — в большей, а разумные существа превосходят всякий иной вид материи в этом синтезе. Всех нас — в свое время — впечатлили первые итоги вразумления живущих: энергонная отдача возросла настолько, что нет теперь галактики, в которой бы не культивировалась та или иная форма разумной жизни. Колонии душ, в равной мере принадлежащие и Борэа, силе созидания, и Орэс, силе разрушения, наполняют окрестности обитаемых миров. Известной автономности существования разумных сообществ, как известно, удается добиться путем применения системы планетных канцелярий: технических, по сути, учреждений, работающих в автоматическом режиме. Земная канцелярия, позволю себе уточнить для тех архангелов, кто далек

от Солнечной системы, представляет собой плотную сеть Мест Силы, расположенных в различных областях, и содержащих в себе Книги Судеб.

Эти Книги представляют собой устройства, осуществляющие постоянную связь с каждым из живущих при помощи действующих психосетей, и задающие каждому человеку более или менее определенные параметры существования. Человек, тем не менее, не утрачивает ни свободы выбора, ни свободы действий. Управляется Канцелярия парой ангелов, по одному от Борэа и Орэс; причем полномочия Борэа, как правило, выше… Это понятно. Создание системы психосетей, напомню, произошло не вдруг, и их применение — залог сдерживания человечества от наименее разумных решений. Ведь, как известно, люди Земли, в порядке эксперимента созданные по образу и подобию божьему, что значит — наделенные способностями к созиданию и разрушению, не раз и не два задавали нам задачи, которым мы не находили решений… И тогда мы брали на себя смелость осуществления «перезагрузки» планеты: человечество уничтожалось. В живых оставлялись достойнейшие, с расчетом на то, что наследники достойных получатся удачными. Присутствующие здесь Дима и Оля — представители последнего поколения людей. К моменту рождения каждого из них психосети исправно функционировали уже несколько десятилетий, благодаря чему человечество стабильно прирастало численностью, умеренно страдало в катаклизмах собственного развития, и в целом обеспечивало весьма ощутимый прирост поступления энергонов во Вселенную. Для нашей Вселенной, созданной в условиях дефицита ресурсов, крайне важно постоянно получать энергонную подпитку, дающую возможность расширять пространство, продлевать время и образовывать материю. Снизь мы усилия по продуцированию энергонов, и пространство, а вместе с ним и Вселенная, перестанет расширяться, баланс сил нарушится, и в скором времени (которое, кстати, тоже не останется неизменным) наше существование прекратится. Я для того это так подробно проговариваю, чтобы всем присутствующим было ясно: что именно в нашем мире важно, а что — второстепенно.

— Из твоих слов, Малахиэль, можно сделать один вывод, — произнес Дима, — энергоны — это наше все. А люди, наиболее эффективные производители этих самых энергонов, продуцирующие их в процессе собственных переживаний — в том числе и смертных мук — это так, всего лишь элементы питания. Батарейки. Кончился заряд — выбросили. Вся партия вышла неказистой — под пресс ее. Энергия бьет через край — потоп на

их головы. Не туда тыкаться стали, как слепые котята — горящей серой их залить! Так?

— И хотя, Дима, ты несколько утрируешь, положение дел, несомненно, именно таково, — улыбнувшись, ответил Малахиэль. — Никто не ставил и не ставит во главу угла ценность человечества как созидающего начала. Да и сомнений в способности человека сделать ну хоть что-нибудь стоящее — хоть отбавляй… А вот насчет батарейки — это ты прав. Хороший образ, верный. Но ты, похоже, не согласен с такой ролью?

— Категорически! — воскликнул Дима. — Уж если вы создали нас богоравными, будьте добры, и относитесь соответственно!

По рядам архангелов прокатился смешок.

— Да ведь мы, Дима, — улыбнулся архангел, — так и пытались. Долго… Но потом один из нас догадался повнимательнее присмотреться к человеческой истории, и нам стало страшно.

— Что именно напугало почтенных архангелов? — Дима старался говорить доброжелательно и открыто, понимая, что отношение к нему — это отношение ко всему человечеству.

— Никаких открытий и изобретений люди не делают по одному разу, — посетовал Малахиэль. — И если уж одни нашли способ беспрепятственного проникновения в психосети, то следом за ними пойдут и вторые, и третьи, и тридцать третьи. А потом они явятся сюда и заявят: Вселенная наша, мы в ней живем. Обычно они делают так…

— Люди действительно столь непоследовательны и предсказуемы в поступках? — поинтересовался один из архангелов. — Или это только данные человеки таковы?

— Данные человеки, — возразил Малахиэль, — чуть ли не образец для подражания. Чаще встречаются куда более экстремальные личности… Приняв самую миролюбивую религию, они развязывали самые кровопролитные войны. Потом накопили знаний, стали умнее и утонченнее. И войны, и преступления усовершенствовались. Продолжается этот процесс и теперь: разработав отличную правовую систему, человечество придумывает все более эффективные способы пренебрежения законами.

— Иначе говоря, — уточнил спрашивавший архангел, — прогресс человечества компенсируется его же регрессом?

— Нет, — ответил Малахиэль. — Прогресс человечества идет все ускоряющимися темпами. И синхронно с ним развивается духовный регресс среднестатистического человека. В недалеком будущем, с уверенностью можно утверждать, человек станет еще

более разумным, но перестанет быть духовной личностью.

— Нечего тут и рассуждать, — резюмировал архангел. — К общему знаменателю их, и дело с концом. А высвободившиеся души направим на развитие полевых форм жизни: у них и сроки существования покороче, и плодовитость на уровне, и управляемость на высоте.

— То есть как так — к общему знаменателю? — возмутился Дима. — Что же это получается? Создали нас, как я понимаю, впервые за время существования Вселенной, именно такими, как угодно Всевышнему, чуть что не так — жгли да топили, а теперь, когда мы головы едва приподняли от вашего гнета, — к общему знаменателю?

— Обратите внимание, — повернулся к присутствующим архангел, ратовавший за полевые формы жизни, — вместо того, чтоб склониться и смиренно принять волю старшего, этот, с позволенья сказать, образец для подражания, дерзит…

— И правильно дерзит! — крикнула Оля. — Вселенная нуждается в энергонах? Остро! А не люди ли обеспечивают максимальный выход этих энергонов? Люди! И вот, вместо того, чтоб справиться с болезнями роста человеческой цивилизации, вы ее — раз уже жгли и топили — что? Эпидемиями заморите? А вместо людей разведете послушные, но малопродуктивные кристаллики да доли секунды живущие молнии?

— А все ради чего? — подхватил Дима.

— Действительно, Дима, открой нам — ради чего? — подбодрил его Малахиэль.

— Того ради только, чтоб ваше старческое болото богоподобных ангелоидов никто не потревожил. Сколько лет большинству из вас? Почти как Вселенной, так ведь?

Архангелы переглянулись. Новичков младше десяти миллиардов лет среди них действительно не было…

— А эта ваша мода на старое, на крепкое человеческое тело? Пижонство… Потому вы от людей хотите избавиться, что они потеснят вас на троне распорядителей всего сущего! А перед этим взболтают ваше замшелое болото. Вы о покое своем заботитесь, а не о Вселенной!

— Остыньте, молодой человек, — махнул рукой любознательный архангел. — Ваши слова переполнены ехидством отчаявшегося труса. Что из того, что последние три тысячи лет архангелы носят именно этот фасон внешности? Вы, похоже, банально страшитесь смерти… Которая суть есть простое высвобождение души из телесных оков. В общем, ваши возражения мы не находим конструктивными, и по-прежнему считаем, человечество — продукт неудачного эксперимента.

Энергонные потоки от вас — явление, скорее всего, временное: когда вы себя уничтожите, а произойдет это, несомненно, скоро, ни о каком поступлении энергонов во Вселенную и говорить не придется. Так чего ждать? Если вы обречены — зачем испытывать судьбу? Вдруг вы отыщете способ вторгнуться еще куда-либо, кроме психосетей? Предлагаю поручить Ксору — а Хамдиэля обязать проконтролировать — полное уничтожение людей Земли.

— Тогда вместе с людьми распорядитесь уничтожить самих себя! — вспылил Дима. — Вы ведь тоже созданы по образу и подобию? Вам ведь тоже замену подыскать нетрудно?

Сдержанный одобрительный гул прозвучал над архангельскими головами. Все они сочувственно улыбались и Диме, и Оле, и при этом соглашались с непримиримостью выступавшего архангела. В самом деле: развивалась же Вселенная пятнадцать миллиардов лет безо всяких экспериментов, ну и дальше дело пойдет ни шатко, ни валко… От людей же мороки больше, чем отдачи.

— Предлагаю проголосовать! — громко сказал Малахиэль. — Кто за прекращение эксперимента «Разумная Земля» путем полного уничтожения человечества, вместе со всеми перспективами и опасностями его развития?

Никто из архангелов не поднял руки и не шевельнулся каким-либо иным образом. Однако лики их неуловимо посветлели, фигуры обрели непостижимую стать, и по всему сделалось видно: все «за»! Кроме самого Малахиэля.

— Подождите секундочку, — попросил Малахиэль архангелов. — Пока вы голосовали, Господь дал мне понять: возможно, Дима с Олей правы. Возможно, людям действительно суждено подвинуть, если не подопнуть, архангелов, и принять на себя их функции. С большим, естественно, успехом. В общем, Господь повелевает дать этим двоим безотлагательную возможность проявить себя.

— Вы оба, — продолжил Малахиэль, обращаясь к Диме и Оле, — переводитесь из людей в ангелы, и направляетесь на обучение к Хамдиэлю и Ксору. По завершении обучения вы оба будете направлены на родную вам Землю. На Земле вам вменяется в обязанность создание разумного общества на базе современного вам животного мира.

— Димка! — шепнула на ухо Оля. — У нас опять будут тела! Понимаешь?

— То есть вы нас отправляете в прошлое? — удивился Дима.

— Ну, да, — подтвердил Малахиэль. — В вашем распоряжении будет планета, люди с которой исчезли — перешли в будущее, а животные — остались.

— Вот это да-а… — протянул Дима. — Что ж мы с ними делать будем?

— Разберетесь как-нибудь, — улыбнулся Малахиэль. — Тем более что вас ждет большое осложнение: Ксору и Хамдиэлю мы поручаем создать несколько агрессивных миров в другой галактике и взять приступом планету. Отстоите — молодцы. Не получится — что ж…

Часть вторая: ЭКСПЕРИМЕНТ

— Да, Дима. Борэа и Орэс — противоборствующие силы. И мирятся они между собой вынужденно. Их слияние без смешения дало возможность появления Бога. А Бог дал начало и нам… Каждая душа, как ты помнишь — это часть Бога. Чуть большая или чуть меньшая… Конечно, чем мельче душа, тем сильнее в ней проявляется действие того либо иного начала. И тем жестче эти проявления, чем однороднее душа. Потому-то мы и вынуждены держать человеческие души в колониях, а помещая их в тела, стараемся управлять их намерениями. Так что явление Земной Канцелярии — необходимо. Взаимодействие ангелов с Книгами Судеб — непременное условие подчинения людей. Так что ты даже не надейся, что явишься смертным в полыхании молний верхом на облаке, они и поклонятся…

— А что, не поклонятся? — недоверчиво спросил Дима.

— Один раз, — ответил Ксор. — После привыкнут, и даже замечать не будут. Отдохнул? А то я уже говорить устал… Тогда пробуй снова.

Зияющая бездна влекла и тянула. Человек потоптался на месте, словно собирался допрыгнуть до полосы прибоя, плескавшегося так далеко впереди и внизу, что волны казались почти неподвижными. Он зябко поежился, примерился неизвестно к чему, сжался, легонько присел, и резко распрямившись, прыгнул. Стройное человеческое тело вытянулось в струнку. Руки раскинулись как крылья. Со стороны могло показаться, что это большая красивая птица отправилась в полет. Но птиц небо этой планеты еще не видело, а падение полетом назвать трудно. Стремительно прочертив отвесную линию на фоне черного утеса, человеческое тело врезалось в галечный пляж. Округлые камни разлетелись брызгами, и два или три из них достигли воды. Серо-черная твердь окрасилась алой кровью, совершенно чуждой для мира, в котором органика пока что присутствовала лишь в виде разрозненных молекул. Эхо удара отразилось от скал раз, и другой, и третий — и все смолкло. Только безразличный и безымянный пока океан глухо шипел, смачивая берег слабыми волнами не слишком соленой воды.

Возле тела, углубившегося в гальку, вдруг материализовался мужчина. Он с сожалением взглянул на неудачливого прыгуна, постоял секунду, а после откинулся, будто уселся в кресло, и сощурился на солнце, висевшее в легкой дымке жаркого марева. Он покоился неподвижно и расслабленно, как будто под ним

стоял роскошный и удобный шезлонг. Но ни шезлонга, ни гамака, ни даже мифического ковра-самолета под человеком не было. Он висел — или лежал — просто в пустоте. На некоторой высоте над галечным берегом.

Тишина продлилась недолго. Вскоре тот, который так неловко прилетел со скалы, шевельнулся, шумно и с натугой вздохнул, приподнялся, оттолкнувшись от камней руками, и встал. Даже не встал, а вскочил. Легко и свободно, будто не было десятисекундного падения с огромной высоты, будто не было удара, раздробившего кости, превратившего в полужидкий кисель все тело, и заставившего добрую половину всей крови выплеснуться на горячие голыши. Крови на камнях тоже не осталось. О неловком приземлении напоминало лишь неровное углубление, по которому угадывалась форма человеческого тела с раскинутыми руками. Вставший критически осмотрел яму, досадливо сморщился, потер затылок и плюхнулся на невидимую лежанку рядом с другим. Так прошло несколько минут. Первым молчание нарушил прыгун.

— Не понимаю, что не так… Все, как ты велел, делаю. Строго по очереди: прыгнул, подкорректировал траекторию, вышел из тела…

— Ага… Продолжай, продолжай… Дальше…

— Дальше не успеваю… Как можно одновременно и тело придерживать, чтоб не расшиблось, и перенаправлять его полет, и кварциты твои чертовы пересчитывать?

— Кстати, сколько ты насчитал выходов кварца?

— Да нисколько! Не знаю, сколько…

— Но хоть видел их, пока летел?

— Ну, да… Сплошной полосой блестели…

— Вот теперь вспомни, все что видел, просто увидь заново, только помедленнее, чем при падении. И пересчитай.

Прыгун умолк и сосредоточился. Он обхватил руками голову, свел брови и словно вгляделся внутрь себя.

— Ну? — поторопил его другой, высокий атлетически сложенный блондин. — Сколько?

— Сейчас, — пробормотал брюнет. — Значит, так. Начиная от вершины — четыре обнажения на поверхности скалы, суммарной площадью тридцать семь квадратных метров, после единичные тусклые на вид включения…

— Это кальциты, — перебил его блондин, — у них блеск другой и прозрачности нет. Присмотрись получше.

— Ага, ну, тогда проще, — облегченно вздохнул черноволосый. — Тогда остались только кварцы в россыпях. Общим числом, — тут он замялся, но не от незнания, а от

усердного счета, — две тысячи семьсот девяносто восемь фрагментов. Что составляет почти половину процента от всех видимых камней осыпи.

— Допустим, — сказал блондин. — И когда можно здесь селить людей?

— Не раньше, чем через миллиард лет, — сказал брюнет. — Как раз, океан отступит, скала выветрится, кварцевые жилы обнажатся, а базальтовая основа останется прежней. Ну, и живность в водах появится. Если мы с тобой напустим…

— Напустим, Дима, напустим. Все верно ты подсчитал и рассчитал. Но технологию сбора сведений, сам понимаешь, нужно совершенствовать. Никуда не годится тратить столько ресурсов на выполнение мизерной задачи. Так что поднимайся наверх, и все с начала. Расскажи мне, что и как станешь предпринимать…

— Еще раз рассказывать?

— Еще раз.

— В общем так… Я прыгаю. Пока лечу, считаю камешки. Смотрю не глазами, а внутренним взором. Душой то есть… Перед землей выхожу из тела, торможу его падение, одновременно фиксирую в памяти определенное место над поверхностью моря, не слишком далеко от берега. Тело направляю к этой точке. Это и будет пункт моего выхода из воды. Сам же погружаюсь в почву до глубины в двадцать примерно метров и плавно направляюсь в сторону моря. Попадаю в воду, перемещаюсь горизонтально сколько сочту нужным, а после выныриваю в той точке, к которой тем временем подлетает тело. Снова вхожу в тело и вплавь направляюсь к берегу.

— Причем не просто вплавь, а с максимальной скоростью.

— Ксор, ну, куда спешить-то… Что изменят эти секунды?

— Ничего. Но тело, Дима, будет таким образом тренироваться, получая природные нагрузки. Ты мне лучше вот что скажи… Говоришь ты все правильно. Чувствуется, твердо усвоил. Отчего тогда мы с тобой уже пять раз повторили все словами, и все верно, но ты все-таки уже четырежды убился? Что тебе мешает?

— Ксор, я не знаю… Все стараюсь делать последовательно, но мне, похоже, не хватает времени…

— Времени? Ты ж падаешь без малого десять секунд? А реально на все про все нужно секунды полторы — это я по себе сужу, Хамдиэль бы справился быстрее.

— Не знаю, Ксор. Я очень стараюсь. Понимаешь — очень!

— Понимаю. Тогда вот что… Больше не старайся. Просто прыгнул — и лети, лови кайф, не думай, что плашмя об камни — это больно…

— Очень больно, не передать словами, как больно!

— Я и говорю. Не думай об этом. Ни о чем не думай. Просто наблюдай вполглаза. На утес поглядывай. А как земля приблизится, ты тело — как метатель копье — отправь в море. В смысле, над морем. Со скоростью, о которой подумай точно. Почувствуй ее. Представь. И направление ощути. Вот, а после спокойно уходи под землю. И дальше по программе… Смотри на все внимательно, но ничего не считай, ничего не представляй и ничего не анализируй. Твоя задача — только увидеть, осознание оставь на потом. Все подсчеты проведешь позже, пока будешь назад плыть. А выводы сами напросятся, не зря ж мы столько знаний в тебя вколотили.

— Внедрили…

— Хорошо, Дима, внедрили. Лети наверх, прыгай снова, а я пойду к кромке прибоя. На сей раз меня интересуют данные об интенсивности выделения сероводорода на всем пути твоего следования. Времени тебе — две минуты вместе с плаванием. Честно скажу, реально нужно секунд тридцать. Старайся, — сказал Ксор и, хрустя галькой, направился к океану.

Дима глянул на удаляющуюся спину друга, поднял брови, вздохнул, вытянул руку со сжатым кулаком, как делал Супермен в бесконечно, как казалось, далеком и давнем земном кинематографе, и полетел на вершину громадной скалы.

«Обсохну заодно…»

Ксор вошел в воду и остановился. Набегающая волна то захлестывала выше колен, то едва покрывала щиколотки. Он наклонился, не глядя взял несколько камешков, и стал швырять их, стараясь «напечь» как можно больше «блинов». Один раз повезло: камень скакнул с волны на волну, с волны на волну, и дальше — в общем, двадцать один раз шлепнулся, потом утонул.

— Молодец! — похвалил Ксор сам себя, и повернулся в сторону пловца, мчавшегося к берегу хорошим кролем — три гребка, вдох слева; снова три гребка, вдох справа.

«Хитрец», — подумал Ксор и улыбнулся. Человеческое тело на такую скорость не способно, но если ты сделался ангелом совсем недавно, то отказаться от сверхвозможностей мудрено…

Он сделал шаг назад и сел прямо на воду. Не вчера, конечно, этот человек был переведен в ангелы… Сколько ж лет прошло по земным меркам? Сколько бы ни прошло, все — мгновение, если перед лицом вселенского времени…

Но для Димы, успевшего в человеческом теле прожить всего-то неполных тридцать лет, это, конечно, срок. Ничего, впереди еще вечность — или что-то около нее — обвыкнется. Скоро ему и Оле сдавать ангельский минимум — Ксор улыбнулся бюрократической формулировке. Олю готовит Хамдиэль — Господь распорядился ей служить по ведомству Борэа, а Дима достался той стороне мироздания, которая зовется Орэс.

Когда скоро? Надо поинтересоваться у Хамдиэля, как его подопечная… Дима в принципе готов, и эти познавательные задачи, которые он сейчас практикуется решать, на самом деле весьма непросты, чтобы входить в курс обучения начинающего ангелочка.

Нелегко одним внутренним взором охватить немалый объем пространства и постичь все, в нем происходящее, все полностью — от количества внутренней энергии до закономерностей протекающих процессов.

Без этого, однако, не сделать верных выводов и не построить верных планов. А им всем сейчас нужно уметь планировать и строить так, как делает это сам Господь — идеально точно, выверенно до девятого знака после запятой, с прицелом на полвечности вперед. То есть, Господь, конечно, умеет планировать и на вечность…

Шумно дыша, Дима поднялся во весь рост, и спросил:

— Успел я? За две минуты?

— Наверно, — Ксор пожал плечами, — что изменят эти

секунды?

Он засмеялся, а Дима шлепнул по воде одной рукой и со всего размаху сшиб всплеск другой рукою. Ксора окатил фонтан тепловатых брызг. Ангел выпрямился, потянулся и произнес:

— Раз уж я мокрый, сплаваю недалече. А ты тем временем сообрази, какими темпами эта часть моря будет наполняться сероводородом, если его выделение будет и дальше идти сегодняшними объемами.

И не дожидаясь ответа, прыгнул вперед, пролетел несколько метров над водой и шумно зарылся в волну.

Дима вышел на берег. Нечего тут и считать! Он же программист — в сущности, математик. А математик с арифметикой дружит… Чаще всего. Итак, сероводорода поступает немало, вулканы погасли здесь недавно и не до конца, так что вся прибрежная океанская котловина будет заполнена растворенным в воде сероводородом лет эдак-то миллионов за сто. И никакой почти жизни здесь не будет, кроме кое-каких одноклеточных и прочих простейших. Вот так-то… так что селить здесь людей смысла нет — пищевой базы нет.

— Пока нет, но будет, — уверенно сказал Ксор, выходя из воды. — Преобладающий в этих местах изотоп серы не образует стойких соединений. Дно покроется серной коркой, ну, и придонный слой, конечно, станет негодным. Но в целом это будет курорт, а не берег.

Дима пожал плечами и кивнул. У него тоже были все возможности рассмотреть поподробнее строение вещества. Но… не догадался. А Ксор догадался!

— Да какие там догадки, Дима… Практика, друг мой, практика! Помнишь Землю? И она меня помнит… Надеюсь…

Ксор наклонил голову, приложил к уху ладонь и запрыгал на одной ноге. Наконец это помогло.

— А теперь, — произнес он, — поступи так, как должен уметь поступать настоящий ангел Орэс. Сделай с этой местностью, что захочешь. Но так, чтоб узнать ее в итоге было невозможно. А я постою в самой середине катаклизма, посмотрю…

— Огнем ее, что ли, сжечь? — уточнил Дима.

— Можно и огнем, — согласился Ксор. — Обсохну заодно.

Дима на секунду задумался, а после взлетел и пулей устремился прочь от берега. Аж плечи обожгло воздухом, так спешил.

Возле приметного горного пика он оставил тело, чтоб сохранилось наверняка, а то мало ли что… Уже бесплотным, едва заметным лучиком метнулся он обратно, и, не долетев до Ксора, устремился под землю.

Он погрузился примерно на километр. Здесь было горячо, но он, сгусток мыслящей энергии, жар ощущал сугубо умозрительно. Температура, однако, отметил про себя Дима, в несколько раз выше нормы. Долгонько еще остывать этому вулкану, подумалось ему.

Дима устремил взгляд вверх, отыскивая Ксора. Вот он, голубчик, стоит ногами в прибое, обсушки ждет… Сейчас, сейчас…

Дима переместился так, чтоб находиться непосредственно под Ксором. Сделать это было несложно: Ксор дожидался, стоя на месте. Дима представил огромный стакан, трубу, колодец шириной в распахнутые объятья, а глубиной — от Ксора и до себя. И, представив всю эту колонну разнородного камня, моментально превратил ее вещество в энергию. Весь этот промежуток от Ксора и до себя — взял, и превратил…

Страшный удар потряс твердь. Взрывная волна, направленная от поверхности вглубь, пронизала недра с сокрушительной силой. Никогда еще в недолгой истории существования этого небесного тела не случалось, чтоб воздействие такой мощи било в кору планеты.

В небо, в воздух и далеко за пределы атмосферы ударил расходящийся конусом поток газов, воды и твердой породы. Газы рассеются, влага сконденсируется и замерзнет, камни разлетятся, и до скончания времен эти осколки будут бомбардировать планетную систему, то сгорая в толщах газовых покровов яркими светляками, то уродуя кратерами гладкую поверхность безатмосферных спутников.

Глубоко в проломе сверкнуло огненно-красным, и к поверхности стала стремительно подниматься масса разжиженной материи. Жерло новообразованного вулкана, прикинул Дима, должно в диаметре превысить пять километров. Интересно, какой же высоты образуется конус?

— Как Олимп на Марсе, — сообщил Ксор, находившийся где-то рядом. — Километров двадцать. Потом выветрится, осыплется… Тело свое далеко прятал?

— Улетело мое тело, — грустно сказал Дима. — Прятал далеко, да положил, оказалось, близковато…

— Ага, улетело, — согласился Ксор. — И мое испарилось. Сколько ты мне уже тел перевел за время учебы — и не сосчитать.

— Не меньше, чем себе, — посетовал Дима и спросил: — Что я опять не так сделал?

— Формально, — ответил Ксор, — ты задачу выполнил на пять баллов. Даже на все десять… Местность изменена до полной неузнаваемости. И я обсох — до последней молекулы, да быстро

как, даже больно не сделалось…

— Прости, — огорченно протянул Дима, — я не хотел… так…

— Да ладно, — успокоил его Ксор, — не беда. Наше дело правое. Ломать — не строить… Помни, разрушая, мы высвобождаем энергию, а именно этого в принципе от нас и ждут там, наверху.

— Но я не собирался ломать так… сильно!

— Но сломал. И быстро: я даже крикнуть тебе не успел, чтоб направление преобразования не сверху вниз, а снизу вверх представил ты себе.

— Ну, да, — согласился Дима, — именно так я подумал: от тебя до меня…

— Дима, Дима… Когда ты уже привыкнешь: мы с тобой — нематериальны. Но мысли наши воплощаются — на зависть врагам. Легко и полномерно.

— Ксор… А давай я все исправлю?

— Нет!!! Дима, нет! Только не ты! То есть, не сейчас… И вообще, у нас тут где-то Хамдиэль с Олей бродили, строили чего-то. Создавать — это по их части. Сочтут необходимым, исправят.

— Не сочтут, — мрачно отозвался Хамдиэль, а Оля с укором спросила:

— Дима! Это ты устроил? Как тебе удалось?

— Вектор силы перепутал, — сказал за Диму Ксор. — Что привело к некоторому перевыполнению плана. Впитал стахановские методы с молоком матери! Догоним, как говорится, и перегоним! Пятилетку — за три года! Планы партии — планы народа! Кстати, народ, а нет ли тут поблизости какой планетки…

— Целой пока еще, — ехидно вставила Оля.

На Землю!

В густой темноте облачной, малозвездной ночи рдели уголья, потрескивали догорающие сучки. Закусив от старания губу, Оля выкатывала из жара обугленные с боков картофелины. Дима рассказывал:

— Когда я был маленьким, к нам во двор повадился приезжать мужик из какого-то подмосковного села. Ранним утром он обходил периметр нашего дворика и несчастным голосом кричал: «Картошка, картошка…» Я думал, он щенка потерявшегося ищет. Был такой мультик про девочку и рукавичку, которая в щенка превращалась… Вот и мне представлялся кудлатый, бурого цвета пес, который закатился с лаем в какую-то щель — за котами побежал, наверное, — и застрял. Теперь выбраться не может, скулит, а мужик его не слышит, ходит, зовет, чуть не плача. Но уезжать — не уезжает: как без друга?.. А потом приходила откуда-то баба его, и звонко горланила: «А вот картошечка, курская, рассыпчатая, ровная, гладкая — подходи, дешево отдам!» Я лез на подоконник смотреть — что за растительные чудеса раздают почти задаром? И не мне одному делалось интересно — к машине выходили люди, покупали у бабы картошку из распахнутого багажника, и даже иногда образовывали очередь. Мужик тем временем нарезал круги под окнами, горестно курил и зыркал взглядом по всем закоулкам. Я верил, что он действительно потерял щенка, только при бабе своей звать стесняется. Ездили они каждую осень, по субботам. А когда уезжали, меня выводили гулять, и я обязательно обыскивал двор: вдруг мужик пропустил лазейку, в которой бьется и плачет собака… Мне так хотелось собаку…

— Отчего же ты не завел щенка потом, когда самостоятельным стал? — спросил Хамдиэль, присыпая разломленную картофелину солью.

— Шибко грамотным заделался, — честно ответил Дима. — Вычитал где-то, что ожидание праздника слаще самого праздника. А тут еще мама со своим трезвым подходом: собаку, говоришь? Заводи! Но помни: две прогулки в день — это минимум. И кормить. И убирать. И играть. И лечить. И разговаривать с нею. Все — сам, я не собираюсь… А как ты хотел? Собака — тот же человек. Подожди, говорила, немного — вот женишься, будет жена тебе вместо собаки!..

Мужчины дружно рассмеялись, а Оля — улыбнулась. Ксор поинтересовался:

— О какой породе ты мечтал?

— Да какая там порода… Мне любая собака казалась хорошей. Ну, хотелось, конечно, чтоб большая была, умная и добрая, и чтоб зимой на санках меня катала.

— Овчарка? — спросила Оля.

— Не-е, — покрутил головой Хамдиэль. — Ньюфаунленд больше подходит.

— И мне такая собака нравится! — радостно заявила девушка.

— Вот вернетесь на Землю, заведите себе, — резюмировал Ксор.

— А что, уже пора? — спросил Дима, от серьезности забыв даже утереть сажу с лица.

— Пора, — так же серьезно ответил Ксор. — Совершенству предела нет. Учиться и тебе, и Оле придется бесконечно. Мы с Хамдиэлем вон тоже не мальчики как будто, а всего еще никак не знаем, и не умеем…

— Однако в целом, — продолжал Ксор, — ты готов к самостоятельной деятельности. Что и как делать — ты знаешь. Если не все получится — время на оттачивание мастерства у тебя есть. Сколько угодно времени… Оля, я так понимаю, — проговорил он, повернувшись к Хамдиэлю, — тоже готова?

— Давно, — кивнул могучий негр, поблескивая в темноте глазами да зубами.

— Тогда к архангелам? — предложил Ксор.

— Прямо сейчас? — изумился Дима, а Оля охнула:

— Я же совсем не одета… — и все снова расхохотались, так как одежды не имел никто.

— Можете не торопиться, — прогремел громовым раскатом голос, все от неожиданности вздрогнули.

— Можете не торопиться, — снова прозвучал тот же голос, но уже совсем рядом, и совсем по-человечески. — Извините. Редко тело надеваю, навыка пользования коммуникативным аппаратом нету… Здравствуйте!

Архангел

К костру приблизился белокожий мужчина с нечесаной гривой седых волос, густых и длинных; темноглазый, кряжистый; очень немолодой и одновременно совершенно нестарый.

— Малахиэль! — воскликнули в один голос Ксор и Хамдиэль. Все четверо встали и поклонились архангелу.

— Оля, милая, — пророкотал Малахиэль, — выкати и мне из угольев несколько плодов… Доставай же скорее — вы так вкусно тут едите, нет сил терпеть!

Малахиэль с благодарностью кивнул Оле, передавшей ему картошку.

— Спасибо тебе, — улыбнулся Малахиэль, сдул с полуочищенного клубня крупинку золы и откусил хлеба. — Вижу, уроки Хамдиэлевы тебе пошли на пользу. Ну, а ты, Дима, всему выучился?

— Хотите, — ответил Дима вопросом на вопрос, — я этот ландшафт перекрою заново?

— Ой, нет, — запротестовал архангел, — погоди немного. Дай насладиться телесной радостью! Бог свидетель, Ксора после купания ты обсушил несколько избыточно…

Все рассмеялись, кроме самого Димы.

— Не страшно, — проговорил ему Малахиэль. — Все ошибаются иногда. Твои умения признаны. И твои, Оля, разумеется, тоже.

— Отныне вы, — говорил Малахиэль, прерываясь, чтобы откусить и отхлебнуть, — наделяетесь всеми возможностями, дарованными каждому ангелу, и направляетесь на свою родную планету. Выполнять поставленные Господом задачи.

— Когда мы туда попадем? — поинтересовался Дима.

— А мы уже там, — спокойно ответил Малахиэль и подмигнул улыбавшимся Ксору и Хамдиэлю. — Мгновенные перемещения — преимущество моей должности. Взгляните на небо.

Дима и Оля задрали головы. Тучи начали рассеиваться, таять. В поле зрения появился ковш Большой Медведицы, ковшик Медведицы Малой, три звезды Пояса Ориона. Над самым горизонтом засиял тонкий серпик нарождающегося месяца.

Дима сглотнул, ошеломленно глянул на Олю, Малахиэля и снова уставился в небо. Нет ошибки! Вон — Венера, если присмотреться, тоже полумесяцем, как и Луна. А вон — Марс. А Юпитер и Сатурн…

Дима, улыбаясь, принюхиваясь к предрассветному ветерку и

крепко сжимая руку Оли, спросил:

— А где мы?

— Ксор, где мы? — переспросил Малахиэль.

Ксор внимательно посмотрел на небо, поводил рукой по земле, оглянулся, пронизав окрестности всепроникающим взором, и уверенно произнес, указав рукой на север:

— Эмба-пять. Поселок военных ракетчиков располагался вон там когда-то. Теперь здесь степь.

— Тут всегда была степь, — сказал Хамдиэль и уточнил: — Во времена царствования человека.

— А теперь кто будет царствовать? — спросила Оля.

— Вот вы нам и расскажете в следующий раз, — заключил Малахиэль. — Спасибо за прекрасный стол. Прощайтесь.

Ксор шагнул к Оле и вручил ей непонятно откуда взявшуюся орхидею, невообразимо нежную и прекрасную.

— Теперь ты, Оля, полновластная хозяйка всей Земли!

— А тебе, Дима, я дарю то, чего тебе по-настоящему не хватало, — сказал Хамдиэль, и Дима ласково взглянул на Олю, она — на Диму, а Ксор с Малахиэлем переглянулись между собой.

— Ты неправильно понял, — мягко произнес архангел, положив руку на плечо Димы. — Хамдиэль дарит тебе не любовь небесного создания по имени Оля, а дружбу вполне земного существа. Смотри! — и он указал куда-то назад.

Дима оглянулся. В начавшей сереть тьме виднелся силуэт чего-то большого, черного… Силуэт задвигался, приблизился, завилял хвостом и подсунул лобастую голову под Димину руку. Дима машинально погладил пса. Тот обрадовался, мигом вскочил на задние лапы и, немножечко даже наклонившись — так громаден был этот зверь — шлепнул мокрым языком по Диминому лицу.

Не зная, что и сказать, Дима повернулся к ангелам, но… Рядом стояла только Оля. По щекам девушки катились две слезинки, а еще две искрились на цветке орхидеи в ее руке.

Хозяева!

Вездесущий степной ветер заполнил воздух тонкой взвесью пыли, и зарево разгорелось в полнеба. Бескрайние просторы открывались на востоке, и в безбрежную даль убегала тьма на запад… Весенняя степь просыпалась. На глазах у изумленного Димы распускались тюльпаны — красные, желтые, белые; высвобождали лепестки алые и розовые маки; голубели лазурными вкраплениями цветки льна и цикория.

Головатый пес, в жизни не видевший подобного великолепия, жался к Диминому колену и тянул носом по ветру. Ничего опасного запахи не сулили, но цветы, шевелящиеся как живые, доверия не внушали.

— Оля! — опомнился Дима. — Это твои фокусы? Не цветут же тюльпаны одновременно с маками! И синий лен — не из этих мест…

— Ничего, — ответила девушка. — Организуем маленький климато-биологический катаклизм в честь нашего возвращения. Тебе разве не нравится?

— Нравится. И собаке, похоже, нравится. Хотя он и боится немного… Как мы его назовем?

— Не знаю. Пусть живет рядом без имени пока что, а там сам подскажет. Дима, — помолчав, добавила Оля, — знаешь, мне страшно хочется домой, в Москву. Но я боюсь увидеть, что с ней стало…

— Но ведь хочется? Значит, поселимся в Москве! А город… построим заново. Потом. Когда будет, для кого…

Оля посмотрела на Диму пристально и влюбленно, притянула его к себе, нежно и сильно поцеловала. Оторвалась от поцелуя уже со смехом, задыхаясь то ли от нехватки воздуха, то ли от счастья.

Пес сидел и одобрительно смотрел, как люди скачут, схватив друг друга за руки, в дикарском танце, изображающем полную свободу, радость и счастье. Наконец они расцепили руки, стали целоваться, и собака запрыгала вокруг своих хозяев, стараясь достать по-жирафьи длинным языком обоих сразу.

— А я знаю, как мы его назовем, ага! — вскричала Оля, оторвавшись от любимого. — Ты видел, Дима, как у него уши по морде плюхают, когда он скачет?

Дима видел.

— Тогда он будет Плюх! Слышишь, псина, — Оля повернулась к огромной собачьей морде и заглянула в умные глаза, — ты теперь Плюх! Слышишь? Ты Плюх! Плюх!

Пес остановился, присел, повернул голову, вслушиваясь в слова, потом серьезно кивнул и прорычал, старательно выговаривая слоги:

— Хо-ро-фо…

У Оли отвисла челюсть, а Дима сел прямо там, где стоял.

Новая Москва

Отыскать город, когда-то большой, величественный, оказалось не так просто. То есть точка с нужными географическими координатами никуда не исчезла, но гордого мегаполиса уже не было. На его месте, и южнее, и западнее, плескалось самое настоящее море, сообщающееся с мировым океаном и на севере, и на юге.

— Надо же, Оля! — говорил Дима. — Люди опасались, что парниковый эффект растопит ледники, и вот их нет тысячу лет, а потепление только произошло…

— Море здесь было задолго до появления людей, — возразила Оля. — Иначе откуда бы столица строилась белокаменной? Просто все вернулось на круги своя… Только на месте Воробьевых гор — остров. Тут и поселимся?

— Идет, — согласился Дима. — Руины жилого комплекса превратим в скалы, а между ними поставим свой домик…

— А рядом, — требовательно заявила Оля, — чтоб лужок зелененький был. И прудик с ивами.

— Ведь ты и сама в силах переделать все так, как тебе угодно. Получше меня умеешь.

— Ну-у, — капризно протянула девушка. — Я хочу, чтобы ты-ы…

* * *

Островок совсем уж маленьким назвать было трудно. Пешком его за день, пожалуй, не обойти. И даже не оббежать. Хотя Плюх и пытался несколько раз…

Но после нескольких часов ровной трусцы у него начинали болеть лапы, и он бросался в воду — отдохнуть, поплавать — а после выскакивал на берег, отряхивался, восстанавливал дыхание и ложился вздремнуть минут на десять.

Похрапывая естественно и беззаботно, Плюх спал сколько получалось, и просыпался уже к ночи. Такой собаке нечего бояться и ночью, и путь можно было бы продолжить, но там, позади, оставались неохраняемые хозяева! И пусть сторожить их как будто не от кого, отсутствовать ночью все равно не годилось. Как-то не уживалась в голове Плюха эта мысль. Поэтому он разворачивался и вскачь пускался назад.

На острове Плюху нравилось. В дом, который хозяева возвели для себя, он заходил не часто — просто не видел нужды. Ну,

вкусненьким поманят, а так… В зарослях всегда можно изловить какую-нибудь живность. А если нырнуть поглубже, то и рыбу ухватить не проблема. Рыбы же не верят, что бывают под водой плавающие и до дна ныряющие собаки? Вот и приходится им доказывать, что собака — она и в море собака.

Только когда дельфины приплывают, рыбы не поймать. Вся сбегает на глубину. И Плюху дельфины досаждать пытались. То носом под брюхо ткнут, то хвостом по морде съездят. Пришлось одного за длинное рыло хватануть — ох, и орал он! Дельфин, конечно, животное крупное, но и Плюх — отнюдь не малыш. Так схватит, что не вырвешься, как не крутись здоровенным глянцевитым телом…

Другому весельчаку довелось улепетывать с понадкусанным хвостом. Все, не балуют больше. Но рыба, как дельфинов услышит, сама удирает. Тогда Нюша, кошка здешняя, остается без обеда.

Нюша откуда взялась, Плюх не знал. Появилась — и все. Сразу стала порядки свои наводить… Дескать, не то, что внимательно обнюхать, но и ближе чем на метр приблизиться — не смей, а то спина горбом, шипение змеиное и когтистые лапы — как мельница.

Глупая какая! Плюх, если б захотел, мог бы ее проглотить в один присест вместе с лапами и когтями, но он — совсем не такой, чтоб обижать маленьких. Ему просто интересно… И скучно: хозяев вечно нет, и день, и два, и три — с такими не поиграешь и не поговоришь. Иногда только вечером выберутся из дому как ни в чем не бывало, и давай Плюха тормошить да расспрашивать. Редко очень… Дима говорит — заняты сильно. А Оля улыбается и гладит, и говорит только, что Плюх — хорошая собака… Хорошая, да, но скучно ему.

В общем, это Оля Нюшу принесла. Откуда-то с другого острова. Из какой-то Москвы… Нюша — она тоже хорошая. Бояться Плюха быстро перестала. И даже предпочла исследовать местность, держась поближе к черному гиганту. О-о-очень удивилась, когда увидела, как Плюх уплыл далеко в море, а потом еще и нырнул. Не могла поверить, когда пес ей подарил улов: макрель величиной с саму кошку.

Плюх тогда вылез из воды с рыбиной в зубах, положил ее перед Нюшиным носом, а сам отошел в сторонку, вроде как пучки водорослей на берегу обнюхать, да ракушку блестящую лапой потрогать. У Нюши глаза аж загорелись, когда она макрель возле себя обнаружила, и стоило рыбине хлопнуть хвостом, как кошка изо всей силы хватила ее лапой и тут же вцепилась зубами в загривок.

Плюх улегся тогда на берегу, так, чтоб прибой доставал до брюха, и зажмурился на солнышке. Скоро к нему совсем близко подошла сытая и довольная Нюша, потерлась тихонько и сказала: «Плюх хороший…» Говорила она почти так же, как и Оля, только тоньше. И выговор — очень правильный, Плюху так ни в жизнь не научиться.

Они, конечно же, подружились. Плюх познакомил Нюшу со всеми — и с нелюдимым конем Моргенштерном, жившим на дальнем конце острова, но иногда приносившемся на зов хозяев. И с мудрым вороном Кроу, понимавшим все с полувзгляда и дававшим время от времени такие советы, что даже Оля качала головой, соглашаясь. И с веселыми хулиганистыми дельфинами, с которыми кошка поладила неожиданно быстро…

Дельфины, как увидали ее на берегу, тут же стали высовываться, драть глотки, свистеть, брызгаться. А Нюша — ноль внимания. Прошагала на причал, села и умывается, капли с себя соленые слизывает, чтоб шерстка блестела.

Дельфины, конечно, тут как тут. Из воды высовываются, соловьями заливаются, чирикают, щелкают, в общем — привлекают внимание. Нюша — нет, даже не смотрит. Умывается. Тогда один из них положил голову на край причала, и говорит: «Плюх — собака, я — дельфин, а ты кто?» Нюша у него и спрашивает, как будто не слышала вопроса: «У тебя имя есть?»

Этот в ответ что-то прочирикал и прощелкал — наверное, представился на своем дельфиньем языке. А Нюша и говорит: «Мы будем звать тебя Булькой. Это — твое земное имя. Запомни его!» И потрогала лапкой мокрую дельфинью голову, тихонько так…

Запомнить? С этим у дельфинов проблем никаких. Любой дельфин может хоть три часа подряд рассказывать, каким путем он добирается от океанского берега до этой вот бухточки, и ни разу не собьется.

В общем, вся дельфинья стая вмиг окружила причал, повыставляла морды и зачирикала: «И меня! И меня назови! И мне дай земное имя!»

Нюша каждого трогала лапкой, и каждому давала имя. Так что теперь они — не просто безымянные морские гуляки, а уважаемые члены общества. Даже самой маленькой имя досталось — Колибри.

После этого дельфины исчезли почти на месяц: Кроу рассказал Бульке, кто такие колибри, и стая уплыла посмотреть на этих птичек своими глазами.

В тот же вечер Дима поинтересовался у Плюха, как идут дела на острове, и Плюх ему подробно рассказал обо всем

происшедшем. Не без ревности рассказал: ведь не кошки должны имена раздавать, в самом деле…

Но Дима только погладил пса и успокоил: это хорошо, что он, Плюх, следит за порядком. И что кошка инициативу проявляет — тоже хорошо и вполне разумно. Давно нужно было ввести дельфинов в общество, да все как-то руки не доходили… И к мудрому ворону Дима велел прислушиваться, потому что они с Олей очень часто отсутствуют, а без умного руководителя даже на таком крохотном островке сложно.

Плюх, конечно, согласился с каждым Диминым словом. Во-первых, он хозяин: как сказал, так и будет. А во-вторых, и в самом деле Кроу очень умный. Такой же умный, как сам Плюх сильный, а то даже еще умнее.

А Нюша — она просто всегда знает, что нужно делать. И ворону, между прочим, тоже никогда не перечит. Раз такое дело, надо будет завтра Кроу позвать на рыбалку, угостить свежей скумбрией.

Кто живет в Москве?

Оля обшарила развалины Москвы, возвышавшиеся над водой, и отыскала в них самую обычную кошечку. Она рассказывала Диме, как, одевшись в свое человеческое тело, и даже украсив его удобной для прогулок одеждой, ходила по уцелевшим кварталам бывшей столицы, пытаясь узнавать и вспоминать улицы без применения ангельской проницательности.

На душе было горько, и сердце билось часто. Дома на не затопленных морем участках давно превратились в груды осыпей, заросших дикой зеленью. Асфальт широких улиц исчез, рассыпавшись в простой щебень, на котором росло все, что только могло вырасти на каменистой почве.

На акации, кое-как выросшей на солоноватых водах морского побережья, уже старой, треснувшей надвое и склонившейся к холму из древних стройматериалов, Оля увидела кошку. Совершенно обычную кошку, очень молодую, не слишком крупную, сплошь изукрашенную рыжими, серыми, черными и белыми пятнами. Кошка с удивлением застыла, разглядывая необычное создание, но не убегала, хотя и страшилась пошевельнуться.

Оля оставила под деревом плошечку с молоком, немного сырого мяса и кусочек ароматного свежесваренного кальмара. И удалилась…

К молоку кошка осталась равнодушна. Мясо съела с удовольствием, хотя говядина вряд ли была привычной едой для мелкого хищника, живущего на городских руинах. Зато бело-розовая плоть кальмара кошку пленила…

Оля с улыбкой смотрела, с какой опаской кошка обнюхивала новую для себя пищу, как осторожно попробовала ее, как отошла в сторонку и прилегла, прислушиваясь к собственным ощущениям — и не умаляя внимания к окрестностям. А после решительно и смело съела остаток.

На третий день кормлений кошка встречала Олю, картинно вышагивая навстречу, мурлыкая, помякивая, и изгибая хвост вопросительным знаком. В тот день Оля ее впервые погладила, а через неделю, уже совсем ручную, взяла на руки.

Всем своим существом Оля тогда ощутила, как тревожилась кошка, поднимаемая к плечу, и как быстро оценила выгоды от своего нового положения: во-первых, тепло, высоко и безопасно. Во-вторых, сытно и спокойно. В-третьих, можно не опасаться завистников и конкурентов, которые затаились там и сям, но напасть боятся, так как чувствуют, что на сей раз сила — на

стороне кошки, вооруженной теперь не только когтями, но и необычной защитницей, наверняка опасной по-настоящему…

Оля поняла, что выбор, причем обоюдный, сделан. И тогда она сосредоточилась, тщательно перестроила структуру нейронных связей в нервной системе зверька, увеличила электрический потенциал нервных клеток, активизировала дыхание и питание клеток кошачьего мозга, а после в один миг вложила в это существо толику разума и знаний.

Так на свете появилась новая живая душа, разумная, думающая и чувствующая.

Пережив перемены, кошка вдруг спрыгнула с рук, мигом вскарабкалась на дерево и вгляделась вдаль, принюхиваясь.

— Что с тобой? — спросила ее Оля.

— Волкособаки. Крупные — не достанут, и не станут ждать, когда я слезу, уйдут, — ответила кошка. — Но месяц назад приходила другая стая. Там были мелкие волкособаки. Их много. Они лазят по деревьям почти хорошо. Ловят мышей и крыс, душат, и отдают их крупным. Крупные защищают мелких. И возят их на спине, когда плавают. Нам надо бежать!

Кошка округлила глаза и спустилась под ноги к Оле.

— Бежим отсюда! — просительно заворковала она, увиваясь вокруг ног девушки.

— Нет, — сказала ей Оля. Никуда мы не побежим. Мне волкособаки, даже самые страшные, не опасны. А тебя я им не отдам. Так что не бойся…

До вечера Оля просидела с кошкой, рассказывая и объясняя ей, что не все так ужасно в этом мире. А к ночи поняла, что привязалась к животному, и оставить ее среди гор щебня и зарослей амброзии уже не сможет.

Основоположницей, праматерью разумного кошачьего племени придется, наверное, стать какой-нибудь другой кошке. А эту она заберет с собой, на остров.

Степи, небо, океан…

Дима, когда выслушал всю эту историю, только улыбнулся. То же самое он пережил в степных краях к северо-востоку от города, где отыскал табун диких лошадей. Гордые, сильные, быстрые, они спасались от волкособак бегством — а иногда и хищники спасались от них бегством… Дима присмотрел самого резвого и симпатичного жеребенка, подружился с ним, и однажды наделил того разумом…

Молодой конь сразу затосковал. Ему стало скучно в стаде себе подобных. Поначалу он с радостью носился с другими лошадьми, но скоро бездумные игры стали ему надоедать. А безмозглые подруги, только и падкие, что на мощь да на стать, начали раздражать.

Моргенштерн (Дима и сам не знал, почему назвал молодого жеребца темной масти Утренней Звездой), не находил себе места. Ему удалось отличиться: однажды на пути табуна встала стая волкособак. Силы были равными, и вожаки двух сообществ выжидали, решая, что делать…

Не дожидаясь команд и особенно ни на кого не глядя, Моргенштерн бросился в самую середину стаи, схватил зубами поджавшего хвост и не успевшего отскочить зверя, вскинулся на дыбы и со всего размаха ударил хищника о землю. Отбежал… Стая оторопело обнюхала труп соплеменника. Так еще никогда не поступал ни один конь! Копыта — вот оружие лошади! Зубами пользуются только волки! Правила были нарушены. Обескураженные волки поспешили скрыться…

Моргенштерн ждал признания. Но вместо этого его стали сторониться свои же. Они смутно осознавали, что непредсказуемое поведение одного может навлечь опасность на всех, и им захотелось от этого одиночки избавиться. Моргенштерн к этому моменту уже превратился в мускулистого и полного сил самца. Стоило ему захотеть, и он без труда отбил бы себе несколько самок, и ушел бы хозяином собственного табуна. Этого, собственно, от него и ждали. Ждал вожак табуна, крупный и тяжелый, уже не такой быстроногий, но все еще очень сильный конь. Ждали и стройные кобылицы, в предвкушении супружеского счастья раздувающие ноздри и трясущие шелковистыми гривами. Ждал этого и Дима, в глубине души поверивший в быстрое и успешное начало рода разумных травоядных.

Вот только сам Моргенштерн все ожидания обманул.

— Ты один? — удивленно спрашивал Дима.

— Один, — уныло вздохнул конь.

— А кобылицы как же? — интересовался Дима.

— Скотобаза… — презрительно фыркнул конь и добавил, выдержав уничижительную паузу: — Ж-животные… Забери меня отсюда! Или приходи почаще…

Почаще не получалось. Земля, такая крохотная из космоса, на две трети покрытая водой, оказалась очень немаленькой планетой с огромным количеством потаенных уголков, в каждом из которых обосновались свои обитатели, царили свои порядки, правили свои короли. Господнему велению не воспротивишься: приказано создать разумную жизнь без людей — будь любезен, ангел, старайся.

Получилось у тебя вразумить животное? Пожалуй в Место Силы, вносить разумное существо в реестр. Только судьбы им, первым, выдумывать не нужно: впиши в Книгу Судьбы хотя бы имя, а там уж как сложится…

Нужно еще заниматься и океаном… С многочисленным семейством китов Дима нашел общий язык быстро. Он отыскал в океане кита, отдыхавшего на поверхности, опустился ему на спину, походил, прислушиваясь к зарождающемуся в мозгу сонного гиганта интересу: для птицы бродящий по спине великоват, а чтобы представлять опасность — мелковат…

Тогда Дима спрыгнул в воду, чтобы кит увидал его воочию. Удивление, которое испытало это огромное млекопитающее, Дима ощутил сразу. И тут же в ангельском сознании прозвучал вопрос:

— Ты — человек?

— Я ангел, — ответил Дима, — в облике человека.

— Про человека, — медленно продолжил мысль кит, — у нас ходят предания. Об ангелах неизвестно ничего…

— Я пришел дать вам разум, — избегая многословных объяснений, сообщил киту Дима.

— Разум — это то, что отличает нас от рыб? — осмыслив Димины слова, подумал кит.

— Да.

— Тогда ты опоздал, — мысленно улыбнулся, как показалось Диме, кит. — Мы всегда были разумны. Мы всегда умели говорить между собой. Мы даже отличаем звезды от планет…

Месяц, или полтора, или все два ушли на общение с пернатыми. Попугаи к появлению разума отнеслись благосклонно. Они и раньше отличались недюжинной сообразительностью, а теперь и вовсе стали завоевывать — где умом, где силой, где лестью и хитростью — главенствующие позиции в птичьем царстве. Процесс шел медленно, без эксцессов и катаклизмов, и Дима решил, что невмешательство — и здесь

лучший способ регулировки отношений внутри птичьего общества.

Правда, населяют попугаи только экваториальную область, а в высоких широтах их роль досталась врановым. Вот тут-то и Диму, и Олю ждало подлинное открытие.

В обучение к Диме первым попал молодой ворон, живший на кронах роскошной дубравы, заполнившей долину в предгорьях Татр. Ворон оказался на редкость способным учеником и благодарным слушателем. Больше года он не отлетал от Димы дальше, чем на несколько шагов, и, наконец, ему было объявлено, что он может приступать к выполнению своего предназначения…

С энтузиазмом и решительностью Кроу (он сам придумал себе имя) взялся за дело. Дима встречал его в небе Приуралья, а Оля видела его кувыркающимся в брачном танце над Шотландией. Его птенцы подрастали на Пиренеях, и он учил их всему, чему сам научился от Димы, а потом заповедывал плодиться и размножаться — и улетал в неосвоенные районы. Время от времени он просил Диму или Олю перенести его на Американский континент, и после этого исчезал в тамошних гаремах лет на пять-шесть.

Не менее напряженно трудились и его потомки. Не уставали вороны заботиться и о своих собратьях: серых воронах, грачах, галках, скворцах, сороках. Обширное воронье племя скоро стало сколь жизнеспособным, столь же и неуязвимым, и каждая птица считала своим долгом поведать птенцам о подвигах уже полумифического Кроу…

Так складывалась религия, и сам Кроу этому не мешал. Более того, кое-где, пребывая инкогнито, он прослыл несравненным знатоком легенд о себе самом, и на все вопросы слушателей, обращенные к себе, отвечал одно: «Кроу — улетел в лучший мир, и ждет вас там…»

Когда ему начали молиться, он понял, что дело сделано. Вот тогда он вернулся на остров к Диме и Оле, после чего улетать больше не желал.

— Ты в курсе? — спросил Ксор Хамдиэля.

— Нет, а что?

— У нас нет ни миллиардов, ни даже миллионов лет на эволюцию и отбор. Уверен, Силы и Господства так рассчитали моменты вращения, что взаимопроникновение Туманности Андромеды и Млечного Пути начнется с областей нашего обитания. Солнечная система и мы окажемся в пределах непосредственной досягаемости друг друга наипервейшим образом.

— Естественно, — кивнул Хамдиэль. — Но отсутствие времени на создание жизни — это плохо. Это значит, — проговорил он, вздохнув, — что действовать придется хирургическими методами. Давай-ка вот что: состав атмосферы первым делом отрегулируем. Причем высвободившийся углерод, Ксор, заскладируй в одном месте. Как закончишь, я примусь за синтез одноклеточных, а ты, будь добр, приведи кругооборот воды в местной природе к жизнерадостному знаменателю.

— Надеюсь, земного многообразия видов ты создавать не станешь?

— Да какое тут многообразие?.. Самые необходимые для людей растения и животные чтоб закрепились, и ладно…

Работа закипела. На планете, получившей имя Амдиэль, задули ураганные ветры невозможной силы, заволновались океаны безумными штормами, задвигалась твердь. Все, что должно было произойти с неживой материей за сотни миллионов лет, неспешно и постепенно, шло в темпе, убыстренном многократно.

Как в ускоренном кино вырастали, одновременно разрушаясь, горы. Огромные водные массы конденсировались над сушей и выпадали сплошными колоннами ливней, наполняя водой озера, впитываясь в почву, собираясь в ручьи и реки.

Триллионы одноклеточных водорослей волею Хамдиэля наполнили верхние слои океанов, положив начало всепланетной пищевой цепочке. Водоросли продуцировали кислород и служили источником существования планктона. Планктон усваивался и мелкой рыбешкой, и крупным морским зверем.

Человечество, пришедшее ниоткуда и произошедшее ни от кого, расселялось по морским побережьям. У него имелось достаточное время на осуществление нескольких попыток цивилизоваться, локально самоуничтожиться, возродиться и достичь технических вершин.

Для экономии времени и упрощения развития, лук, колесо и топор людям были дарованы с самого начала, и тратить драгоценные тысячелетия на их изобретение и освоение не пришлось. Не понадобилось и подсказывать начавшим крепнуть племенам и родам, что грабительство куда более прибыльно, чем производство. И что чужие самки всегда интереснее своих — по крайней мере, первоначально.

Как только у населения планеты появлялась традиция воровать женщин, Ксор и Хамдиэль делались спокойны за будущее народонаселения: начиная с этого момента опасность вырождения исчезала. Но заняты они были так, что не раз возблагодарили Господа за безмерность ангельского терпения и неисчерпаемость духовных сил. Забот хватало бы и с одним миром, с десятком обитаемых планет их возникло не в десять, а в сто раз больше.

Сколько тел сменили ангелы, пока собственным примером вдохновили подопечных на рискованную, но такую выигрышную охоту на зверя величиной с мамонта! Растительноядным собирателям некогда было бы развивать науку, технику и производство, и они до скончания времен с удовольствием паслись бы в джунглях. У ангелов же имелось совершенно конкретное задание: подготовить цивилизации к нападению на Землю!

Память о Земле, оставленная душам, не давала им покоя ни днем, ни ночью. Едва научившись растирать и смешивать краски, мыслящие существа большинства созданных миров начинали рисовать невиданные картины. На их полотнах возникали пейзажи с зеленью лесов и голубизной неба (даже при том, что родная планета могла иметь в естественных своих красках лишь оттенки красного). Повинуясь неясным посылам, самодеятельные скульпторы высекали фантастических животных с рогами, растущими изо рта, или шеями, куда более длинными, чем самые разросшиеся хвосты. Мечтателям грезились звезды, складывавшиеся в россыпи созвездий — и ничего, что за сплошной облачностью никто из людей ни разу в истории не видел ни единой звезды. Вера жила в памяти новых людей, и вера вдохновляла их. Миролюбивостью они не отличались — уж такими их создал Хамдиэль. Разрушать любили до самозабвения — это Ксор постарался.

Зачем все это? Кто знает… Ксор не знал, и спросить было не у кого. Хамдиэль же в подобном знании и не нуждался: духу созидания чужды сомнения. Приказано — нужно исполнять!

Решение Ксора

Пригубив янтарно-коричневый состав, искрившийся в сполохах костра, сложенного из ароматного сандала и медово пахнущей вишни, Ксор поставил рюмку на столик. На густо-бордовой плотной скатерти поблескивали серебряные приборы, тарелки тонкого фарфора, высокие либо пузатенькие графинчики с разноцветным содержимым.

Ужин подходил к концу.

— Спасибо, Хамдиэль, — проговорил Ксор, с интересом рассматривая толстую сигару в своей руке. — Где ты научился потреблять столько ядов одновременно?

— В Москве, в ресторанах на Тверской… Текила понравилась?

— Не сказать, чтобы очень вкусно. Но действие необычное, согласен.

— Не вкусно ему!.. — проворчал Хамдиэль. — Тут на триста парсеков голубой агавы и следов не сыскать, а он текилы захотел натуральной…

— Ну, не сердись! Зато утка в мандариновом соусе с зеленым рисом — верх совершенства! Знаешь, если б не эта утка, я б уже три часа назад улетел! А так — сижу вот с тобой, ем, пью… К сигаре принюхиваюсь, — и Ксор потянулся к костру, чтобы выудить пылающую деревяшку для розжига табачных листьев.

— Учти, сигару в затяжку не курят, — предостерег Хамдиэль. — Я чувствовал, Ксор, что ты что-то задумал, но не знал что. Вот и устроил пиршество на закате: закат-то тебе хоть нравится? Так что сделано все это чтоб ты сам рассказал…

— А что тут рассказывать, Хамдиэль… Чем дальше смотрю я на наши десять колоний, тем больше мне хочется прихлопнуть их всех одним махом.

Ксор покрутил в руке разожженную сигару, затянулся еще раз, поморщился, отмахнулся от клубящегося у лица дыма и швырнул табачный сверток в огонь.

— Ты ж только посмотри, каких уродов мы с тобою понасоздавали!

Хамдиэль пожал плечами и скривил недовольную физиономию.

— Почему уродов… На Амдиэле они крепкие и сильные, как буйволы — сила тяжести велит. Диэль — планета холодная, там они все в мехах, пушистые. Самые настоящие белые медведи, только маленькие, быстрые и разумные. А чем тебе плохи обитатели Миэля? Видят плохо, это да — глазки у них

невыразительные — зато зубы блестят и плавники светятся: планетка — сплошной океан.

— Ну, да, — подтвердил Ксор. — На жарком Эляме люди тоже получились неплохие: смуглые, тонкие, кареглазые. Вот только не люди они, Хамдиэль, а звери. Даже хуже, чем звери.

Хамдиэль снова пожал плечами.

— Нам так задано… Наше дело — выполнять волю господню как можно лучше. Но разве наши с тобой творения не совершенны? Особенно с учетом дефицита времени на их выведение и вскармливание?

— В том-то и дело, Хамдиэль, что совершенством эти создания я назвать не могу. Они — злобные хищники.

— Даже сверхзлобные, — согласился Хамдиэль. — Что из того? Их ждет война, а не фестиваль народного творчества, и они должны победить, а не просто поучаствовать ради получения памятного знака.

— Должны? — удивился Ксор, — с чего ты взял? Быть может, обойтись без кровопролитного завоевания вполне даже получится?

— Ну, как же, — терпеливо стал разъяснять чернокожий ангел, поудобней устроившись на толстом ковре с подушечками, и время от времени подбрасывая в костер деревяшки. — У нас с тобой в распоряжении не просто души. У нас — тоскующие по Земле изгнанники. Они должны вырасти, пройти кузницу межвидового отбора и во всеоружии вернуться на Землю. Где и утвердиться.

— Хамдиэль! — заговорил Ксор после непродолжительного молчания. — Я хочу создать свой мир. Не такой, как мы тут с тобой десятикратно наваяли… Я хочу, чтобы мои люди были добрыми, умными и справедливыми.

Хамдиэль кивнул, соглашаясь с желанием друга.

— Ну, — усмехнулся Хамдиэль, — будь готов. Точнее, народы твои пусть будут готовы. Как только эти наши десять миров начнут захват Земли, твой мир тоже окажется в зоне оккупации.

— Искренне надеюсь, — саркастично улыбнулся Ксор, — что за грядущие тысячелетия от этих твоих десяти миров мало что останется.

— Увидим, — примирительно сказал Хамдиэль.

Но никто не отозвался. Ксора уже не было. Ни возле догоревшего костра. Ни на планете, половину которой окутала ночь. Ни даже во всей галактике по имени Туманность Андромеды.

Мир Ксора. Охотник

Почти голый человек, часто дыша и напряженно озираясь, стоял недвижимо. Перед ним простиралось не слишком ровное пространство горного луга, ограниченное скалами, осыпями и речушкой, огибавшей этот луг, и срывавшейся искрящимся водопадом в бездонную пропасть узкого ущелья.

Пропасть эта зияла прямо за спиной человека. Она была бы непреодолима и для зверя, однако несколько десятилетий назад на самом краю лужка укоренилось семечко горной сосны. Поначалу слабый, росток благодарно отозвался на распыленную влагу и яркое солнце, и вскоре вырос в крепкое дерево. Обычно горные сосны не растут слишком большими: прохладно в горах, почва бедновата, да и полив не постоянен. Но этой сосне повезло: луговая земля оказалась питательной, влажной и рыхлой, и укорениться ей повезло на припеке.

Дерево вытянулось и вскоре зашумело раскидистой кроной. Оно росло и крепло несколько десятилетий, но вот однажды край ущелья, подмытый водным потоком, осыпался, корни дерева обнажились, и первый же серьезный порыв ветра опрокинул его, стремясь унести вниз, изломать, раздробить, расщепить.

Дерево, вопреки злой судьбе, удержалось. Верхушка его легла на противоположный край ущелья; частично уцелевшие, корни продолжали подавать в ствол и крону живительную влагу. Вечно так продолжаться не могло, но… продолжалось.

Сначала звери, а потом и люди отыскали этот мостик. На лугу возникла хорошо заметная тропа, протоптанная горными львами, вечно рыщущими в поисках добычи, и расширенная людьми, странствовавшими неизвестно куда и бог весть зачем. Львы этих странников старались обходить: люди бродили группами, носили с собой копья и топоры, разжигали костры и с вожделением поглядывали на мелькающие вдалеке плотные львиные шкуры. Этих взглядов звери предпочитали избегать, ибо слабые, на первый взгляд, двуногие таки умудрялись обряжаться в одежды из шкур сильных львов, хитрых гиен и даже могучих, непобедимых медведей. Люди чаще всего тоже старались обойтись без встреч с клыкастыми хозяевами круч и вершин. Но не всегда этих встреч избежать было легко…

Вот и сейчас человек стоял спиной к мостику, лицом к лугу и напряженно ждал, когда же зашевелятся пучки густой травы, выдавая подбирающихся хищников. В руке он сжимал ясеневое древко копья, острие которого оснастил рогом убитого буйвола. Грозное даже на вид оружие могло сослужить человеку

прекрасную службу, если б ему противостоял лев или медведь, но опасность на сей раз исходила от стаи шакалов. Обитающие обычно в долинах, они увязались, почуяв добычу, за человеком, шедшим вместе с женщиной и двумя детьми. Они бы, наверное, отстали, когда человек убил днем одного, а вечером еще одного зверя; но ночью им удалось украсть ребенка. И стая почувствовала: человек не всесилен…

Конечно, стае шакалов забираться во владения горных львов рискованно и даже безрассудно, но человек, его самка и оставшийся детеныш были так близки и так аппетитны, что удержаться от преследования не удалось. И вот теперь человек стоял, озираясь; шакалы лежали где-то в траве, не шевелясь и выжидая команды осторожного вожака; женщина с ребенком, перебравшись по дереву через ущелье, с волнением ожидала своего мужа; а горный лев, заслышав шум и почуяв запах, затаился в стороне, желая, чтоб человек с копьем поскорее исчез, а шакалы… Куда деваться шакалам? Это в долине им есть куда бежать и где прятаться, здесь же их участь предрешена — раз уж лев положил на них глаз.

Ксор спустился за спиной стоявшего и тихонько потрогал того по плечу. Охотник бросил быстрый взгляд назад, увидел высокого светловолосого человека и вновь застыл, вглядываясь в заросли. Однако взгляд его стал мягче, и в выражении лица появилась надежда: вдвоем легче справляться с опасностями.

— Кто ты? — коротко спросил охотник.

— Твой создатель, — спокойно ответил Ксор. — Львы, шакалы, эта трава и дерево у тебя за спиной — тоже моих рук дело.

Охотник молчал. Тогда Ксор добавил:

— Пока я рядом, ничего не произойдет. Даже это копье не упадет на землю.

Он выхватил из напряженной руки человека копье, поднял его на уровень глаз, и отпустил. Копье осталось висеть в воздухе.

Охотник недоверчиво покосился на высокую, но абсолютно неподвижную траву, посмотрел на копье и перевел взгляд на Ксора.

— Создатель? Чего ты хочешь, создатель шакалов, которые украли вчера у меня дочь?

— Вон ту? — Ксор показал рукой на другую сторону ущелья. Охотник повернулся, вытянулся и закрылся рукой от солнца, чтоб получше видеть.

На другой стороне пропасти, прячась за ветвями сосновой кроны, женщина прижимала к себе малютку-девочку, а рядом стоял, насупившись и озираясь, мальчик постарше.

— Девочку украли шакалы, а я отнял ее у шакалов. Чтобы вернуть тебе. Чтобы ты мне верил. Ты слышишь меня? — сказал Ксор громко, потому что охотник рассматривал свое семейство и никак не реагировал на слова.

— Да, слышу.

— Тогда скажи: чего ты ждешь? Почему стоишь тут, когда твоя жена уже давно на другой стороне? А лев не хочет попадаться тебе на глаза, собравшись пообедать шакалами?

— Я чувствую, что на другой стороне — избавление. Но не могу пройти…

— Я знаю, почему ты боишься ступить на ствол дерева, — мягко сказал Ксор. — В своей прошлой жизни ты испытал страх: за спиной у тебя был огонь, и никакой возможности спастись, а перед тобой — окно, из которого в погожий денек можно было увидеть не только Гудзон и Манхэттен, но и корабли на океанском рейде…

— Ты говоришь непонятными словами, создатель.

— Неважно… В общем, ты в прошлой жизни шагнул с большой высоты, испугавшись пожара. Поэтому теперь тебе страшно ступить на этот мостик.

— Огня я тоже боюсь, так что ты, наверное, говоришь правду. Но что из того, создатель?

— А вот что… Ты можешь смело ступать на ствол этой сосны и идти к жене. Упасть я тебе не дам. Удержу, вот как удерживаю твое копье.

Охотник бросил торопливый взгляд в сторону. Копье покоилось в воздухе.

— Но страха твоего я перебороть не могу. Ты должен сам его пересилить.

Охотник с ужасом взглянул в провал, судорожно сглотнул и спросил:

— Там… На той стороне ущелья… с нами будет все хорошо?

— Некоторое время, — кивнул Ксор. — Лев, хозяин здешних мест, после того, как вы удалитесь, изловит вожака шакальей стаи, а потом и всех его сородичей. Сыт он будет несколько дней. После пойдет по вашим следам. Тебя он опасается, так как уже имел дело с охотниками. Но еще больше опасается остаться голодным.

— Он нападет?

— Он — нет. Вы успеете уйти за границы его территории. Там дальше, ниже, ближе к долине, живет пещерный медведь, и лев не сунется в те края.

— Я никогда не видел пещерного медведя…

— Постарайся и дальше его не встречать. Потому что твое

копье ему понравится. Мясо из зубов выковыривать…

Охотник улыбнулся. Потом вскочил на толстый ствол поваленной сосны и медленно пошел, не оглядываясь и не глядя под ноги. Его взгляд был устремлен вперед, руки разведены в стороны. Копье плыло рядом.

Завоеватель

Разозленный донельзя царь не вошел, а ворвался в шатер, шуганул склонившихся в поклоне дев, угостил затрещиной мальчика, расставлявшего свечи, и бухнулся на трон так, что прочное дерево заскрипело, а иссиня-черные доспехи лязгнули.

Мыслимое ли дело! Три месяца войско в походе, сколько чужих земель захвачено, народов пленено, городов повержено — а казна как была пуста, так пуста и осталась!

Он еще наследным принцем понимал, что простым его царствование не будет. Венценосный папаша к концу жизни подувлекся роскошествами, а о наполнении казны забыл. Да и раньше об этом не слишком-то заботился… Советники, понятно, не стали перечить монарху, жадно вбирающему радости последних мгновений жизни, и позволили истратить заемные средства на оплату пурпурных шелков; тонкокожих заморских плодов, истекающих сладостным и ароматным соком; диковинных рыб, которых как ни готовь — невозможно испортить! А жрицы храма богини сладострастия? Это ж сколько пришлось отцу пожертвовать настоятелям, чтоб три десятка искуснейших дев поселились при дворе? Причем каждую неделю две или три новых приезжали, и столько же уже обжившихся, познанных, признанных — уезжали, не взирая на мольбы и не слушая протестов…

Наследный принц и сам попал под чары одной из иноземных красавиц — вон она, стоит смиренно! — но одно дело утехи плоти, другое — существование всего государства. Незадолго до смерти отца советники докладывали, что общая сумма задолженности не превышает полуторасот возов серебра, что очень немало для такой страны, как Кассор! Немало, но посильно: царскому двору принадлежат огромные площади горных пастбищ, на которых потомственные пастухи, истинные кассорцы, испокон веку разводят тонкорунных коз и овец. Два-три года торговли драгоценными шерстяными тканями и пушистой пряжей, твердым соленым сыром — первой закуской во всех кабаках Кассора — и долг покрыт!

Не хватит поступлений от шерсти и сыра — не беда, скалистые берега страны — излюбленное место обитания моллюсков, которые способны ничтожную песчинку за те же два-три года превратить в полновесную жемчужину. И делать-то ничего для этого особенно не нужно: достаточно возле колонии ракушек, прилепившихся к подводным скалам, насыпать песку. Песок, правда, приходится возить издалека — ну, да что это за

расходы? Один тюк некупленного пурпура позволил бы завалить песком весь берег…

Но когда престарелый отец наконец скончался, взору коронованного наследника предстало государственное хранилище ценностей, в котором серебра, золота и самоцветных каменьев едва набралось — в пересчете на имевшую хождение монету — возов пятьдесят. Зато расписок, подписанных и запечатанных главой казначейства вместе с сиятельным монархом, было предъявлено аж на шестьсот возов! Чтоб вернуть одни только проценты по этим шкуродерным займам, и пастухам, и собирателям жемчуга пришлось бы трудиться до конца жизни.

В общем, юный Алаксор нашел выход. Сам, без помощников и подсказчиков! Он понял, что нужна победоносная война. Не маленькая, междуусобная, которая частенько опустошала просторы Кассора или сопредельных ему государств (не затрагивая, впрочем, больших городов), а большая, долгая и серьезная. Алаксор, когда объявил свою волю подданным, не был обескуражен гулом недовольных голосов. Во-первых, война для любого кассорца, а равно и любого иноземца — это что-то вроде шахматной партии. Жизнь человеческая священна, и никто не станет сводить на поле боя солдат, вооруженных орудиями убийства и намерениями раскроить череп ближнему. Достаточно выставить на стратегически верные позиции свое войско, дать противнику убедиться в бесплодности его тактических ухищрений — и победа признана. С наложением контрибуции и взятием дани, а как же иначе… Но без бессмысленного уничтожения самых ценных ресурсов любого государства — людей. А во-вторых, предложив соотечественникам дальний военный поход, Алаксор был по-царски щедр и не по-царски мудр. Всех, абсолютно всех своих сторонников и противников, обязанных по роду, должности и положению принимать участие в царских затеях, он наделил поместьями, имениями и даже целыми деревнями. Не оставив себе почти ничего… Кроме дворца и парка, в котором когда-то играл ребенком. Когда ошеломленные подданные спросили, что же будет питать царскую семью, Алаксор ответил: «Надежды».

Тогда самые благородные и преданные заявили, что их родам исстари позволено делить трапезу с царем. И уж если царь решил питаться надеждами, они не променяют участия в царских обедах на банальную недвижимость и устаревшие средства производства. Тем самым от щедрых подарков отказываясь…

Вслед за ними потянулись сомневающиеся, и им Алаксором было тут же даровано право разделять трапезу с царем, а также сидеть в его присутствии.

Самые твердолобые и жадные смолчали, и придворные ожидали, что царь найдет способ воздействия на них. Но нет: Алаксор подчеркнуто ровно общался со всеми, не делая разницы между теми, чье участие в походе было куплено, и теми, чей патриотизм и преданность оказались неразменными.

Вот тогда-то к царю повалил простой люд, челом бия о своем желании отправиться на ратные подвиги со столь мудрым, добрым и справедливым царем.

Войско собралось и оснастилось (на средства самих воинов) за полтора месяца. Уже три месяца длился сам поход. Собранных с поверженного противника денег едва хватало, чтоб расплатиться с армией: дневной заработок солдата царь положил куда более высоким, чем дневной заработок ремесленника.

Другого Алаксор, в общем-то, и не ожидал: положение дел у небогатых соседей общеизвестно, и рассчитывать на богатую добычу в сопредельных странах было бы смешно. Однако неделю назад они вошли в пределы государства Астар, а эта страна на весь мир славилась неоглядностью своих земель и несметностью своих богатств. Семь дней шло войско по дорогам Астара, и правители городов даже не попытались помериться силами с Алаксором. Их подношения, не скупые, но и не особенно щедрые, позволили содержать армию, но что толку в этом содержании?

И вот сегодня, наконец, Алаксор увидел в туманной дымке пики башен Рокса, столицы Астара. И еще увидел, что все пространство в поле зрения — а взгляд, брошенный с холма, охватывал громадную территорию — усеяно шатрами вражеского войска.

В лагерях кипела жизнь: сновали баталеры и маркитанты, суетились кашевары, дымили походные кузницы — словом, несчитаный люд, хоть боком касающийся военного дела, жил полнокровно и весело.

И не было никакой другой возможности справиться с этой силой, кроме как дать ей бой. Сходу, с марша, без отдыха и раскачки. Алаксор остался стоять на холме. Войско Кассора, тоже немаленькое и неслабое, спешно разворачивалось в боевом порядке, занимая максимально выгодные позиции на оставленной ему территории, укрепляя фланги кавалерией и наращивая мощь ударной группы тяжеловооруженной гвардией.

Но даже если бы поле битвы выбирал сам Алаксор, даже если бы он смог выставить не только действующие наземные, но и еще не созданные воздушные, и даже мифические подземные подразделения, победа — из-за огромного численного преимущества — оставалась за Астаром.

С тяжелым сердцем вышел Алаксор на встречу с

главнокомандующим противника, императором Астара. Признать поражение немыслимо, не признать поражения невозможно тем более. Признать — значит согласиться на бесспорную выплату сумм, назначенных победителем. Конечно, Алаксору пойдет в зачет его доброе отношение к захваченным городам, но все равно: требования Астара многократно превысят всю добычу Кассора в этой трехмесячной войне. Не признать их — значит, оказаться окруженным кольцом вражеского войска. Выйти из осажденного лагеря позволят только тем, кто присягнет на верность правителю Астара. Выпустят, тут же примут на службу, и без промедления командируют в самые отдаленные от родного Кассора районы, на границы, за которыми живут дикие и жестокие племена, не стесняющиеся воевать, убивая… Еще и семью позволят из Кассора выписать, и с транспортировкой ее помогут.

Алаксор разглядывал позиции войск вместе с правителем Астара, и не находил ни единой возможности для оспаривания своего поражения.

Отчаяние захлестнуло его душу. Преисполненный горечи, он выхватил из ножен меч и изо всей силы ударил императора, улыбавшегося столь явной победе. И, похоже, убил его. А после почти бегом вернулся в свой шатер, упал в кресло и застыл, не зная, что делать.

Прошуршали тихие шаги слуг, покидавших царские покои. Все стихло, только свеча бесстрастно потрескивала, отмеряя время до рассвета, плена и позора, который он навлек на себя и на весь Кассор…

— Алаксор, — прозвучало в тишине.

Царь услышал незнакомый голос, поднял голову.

— Алаксор, — повторил светловолосый незнакомец, сидевший напротив царя. — Очнись.

Молодой царь вскинулся.

— Кто ты такой? Как проник сюда? Как смеешь сидеть в моем присутствии?

— Понятно, — отозвался незнакомец и поднялся во весь свой рост. — Знакомая песня… Ну, ничего, сейчас полечим.

Он протянул руку, схватил Алаксора за затылок, поднял его, встряхнул немилосердно, и поставил перед собой, придавив так, что царю невольно пришлось опуститься на колени. Сел.

— Продолжим… — голос незнакомца был спокоен, словно ничего не случилось. — Ты нарушил главную мою заповедь. Ты помнишь мои заповеди? Меня — ты узнал?

— Ты — сам… Ксор? — охнул царь. — Помню… Не убий… Не укради… Не возжелай…

— Достаточно, — остановил его Ксор. — Ты — убил. Лишать

человека жизни — это мое, и только мое право. Мне тебя теперь — тоже убить? Отвечай.

— Да, — ответил Алаксор, — убей. Это будет справедливо.

— Хорошо. Я так и сделаю. Я лишу тебя жизни, если ты проявишь хоть малую толику своеволия.

. — Что мне делать? — сдавленным голосом проговорил царь.

— Не медля отправляйся в королевский совет Астара. И выступи там как благородный и здравомыслящий государственный деятель.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас. Они как раз собираются в Роксе. Только расскажи мне сначала, что ты там предложишь.

— Ну, если б я был астарцем… В общем, Кассор и все завоеванные им страны сделать провинциями Астара. К соседям-дикарям направить просветительские миссии с проповедями десяти заповедей и созидательного образа жизни. Правителем Астара, до достижения наследниками совершеннолетия, назначить меня, как наиболее сведущего, смелого и способного на нестандартные решения.

— Действуй.

Ученый

Полумрак лаборатории озарялся неверным светом свечи да всполохами маленького очажка, доверху набитого разгорающимися угольями.

— Качай мех ровно, не дергай, не части и не отставай. Когда песок в часах пересыплется, поменяетесь, но так, чтоб в движении задержки не было, — наставлял двоих своих помощников немолодой ученый.

Всю свою жизнь он работал со стеклом. Добрый десяток лет посвятил созданию прозрачного, тонкого и прочного материала, еще пятилетие учился окрашивать его в различные цвета. Наконец, все получилось. Императорский двор Астара стал крупнейшим заказчиком стекла, пришлось даже две мануфактуры со стекловаренным производством построить, чтоб заказы высочайшие выполнить. Но зато светлейший монарх даровал возможность вести исследования. Какие, сказал, угодно. И содержание персональное назначил, пожизненное. Да сколько той жизни осталось, смолоду ведь у печей крутился… Все, казалось бы, о стекле постиг. Но вот, однако, есть волнительный вопросец! Задачка нерешенная… Нужно капельку стекла остудить идеально ровным шариком. Да не абы какого стекла, а самого прозрачного, бесцветного. Это непросто: год уже ушел, а расплав-то вязкости нужной не набирает, то стекло мутное выдает, то растрескивается, остужаясь. Что ты будешь делать?..

— Вот, — прозвучал спокойный голос, тихий и доброжелательный. — Возьми этот порошок, немного, и добавь в тигель со стеклянной массой.

Ученый обернулся и вгляделся в говорившего. Высокий, судя по всему, сильный и молодой мужчина в длинном светлом плаще с капюшоном качал ручку меха. Юных помощников не было…

— Учеников твоих я отпустил домой.

— Почему ты распоряжаешься в моей лаборатории? Разве ты царь?

— Не царь, — ответил мужчина. — Но распоряжаюсь, при необходимости — и царями… Да ты не беспокойся: просто уже поздно, дети устали, а тебе нужно, чтоб кто-то качал меха. Вот я и пришел к тебе. Я — твой создатель.

— Создатель? — удивился ученый. — А я никогда в тебя не верил…

— Нет, — рассмеялся пришелец, не бросая качать воздух в печь, — нет! Не верил ты в Бога, а я — Создатель.

— А разве ты и Бог — не одно и то же? — изумился ученый.

— Ну, что ты, — ответил Ксор, — нет, конечно. Бог — он отец всего. И я — его творение, и души ваши — его творение, и планета эта. Я только жизнь у вас тут организовал, да вас вот воспитываю, как могу… Ты порошок-то отмерь, в тигель высыпь. Самое время…

Ученый засуетился, отыскал ложечку, зачерпнул. Высыпал, стал перемешивать деревянной палочкой. Деревяшка сгорала, но стекло оставалось чистым.

— Минут пять нужно для полного растворения? — уточнил Ксор.

— А что это за зелье? — поинтересовался ученый.

— Не зелье. Окись металла, — ответил Ксор.

— Если мягкого, то хватит и пяти минут, — подтвердил ученый. — Но скажи мне… Э-э-э…

— Ксор, мое имя — Ксор.

— Н-да, извини, Создатель, конечно же, Ксор… Но скажи мне, Ксор, помочь мне ты пришел — ведь не случайно?

— Разумеется, не случайно. То, что ты задумал — очень важное дело.

— Вот как? Значит, мое желание рассмотреть устройство материи через стеклянный шарик — верное?

— Очень верное и очень своевременное, — сказал Ксор. — Пора тянуть стекло. Где твоя гребенка?

Ученый достал выкованную из железа гребенку с длинной рукоятью, нагрел ее, опустил зубчиками в стеклянную массу и медленно поднял. За каждым зубцом тянулась тонкая нить, стеклянная паутинка. Ученый осторожно отрезал нити над самой поверхностью расплава, поднес гребенку к столу и стал аккуратно отламывать тончайшие стеклянные палочки. После взял один отломок, внес его кончик в пламя очажка, по-прежнему раздуваемого Ксором, дал стеклу нагреться и собраться в маленький шарик идеально правильной формы.

Еще час или два были посвящены изготовлению шариков всех возможных размеров. В свете живого огня каждый из них был кристально чист и прозрачен.

— Ну, окончательную проверку сделаешь при солнечном свете, — сказал ученому Ксор. — Половину точно придется выбросить…

— Что ты, что ты, — захлопотал ученый, — они — великая драгоценность. У меня так мало твоего порошка…

Ксор рассмеялся.

— Экспериментируй с окисями металлов до конца жизни — и тебе удастся сочинить несколько рецептов замечательного стекла. Кроме того, подскажу: рассматривать мир лучше не через

круглый шарик, а через сплюснутый. И еще подскажу: чтоб лучше видеть то, что за шариком, хорошенько освещай и немножко подкрашивай объект наблюдения. Все! Больше я тебе не нужен. Обо мне не рассказывай: все равно тебе не поверят, а за бредни угодишь в сумасшедшие.

Симпозиум

Большой наклонный зал лекционного корпуса главного университета страны пестрел разноцветными одеждами студентов, занявших последние ряды; поблескивал очками и лысинами ученых, сидевших пониже; пах сердечными лекарствами маститых академиков, устроившихся в первом ряду.

Докладчик заканчивал подробный отчет о пятидесятилетнем эксперименте по поиску инопланетных цивилизаций. Он был не молод, не богато одет. На его сюртуке одиноко поблескивал лауреатский знак, изрядно выцветший от времени. Речь докладчика отличалась крайней точностью и сухостью. Но глубокое разочарование в произносимых словах чувствовалось. Шутка ли — вся жизнь ушла, все методы испробованы, уйма государственных денег угроблена, а результат — строго нулевой!

Конечно, усилий никто не оставит, начатого дела не бросит, и мониторинг вселенной на предмет проявления разумной жизни будет продолжен. Но интенсивным поискам — конец. В силу их полной бесперспективности.

После перерыва начались прения по докладу. Иностранному гостю академии, подавшему прошение о выступлении одним из последних, к трибуне удалось подобраться только в самом конце. Да и слово ему дали больше из вежливости: что может сказать неизвестный иностранец, если все варианты уже рассмотрены, обдуманы, проделаны — и оказались безрезультатными?

Зал уже наполовину опустел, когда на кафедру вышел высокий моложавый мужчина.

— Уважаемые коллеги, — сказал он без всякого акцента. — Вынужден отдать должное методологическому подходу ученого сообщества: сделано за истекшие пятьдесят лет действительно много, и вины исследователей в отсутствии результата нет. Поиски, однако, и в этом я абсолютно убежден, и не должны были увенчаться успехом. И то, что мы не нашли следов существования инопланетных цивилизаций — даже хорошо. Что, по сути дела, мы искали? Мы пытались увидеть всплески излучений искусственного происхождения. Или обнаружить следы разумной деятельности созидательного либо разрушительного характера. Отсутствие результатов наблюдений радует, так как говорит о том, что в пределах информационной досягаемости у нас нет соседей, способных выплескивать в пространство огромные объемы энергии. Согласитесь, что таковое соседство для нас, цивилизации разумной, сдержанной и жизнелюбивой, было бы опасным… Гигантские проекты, воплощенные на недостижимом

для нас техническом уровне, многое бы сказали о психологии создавших их существ. Такие гиперэкстравертные личности, войдя с нами в контакт, непременно решили бы осчастливить нас своими достижениями, хотим мы того или нет…

— Простите, — перебил выступавшего старый академик, — вы говорите так, как будто априори подразумеваете факт существования разумной жизни во вселенной. Мы же тут собрались, чтобы с прискорбием признать свое одиночество…

— … а стало быть, и бессмысленность своего существования, — продолжил реплику академика выступавший. — Из чего проистекает необходимость самоуничтожения, пусть бы и долгого, мягкого, комфортного… В конечном итоге. Дескать, раз мы одни, и раз уж мы в этом мире оказались случайно, то не лучше ли нам мир этот покинуть — возможно, тогда мы попадем в ту страну грез, которая вспоминается каждому из нас денно и нощно, по поводу и без повода, и зовется всеми нами Землей…

Зал загудел. Говорить в ученом собрании о религиозных суевериях — это ли не моветон? Еще в средние века выкристаллизовалось мудрое: наука рождается там, где умирает вера. Собственно, с этого постулата, не одну сотню раз впоследствии доказанного, и начались сугубо научные изыскания.

А веру в Землю как только ученые ни пытались объяснить: и психозом ее обзывали, и строением мозга обуславливали, и даже кислородное голодание на помощь звали. Потому что острее всего видения случались в процессе сна (храп, апноэ, дыхательная недостаточность), либо в процессе умирания (тут уж и вовсе уточнять не приходилось). Не удавалось, однако, даже предположить, почему одним индивидуумам Земля видится как зеленый цветущий рай, другим — как бушующее скопище воды, третьим — как прокаленная солнцем пустыня, а четвертые вообще толкуют о белом безмолвии. Есть еще и пятые, и шестые, и даже шестьдесят шестые — и все рассказывают небылицы, в один голос утверждая — это Земля.

В общем, этой темы, как отчасти интимной, а отчасти стеснительной, в приличном обществе не касались.

— О чем, собственно, я вам хочу сказать, — продолжил выступающий, слегка повысив голос. — Для того, чтобы оправдать сам факт существования нас с вами, необходимо перевернуть страницу в исследованиях, и, не умаляя решимости, продолжить поиск. Качественно новым путем.

— Простите, — вновь перебил говорившего старый академик, — не будете ли вы так любезны назвать себя. В программке вы не значитесь…

— Ксор. Мое имя Ксор. Так вот…

— Прошу прощения, — не унимался старик, — имя Ксор носит добрая половина ученых, это старая традиция, заложенная изобретателем микроскопа Ксорием Либрецием. Фамилию свою назовите, пожалуйста, и организацию, которую представляете — тоже назовите…

Зал притих. Выступавший улыбнулся. Впоследствии иконописцы сделают эту улыбку божественной и просветленной, но на самом деле Ксор улыбнулся просто и по-доброму.

— Фамилии у меня нет. Если угодно, вы все — и есть моя организация. Но мы отвлеклись…

Зал оживленно зашумел, улыбаясь словам выступающего, и не подозревая, что тот говорит чистую правду. Вскоре шумок утих: Ксор излагал мысли новые, смелые, неожиданные — и верные.

— Итак, — настойчиво продолжил Ксор. — До сих пор все взаимодействие человечества и вселенной ограничивалось наблюдениями с поверхности планеты, да попытками полетов разнообразных устройств, действующих на химической тяге, за пределы атмосферы. Дело это затратное, опасное, сложное и малоосмысленное, хотя и одухотворенное. Стремясь послать человека как можно дальше, наука рассматривает возможность придания ускорения твердому телу при помощи высвобождения ядерной энергии, но тут есть препона сугубо материального свойства: не из чего построить отражатель, который и стал бы движителем корабля. И слава Богу, скажу я вам, что не из чего, а то ведь построили бы корабль, и наверняка — не один. И наверняка отправили бы всю флотилию в полет, гордясь, что вот-де: нашими усилиями физическое тело достигнет субсветовой скорости. Достичь-то оно достигнет, да только возвращения вы не дождетесь: законов физики еще никто не отменял.

Ксор сделал короткую паузу, обвел взглядом собравшихся, и продолжил:

— Исследовать внешнее пространство можно и нужно иначе. Вам следует рассмотреть поподробнее возможность рассоединения той энергетической составляющей человека, которая зовется душою, и собственно тела. Для души препоны расстояний не существенны, а материализация физического тела в месте пребывания — не проблема.

Зал снова загудел, но уже заинтересованно. Эта идея давно занимала лучшие умы человечества, но отыскать возможности ее реализации никто даже не пытался — настолько фантастичной она казалась.

— Более я вам рассказывать не стану, вы и сами горазды

выяснить все. Только до сих пор в этом направлении усилий не прилагали… Что до возможности создания фотонного зеркала, сложность не в том, чтобы создать такое вещество. Вот, смотрите, — и Ксор, взяв в руки мелок, нарисовал на доске схему строения кристаллической решетки, отдельного атома, и написал несколько формул, описывающих как внутриядерные взаимодействия, так и условия перехода в особое состояние энергетических оболочек ядер. — Сложность в том, что ни теории, ни техники, ни ресурсов у вас для этого нет. И не скоро появятся.

Пораженный зал умолк. Старый академик, следивший за изложением вполглаза и слушавший вполуха, однако усвоивший все лучше остальных, заметил, выждав полминуты:

— По вашим выкладкам, любезный Ксор, получается, что плотность вещества, пригодного для создания фотонного зеркала, запредельна, а сумма энергии, которая должна уйти на производство небольшого его количества, превышает все энергоресурсы нашей планеты. Так?

— Скажу точнее, — решительно кивнул Ксор, обращаясь уже не к залу, а к академику лично. — Всей энерговооруженности планеты, включая разведанные, но не разработанные залежи ископаемых, достанет на производство лишь одного килограмма двухсот семидесяти семи граммов этого вещества. Так что, мой друг, торопитесь. У вас есть еще почти два месяца до смерти, и в ваших силах дать исследованиям в области разделения тела и души необходимый импульс.

Старый академик покраснел, вскочил, неразборчиво вскрикнул, после схватился за сердце и упал на свое место, бледнея и хрипя:

— Это… ты? Я вспомнил, вспомнил! Это ты!

Ему вызвали скорую, накапали успокоительного, дали воды. В суматохе не заметили, куда исчез выступавший. Мудрый секретарь ученого совета быстренько выпроводил всех из аудитории, и с той поры держал ее под замком, открывая только для высокопоставленных туристов, и демонстрируя полуосыпавшиеся надписи на учебной доске. Академик действительно прожил еще восемь недель. В интервью он рассказывал, что впервые столкнулся с этим человеком на заре своих дней, лет что-то около четырех отроду. Защищенный от солнца соломенной шляпой, он играл на пляже, недалеко от родителей. Пошел в воду. Неожиданно погрузился слишком глубоко. Так, что даже шляпа поплыла…

Эту шляпу — вместе с незадачливым будущим академиком — вытащил на берег тот самый мужчина, который выступал на

ученом собрании. Наглотавшегося воды сына родители положили в больницу. Ксор — именно так назвал себя этот человек — приходил несколько раз навестить малыша. Говорили обо всем. Многого академик уже не помнит, но один момент ему вспомнился отчетливо. Ксор сказал ему, что, раз уж он не дал мальчишке умереть, то смерти тому страшиться не следует. Когда настанет пора уйти из жизни, он, Ксор, придет к нему снова, и скажет об этом. А дотоле — опасаться нечего.

Правда, уточнял академик, воды он с той поры все равно боится как огня, плавать так и не научился, а купался только в бассейнах. Странности поведения ученого подтвердили его многочисленные родственники, но уже после кончины именитого академика. А когда эта история стала забываться, в прессе появились первые упоминания об опытах по перемещению в пространстве вне тела…

Земля. На острове

Большой, потемневший от времени деревянный дом, дверей у которого не было, а вместо стекол в окнах колыхались легчайшие занавеси, возвышался над обширным лугом. Дом занимал промежуток между двумя скалистыми утесами, трещиноватыми, поросшими кустарником и одинокими деревьями, и оттого очень живописными. Перед домом, немного в сторонке, блистал на солнце пруд неправильной формы, с группками ив по берегам, и с заводями, сплошь поросшими всевозможной водной растительностью.

По бережку пруда осторожно кралась кошка. Недалеко от нее, переминаясь на месте и повизгивая от возбуждения, сидел огромный черный пес. Дима и Оля с улыбками наблюдали, как звери играют в прятки. Дело чести: Кроу выиграл уже два раза подряд, и теперь Нюша просто обязана была найти его. Сам он кошку отыскивал почти без труда, несмотря на все ее ухищрения. Даже когда она упросила Бульку вынырнуть под мостиком на морском берегу, и тихонечко подождать, а сама просочилась между дощечек, взгромоздилась на дельфинью спину — и они незаметно уплыли в один из многочисленных гротов, — ворон не растерялся. Он поднялся повыше, рассмотрел дельфинью стаю, резво и неотлучно крутящуюся у пещер, и все понял.

Сам же он прятался так, что Нюша, даже лукаво подсматривая, даже с подсказками Плюха, не всегда умела понять хитрый замысел птицы. Вот и сейчас: куда он мог подеваться? Ведь летел же к прудику, сел на иву… На деревьях его нет. Плавать вороны не умеют. В воздухе растворяться тоже. И потом: пахнет вороном, пахнет! Откуда — непонятно… Ага, вот! Между корнями ивы — нора. Обычная сырая нора в прибрежной грязюке. И оттуда пахнет вороном…

Лезть в мокрую дыру Нюше не хотелось. Она вытянулась в струнку, пытаясь обнаружить там Кроу.

— Моя нора! — высунулась из воды голова Ондатра.

— А можно я туда загляну? — вежливо спросила кошка. — Там, пока ты не видел, как мне кажется, спряталась противная черная птица, с гадким голосом, в профиль похожая на змею. Падалью питается, воняет сильно. Прямо не птица — вонючка какая-то! Никогда не моется…

Нюша изгалялась в попытках оскорбить горделивого Кроу и тем самым заставить его выдать себя.

— Загляни, — согласился Ондатр.

Нюша сунула голову в нору, избегая влезать туда целиком:

вылизывать собственную шубку после полужидкой пещерной грязи — удовольствие небольшое. И прислушалась…

Тем временем ворон подошел, а не подлетел, чтоб не выдать себя хлопаньем крыльев, к кошке сзади, постоял возле машущего из стороны в сторону хвоста, нацелился и больно клюнул в самый кончик.

Кошка ойкнула и подпрыгнула. Ворон предусмотрительно взлетел на дерево.

Дима и Оля рассмеялись.

— Где ты был, прожорливый комок перьев? — возмущенно спросила неуберегшаяся от размокшей глины кошка, опасливо поджав хвост.

— С грязными и вонючими волосатыми мордами не разговариваю, — заявил ворон, победно сверкая черными глазами.

— Плюх, где он был? — переспросила кошка у пса.

— Там, — ответил пес и показал на нору.

— Понимаешь, Нюша, — раздался голос из ниоткуда, — Кроу сговорился с кроликами. Они прорыли нору до самых апартаментов Ондатра, и Кроу тихонько прошагал под землей, пока ты его вынюхивала на земле.

— Ксор? — вскричали Дима и Оля одновременно.

— Ксор, — подтвердил невидимый голос, и добавил: — Какую комнату мне отведете?

Улыбающийся и довольный, Ксор выглянул из окна второго этажа.

— Эту?

— Да бери хоть весь этаж! — прокричал в ответ Дима.

— Не, — проговорил Ксор уже рядом. — Гаремом я так и не обзавелся, зачем мне весь этаж?

— Старенький ведь уже, — пошутила Оля, — куда такому древнему гарем…

— И не говори, — посетовал Ксор, — зачем жены тому, кто и сам концы с концами свести не может… Хожу голый. Не ем столетиями… А уж чаю сколько не пил — даже не вспомню. Не растет в моем мире чай.

Ксор вернулся на Землю

Чаепитие продлилось далеко за полночь. Дима подробно рассказывал о своих удачах и ошибках, Оля интересовалась миром Ксора, и Ксор слушал, говорил, потом снова слушал…

— Надолго ты к нам? — спросил Дима, поняв, что визит Ксора — не только дань вежливости и ностальгии.

— Надеюсь, что навсегда, — заявил Ксор. — Мои люди уже здесь.

— Вот как? — удивился Дима. — Почему же тогда вездесущие птицы не несут весточки своему правителю? — и он кивнул в сторону скалы, где на ветвях одного из деревьев любил коротать ночи Кроу.

— Не обнаружено пока что вторжение, — заметил Ксор. — Пройдет какое-то время, прежде чем мои гаврики налетаются, налюбуются, и возьмутся за создание плоти. Думаешь, легко им было из поколения в поколение культивировать, возделывать, холить и лелеять галлюцинации, практически бред о некоем мире? В котором все — то белое, то зеленое, то голубое, то желтое, то красное? Души — тех из них, которые жили в мегаполисах — вспоминали какие-то машины, странные устройства, необычные занятия… Они все, между прочим, считали себя тупиковой формой жизни, богато наделенной лишь врожденным сумасшествием. Мне стоило труда переубедить их: вначале отказаться от технического прогресса как от главной жизненной цели, а потом и вовсе признать императив бесплотного существования.

— То есть, — сделала вывод Оля, — твои люди — бесплотны?

— Отчего же… В своем мире каждый из них обладает телом. Но для перемещений в пространстве они эти тела покидают.

— Но ведь душа без тела, — воскликнул Дима, — это же… состояние смерти!

— В нашем случае это не совсем так, — возразил Ксор. — Душа, вышедшая из тела, и отправившаяся куда ей захотелось, всегда может вернуться в тело. Это знание блокирует ряд возможностей, присущих душе, вообще свободной от тела.

— Ты хочешь сказать, — поспешила вставить Оля, — что если души твоих людей здесь, а тела — где-то далеко, то они все равно не разделены окончательно?

Ксор кивнул.

— А если тела твоих людей пострадают, пока души в «отлете», что тогда?

— Вот тогда смерть, — подтвердил Ксор. — Все как обычно.

Энергонный мостик между душой и телом рвется, душа утрачивает интересы, свойственные ей при жизни тела, и возвращается в колонию душ Борэа или Орэс.

— А здесь твои люди, — поинтересовался Дима, — так и будут вне тела? Или они, как я понял из твоих слов, сумеют себе создать новые тела? Полноценно свои?

— Создать себе плоть — они могут, — ответил Ксор. — Но эта плоть — лишь временное вместилище, оболочка, биологическая машина, если угодно. Уничтожение искусственно созданного тела не приносит вреда душе, в нем помещавшейся. Эта душа снова может создать себе тело. И снова — такое же временное. Так что если твои разумные звери станут кушать моих людей на завтрак, обед и ужин — нашего войска не убудет.

— Лихо ты придумал, — протянул Дима. — А если у тебя на планете разразится война, пока души здесь? Там же кто-то остался?

— Это сюда кто-то прилетел, — ответил Ксор. — Основная масса населения живет как обычно, и с большим интересом ожидает вестей с Земли.

— Ну, вот, — разгорячился Дима. — Если твои тамошние вдруг… я не знаю… воевать начнут? Они ж ядерной энергией уже овладели? Взорвут бомбу — и конец твоему здешнему войску!

— Теоретически это возможно, — согласился Ксор. — Но на практике у нас там такие порядки: не убий, не укради, не возжелай… Продолжать?

— Не надо, — засмеялись Дима и Оля. — И все заповеди работают?

— Все, — спокойно, без тени гордости произнес Ксор.

Озадаченные ангелы примолкли.

— А как же свобода выбора, вообще свобода и все такое? — спросила Оля.

— Это и есть свобода выбора в действии, — ответил Ксор. — Я, конечно, прилагал кое-какие усилия к установлению порядка. Но и чадам своим — помогал реально и действенно. Оттого они в меня верят — во всех смыслах этого слова. И слушаются. Да и привыкли уже…

— Вот это да! — проговорил Дима, и недоуменно почесал затылок. — Ты, похоже, переплюнул любого из Создателей.

— Не знаю, — ответил Ксор, — о соревновательности не задумывался. Но ведь и вы, как я вижу, сделали нечто, чего до вас никто не делал, а? Как вам это удалось?

— Что именно? — не понял Дима.

— Ну, как же… И я, и Хамдиэль пользуемся теми живыми душами, которые созданы Господом, и которые вверены нашим

заботам. А вы? Где вы берете живые души для ваших разумных зверей? Из какой колонии? Борэа? Орэс? Номер какой?

— Не берем мы из колоний, — развела руками Оля, а Дима пожал плечами.

— Мы делаем просто: чуть меняем нервные связи, будим эмоции, добавляем памяти, создаем мышление…

— И готово?

— Да нет… Приходится еще все это увязывать между собой, прививать интерес к жизни…

— И как? Все индивидуумы делаются по одному образцу?

— Что ты, Ксор. Все — разные. Ни я, ни Оля никогда не знаем, что выйдет в итоге. Вон, коня я делал умным и смелым — а вышел нелюдимый высокомерный аристократ.

— Ага… Давно вы этим заняты?

— Да уж не одну сотню лет, Ксор… А почему ты спрашиваешь?

— Но ваши разумные животные — они разве бессмертны?

— Только те, что живут здесь, на острове…

— Тогда, Дима, скажи на милость, куда деваются души умерших разумных животных?

— Но Ксор… Какие души? Мы же — повторяю тебе — никаких душ не брали ни из каких колоний, ни у Борэа, ни у Орэс…

— Не брали. Но должны были понять: если у животного есть ярко выраженная индивидуальность, значит, у него есть и душа. Понимаете ли вы? Вразумляя животных, вы, по сути дела, создавали живые души. А это — дело отнюдь не ангельское.

— Ксор! Тогда выходит, что…

— Да, Дима. Тогда выходит, что созданные вами души после смерти тел скитаются неприкаянными по этому же миру, не находя себе места и применения. А ты тут чаи со мной распиваешь…

— О, Господи, — только и проговорил Дима, и тут же тело его обмякло, словно он уснул.

— Вот торопыга, — улыбнулся Ксор. — Сейчас соберет все неприкаянные души — а дальше-то что? Куда их? Чем занять? Кто ими займется? Кто расскажет о мироздании? Научит действовать во славу божью?

— Как кто? — деланно удивилась Оля. — Твои «гаврики», как ты имел честь выразиться. Зачем-то они ж сюда прибыли? Не имея привычки к жестокой борьбе? Тогда — ради сотрудничества.

Ксор долго и удивленно смотрел на Олю, но чем возразить — не нашелся…

Хамдиэль тоже на Земле

— Что-то странное происходит, ты не находишь, Ксор? — проговорил Дима, сидя в кресле-качалке под ивой, на берегу прудика, и поглаживая лежащего рядом Плюха.

Ксор, сидя в таком же кресле напротив, пожал плечами. Что бы ни происходило, подумал он, вмешиваться не стоит… Установки даны, и душам нужно предоставить свободу. Правильно настроенные, они сами найдут оптимальное решение всех проблем.

Дима услышал мысли Ксора.

— Найти-то найдут, но скоро ли? Успеют ли они создать нечто, способное противостоять Хамдиэлевским ордам?

Ксор рассмеялся.

— Дима… Ну, успеют. Ну, не успеют. Что гадать? Все равно впереди война. Твои и мои — против Хамдиэлевых. А может, и как-то иначе сочетания сложатся. В конце концов, эта битва за Землю предначертана свыше. Помнишь же, наверное, что главная наша задача — активизировать продуцирование энергонов. Все остальное второстепенно…

— Ну, да! Второстепенно! Мои звери мне — как дети! — запальчиво возразил Дима.

— Вы тоже были нам как дети, — спокойно напомнил ему Ксор. — Уж и воспитывали мы вас, и пряники совали, и наказывали примерно, а что из этого вышло? Вы с Олей поперлись листать Книгу Судеб, и вас, сочтя опасными, решили окоротить… Сам же я у последнего из людей жизнь и отнял. Так что готовься к худшему, и тогда малейший просвет будет тебе радостью.

— Ну, да: си вис пацэм, пара бэллум. Не желаю, Ксор… К худшему — неохота… Знаешь что?

— Знаю. Но что?..

— Все тебе шуточки… А давай сгоняем к Хамдиэлю, посмотрим, что и как у него в мирах.

— Ага! — весело согласился Ксор. — А потом вернемся, все переделаем у себя, чтоб хамдиэлевцам неповадно было. Так?

— Ну… так, — неохотно промямлил Дима.

— Во-о-от, — назидательно протянул Ксор. — Тем временем Хамдиэль разведает, как тут у нас идут дела, и переиначит свое войско, чтоб нашим неповадно стало. Так?

— Ну, — снова проговорил Дима, — похоже, что так.

— А мы — опять к ним, опять шпионить… А они у нас уже развед-агентуру внедрили во все слои общества.

— Это нечестно! — вскричал Дима.

— Почему нечестно? — пожал плечами Ксор. — Честно. Только бессмысленно. Хотят наши питомцы шпионить — пусть сами ищут возможностей. А наше участие в этом деле — это уже слишком. Так ведь, Хамдиэль?

— Именно так, Ксор! — отозвался голос откуда-то со стороны дома. Плюх забеспокоился, сел, стал прислушиваться. — И я, Дима, прибыл сюда вовсе не шпионить. То есть мне любопытно, конечно, и я, разумеется, прежде чем к вам сюда наведаться, всю Землю облетел, и все, как будто, уразумел. Но внушать своим этих сведений не стану. Да и не поймут они меня: в отличие от тебя и Ксора, я им не показывался и не назывался. А где, кстати, Оля? На Земле я ее не заметил…

— Наверное, носится со своими кошками где-нибудь в Африке, — предположил Дима. — Ты материализуешься? Или будешь духом бесплотным смущать наши с Ксором разумы?

— Вас смутишь… К тому же, я уже давно материализовался, — выглянул из окна Хамдиэль. Плюх оглушительно гавкнул. — Секунд пятнадцать назад. Подарки тут вам раскладываю. Чего у вас нету, а у меня там — завались…

— Ух ты! — вскричал Дима. — Чего раскладывать? Тащи сюда!

— Кое-чего притащу, — серьезно ответил Хамдиэль. И тут же появился возле столика. В руках он держал странной формы емкость, наполненную чем-то янтарным, полупрозрачным, играющим жемчужными переливами медленно двигающихся слоев.

— Привет, черная морда! — Хамдиэль протянул руку и приветственно потрепал Плюха.

— Привет, черная морда! — отозвался Плюх и завилял хвостом.

— Вот! — проговорил Хамдиэль. — Вино с Эляма, неупиваемая чаша. Поздно хватился, не выбродило, осадок не выпал. А то б прозрачным было, как слеза…

— Хитришь, старый проныра! — Ксор аккуратно принял у Хамдиэля емкость, водрузил ее на стол, а после с чувством обнял чернокожего друга. — Вешаешь нам лапшу на уши, как будто перед тобой смертные. Это вино, если дать ему выбродить, превратится в обычную бормотуху, хотя и красивую. Весь секрет в том, чтобы подать его к столу в строго определенные дни, когда вкус и аромат его безупречно фантазийны. Я прав?

— Почти! — рассмеялся Хамдиэль. — Счет идет не на дни, а на часы.

— Так что ж мы медлим? — потер ладони Дима. — А ну-ка,

кто здесь хозяин? Ах, я? Тогда — ап!

Столик украсился сверкающими бокалами изумительной формы, хрустящими румяной коркой булочками, вазой с разносортным виноградом, тарелочками с сырами, ломтиками слегка обжаренного куриного филе, раковыми шейками…

— А Оля? — еще раз спросил гость.

— Не беспокойся, Хамдиэль, — улыбнулся Дима. — Начнем мужской компанией, на троих! А там и Оля подоспеет.

— Опоздает, — с сомнением произнес Ксор. — Бутылочка маленькая.

— Никогда в жизни, — уверил друзей Хамдиэль и наполнил бокалы до краев. Емкость, вернувшись на место, осталась полной. — У меня на Эляме этого вина каждый час по бочонку созревает. А эта хитрая посудина с теми бочонками неразрывно сообщается.

Визит архангела

— За что пьете? — вопрос прозвучал задорно и весело: не успели бокалы прозвенеть свое первое трио, как появилась Оля.

— За победу! — сказал Дима.

— За исполнение воли Божьей, — сказал Хамдиэль.

— За светлое будущее, — проговорил Ксор и подал полнехонький бокал Оле.

— В общем, пьем за присутствующих здесь дам! — резюмировал Малахиэль, и с таким же бокалом в руке вышел из-за ивы. — Ибо все прозвучавшие тосты — суть есть прославление женского естества.

Ангелы засуетились: Малахиэль был им всем по-человечески близок и по-ангельски дорог…

Ксор уступил архангелу свое кресло, Дима моментально превратил сиденье в удобнейшее из лож, а Хамдиэль, помня о гастрономических предпочтениях старшего по положению товарища — да что, там товарища! Друга, конечно же, друга! — чуть-чуть подправил сервировку стола. Изысканные яства возникли и утвердились на льняной скатерти.

Малахиэль пригубил вина, покачал головой, причмокивая, признательно кивнул Хамдиэлю и вновь приложился к бокалу.

— Восхитительно, — произнес архангел. — Единственная в ангельском сословии дама летит встречать меня за тридевять земель. Возлюбленный ученик угощает вином, которому нет равных в вечности, и сулит пиршество, не виданное в веках. Ну, а вы, Ксор и Дима, друзья не разлей вода, чем порадуете старика?

— А чем теперь радовать, — вздохнул Ксор, — если ты, Малахиэль, все радости уже предвосхитил… Сам же сказал: победа, воля Божья и светлое будущее — суть есть прославление женского естества. Тем самым открыв всем нам, как будут развиваться события у вверенных нам народов, и предсказав, чей именно народ обречен на победу…

— Ошибаешься, милый, — мягко проговорил Малахиэль. — Ни мне, ни кому иному из господних служителей будущий итог не известен. Я же к вам прибыл из чистого любопытства. С неофициальным дружественным, так сказать, визитом. Вина Хамдиэлева отведать — давно о нем споры в архангельской среде идут, лучше ли оно легендарной фалернской лозы… Причаститься, что ль, заодно и даров земных? Какого сыру порекомендуете?

— Тот, что с крупными круглыми дырками — всего лучше подходит, уважаемый Малахиэль, — задумчиво и будто бы

несколько отстраненно сказал Хамдиэль. — Фалернское, конечно, не хуже, но в нем есть горечь. А в этом — горечи нет…

— …зато есть неповторимый трюфельный аромат, — заключил Малахиэль. — Как тебе удается растить такой виноград, Хамдиэль?

— Откуда виноград на Эляме, — вздохнул Хамдиэль, — не из винограда это вино. На Земле это растение звалось саксаулом. На Эляме оно накапливает в звеньях стебля влагу и сахар, вот из его сока вино и выходит.

— А трюфельный аромат?

— А трюфельный аромат, — снова вздохнул Хамдиэль, — результат действия гриба — симбиотика саксаула… К черту вино! Малахиэль! Скажи прямо, зачем прибыл!

— Скажу, — Малахиэль со вкусом отпил вина, отломил корочку булки, под которой блеснул белоснежный мякиш, пожевал и продолжил.

— Как вы помните, Земля, человечество и психосети, созданные для управления людьми, были своего рода экспериментом. Окончившимся… — тут Малахиэль сделал паузу, выпил вина, взял ломтик сыра.

— …окончившимся неудачно, — закончил фразу нетерпеливый Дима.

Малахиэль покачал головой.

— Не окончившимся вовсе. Об успешности не берусь судить. Я прибыл лишь для того, чтобы напомнить вам, всем четверым: эксперимент продолжается! И условия невмешательства в ваши решения — еще строже, чем раньше. Видимо, близится решающая фаза, раз уж Господь снизошел до напоминания нам, чтоб не вмешивались. А то, знаете, и сторонников, и противников у вас на небесах хватает… Вот меня и послали — подбодрить вас.

— Подбодрил, Малахиэль, спасибо… Что ж, теперь нам всерьез соперничать придется? Раз такое внимание свыше…

— А это вам самим решать. Правил не установлено. Можете даже восстать друг против друга… Итоги победы (либо поражения) не ясны. Призы раздает господь. Кого он вознаградит? За что? Того, чьи люди Землю завоюют? Того, чьи народы наибольшие энергонные потоки организуют? Мне неизвестно. Похоже, что ларчик открывается не так просто… А еще похоже, что судьбы всеобщего будущего каким-то образом зависят от того, как вы сами разрулите ситуацию. И меж своими народами, и между собой. Такие дела… Мы, архангелы, вроде как не участвуем. Полностью! Абсолютно. Только наблюдаем, попивая, с разрешения Хамдиэля, божественное вино его производства.

Улыбаясь, Хамдиэль подал архангелу заполненную до верха емкость, из которой прежде наливал вино.

— Помни, Малахиэль, один бочонок в час. Иначе придется пить недозревшую горечь…

Остальные ангелы молчали. Поклонившись, Малахиэль исчез. Пир не состоялся…

Миры Хамдиэля. Открытия и интриги

Эулий, один из перспективнейших физиков Эльмада, откинулся в кресле, забросил руки за спину и встревоженно вздохнул. Похоже, что Лудр, его научный руководитель, автор теории фотонных зеркал, ошибся. То есть не ошибся, что б уж совсем мордой в грязь — Эулий улыбнулся, представив эту картину — а кое-чего не учел…

Никто бы не учел этих тонкостей в процессе создания судьбоносной теории, нет таких гениев на Эльмаде. Но теперь-то — теория создана? Создана! Усовершенствований требует? А как же! Вот он, Эулий, которому было поручено проверить всю статистику опытов, чтоб выверить зависимости и исключить явно случайные результаты, и раскопал ошибочку.

По мнению Лудра, ему удалось привести материю в состояние высокой плотности, придав ей при этом отрицательную способность к поглощению любых энергий. По мнению Лудра, это состояние материи следовало звать насыщенным.

Эулий же заметил, что вовсе не уплотненная материя, из которой состоит фотонное зеркало, пребывает в сверхстабильном состоянии. Все внутренние взаимодействия в толще зеркала протекали как обычно, значит, и на внешние воздействия вещество обязано было реагировать как обычно.

Но этого не происходило. Лудр ставил себе в заслугу разработку особого состояния вещества, а Эулий заподозрил, что дело — не в веществе. Эулий понял, что хитрые манипуляции с веществом на самом деле приводят к изменениям в самом пространстве, этим веществом занимаемым. А свойства пространства — это совсем не то, на что можно подействовать реакцией ядерного синтеза, протекающей в фокусе фотонного зеркала и дающей движущий импульс всему кораблю. Раз так, то…

Будь Эулий воспитан подурнее, дверь в кабинет Лудра он открыл бы ногой. Но обошлось… Взору его предстал сиятельный Лудр, сидящий за своим столом и создающий вид крайней занятости.

— Эулий? Почему без доклада? Что за манеры, щенок? Чего приперся?

Лудр шевельнул рукой, отключая переговорные устройства — ему ли не знать, что секретари записывают все, происходящее в кабинетах патронов, копя компромат. По горящим глазам Эулия было видно — без громких объяснений не обойдется!

Эулий подошел к черной доске, висевшей за спиной Лудра,

взял в руку мел и быстро набросал систему формул, описывавших состояние вещества в фотонном зеркале.

— Эулий, лапочка, — саркастически заскрипел Лудр, — эта система уравнений выбита на золотой медали, полученной мною за открытие! Или ты думаешь, что я забыл о ней?

— Держи рот закрытым, старый дурак, — с ненавистью проговорил Эулий. — Формулы твои общеизвестны, и расчеты верны. В основном… Но в эту систему не вписывается некоторый излишек энергии, отражаемой зеркалом.

— Энергии? — вскипел Лудр. — Да какая разница? В энергию при ядерном синтезе обращается лишь малая часть вещества! И процент этот не постоянен! Что нам до этих капель энергии, если основной импульс корабль, оснащенный фотонным зеркалом, получает от взаимодействия разогнанного взрывом вещества и неподвижного тела зеркала? Кого ты учить вздумал, недокурок?

— Слушай меня, Лудр. Внимай, светило… Если мы — теоретически — все вещество, находящееся в фокусе фотонного зеркала, обратим в энергию…

— … то она большей частью бесполезно рассеется в пространстве, а меньшей частью — отразится от зеркала. Дальше что?

— А дальше — опять-таки теоретически — попробуем всю излучаемую в момент аннигиляции энергию направить в зеркало…

— Эулий, тебя плохо учили, и взял я тебя к себе по ошибке. Аннигиляция — это превращение одних частиц вещества в другие, пусть более легкие, пусть с выделением энергии. Но если предположить, что ты, юный болван, умудришься перевести все вещество в энергию, и направишь весь этот поток в некую точку на зеркале, ты представляешь, что будет?

— По твоему учению, Лудр, энергетический поток, более интенсивный, чем тот, с помощью которого создавалось само зеркало, способен оное зеркало разрушить.

— Да!!! Именно так! Ты хочешь с этим поспорить?

— Если бы энергия отражалась самим зеркалом — то спорить было бы не о чем, — спокойно сказал Эулий. — На самом деле отражает не зеркало. Отражает пространство, которое это зеркало занимает. Потому что такого коэффициента отражения у вещества быть не может!

— Интересная мысль… Не зря я тебя взял… Жалко, но так и быть — переведу в другое учреждение. Которое тебе больше по профилю подходит… Знаешь, в какое?

Эулий молчал.

— В психиатрическую больницу!

— Лудр, успокойся, а то кровь носом пойдет. Или в мозгах твоих где-нибудь сосуд прохудится. Меня — в лечебницу, а сам — на кладбище…

Лудр примолк.

— Так вот. Если предположить, что зеркало наше имеет не столько вещественный характер, сколько пространственный, то…

— Ладно. Выгоды этого мне и без тебя ясны. Как ты предлагаешь проверить этот факт, а после проверки — использовать?

— Деловой разговор… Начнем с того, что ты мне предложишь.

— Если опыты подтвердят твои предположения, — как всегда при дележе сугубо материальных явлений, Лудр был спокоен, четок и по-своему справедлив, — ты переходишь в мои заместители по научной части, получаешь лауреатство в области физики. Все материальные вознаграждения — а их будет немало, если учесть снижение себестоимости строительства звездолетов — делим пополам. По происшествии пяти лет объявляю тебя официальным преемником. Но учти! Править я собираюсь пожизненно…

— Спасибо, что сказал. Учту. Сколько той жизни тебе осталось? Непременно учту…

Не прошло и десяти лет, как ракетная флотилия, оснащенная фотонными двигателями пространственной тяги, стояла «под парами» у Эльмада.

Амдиэль — главный в Содружестве

Главнокомандующий объединенных сил Содружества Миров принимал доклады от своих заместителей. Рапорты описывали поведение космической армады во время учебных боев с предполагаемым противником. Маневрирование подразделений производилось в сферической области пространства радиусом около половины светового года.

Замечаний к технике выполнения маневров, к слаженности звеньев, к четкости перестроений, к времени выполнения аварийных вводных нет. Это хорошо: умение пилотировать эти безумные корабли, каждый из который выхлопом полной тяги мог за долю секунды испарить небольшой астероид — основа всего…

Что еще? Слаженность работы разноплеменных экипажей — удовлетворительна. Понятно, что ж… Не блестяще, но иного, более высокого результата, пожалуй, и не добиться. Командиры экипажей — только амдиэльцы. Пилоты, инженеры и техники кораблей — или эльмадцы, или представители Лидмаха. Десантные группы — и вовсе сборная солянка. Основа которой — опять же амдиэльцы.

Как, кстати, действовали десантные группы при высадках в необитаемые миры?

— Триста шестнадцать боевых групп, — стал докладывать умудренный опытом давних завоеваний генерал, — были высажены на тридцать планет с различными природными условиями. Задачи, поставленные десантникам, при известной типичности, имели отличия, соответствующие особенностям планет. От каждой из групп требовалось найти и условно уничтожить врага, каковыми являлись остальные участники десантирования.

— Условное уничтожение, — спросил главнокомандующий, — как вы контролировали?

— Уничтоженной считается боевая единица, сфотографированная через видоискатель прицела штатного оружия, способного поразить эту цель.

— Умно, — кивнул главком, — что толку через оптический прицел винтовки рассматривать бронированную машину.

— Так точно.

— И какова результативность?

— В рамках расчетной.

— Потери?

— Ниже плановых.

— Ваше мнение о ведении реальных боевых действий силами

прошедших обучение войск?

— Полагаю необходимым провести универсализацию каждого боевого отряда, с установлением заведомого преобладания бойцов какой-либо специализации.

— Поподробней, пожалуйста.

— Отряд, предназначенный для ведения боевых операций в условиях пустыни, должен быть способным преодолевать и водные преграды. В команде полярных бойцов нужен хотя бы один специалист по действиям в условиях густо заросшей местности…

— Достаточно, я понял вас… Мы обсудим ваше предложение, однако мое предварительное мнение — отрицательное. Если отряд, где основная масса личного состава — диэльцы, разбавить представителями Эляма, то последних придется держать большей частью в резерве, что отнюдь не способствует слаженности и взаимовыручке. Впрочем, несколько универсальных по составу подразделений мы все же создадим.

Спецзадание

Когда подчиненные освободили зал заседаний, главком связался с президентом.

— Благодарю вас, командующий, — прервал президент доклад военачальника, — подробной информацией я уже обладаю, причем во всей полноте. Приезжайте-ка ко мне, как освободитесь от рутины. Хочу с вами посоветоваться…

Встретились они если и не как старые друзья, то как умудренные опытом коллеги.

— Видите ли, командующий, — начал президент после рукопожатий и рюмочки крепчайшего ликера, — есть одно обстоятельство, которым мы не можем пренебречь…

— Вы говорите о желании Эльмада эмигрировать в полном составе?

— Нет. Чего об этом говорить? Хотят — прекрасно. Создадим для них нужное количество рабочих мест во флоте, выделим несколько судов для самок… простите… для женщин и детей. А суда эти, пока будут идти военные действия, на орбите оставлять не станем.

— А куда?..

— Неподалеку от Млечного пути, с которым наша галактика через несколько лет практически сольется, есть другое скопление звезд. Ученые утверждают, что условия для развития жизни там должны встречаться часто. Вот туда мы и направим эльмадские семьи. Задолго до установления мира на Земле.

— Но, господин президент, проблемы Эльмада мы тем самым не решим, а только перенесем ее решение в будущее.

— Именно, что в будущее. Вот смотрите: мужчины Эльмада погибнут в борьбе за прародину. Погибнут-погибнут, уверяю вас… Враг, с которым мы еще не столкнулись, поразительно коварен: в этом сомнений нет.

— Понимаю, — коротко ответил главнокомандующий.

— Женщины и дети поселятся в другой галактике. Дети вырастут, вновь изобретут средства транспорта, и вновь отправятся на завоевание Земли. Только мы к этому моменту уже уйдем настолько далеко вперед, что либо прихлопнем молодую эльмадскую поросль, как букашку, либо вообще будем способны игнорировать их потуги.

— За счет чего мы уйдем? Мы, амдиэльцы — воины, администраторы, командиры — но не ученые…

— Вы сбрасываете со счетов Лидмах и его обитателей, командующий. Между тем, технический гений Лидмаха не

намного отстал от достижений Эльмада. И потом, мне думается, что немногочисленное общество Лидмаха нужно плотнее интегрировать во все круги Амдиэля.

— Как?

— Вы женаты, командующий?

— Да.

— Это ничего. Разведетесь с женой и женитесь на аристократке с Лидмаха. Будете первым. В этом же году мода на невест с Лидмаха достигнет вершины. Через несколько поколений их раса растворится в нашей, а о Лидмахе будут только диссертации писать, гадая, что сгубило цивилизацию: тяга к знаниям их мужчин, или тяга к нашим крепким телам у их женщин?

Президент рассмеялся. Улыбнулся и командующий.

— В общем, понимайте мои слова как приказ. А свою роль — как подвиг. Вам, естественно, зачтется — полной мерой. Какой собственностью вы бы хотели обладать?

— Давайте вернемся к этому вопросу на Земле, господин президент.

— Браво, командующий! Благороднее вас не сыскать на всем Амдиэле! Предлагаю тост: за героев грядущих битв! За вас!

Спор

Четыре ангела сидели в большой и высокой комнате. За окнами шумел дождь. Горел камин. Игривая кошка Нюша тихонько восседала на подоконнике, разглядывая беззаботного Плюха, скакавшего вокруг Моргенштерна. Конь уворачивался от пса, не убегая, но и не позволяя тому приблизиться к морде. Плюх громко взрыкивал, стараясь допрыгнуть до лошадиного носа, и время от времени шумно вытряхивал подмокшую шкуру. Конь, неподдельно обрадованный внеплановым развлечением, скользил огромными копытами по траве, сдирая ее до глины, и, вскрикивая совсем по-человечьи, вздымался на дыбы, когда собаке почти удавалось дотянуться до лошадиного носа.

Струи дождя безжалостно хлестали обоих, и сырость была почти холодной — но преисполненных силы и энергии зверей погода только забавляла.

— Дураки здоровые… — ворчала Нюша, предпочитавшая тепло и сухость.

— Под таким дождем хорошо летать, — задумчиво проговорил Кроу, переминавшийся с ноги на ногу рядом с кошкой, — только не высоко, а так, с дерева на дерево.

— Так и летел бы, — предложила кошка, — кто не дает?

— Не с кем, — вздохнул Кроу. — И незачем: в дубравах — одни желуди. А здесь можно вкусненького слямзить… Тебе принести чего-нибудь? — спросил ворон кошку, внимательно оглядывая столик, на котором покоились чашки и блюдца с остатками завтрака.

— Неси, — не глядя ответила Нюша. — Но так, чтобы тебя не заметили, а то не будет считаться, что «слямзил»…

— Не заметят, — пообещал Кроу, спрыгнул с подоконника и заковылял в неверной тени вдоль стенки.

Ангелы молчали. Шел спор, и вот Хамдиэль проговорил наконец то, чего не торопились сказать вслух все остальные.

— Когда начнется война, — произнес Хамдиэль, — вы не сможете остаться в стороне безучастными наблюдателями. Иначе ваши народы в вас разуверятся. Вы были с ними — причем наяву — все это время, и не должны оставлять их в трудные часы. Я же могу не вмешиваться в действо. Обо мне мои питомцы не знают. Вы же, если исчезнете, ввергнете тем самых своих подопечных в глубокое уныние. Помните королеву Англии, которая могла бы избежать бомбежек, и спрятаться в предместьях Лондона — и никто бы ее не осудил в народе, ибо королева — превыше всего… Но она не сбежала!

— Ну, да, понятно… — подал голос Ксор. — Если хоть один из нас, тем не менее, станет вдохновлять и воодушевлять свой народ, это будет уже ни чем иным как прямым участием в военных действиях.

— Следствием чего, — продолжила Оля, — обязательно явится возникновение необходимости ангельского вмешательства в той или иной ситуации вопиющего свойства. А там и до прямых боевых действий недалеко.

— Тем более, — подхватил Дима, — что я понял визит Малахиэля как официальное разрешение на непосредственное участие любого из нас в войне.

— То есть нам пора бы заняться изобретением оружия, способного поражать ангелов, и потихоньку начинать овладение приемами его применения, — сказал Ксор.

— Именно так, — заключил Хамдиэль.

— Разве такое возможно? — тихо спросил Дима, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Теоретически, да и технологически — очень даже, — заверил его Ксор. — Выдели некий объем пространства, в котором находится ангел, и вышвырни его из вселенной. Из этой вселенной…

— А что там?.. За пределами этой вселенной? — поинтересовался Дима.

— Вернешься — расскажешь, — проговорил Хамдиэль и повернулся к окну, — если найдешь обратный путь… Технически много чего можно сделать… Вопрос носит скорее этический характер. Возможно ли, чтобы ангел желал погибели другому ангелу?

— Откуда? — возмутился Дима, — Все ж в курсе ангельской кротости!

За окном испуганно заржал Моргенштерн и удивленно залаял Плюх.

Медленно поднимаясь все выше, конь парил в воздухе брюхом кверху. Струи дождя лупили по его тугому животу, как по барабану. Длинные и мускулистые ноги беспомощно и невпопад дергались, намокшая грива мотылялась из стороны в сторону, словно измочаленная тряпка. Конь ржал не переставая, от испуга позабыв слова.

— Кто это? — воскликнул Дима. — Ты, Ксор? Поставь Моргенштерна на место!

Ксор молча помотал головой.

— Ты, Хамдиэль? Верни коня на землю!

— Не верну, — спокойно ответил Хамдиэль. — Вот двинешь мне по зубам, тогда поставлю, как было. И можешь не

напрягаться: сила Орэс не больше силы Борэа. Чтобы ты мог применить свои усилия, я должен сначала закончить свои. А я еще не закончил… — добавил Хамдиэль и поднял испуганного коня еще выше. Моргенштерн ржал все громче и все тоньше.

Плюх перестал всматриваться вверх, разбежался, прыгнул, влетел в окно, чуть не сшибив Нюшу, и ткнул носом Диму так, что тот отлетел в сторону.

— Опусти Моргенштерна! — прорычал Плюх.

— Не могу… — прошептал Дима.

— Можешь, — твердо сказал Хамдиэль. — Ударь меня.

Дима стоял недвижимо. Тогда Плюх поднялся на задние лапы, лизнул негра и проговорил:

— Опусти Моргенштерна, черная морда. Пожалуйста!

— Пожалуйста, черная морда. Опускаю, — ответил Хамдиэль, и конь тут же встал на ноги, заметался, озираясь по сторонам в поисках лизучего Плюха, и не находя его. Конь явно не помнил ничего, только что с ним случившегося, и исчезновение собаки для него выглядело невероятным.

— Агррр-рау! — зарычал Плюх во весь голос и перемахнул через подоконник, сорвав с окна занавеску и снова едва не смахнув кошку.

— Что ты чувствовал? — спросил Диму Ксор.

Дима вздохнул.

— Дать по морде — рука чесалась…

— Вот видишь, — улыбнулся Хамдиэль. — Точно так же рука зачешется нажать на спусковой крючок — ежели чего… А ты говоришь — кротость! Ладно. Никакого вреда твоему коню я не причинил. И даже в памяти у него следов не осталось. Плюх ему расскажет — то-то будет удивлений…

— Не расскажет, — уверила Оля. — Плюх понимает больше, чем выказывает понимания… Но о нашем собственном неучастии в войне, наверное, нужно договориться немедля и конкретно.

— Или об участии… — тихонько сказал Хамдиэль. — О чем бы мы ни договаривались, правил нам не установлено, и никто из нас ничего не нарушит, если станет своевольничать.

— В общем, так, — резюмировал Дима, миролюбиво улыбаясь. — Предлагаю не разлучаться. То есть и своих, и чужих посещать всем вместе, вчетвером. По крайней мере, в первое время… Решения о помощи станем принимать коллегиально, при полном единогласии. А кто станет нарушать, того станем бить по хитрой морде…

В окно с шумом ввалился замызганный Плюх, вывалил язык и, отдуваясь, поинтересовался:

— Ты звал меня, хозяин?

Все рассмеялись, и пес снова исчез, оставив после себя лужи грязной воды и комья глины, отлетевшие от лап.

Кроу, стащивший вместо кусочка сыра серебряную кофейную ложечку, предпочел блестящую игрушку бросить, и полететь на поиски удобного дуба. Пролетая над резвившейся парой, Кроу спланировал пониже, и, оказавшись над самой головой коня, каркнул настолько гнусно, насколько был способен. Моргенштерн инстинктивно опустил голову к земле. Пес тут же изловчился и шлепнул языком по лошадиной морде.

— Нечестно! — заржал конь.

— Теперь ты водишь, — радостно прорычал Плюх и отпрыгнул.

— Что у них за игры такие? — поинтересовался Хамдиэль.

— Лизки-помордасы, — ответила Оля.

— Фф-фу-у-у… — выговорила кошка. Как ни в чем не бывало, колыхалась на окне тоненькая занавеска, будто и не сорванная Плюхом, блистал чистотой свежего дерева пол. В доме вновь воцарился уют и покой.

Маршалы тоже боятся

Командующий отвел взгляд от экрана и задумался. Думать, собственно, было не о чем — но подчиненные должны быть уверены, что главнокомандующий в раздумьях, а не поддался минутной слабости.

На деле же этому немолодому человеку вдруг стало страшно. Он пытался понять, что нужно Амдиэлю, посланной им могущественной флотилии, а также лично ему, стоящему во главе всего этого похода, здесь, немыслимо далеко от родных мест. Что ждет их? К чему следует готовиться? К кровавым ли битвам или к тихой колонизации? К покорению мира, природа которого чужеродна, или к мягкому погружению в райский климат межзвездного курорта? Нужен ли им, героям Амдиэля, этот мир? А если нужен — то согласится ли мир принять их?

В конце концов, у человека немало сил, чтобы покорить себе подобных, но нет ни единой возможности, чтобы прокаленные каменистые пустыни превратить в тучные нивы и благодатные сады с искристыми ручьями и говорливыми водопадами…

Маршал космических войск Амдиэля боялся. Вот именно сейчас, пока есть еще немного времени, пока вихрь чужой галактики не приблизился, заняв все поле обзора, он боялся. Безотчетно и иррационально. Так же, как еще год назад побаивался своей новой жены, принцессы Лидмаха, степень родства которой с императором определялась сложными формулами местных традиций. Военачальник поморщился. Ему вспомнился визит на Лидмах, где он по-военному четко изложил свое видение ситуации вассалам Амдиэля. Той же ночью ему не дали уснуть самые пронырливые невесты зависимого государства. Они по одной пробирались к его покоям, и, впущенные, начинали рассказывать о своих неисчислимых достоинствах и о мудрости маршальского желания выбрать жену на Лидмахе. За ночь их собралось не меньше дюжины.

Просторные апартаменты командующего вместили всех — но до утра ни одна не сумела выйти. Утром ими занялась служба безопасности. Гостя оповестили: девушки (маршал улыбнулся этому слову — среди самозваных невест имелось несколько вполне зрелых женщин. Чертовски, впрочем, привлекательных…) действовали в традициях Лидмаха.

В жены маршал взял ту, которую предложил сам монарх Лидмаха. Свадьба была пышной и двукратной: первая церемония прошла на родине невесты по традициям ее государства, вторая — уже на Амдиэле. Маршал делал все, чтоб не огорчать новую

жену — но она понимала всю дипломатичность своей миссии, и претензий не высказывала даже тогда, когда ей приходилось нелегко. Расчет президента оправдался: в том же году знать Амдиэля привезла с Лидмаха нескольких жен. Среди них маршал узнал одну или — он не был уверен — двух ночных посетительниц. Высшее общество приняло женщин на удивление тепло.

В следующем году брачные путешествия стали наиболее прибыльной отраслью туристического бизнеса Амдиэля. Брать в жены уроженок Лидмаха стало модно: тонкие, стройные, они выгодно отличались внешностью от монументальных женщин Амдиэля.

Маршалу рассказывали, что и хозяйки, и любовницы они — бесподобные. Улыбаясь, он кивал, однако помалкивал: проявить себя хозяйкой жена высокопоставленного военачальника не может — челяди полно; а утвердить себя любовницей она просто не захотела… Да и маршал, чего уж там, поддерживал тайные отношения со своей прежней супругой. Верный солдат сам себе казался однолюбом.

Однажды маршал попытался поговорить с новой женой откровенно, чем удивил ее не на шутку. Он тогда предложил ей потерпеть эту роль сколько-нибудь для приличия, а после — тихо развестись, и устроить личную жизнь по собственному разумению…

Она рассмеялась, и отказалась наотрез. «Наш с вами брак, — сказала она, — лег в основу укрепления связи между нашими народами. Пусть там и лежит!»

«Но это не брак, — возражал маршал, — это одна видимость!»

«Очень полезная видимость, — ответила его новая жена. — Однако к чему вы завели этот разговор? Чего вы, маршал, хотите? Физической близости со мной?»

«Как вы могли подумать?» — воскликнул маршал, а племянница лидмахского императора расхохоталась. Маршал сообразил, что на такой вопрос как ни отвечай, все равно остаешься в дураках.

С той поры даже разговоры между супругами стали большой редкостью. При этом никаких шашней и никаких козней — несмотря на все имевшиеся возможности — новая жена не строила.

Показательный брак длился уже несколько лет, но положение дел в семье не менялось. Маршал все больше поражался силе супруги, да радовался прозорливости президента. Уже не только мужчины Амдиэля везли с Лидмаха невест, но и женщины стали привозить оттуда мужей. А некоторые и сами перебрались на

некогда завоеванную планету.

— Ну, вот, — потирал руки президент, — главные силы страны во главе с вами отправятся на завоевание прародины, а верхушка Лидмаха поднимет бучу, устроит заговор с бунтом. Как вы думаете, маршал, может ваша новая жена возглавить движение? Не отвечайте: мои психологи утверждают, что ей только возможность дай…

— Вы это серьезно? — спросил его тогда командующий.

— Сам факт нашего разговора на эту тему — уже свидетельство серьезности. Кроме того, — без улыбок и обиняков продолжил президент, — я практически спрашиваю вашего согласия. Мне известно, что ваши отношения с новой женой не заладились. Я полагаю, что ее гибель во имя укрепления дружбы между народами — а, в конечном итоге, именно дружба народов и есть цель нашей политики — ею лично, посвяти мы ее в этот план — была бы одобрена. Однако у нас с вами, отношения, смею полагать, не только служебные, но и дружеские. Потому я и спрашиваю: не будете ли вы, уважаемый маршал, против того, что во время вашего отсутствия ваша жена возглавит движение сопротивления, организует несколько резонансных террористических актов, вступит в прямую конфронтацию с действующей властью, и в конечном итоге геройски погибнет? Мы под эту марку обезглавим общество Лидмаха, зато возьмем на воспитание осиротевших детей лидмахской аристократии, и вырастим их достойными и верными амдиэльцами. А также обеспечим всем выходцам с Лидмаха безболезненную и даже льготированную — если экономисты позволят — интеграцию в наше общество.

— Ваш план, господин президент…

— Без «господина», маршал, прошу вас…

— Нет уж, позвольте! Ваш план, господин президент, как всегда безупречен, и, как всегда, обречен на успех. Но мне кажется неразумным ставить во главе повстанцев…

— Бунтарей, маршал, поганых бунтарей.

— Вот именно: во главе поганых бунтарей нельзя ставить рафинированную аристократку. Вы сделаете ее мученицей, и вскоре ее объявят святой, а вас — гонителем правых.

— Так-так, маршал… Вы стратег, вам виднее. И что вы предлагаете?

— Не зная диспозиции сил — ничего.

— Иными словами, вы против этого плана?

— Только в части использования в нем моей жены. Вот мой вам откровенный ответ, президент.

— Хорошо, маршал. Даю вам слово — ваша жена дождется

вас в вашем же доме.

Они тогда пожали друг другу руки и расстались. Маршал знал — слову президента можно доверять, но в душе у него появилось странное чувство. Он защитил женщину — в сущности, чужую ему женщину — от опасности, и она стала ему ближе и дороже, чем раньше… Прежде так не случалось никогда. Правда, прежде ему и не приходилось защищать женщину. Выручить попавших в беду солдат, помочь выйти из окружения, выхватить из-под носа у врага, у смерти своих людей — сколько угодно. Но это — не тот случай… И действие, и чувство было иным.

Принимая командование флагманским кораблем космической флотилии, маршал осознал, что улетает он не только от родины, собственных детей и их матери, но и от нежно любимой женщины. О любви этой даже не подозревающей. Теперь же, когда перед ним расстилалась огромная и чужая галактика, и обратной дороги не было, а флотилия ждала решений, приказов и указаний, маршал понимал: все, что он делал, делает и будет делать — ради нее. Не ради обладания ею! Только ради нее самой!

Маршал едва заметно улыбнулся, вдохнул и твердым голосом произнес:

— Старший офицерский состав, свободный от несения службы — в кают-компанию.

После выключил микрофон и проговорил вполголоса:

— Кажется, мы прилетели. Пора начинать поиск…

Поиск

— Господа офицеры! — маршал вошел в кают-компанию, окинул взглядом примолкших и вытянувшихся вояк. — Прошу садиться!

Несколько секунд пришедшие рассаживались. Маршал смотрел на них внимательно. Всех их он знал лично, и кандидатуру каждого одобрил — с оглядкой на выводы экспертной комиссии. Преобладали среди присутствующих крепко сбитые амдиэльцы. Как равные среди равных сидели стройные и смуглые уроженцы Эльмада. Деликатно сложенные выходцы с Лидмаха, с пилотскими, по большей части, нашивками, присутствовали тоже.

Отдельной группкой устроились командиры десантных групп. Все как один — амдиэльцы. Все как на подбор — смельчаки и красавцы. С ними же и заместители: тут и диэльцы, и элямцы. В общем, все представители Содружества Миров. Их видом и настроением маршал остался доволен.

Он немного помолчал и начал.

— Итак. Искомая галактика перед нами. По уверениям наших ученых, нужная нам планета может находиться только на периферии звездного скопления. Мы знаем, что эта планета — третья от светила, обладает одним спутником, вращающимся по стабильной орбите. Ее поверхность укрыта не слишком толстой атмосферой. Кроме того, мы знаем — точнее, с большой степенью достоверности предполагаем — как должно выглядеть расположение звезд, если наблюдать его из окрестностей планеты. Таким образом, область поиска сужается до приемлемого. Чего мы не знаем? Нам ничего не известно об обитателях этой звездной системы. При этом мы априори приготовились к их упорному сопротивлению. Правда, мы не имеем абсолютно никакого понятия об их вооружении, тактических умениях и стратегических наработках. Воевать — мы будем. С кем и как — неизвестно. Задавайте вопросы.

— Господин маршал! — с места поднялся молодой лидмахский офицер. — Как велика вероятность того, что овладение планетой — вы не будете против, если я стану называть ее Землей, как в преданиях?..

Маршал кивнул.

— Спасибо, господин маршал. Так вот, возможно ли, что нашим вооруженным силам не придется вести масштабных операций?

— Ученые утверждают, что такая вероятность есть, майор. И

даже приводят цифры… Но поверьте опыту старого служаки — не было еще в истории случая, чтобы не пришлось так либо иначе налаживать отношения с применением, или с угрозой применения силы. По причине неизбежной взаимной чужеродности нашим стратегам, да и мне лично, представляется наиболее прогрессивным осторожный диктат. Нас должны слушать. И слушать со вниманием! Команд, да и просто слов наших туземцы будут, хотят они того или нет, слушаться. Но для этого мы обязаны заявить о себе громко! Более вопросов нет? Тогда слушай боевой приказ!

Офицеры встали смирно.

— Командирам подразделений вскрыть пакеты инструкций и немедленно приступить к их выполнению. Жду ваших докладов. Можете идти!

Шпионы

Кают-компания опустела за секунды. Свет погас. Двери закрылись. И тогда во мраке замкнутого помещения проявились четыре фигуры.

— Нда-а… — протянул Дима. — Молодец, Хамдиэль. Серьезное войско. А что в пакетах?

— Хитрые хитрости и подлые подлости, — сказала Оля. — В каждом из пакетов один из отработанных вариантов, так что для командиров они новыми не будут. Десантники принимают готовность номер два, то есть ведут усиленную подготовку, отрабатывают слаженность в группах. Пилоты транспортных кораблей перестраиваются, переводя население Эльмада в арьергард…

— Эльмадцы что? И вправду все полетели в космос? — перебил Олю Ксор.

— Не до единого, но в общем — все, — ответил Хамдиэль.

— То есть, рано или поздно они Землю обнаружат? — спросил Дима.

— Куда раньше, чем через год, — заверил его Хамдиэль.

— И кто же из них представляет наибольшую опасность?

— Все, — ответил ему Хамдиэль. — Не забывай, эти расы выжили в жестокой борьбе. Одну ты еще не видел.

— Кого же?

— Существ водного мира планеты Миэль. Один в один земные акулы. Их сравнительно немного, они едут в огромных транспортах, наполненных водой. Их природная среда обитания по условиям совпадает с тропической зоной океанов Земли.

— То есть в холодные воды Арктики и Антарктики они не заплывут? — спросил Дима.

— В Арктике, как ты помнишь, уже не так холодно, — напомнила Оля.

— Да не надо им плыть в Антарктику, — заявил Хамдиэль. — Они умеют подчинять менее интеллектуальных существ. Нечто типа внушения… Только без слов.

— Дела-а… — протянул Дима. — А вот те смуглые и темноглазые — кто?

— Эти, — ответил Хамдиэль, — с Эляма. Июльская Сахара там слыла бы курортом.

— А белые, волосатые как мишки на севере? — не унимался Дима.

— Это ребята с Диэля. Говорят мало, общаются предпочтительно между собой. Внешняя медлительность вызвана

постоянным полусном. Они как под наркозом все время… Но если вдруг решают проснуться — ускоряются.

— Вдвое?

— Почти каждый — вчетверо. Некоторые могут двигаться в пять раз быстрее людей… Понимаешь, кашу они не любят, а мясо нужно еще добыть.

— Понимаю. Они, значит, самые жестокие у тебя вышли, Хамдиэль…

— Что ты, Дима. Стройные ребята с Эляма — вот те не знают ни жалости, ни покоя.

— И совесть мы им не предусматривали, — добавил Ксор. — Хотя куда более бессовестными вышли эльмадцы. Их общественные отношения строятся на пренебрежении интересами друг друга. Точнее, враг врага… Только матери детей защищают, и то… до определенного возраста. В целом же воспитание идет подзатыльниками и затрещинами. В ходу у них принуждения и запреты. Как ты понимаешь, большей частью — нарочитые…

— Хорошие у тебя детки, Хамдиэль, — задумчиво проговорил Дима.

Тут открылась боковая дверка и в помещение ввалился оторопевший амдиэлец. Он обеспечивал запись бесед в кают-компании, и по служебной инструкции не имел права покидать рабочего места ранее, чем через десять минут после ухода последнего посетителя. Фигуры людей, сидящих в полной темноте, и, тем не менее, различимые без труда, его и удивили, и напугали.

— Иди себе, дружок, — рекомендовал ему Хамдиэль. — Ты нас не видел, и мы тебя не трогали.

— Я обязан сообщить руководству, — едва выдавливая из себя слова, прошептал военный.

Тогда Дима стек с кресла, принимая форму диковинного рогатого змея, и покачивая оскаленной головой, пополз к амдиэльцу. Глаза того расширись от ужаса, он посерел и приблизился к обмороку. Рогатый змей, не переставая ползти, разинул пасть. Оттуда высунулась рука и, удлиняясь с каждой секундой, потянулась к горлу застывшего человека.

— Беги, дружок, а то тебя сейчас за шею потрогают… — тем же голосом проговорил Хамдиэль. Солдат очнулся, бросился ко входу и с топотом исчез.

— Они у тебя спирт пьют? — поинтересовался Дима у Хамдиэля.

— А как же.

— Ну, комиссуют паренька по белой горячке, — сделал вывод Дима. — Это ж не считается моим вмешательством в ход военных

действий?

— Не считается, — согласились все.

Земляне готовы

На Земле нападения Амдиэля ждали, и готовились к нему. Разумные животные постарались найти (или сделать) убежища, в чем им всяко помогали люди Ксора. Их внешности могли бы позавидовать далекие земные предки, выдумывавшие грифонов, химер, сфинксов и мантикор. То, что казалось древним землянам загадочным и сверхъестественным, люди Ксора легко воплотили в материи. Более того, каждый кентавр, минотавр либо любое иное существо, объединявшее в себе признаки и человека, и животного, обладало не одной, а двумя (человеческой и животной) душами, и как им вместе удавалось управлять телом — одному Ксору известно… Но удавалось!

Дима удивлялся тому, что звери и птицы, многие из которых с речью управлялись плохо, с охотой взялись за изучение амдиэльского языка.

— Вр-рага, — назидательно каркал Кроу, к огромному удовольствию своих потомков вернувшийся на континентальные территории, — нужно р-разить, пр-рименяя р-разум. Умение говор-рить с вр-рагом — пр-редоставляет нам р-ряд пр-реимуществ…

Он без устали летал над горами, лесами и долами Европы и Азии, добираясь до самой Америки, и путешествуя в ее небе от Аляски до Огненной земли. Стремительные гуси, для которых перемахнуть с экватора на полюс не составляло особого труда, носили Кроу в Австралию. По пути ворон наладил отношения с попугаями, справедливо признав их главенство и первенство в деле освоения речи.

Приземление первого вражеского корабля Кроу наблюдал с вершины горы, которую южноафриканцы когда-то звали Львиной Головой. Из него выгрузились люди, по виду — совершенно мирные и осторожные. Кроу с интересом смотрел, как маленькие человечки выводят из недр корабля какие-то механизмы, влезают в них, с шумом и грохотом укатывают обширную площадку. Местность, которую расчищали пришельцы, как будто вымерла, отметил про себя Кроу. Он-то знал, что такие места на побережьях всегда густо населены, но все животные и насекомые почли за благо ретироваться: кто знает, что за гости прибыли? И какую угрозу они принесли с собой?

Каждая минута выжидания, понял Кроу, дает пришельцам стать сильнее. Вон: освободив и выровняв длинную полосу, они взялись нагревать ее чем-то нестерпимо ярким, и грунт плавился, медленно застывая в прочную стеклянистую корку. Для чего-то

же она им нужна, эта переплавленная полоса? А вон поодаль как грибы после дождя растут строения — целый город. Только окон в этих строениях нет, а двери открываются медленно и закрываются тяжело, не оставляя щелей. Вышки поставили — это хорошо, подумалось ворону. В ажурных конструкциях несложно затеряться и отсидеться, наблюдая и высматривая.

И он перелетел поближе, устроившись в переплетении металлических балок и труб и заняв еще более удобное место.

Пришельцы тем временем освоились. Они, в большинстве своем, избавились от защитных костюмов и щеголяли под ярким солнцем океанского побережья в легких одеждах. Те из них, кто был покрыт густой белой шерстью, на белый свет выбирались до рассвета или после заката и неспешно брели к берегу, где на удивление ловко перемещались по скалам, осторожно пробовали прибой, и вскоре стали с видимым удовольствием купаться.

Так прошла неделя. Прилетавшие издалека стрижи рассказывали Кроу, что таких поселений только по этому берегу строится не один десяток, правда, они различны по размерам. Бестелесные люди Ксора поделились сведениями, что только на ближних подступах к Земле сосредоточено несколько сот больших транспортных кораблей, и из каждого ведется планомерное десантирование сил Амдиэля.

Кроу удивился, услышав, что пришельцы взялись за обустройство колоний по всей планете, даже по берегам Антарктиды, которых Кроу никогда не видел и видеть не желал. Что может быть интересного в многокилометровой шапке льда, медленно расползающейся во все стороны? Но и там, по словам людей Ксора, строилось несколько городков. Некоторые — прямо во льду. Только большей частью в тех краях хозяйничали покрытые мехом создания, а те, кто здесь бегал почти голым, там носили объемные одежды.

— Что будем делать? — спрашивали Кроу птицы и бестелесные души.

— Пока ничего, — отвечал ворон. — Впрочем, попробовать на зуб пришельцев не мешает… Но только для того, чтобы знать, кто чего страшится. Те, что покрыты белым мехом, их не больно-то и укусишь… Ну, пусть жалящие насекомые их испытают. Но — лишь некоторых! Чтоб организованной защиты наши гости организовывать не вздумали! Кстати, сколько их высадилось?

— Не меньше миллиона… И еще несколько миллионов на очереди. Что-то непонятное они затевают с женщинами и детьми, их там много, но, похоже, к высадке их не готовят.

— Как это? — не понял ворон.

— Ну, — отвечали бесплотные, — сами женщины уверены,

что вскоре после постройки жилищ их препроводят на Землю. И все мужчины на этих кораблях думают так же. А их главный начальник тем временем…

Хитрый план

Маршал тем временем обдумывал, как же ему быть с эльмадцами. Все мужчины и немалая часть женщин Эльмада занимали разные должности у него во флоте. Кроме того, практически все население Эльмада — а это несколько миллионов человек, (не так и много, если сравнивать с населением того же Эляма) — ждет, когда же для них на Земле будут построены жилища, чтоб уже высадиться из опостылевших железных коробок, и зажить в свое удовольствие…

Высадка — дело двоякое, думал маршал. С одной стороны, кто первый — тот и пан. Выберут себе лучшие места, захватят самые курортные зоны… Размножатся — ведь пока Амдиэль сподобится перебраться на Землю, пройдут годы и годы.

Между тем, разделять Землю, да еще и с людьми, традиции которых предусматривают самое непочтительное отношение к ближнему — это нонсенс. Земля должна принадлежать Амдиэлю, и только Амдиэлю! Всем остальным предоставляется право геройски погибнуть в боях за планету, либо тихо и бесследно влиться в амдиэльское общество, и раствориться в нем без остатка. Вот как Лидмах — подумал маршал, и на сердце у него потеплело. С некоторых пор весь Лидмах для него концентрировался в одной хрупкой, но стойкой женщине.

Отличная на первый взгляд мысль — собрать всех представителей Эльмада, да отправить куда подальше. Но! Это значит — ослабить как ученый корпус космического войска, так и пилотский отряд. Кроме того, зашлешь — вернутся. Не сегодня, так завтра. Скорее всего, окрепшими. И черт знает, какими они там, в ссылке, ресурсами разживутся? Научились же они жаркое излучение звезды превращать в фотонные зеркала для ракетных двигателей! Вдруг через пятьдесят лет они станут в разы сильнее нынешнего Амдиэля? Тогда Эльмад превратится в проблему, причем не для потомков, а именно для него, для маршала. Через пятьдесят лет сколько ему будет? Девяносто пять? Нормальный возраст. С него спросят, и так спросят, что мало не покажется…

И потом, можно ведь поступить хитрее. Земля себя еще никак не проявила. Никакой агрессии со стороны существ не было. Исключая несколько укусов насекомых; да поражение ядом медузы — диэлец умудрился нырнуть прямо носом в щупальца; да волки, мелкие степные плотоядные, решили закусить десантниками с Амдиэля. Звери были перестреляны все до единого, и более к лагерю не приближались. И все! Больше — никаких неприятностей, хотя вот уже третий месяц несколько

сотен тысяч человек усиленно обустраивают земные просторы. Ну, пусть не просторы, пусть уголки…

Так вот. Что если до начала масштабной конфронтации, эльмадцев высадить в поселения? Пусть пытаются освоить разные климатические зоны, сажают растения, выращивают там… что или кого у них принято выращивать для еды. А когда дела их пойдут криво — что неизбежно, ибо отторжение инородного тела любым организмом еще никто не отменял — организовать спасательную операцию. Предварительно дав популяции уменьшиться до закритической отметки. То есть спасти столько эльмадцев, сколько для восстановления численности народа будет недостаточно. Ученые говорили, что в обществе ненависти и вынужденных браков этот порог довольно низок, и преодолеть его труда не составит.

Вот и прекрасно! Раз Эльмад стремится в пионеры — пусть станет героически погибшей нацией!

— Дежурный! — скомандовал маршал вахтовому офицеру, — соберите штаб!

Через полчаса маршал ступил на трибуну и без раскачки начал говорить:

— Господа офицеры! Руководство вооруженных сил Амдиэля не делает разницы между представителями различных рас и наций, — с наглостью, присущей всем власть предержащим, начал врать маршал. — Первыми территорию нашей прародины выказали желание заселить представители планеты Эльмад. Поступок смелый, поступок мужественный, честь и хвала эльмадцам! Содружество Миров многим обязано этому храброму народу. И потому почетное право первыми организовать гражданские поселения на Земле мы с чувством глубокого почтения предоставляем народу Эльмада! На протяжении двенадцати недель наши воины находятся на планете. За все это время имело место лишь считаное количество инцидентов, с большой натяжкой претендующих на звание условно опасных. Напомню, речь идет о единичных комариных укусах; о раздражении слизистых оболочек и кожных покровов ныряльщика, столкнувшегося с кишечнополостным; и о нападении стаи мелких хищников на группу строителей. Обошлось без единого укуса. Никаких разумных форм жизни нами не обнаружено. Из всего происшедшего мы делаем предварительный вывод: планету Земля можно считать условно безопасной и пригодной для заселения. Разумеется, в дальнейшем могут возникнуть самые разнообразные обстоятельства. Однако климатические условия экваториальных и средних широт, а также газовый состав атмосферы и

микробиологический фон среды с большой степенью уверенности можно считать стабильно удовлетворительными. В связи с чем я и предлагаю офицерам штаба принять решение о возможности и сроках высадки народа Эльмада на поверхность планеты Земля. Говорить о том, что в случае возникновения необходимости корабли будут готовы для немедленной эвакуации эльмадцев, думаю, нужды нет. Вопросы?

— Господин маршал, — с места встал начальник отряда пилотов Эльмада, — должны ли мы понимать, что для заселения нам отводится некая ограниченная территория? Вы говорили об экваториальной зоне и прилегающих к ней широтах…

— Ни в коей мере, уважаемый господин полковник. Вы вольны выбрать любые территории. На мой взгляд, целесообразно селиться непосредственно в местах дислокации наших подразделений. Предпочтительно — внутри охраняемых периметров. С другой стороны, никто не станет вам препятствовать, если вы отстроите свои населенные пункты и создадите собственные системы охраны. Можете даже от них отказаться — но, по моему личному убеждению, это было бы неразумно. О чем еще не могу не напомнить вам, а в вашем лице — и всему народу Эльмада — так это о традиционно популярных приморских районах планеты. Через несколько лет, когда сюда прибудут остальные жители Содружества Миров, они будут перенаселены… Впрочем, в принятии решения вы целиком и полностью свободны. Прошу штаб подготовить и утвердить график транспортных операций. У меня все, господа офицеры.

И маршал покинул зал заседаний. В своем кабинете он открыл шкафчик, достал оттуда объемистую бутылку ароматного темного бальзама и налил себе в стакан. Завтра, подумал он, самое позднее — послезавтра Эльмад предложит равномерно разбросать поселения по поверхности Земли, включая ее пустынные и полярные области. Выгоду они увидят еще и в эксплуатации подземных месторождений — если отыщут, конечно, что-нибудь интересное. Ну, эльмадцы въедливые, эти отыщут. За успех начинания!

Напиток мягким жаром окатил желудок, приятным теплом устремился к рукам и ногам. Посветлело во взгляде. Звуки приобрели особую четкость.

«Черт возьми! — подумал маршал. — Не взять ли день отдыха? Не слетать ли на Землю?»

Маршал и Моргенштерн

Наконец-то Моргенштерн очутился в своей тарелке. Морочить головы пришельцам, восхищая их красотой и вызывая желание поймать и обуздать — это ему нравилось. Не хуже юной дебютантки он выхаживал, степенно тряся гривой, в поле зрения часовых. А то пробирала его игривость, и тогда он начинал носиться как заведенный, громким ржанием и гулким топотом оглашая окрестности. Порой он мчался на всем скаку к проволочному забору, выстроенному в полтора человеческих роста, и как будто собирался перемахнуть его, но потом передумывал, закладывал крутой поворот — такой, что копыта взрыхляли землю — и со свистом уносился прочь.

В такие минуты на него выходили полюбоваться все — и солдаты, и офицеры, и немногочисленные женщины-эльмадки, принявшие решение пожить в гарнизонах со своими мужьями. Жизнь в военном лагере текла скучно, без происшествий, и эльмадки отчаянно грызлись между собой, приводя в изумление своей нарочитой яростью и командиров-амдиэльцев, и солдат-элямцев, и собственных супругов, за время службы привыкших к почтительной вежливости в амдиэльских подразделениях.

Сверкающий на солнце конь скоро стал местной достопримечательностью. Его фотографии легли на стол маршалу, как образец местной травоядной фауны — и маршал, отметили адъютанты, был восхищен силой и изяществом зверя. Вот тогда-то гарнизон решил коня приручить и подарить маршалу. Солдаты поставили неподалеку от ворот кормушку и поилку, и попытались привлечь внимание животного то той, то этой едой.

Хитрый Моргенштерн капризничал: фыркал в раздробленное зерно, чем вызывал хохот эльмадской ребятни, увлеченно наблюдавшей за ним из-за забора; картинно морщился и тряс головой, попробовав слегка подсоленной воды, которую пили элямцы; а однажды, когда ему положили мясную пищу, перевернул кормушку и потоптался по ней всеми своими четырьмя ногами.

Людей к себе Моргенштерн не подпускал. Если кто-либо из амдиэльцев выходил, когда конь ел из кормушки, Моргенштерн убегал, как будто боясь. А вот маленького эльмадского мальчика, выбравшегося наружу через промежуток между проволоками, он просто не заметил. Эльмадский ребенок, по обыкновению своей планеты, решил угостить коня хворостиной. Моргенштерн удивленно обернулся, аккуратно вытащил из кулачка прут и со

смаком сжевал его. После зубами подхватил ребенка за шиворот, поднес к воротам и поставил.

На следующий день матери сами вывели своих малышей, когда пришел конь. Они брали детей на руки и подносили их к конской морде, и Моргенштерн позволял себя гладить. Для воспитываемых окриками и подзатыльниками ребятишек это было новое ощущение. Примолкли и служаки, предлагавшие поймать коня петлей или сетью. Через неделю Моргенштерн катал на себе детей, и матери не боялись, что конь взбрыкнет или понесет. А еще через неделю инспектировать гарнизон приехал маршал, и Моргенштерн позволил ему, единственному из взрослых мужчин, прикоснуться к себе.

Наверное, этот конь и был главной причиной того, что маршал в качестве своей резиденции избрал именно этот гарнизон. Все видели желание главнокомандующего подружиться с великолепным животным. Но никто не знал, зачем ему это нужно.

А маршал не говорил. Ему уже несколько месяцев снились странные картины, где он и другие мужчины, усевшись верхом на таких же коней, проводили и принимали парады войск. Маршал даже подробно рассмотрел, запомнил и зарисовал упряжь, необходимую для удобного восседания на животном. Во сне, конечно, не особенно присмотришься, но логику всех ремней и постромков маршал усвоил.

Ему, правда, не слишком хотелось принимать парады: на Амдиэле не больно ими увлекались, но его новая и далекая жена, принцесса Лидмаха, толк в военных церемониях знала. И уж оценить всадника сумела бы. А маршалу до боли сердечной хотелось быть оцененным — причем именно ею, только ею, и более никем на свете.

Моргенштерн кокетничал с высокопоставленным военачальником и одновременно прикидывал: не пора ли выходить в маршальские любимцы? Или потянуть еще немного? Чтоб уж наверняка?

Безбедная оккупация

Полгода длилась оккупация Земли. Шесть месяцев войска изнывали от скуки и маялись бездельем. Патрули натоптали тропы, но ни разу им никто не воспрепятствовал совершать обходы. Строители возводили здания без единой помехи со стороны возможного противника, и в ход уже вовсю шли проекты совершенно гражданского характера: никак не укрепленные, ничем не защищенные. Семьи эльмадцев благоденствовали, и элямцы, глядя на них, завидовали: что стоило и им настоять на первоочередном переселении своих родных сюда?

Земля, прародина, судя по всему, была тем раем, откуда их некогда непонятным образом и неизвестно за что выселили.

Недоумевали только ученые-зоологи. По их мнению, планета просто обязана была давать приют множеству самых разнообразных животных. Их и было немало, но все отчего-то проявляли удивительную робость, старательно (и весьма изобретательно!) избегая контактов с людьми. Впрочем, половина ученых считала, что такова особенность местного психотипа всех живых существ, и предлагала считать такое поведение нормой. Другая половина готова была согласиться с этим постулатом, но так уж заведено в ученом мире: кто-то должен быть «за», кто-то — «против».

Разведанные за полгода местные ресурсы позволяли уже сегодня начинать возведение городов и селений. Оно, собственно, и было начато — надо же чем-то занять солдат, призванных для ведения военных действий, но войны не нашедших.

Нежданно-негаданно возникла новая проблема: разумные водные хищники Миэля. Они по-прежнему плескались в бассейнах транспортных кораблей, и им разъясняли, что земной океан очень обширен, обследование его должно быть проведено детально и тщательно. А то подхватят миэляне какую-нибудь заразу — и поминай, как их звали. Жалко же! Ведь везли их на прародину, а не на кладбище! Миэляне верили и ждали, хотя с равным успехом могли не верить и попытаться действовать. Головами о стенки транспортов постучать, к примеру… На самом деле микробиологи Амдиэля старательно искали болезнетворных микробов, способных быстро и безболезненно (для всего остального мира) уничтожить хищных миэлян, которых опасались даже жители Диэля.

Проще всего, конечно, было бы открыть танки, да и выпустить все содержимое гидроперевозочных транспортов в космос, поближе к местной звезде или к ее газовым гигантам. А

всем сказать, что жители Миэля благополучно околели в глубинах земного океана. Никто бы не огорчился — за это маршал готов был поручиться!

Но все-таки еще оставалась маленькая вероятность, что зловредные хищники Миэля пригодятся. Пока что в глубинах не было обнаружено никого угрожающего: только рыбки плавали разные, моллюски ползали, да обнаруживали себя огромные медлительные создания, на удивление резво нырявшие в глубину при появлении Амдиэльских кораблей.

В океанах Земли насчитывалось к тому же несколько тысяч островов и островков, и маршал, как опытный завоеватель, знал, что флора и фауна некоторых их них может разительно отличаться от растительности и животного мира континентов. Эти острова требовали исследований и проверки.

К тому же один из них — расположенный в умеренном поясе — приглянулся маршалу. Этот клочок суши, полагал главнокомандующий, и будет тем недвижимым вознаграждением, которое стоит потребовать у президента. Принцессе остров непременно понравится — думал маршал, и прикидывал: не послать ли туда строителей для возведения достойного жилища. А уже постфактум получить высочайшее соизволение…

Хорошая мысль! Только строители плохие, военные. Дворцы строить не обучены. Наляпают вкривь и вкось… Нужно бы здесь, на континенте создать несколько подразделений мастеров, выучить их тонкой работе, и уж тогда. Да и проект составить — не день нужен…

На острове остаются…

— За старшего остается Плюх! — говорил Дима всем разумным зверям острова. Дельфины повысовывали из воды головы и прислушивались к его словам. — Нам четверым придется исчезнуть. Дело в том, что наш с вами остров облюбован военачальником пришельцев. Он решил построить собственную резиденцию в Теплом Стане.

— Губа не дура, — проворчал Ондатр и нервно поскреб лапой бок.

— Не дура, — отозвался Дима. — Но мы самолично не имеем права ни препятствовать, ни потворствовать захватчикам. Как с ними быть — решайте сами. Можете им попытаться понравиться, и тогда у вас просто сменятся хозяева.

Услышав эти слова, Нюша фыркнула и принялась ожесточенно вылизываться.

— Можете, — продолжал Дима, — начать их кусать и царапать. Но учтите — они солдаты, и у них полно оружия. Можете даже попроситься уйти отсюда вместе с нами, но помните: существование без тела для вас — это смерть, да и расставание с телом — штука неприятная до крайности…

— А дом? — спросил Плюх.

— Дом мы превратим в скалу, поросшую кустарником и мхами, — сообщил Дима. — Чтобы вы имели запас пищи и более-менее надежное убежище, в этой скале я оставлю для вас несколько полостей. Пещер попросту… Человеку их обнаружить и посетить будет затруднительно, а ты, Плюх, если только не натопчешь туда торную тропу, сможешь прятаться. У Нюши вообще проблем не будет: вход в ее логово устроим в месте, человеку недоступном. Для Ондатра сделаем в пещере водоем и несколько нор.

— А мы? — загалдели дельфины. — Сделай и нам пещерку! Каждому!

— Еще чего? — спокойно заявил Дима. — У вас и так пещер в теле острова десятка три…

— Сорок семь, — серьезно проговорил Булька. — Но что нам делать? Прятаться? Или воевать?

— Сами решайте. Хотите, договаривайтесь с Плюхом, Нюшей и Ондатром, не хотите — плывите куда глаза глядят, — стараясь быть безразличным, сказал Дима. На душе у него скреблись кошки — ну, как их звери справятся с чужеземцами? Захотят ли захватчики поладить с животными? Вдруг у них собачатина — первый деликатес?

— А котятина — второй, — добавила Нюша. — Ты очень громко думаешь, Дима. Иди уже. Не беспокойся. Мы справимся.

Ангел растворился в воздухе. Плюх понюхал место, на котором только что стоял хозяин, покосился на дом, вместо которого отныне высился тяжеловесный и трещиноватый утес, и повернулся к дельфинам.

— Булька! Не вздумайте смыться! Без вас мы их не одолеем. А с вами мы осилим их всех, сколько бы их не оказалось.

— Ты их будешь… есть? — поинтересовался дельфин. Он помнил собачьи зубы…

— Нет, есть их будут акулы. Потом позовете…

— Позовем, — согласился дельфин.

Строители

Небольшой корабль, доверху загруженный стройматериалами, неспешно плыл по морю, буксируя за собой надувную лодку с задранным мотором. Отправлять большее судно на строительство личных покоев маршал счел неразумным, да и островок, такой славный на фотографиях, сделанных и с орбиты, и с атмосферных летательных аппаратов, ему не хотелось перепахивать тяжелой техникой и отдавать на растерзание многосотенной толпе. Десяток квалифицированных мастеров, восемь человек охраны — они же подсобники, они же обслуга. И хватит. А не хватит — всегда воздухом доставить можно все, что потребуется.

Якорь кораблик бросил в той самой бухточке, где Плюх когда-то учил уму-разуму дельфинов. Затаившись вместе с кошкой на берегу, пес наблюдал за выгрузкой.

Сначала матросы подтянули надувную лодку. Спрыгнули в нее. Проверили двигатель. Стали потихоньку сгружать вещи и оружие. Солдаты тем временем стояли на мостике и рассматривали в бинокли округу. Недоверия у них ничего не вызвало. Тогда на остров переправилось несколько человек, которые взялись выгружать лодку и рассортировывать привезенное.

Суета длилась до вечера. Но не было минуты, чтобы на мостике суденышка не высился воин, бдительно озирающий округу.

— Выучка, — почтительно прошептал Плюх, кивая на часового.

— Дурь, — презрительно бросила кошка. — Кого он высматривает? Если нас не видно, а больше здесь никого нет? Утром пойду, представлюсь.

Восемнадцать разноплеменных солдат завтракали. Двое диэльцев, назначенных в охрану, лениво пережевывали ненавистное варево, когда на штабель драгоценной амдиэльской древесины вспрыгнула кошка.

— Мр-р-ры? — вопросительно произнесла она, задрала хвост и сделала несколько осторожных шажков к едящим. Диэльцы замерли.

— Мр-рау? — повторила бессловесный вопрос Нюша.

Белошкурые диэльцы переглянулись: живое животное — это настоящая еда для выходца с Диэля!

— Только попробуйте, — мрачно произнес командир-амдиэлец и взвел затвор, направив автомат на кошку. — Сожрете

и отравитесь. Кашей давайте давитесь! Это — тяготы и лишения воинской службы!

— Застрелил бы ты эту тварь, — вполголоса проговорил сидевший рядом воин, знавший командира по прежним кампаниям. — Кто знает, что у нее на уме…

— Застрелил бы, — ответил командир, — да только пули доски в щепу разнесут. Где новые брать? И потом, скотинка жрать просит — не видишь разве, какая чахлая.

Солдаты оживились. Всем было интересно посмотреть на невиданного зверя. Который к тому же не испугался людей и ходил среди них, производя приятные, умиротворяющие звуки, да потираясь мягкими боками об их ноги.

— Эй! Диэльская гвардия! — крикнул командир, — вас все равно тошнит от нашей жрачки — а ну, угостите животное.

Один из диэльцев встал, сделал несколько шагов в сторону, и высыпал остаток своего завтрака на кусок упаковочного материала.

— Отойди, не пугай зверя, — приказал ему командир, но диэлец остался стоять, чтобы не потревожить кошку шагами. Нюша, сделав вид, что страшно голодна, абсолютно бесстрашна и изысканно деликатна, смело подошла к каше, тщательно обнюхала ее, после села и, охватив себя длинным хвостом, принялась есть. Диэлец осторожно отступил и сел, где и раньше.

— Слышь, командир, жрет нашу хавку! — восторженно заорал молодой эльмадец. — Зырьте, пацаны, жрет кирзу вонючую!

Ветеран, старый сослуживец командира, встал, сделал два шага к мальчишке и аккуратно взял его за шею. Поднял. И держа того на весу, тихонько проговорил на ухо:

— К командиру обращаться на вы. К пище относиться с уважением. Я молчу — ты молчишь. Я разрешаю — ты говоришь.

И опустил солдатика на место. Тот ошеломленно хлопал глазами, тер покрасневшую шею и хрипел, пытаясь сказать. Наконец к нему вернулся дар речи.

— Да я пулеметчик! Кто ты такой, чтоб мне приказывать? — почти прокричал он в спину удаляющемуся ветерану.

— Смотри, чтоб отстрочить не пришлось, пулеметчик, — сказал командир и сыто икнул, а пятнадцать человек грохнули хохотом. — Тебе рассказали, как себя вести — так поблагодари за науку и выполняй… А где зверь?

Нюша, наевшись, забралась на руки к диэльцу, отдавшему ей свой завтрак. Мурлыкая и потягиваясь, она терлась о его шею, обнимала лапами, заглядывала в глаза, и всем своим видом выказывала такое удовольствие и преданность, что все просто

изумились.

Сам же диэлец стоял ни жив, ни мертв. Откуда этим грубым солдафонам, этим гнусным захватчикам свободного и холодного Диэля знать, что именно так ведут себя диэльские малыши, после того, как родители накормят их молоком. И размером маленький диэлец такой же — когда еще совсем несмышленыш. И шерстка у него такая же мягкая. И характер ласковый… Это уже потом грубеют шкуры, крепнут мышцы и пробуждаются по-звериному молниеносные инстинкты. Среда вынуждает…

Но в глубине души каждый житель Диэля навсегда остается таким, каким был в детстве — добрым, мягким, благодарным. Потому, кстати, диэльцы мгновенно убивают свою добычу — из милосердия. Потому, кстати, этим безмозглым лысым лучше не злить выходцев с Диэля — не помогут ведь ни автоматы, ни пулеметы. «Нас здесь всего двое, — думал солдат, держа на руках кошку, — а вас шестнадцать. Тридцать секунд охоты на вас, идиоты — это если с беготней да с криками. И два месяца отличной еды…»

— Командир, — сказал молчавший до тех пор второй диэлец. — Вы позволите нам этого зверя оставить и считать своим?

— Зверька оставьте, — ответил командир, — и можете считать его своим. Кроме того, до завтрашнего утра вы оба свободны от исполнения работ. Будете охотиться — о нас не забудьте…

И не успело прозвучать уставное «Да, командир!», как оба диэльца исчезли — словно их и не было.

— Господин командир, — проговорил молодой эльмадец, красные пятна на шее которого уже стали отдавать синевой. — Это несправедливо! А мы?

— А вы берете механические лопаты, роторные ямобуры — в том числе и на мою долю — и под моим чутким руководством отправляетесь копать котлован. Копаем от того места, где покажет наш инженер, и пока мне не надоест. И чтоб ты знал, сынок, наше оружие — это не мой пистолет, не автомат старого служаки, и даже не твой пулемет. Наше оружие — эти двое.

Строители — строят, охотники — охотятся

Механические лопаты стучали до заката. Молодой эльмадец взрыхлял твердую глину, а ветеран, едва трогая рычаги управления погрузчиком, удалял землю из быстро растущего котлована. Почти забыв об утреннем конфликте, эльмадец все расспрашивал и расспрашивал старого солдата, и тот — благо в двух шагах друг от друга связь работала прекрасно — рассказывал все, что знал.

— Если вы впятером окружили диэльца, все равно какого — молодого, старого, женщину, мужчину — и у каждого из вас скорострельное оружие, — говорил ветеран, — то самым лучшим для вас будет срочно застрелиться. Диэльца вы впятером все равно не достанете, а друг друга положите. Да и он вам скучать не даст. Хорошо если убьет на месте. А может и ранить… Если мясо сохранить нужно…

— Они едят людей? — спрашивал удивленный солдатик.

— Принято считать, что нет. Но лично мне кажется — да. То есть я уверен.

— Вы что, воевали с ними? Ну, против них?

— Приходилось… Нас было десятеро — вместе с нашим командиром — когда мы окружили одного диэльца. Хотели взять живым… Надо было стрелять всем вместе — авось, и попал бы кто… А так — только мы двое и остались. Собственно, остался один я, и то случайно: меня диэлец толкнул в лоб. А вот командиру кишки выворотил когтями, и поволок его к своим. На поживу…

— Толкнул в лоб… Что же тут опасного?

— При той скорости движения, которую развивают диэльцы, даже наши крепкие амдиэльские шеи переламываются.

— Хе-хе… У меня б, наверно, голова вообще отлетела бы?

— Точно. Только я накануне ударился сильно, и врач на меня корсет с ошейником до самого затылка надел. Это и спасло… Хотя в сознание я пришел, когда уже почти поздно было. Долго я целился. Но в голову диэльцу попал.

— Так, а командир как же? С распоротым брюхом?

— Да как… Прилетели за нами — а дышим только я и он. И то через раз… Ему вживили искусственный желудок, пересадили кишечник — не знаю подробностей. И мне шею подправили. Вот стой поры мы с ним и на «ты»…

— Наградили?

— Какой там… Но категорию оплаты повысили.

Скрывшись с начальственных глаз долой, диэльцы перешли

на шаг. Ошеломленная немыслимой гонкой кошка сжалась в комок и застыла на руках у одного из них.

— Хочешь подержать? — спросил тот товарища.

— Давай…

Нюша перекочевала к другому. Он бережно подхватил кошку и водрузил ее себе на плечи. «Очень удобно, — подумала Нюша. — На человеке так не ляжешь, шея мешает. А у этих голова вперед растет: лежи — не хочу. И мех плотный…»

Вскоре вышли к морю. Посреди бухты едва заметно покачивался корабль, стоящий на якоре. Надутая лодка покоилась на берегу.

— Возьмем лодку?

— Думаешь, в далеком море добычу сыскать легче?

— Откуда мне знать… Давай сначала поныряем у берегов, а если ничего интересного не обнаружим — вернемся за лодкой.

— Вернемся?..

— Ну, да. Или ты собрался искать местную живность под этой мазутной лоханкой?

— Конечно, какая тут охота. Ты прав. Пошли вдоль берега, туда, где скалы. Там обязательно кто-нибудь живет.

Нюша тихонько мяукнула и показала, что хочет на землю. Диэлец бережно снял кошку с плеч.

— Ты ведь не убежишь, инопланетная животина?

Словно поняв вопрос (конечно же, поняв — но не выдав своего понимания), кошка обошла обоих диэльцев, потерлась об их ноги, доверчиво поглядела в глаза и скакнула в кусты.

— Как ты думаешь, — спросил первый из диэльцев, — она вкусная?

— По всем признакам, — ответил ему другой, усмехнувшись, — самый вкусный на этом острове командир. Мне еще дед рассказывал, что среди амдиэльцев особенно славятся светловолосые крепыши. Только перед едой их нужно сутки вымачивать в ледяной воде.

— А сбежит?

— Коленки да локти ему понадламывать, так и не сбежит…

— Так что, вернемся? Сделаем заготовки к ужину? — засмеялся первый глухо и отрывисто, и второй тоже улыбнулся.

— Не-е… Потом когда-нибудь. Может быть…

Они прошли уже достаточно, чтобы не видеть корабля и не ощущать его запахов, пугающе чужеродных для дичи. Под ногами захрустела галька. Линия берега стала перемежаться каменными глыбами, выступившими из береговых наносов и потихоньку размываемых прибоем.

— Следы смотри, — сказал первый. — Самое удобное место

для лежбища…

— Ты в море глянь, — ответил второй. — Что там творится…

Море будто кипело. Дельфины собрались полукругом и гнали к берегу большую стаю крупной крапчатой макрели, в которую затесалось несколько тунцов. Чем ближе они подгоняли к берегу рыбу, тем плотнее становилась цепь морских хищников, и тем меньше возможностей оставалось у рыбы для побега.

— Давай живо в воду, — скомандовал первый, и только тогда увидел, что второй уже беззвучно и быстро погрузился в волны, безошибочно найдя самое удобное для этого место на скалистом берегу.

Не медля ни секунды, он последовал за собратом.

Под водой зрелище казалось фантастическим. Выпуская пузыри воздуха и крича на все голоса, десятка два длинных бутылконосых зверей оттесняло рыбу от моря к берегу. Обезумевшая рыба бросалась из стороны в сторону, билась о камни. Хуже всего приходилось увальням-тунцам. Каждый из диэльцев сумел поймать двух, и выбросить их в этой суматохе на камни. Потом первый молниеносным движением схватил зазевавшуюся макрель и показал второму: «Вылезаем!»

Выбрались они в той же заводи, где и спускались в воду. Улов был не плох: четыре рыбины огромных, и одна просто большая. При желании можно наловить еще, но куда столько? И потом, съедобна ли она, эта рыба…

— Где наш зверь? — спросил первый. — Дали бы попробовать, что ли…

— Мряу? — словно спрашивая «Вы меня звали?», из-за камня вышла Нюша.

— О, туземный зверь, как ты кстати… — проговорил второй. — Ты ешь такое?

И он оторвал плавник у тунца и хвост у макрели, швырнул кошке. Деловито поджав хвост и помогая себе лапами, Нюша быстро сгрызла один кусок и принялась за другой.

— Попробуем? — спросил первый и разорвал рыбину пополам. Несколько минут оба молча жевали.

— Неплохо, — наконец сказал второй.

— Уж получше каши, — согласился первый. — Но знаешь, эти холоднокровные — совсем не так хороши, как хотелось бы… Как ты смотришь на то, чтобы поймать одно из тех животных, что загоняют рыбью стаю в береговые камни?

— Большие они, — засомневался второй. — И плавают быстрее нас с тобой…

— Не все там большие, — заметил первый. — Есть такие же как ты или я. Молодняк, наверное…

— Молодняк — это хорошо, — убежденно заметил второй. — Мяконько… Как ты думаешь, когда они снова охотиться будут?

Первый посмотрел на море. Охота окончилась, и поверхность воды украшалась лишь пенистыми шапочками волн.

— Самое позднее — через сутки. Но плавание отнимает много сил, и вода холоднее тела. Так что скорее всего — на закате все повторится. Давай отнесем лысым рыбу — они любят рыбу больше нашего — и вернемся сюда.

Диэльцы взяли улов и осторожно зашагали вдоль берега. Нюша скакала по камням, стараясь поспеть за широкими шагами прирожденных охотников, покрытых белоснежным мехом, вооруженных немыслимой реакцией и острыми когтями.

Первая кровь

Солнце клонилось к закату, когда оба они, неслышно ступая с камня на камень, вернулись к месту утренней рыбалки. Нюша ехала на плечах у одного из них.

— Подождем? — спросил первый. — Или нырнем, осмотримся?

— Ты ныряй, а я тут подожду. Не чувствуешь, пахнет как-то не так?

— Чувствую. Более того, зверем пахнет. Наверное, тоже ходит сюда за рыбой. Или ты думаешь, одни мы такие умные?

— Хотелось бы, чтоб одни…

— Кого тебе бояться, диэлец? Ты видел существ, рожденных в нескольких мирах. Был ли среди них кто-либо быстрее тебя?

— Нет.

— Ну, так и сиди… Гладь малышку. Если появятся эти, что рыбу гоняют, спускайся сразу ко мне. Ловить будем вместе, самого мелкого из тех, что к нам подплывет. Один пугает, другой хватает… В общем, все как обычно на Диэле.

— Как на Диэле… — с сомнением отозвался второй. — Только жарко.

— В воде нормально, — резюмировал первый и без всплеска погрузился в маслянисто-тихую волну.

Солнце приблизилось к горизонту. Волнение утихло полностью. Второй сидел на все еще неостывшем песке и наблюдал, как то там, то здесь выныривает, чтоб набрать воздуха, первый. Вдруг откуда-то справа, как раз со стороны бухточки с заякоренным кораблем, послышались всплески. Второй осторожно отложил кошку, мурлыкавшую у него на коленях, и укрылся за высоким камнем. Рядом из воды беззвучно высунулась голова первого.

— Ты видел? — шепотом спросил второй.

— Я слышал, — вполголоса ответил первый. — И можешь говорить громче: они так горланят, что сами себя не слышат, наверное.

— Но они не рыбу загоняют?

— Похоже, нет. Мне кажется, они просто играют перед сном.

— Будем ждать, пока они уснут?

— С чего ты взял, что спать они вылезают на берег? Похоже, из воды они ни ногой…

— Ну, да — по причине отсутствия ног, — пошутил второй, и оба диэльца тихонько рассмеялись.

— Но если они не загоняют рыбу, то к берегу, вероятно,

близко подплывать не станут? — рассудил второй.

— Значит, нападем на них в море. Поплыли…

И они оба ушли под воду. Нюша вспрыгнула на камень, чтобы лучше видеть происходящее.

Перемещались диэльцы быстро и скрытно. Стая резвящихся дельфинов плескалась, не стремясь куда-либо уплыть. Веселые и беззаботные, животные выскакивали из воды, перепрыгивали друг через друга, носились наперегонки, выплясывали на хвостах, потешно охлопывая друг друга грудными плавниками, и даже поднимали со дна круглые голыши, чтоб жонглировать ими, соревнуясь — кто дольше. Все это действо сопровождалось оглушительным писком, визгом, скрипом, щелканьем и прочими криками, слышными, наверное, на добрый десяток километров в округе.

Диэльцы вынырнули в очередной раз. До стаи дельфинов оставалось совсем немного, один затяжной нырок.

— Я пойду вперед, — чуть слышно зашептал первый, — отсеку на тебя кого поменьше. А ты…

— Да знаю!.. — прервал его второй еще более тихим шепотом. — Давай уже!

И он остался смотреть, подняв над водой одни только глаза. Вот, считал он, первый проплыл четверть дистанции… Вот еще четверть — уже полпути позади. Вот он подплывает к стае, переворачивается на спину, чтоб дать рукам свободу… В этот момент, именно в том месте, где и предполагалось нахождение первого охотника, из воды в воздух свечкой подлетело белошкурое тело. В спину ему упирался длинный нос дельфина, и первый, как с ужасом отметил второй, сложился пополам от такого удара.

Медленно и тихо второй погрузился в воду. Ну, точно… Первый, конечно же, уже плыл лицом кверху, высматривая добычу, когда снизу его целенаправленно и мощно ударил самый, наверное, большой из морских рыболовов. Неужели они едят не только рыб? Надо нырнуть поглубже — и к берегу…

Второй расставил пальцы рук и ног, чтобы освободить плавательные перепонки, вгляделся в глубину и оторопел. Отовсюду на него смотрели бутылконосые звери. Плавали они, как помнил второй, куда быстрее, чем умели передвигаться под водой диэльцы.

Второй вынырнул. Вздымая пенный бурун, к нему приближался первый.

«Будь что будет», — подумал второй и остался на месте.

Первый плыл не сам. Подхватив под руки, тело диэльца толкали два бутылконосых. Рядом вынырнул третий.

— Забирай своего и плыви на берег, — почти правильно выговаривая амдиэльские слова, произнес тонким, но сильным голосом зверь. — Уже темнеет, а тебя там ждут, волнуются.

Изумленный второй подхватил тело первого и приготовился двигаться, но тут их обоих с двух сторон приподняли бутылконосые и легко понесли к громаде темнеющего острова. И только когда внизу зашуршал песок, отпустили — и исчезли, как не было.

Второй подхватил бездыханное тело первого, вынес на песок, уложил аккуратно, и сел рядом на камень. Нужно было собраться с мыслями. Черт-те что творится! Эти бутылконосые… То рыбу подгоняют поближе, то убивают одним ударом — и чуть не извиняются за это. На берег вот вывезли… Который с наступлением темноты вообще стал невыносимо разить. Эх, кем же это воняет-то в самом деле?

— Мною, — прозвучало то ли в голове, то ли за спиною второго, и он стремительно обернулся.

Прямо перед ним, а точнее — прямо над ним — нависло совершенно черное чудовище, которое даже сидящим было больше стоящего диэльца. Второй машинально дернулся влево-вправо: так каждый диэлец проверял быстроту реакции противника. Зная, чего ждать от врага, можно безошибочно ударить когтями, и содрать шкуру даже с такой громадины.

— Нельзя, — снова прозвучало не разберешь откуда. — Или попробуй…

Диэлец подпрыгнул, чтоб дотянуться до глаз чудовища, и одновременно поджал ноги, чтоб когтями вспороть брюхо этому вонючему монстру. Ни одно существо на свете не заметило бы даже движения, и уж тем более не вынесло бы силы такого удара. Но Плюх только повел головой, лязгнул зубами, и второй упал на песок, навалившись всем телом на раздробленную руку.

— Можно, — спросил Плюх, поднявшись на ноги и дружелюбно помахивая хвостом, — я съем твою печень? Я так давно не ел печенки! Очень хочется…

— Плюх! — закричала на него кошка, — не мучай человека! Он хороший! Почти…

«О, господи… О, господи! — било набатом в ушах второго. — Да что же здесь происходит? И когда все это кончится?»

Плюх перестал размахивать хвостом, опустил голову и сомкнул зубы на шее диэльца. Позвонки хрустнули, кровь хлынула из разорванных сосудов, но чувства еще несколько секунд не покидали человека. И когда зияющая бездна смерти схлопнулась над ним, большой черный пес и сидящая у него на спине маленькая пестрая кошка были уже далеко.

Кто ускорил собаку?

— Нет, нет и нет! Это не могло произойти само по себе! Кто-то из вас нарушил договоренность и «ускорил» собаку»!

Возмущенный Хамдиэль стоял, остальные ангелы сидели на камнях, а Плюх и Нюша озирались по сторонам: как будто такой полянки на острове раньше не было, да и темнота куда-то девалась — а ведь ночь уже…

— Я согласен, — настаивал Хамдиэль, — дельфин действительно может причинить вред диэльцу, который плавает не так быстро, как движется на воздухе. Но ни пес, ни лев, ни медведь опередить диэльца на суше не способны! Выходит, вы помогали Плюху? Если так, то я считаю себя вправе помогать своим созданиям!

— Как хочешь, — сказала Оля. — Малахиэль внятно произнес: правил не установлено. Мы между собой договаривались о нейтралитете, но что есть наши договоры? По-видимому, пустые слова…

— Действуй, как знаешь, — произнес Ксор, — но мне не вполне понятно — чем ты недоволен? Дельфин, Димино создание, угробил вредоносную особь твоего творения — с этим ты не споришь. Зато предъявляешь претензии за то, что одно твое детище пустило кровь другому твоему же детищу. Инцидент, конечно, но Дима-то с Олей здесь причем?

— То есть как? — опешил Хамдиэль.

— А так! — ответил Ксор, а Плюх встал на задние лапы, положил передние на плечи Хамдиэлю, лизнул его дважды и проворчал: «Папа, папочка…»

Все рассмеялись.

— Но я не делал тебя ТАКИМ, — сбавил тон Хамдиэль, освобождаясь из собачьих объятий.

— Ты сделал его таким, как хотелось мне, — проговорил молчавший до того момента Дима. — А мне хотелось, чтоб собака была и другом, и защитником. Плюх, ты друг?

— Друг, друг, — закивал Плюх.

— А защитник?

Плюх подскочил, ткнулся в Димино колено, неразборчиво пробормотал «вау-грау-гру» и протиснулся под руку для поглажки.

— Ладно, — сказал Хамдиэль. — Ночь уже. Пусть идут поспят…

— На том свете отоспимся, — выговорила кошка, вспрыгивая на спину к псу.

— Где ты такому научилась? — изумилась Оля.

— Жизнь научит… — без всякого выражения сказала кошка, покачиваясь на лопатках шагающего Плюха.

Несколько мгновений, и они скрылись из виду в сгустившейся темноте.

— Предчувствие у твоей кошки, — вздохнул Ксор. — Скорее всего, безошибочное…

Туманными клочками светлая полянка с ангелами, рассевшимися на камнях, стала тускнеть, меркнуть, и вскоре исчезла в ночи.

Не все ладно у военных строителей…

Нюше все-таки удалось поспать. Они забралась на те же доски, где вчера «представлялась», и, свернувшись в клубочек, уснула. Часовой на вышке с пулеметом на нее даже не глянул: его внимание было поглощено неясными звуками откуда-то со стороны котлована. Будить командира он не решился: ну, пускай осыплются стенки — или что там происходит — завтра все будет подправлено. Однако прожектор часовой на всякий случай направил в сторону стройки, да и пулемет повернул туда же.

Пользуясь оказией, Плюх похозяйничал на складе стройматериалов. Ему приглянулась здоровенная бухта синтетического волокна, пригодного на все случаи строительной жизни. Вонзив в моток клыки, пес поднял его и тихо вынес за пределы охраняемой территории. Дотащил до моря. Вынес на мостик, с которого Нюша когда-то отправлялась в плавание на Бульке. И уснул…

На рассвете пса разбудил дельфин.

— Вот, — сказал Плюх, — еле осилил. Мотайте на винт, только плотненько! Я посплю, потом нырну, проверю. Будет плохо — всех перекусаю!

— Мы тебя сами все перекусаем, волосатый болтун! — прощебетал дельфин и хлопнул по воде плавником так, чтобы Плюха окатило. — Столкни моток в воду, а размотаем мы его без твоей помощи.

Плюх сбросил свою ночную ношу в море и снова уснул.

Завтрак прошел спокойно. Кошке дали остатки вчерашней рыбы, и она с благодарностью приняла дар. Часового на вышке сменил молодой эльмадец с заданием провести еженедельный регламент смертоносной машины.

Командир глянул на часы: до начала работ можно было полчасика потянуть. Да и диэльцы должны вот-вот вернуться — сутки истекали, а увольнение давалось ровно на двадцать четыре часа.

— Что сегодня делаем? — спросил ветеран.

— Да что инженер скажет, то и делаем, — ответил командир. — Наверное, гидроизоляцию кладем, бетонируем, каркасные конструкции наращиваем…

— Пойду я тогда, погрузчик и механическую лопату из котлована выгоню, бетономешалку подключу…

— Валяй. Через полчаса мы все навалимся. Понадобится помощь — свистнешь.

— Хорошо.

Ветеран ушел. К командиру подсел инженер, развернул чертеж. Они долго совещались, поглядывая на личный состав, занятый утренней уборкой, и прикидывая, как столь ограниченными силами без лишней мороки возвести здание. Наконец инженер ушел. Диэльцы не появлялись…

— Сержант! — командир подозвал проходившего мимо элямца. — Шагай к котловану, там наш дед машины передвигает, бетономешалку подключает. Поможешь ему со шлангами, кабелями… На весь день тебе наряд.

Командир снова бросил взгляд на циферблат часов: уже четыре минуты, как окончилось увольнительная у диэльцев. Сбежали? Но куда? На другой остров только? Так до него миль триста…

— Рядовой! — командир отыскал взглядом самого быстроногого солдата. — Надень коммуникатор и налегке давай бегом к бухте, доложишь, на месте ли корабль и лодка. Выполняй!

Сердце командира забилось немного чаще. Ну, мало ли… Охотились ночью волосатики, и дрыхнут сейчас где-нибудь в укромном местечке, зная, что им простят опоздание. Э-э, вот уж хрена! От зари до зари пахать будут!

— Командир! — закричал, подбегая, элямец, посланный в котлован на помощь ветерану. — Наш дед мертв!

— Как мертв? Сам умер или убит? — спросил командир, не столько удивившись, сколько интересуясь способом умерщвления опытного и сильного воина.

— Шея разорвана, — спокойно ответил элямец. — Как и все кабели и шланги.

— Трех человек пришлешь ко мне, я в котлован. Остальных рассредоточь по периметру лагеря. Выполняй!

— Да, командир!

Отдав приказ, командир бросился к месту стройки. Разорвать шею ветерану мог только диэлец — любой другой после поединка с этим сорокалетним громилой сам бы башку под мышкой унес. Командир помнил, как десять лет назад этот человек сумел спасти его самого. А он вот — вроде и берег, и рядом держал, и не удержал. Эх, может жив еще…

Запыхавшись от бега, командир спрыгнул в яму. Вся техника стояла там же, где и была оставлена вчера. Ветеран лежал возле аккумуляторного блока, и лужа растекшейся крови уходила далеко в сторону. Осторожно приблизившись, командир всмотрелся. С такими ранами о выживании нечего и думать: поперек шеи, точно под нижней челюстью, зияла прогрызенная кем-то очень зубастым дыра. Горло, мышцы, артерии — все было

выедено неровно и глубоко. Но как такой воин позволил случиться подобному?

К котловану подбежали трое в матово блестящих касках, с коммуникаторами в ушах, с автоматами наизготовку.

— Слышите меня? — спросил командир, поправив микрофон.

— Да.

— Двое простреливают стороны, один берет на прицел область моего нахождения. Что шевельнется рядом со мной — стрелять! Поняли?

— Да, командир.

Офицер оглянулся. Два солдата припали каждый на одно колено, и держали на прицеле разные углы стройки. Один целится прямо в него. Все правильно. Три минуты на осмотр…

Как же это произошло? Вот следы: ветеран спрыгнул в котлован, прошел возле машин, подошел к аккумуляторному блоку… Вероятно, наклонился. И кто-то его чем-то оглушил. Ударил? Да, вот. Током! Оголенные концы кабеля — с одной стороны, и последовательно соединенные аккумуляторы — с другой стороны. А запас энергии в них такой, что на месяц строительных работ хватит.

Понятно. Убили богатыря не руками и не дубиной, а по-умному, током. А для верности, значит, перегрызли ему горло. Теперь нужно понять, кто это сделал. Если свой, даже и диэлец — полбеды. А если чужой?

Медленно шагая и внимательно осматриваясь, командир пошел в обход котлована. Стенки, еще вчера гладкие и лоснящиеся зализанной глиной, изрыты норами. Что за чертовщина? Одна нора — чуть больше остальных. Следы… Пальцы, когти… Животные? И, похоже, не слишком крупные? Но достаточно острозубые, чтобы пожевать весь пластик и всю резину! Вопрос — кто же придумал затею с кабелем? Только тот, кто не убоялся солнечного света, и не постеснялся дождаться человека, прячась в тени оборудования. То есть достаточно маленький, и довольно… смелый — не признать этого нельзя.

— Один наверху, двое ко мне! — приказал командир. Солдаты тотчас скатились вниз и подбежали, не опуская оружия. — Следи за верхом и норами. А ты — прикрывай меня.

И он продолжил осмотр.

Пулемет и пулеметчик

Молодой эльмадец взобрался на вершину сторожевой вышки. Вот он, пулеметик, вот он, родимый… Дуло — что глаз глубоководного гада. Скорострельность — три тыщи выстрелов в минуту. Шесть стволов крутятся каруселью: один выстрел, пять циклов отдыха — остывание. Автоматика управления! Мечта!

Эльмадец включил питание. На секунду положил руку на детектор личности. Система узнала его и высветила матерное приветствие. Молодой гордился, что научил военный компьютер таким словам. И даже не подозревая, что подобные фокусы армейскими психологами считаются нормальной реакцией молодого агрессивного организма на довлеющую дисциплину.

На экране высветилось меню. Выбор режима… Та-ак-с… Эльмадец сосредоточился: с оружием шутки плохи. Ошибиться нельзя… Выбираем: «регламентные работы». Запускаем самотестирование. Ручное управление — загружено, проверено, готово. Распознавание атаки, определитель «свой — чужой» — загружено, проверено, готово. Одиночный огонь, дальние дистанции — загружено, проверено, готово. Режим «все живое» — загружено, проверено, готово.

Юный эльмадец поежился. В школе пулеметчиков ему говорили, что применяется этот режим, только если силы врага многократно превосходят силы Амдиэля. И включают его уже тогда, когда личный состав Амдиэльских войск либо повержен, либо обречен. Тогда пулемет переходит на автономное энергоснабжение и, экономно, одиночными выстрелами расходуя боезапас, может контролировать зону охвата почти бесконечно долго. Только так, говорили, удалось справиться с Диэлем. Потому что только такое оружие способно тягаться со скоростью реакции диэльцев.

Пулеметчик осторожно протер поверхности спиртом — любые беспорядочные касания переводят машину смерти в боевой режим отражения атаки. Все правильно: ранило пулеметчика, или в предсмертных судорогах он задергался — значит, пулемету никто боевой задачи больше не отменит. Хочешь — не хочешь, а стрелять надо. Тогда все источники кратких вспышек пулемет расценивает как атаку и поражает короткими очередями. Ну, в мирных условиях это абсолютно безопасно, а в боевых как будто бы действует система опознания своих, но все равно — без приказа лучше не включать. Не дай бог что — голову открутят. Шея вон до сих пор болит…

Э, да ладно! Не все так плохо в жизни квалифицированного

специалиста! Молодой эльмадец присел, нацедил себе крышечку спирта. И э-эх, хорошо пошло! До обеда теперь ему сам черт не брат: снимет кожух с механизма подачи смазочно-охлаждающей жидкости, скажет — давление близко к минимальному. Оно вроде и в рамках нормы, и в то же время командир у них — человек въедливый. Любит, чтоб все работало исключительно надежно. То есть за выправление показателей от нормальных до идеальных не осудит. Так что можно еще крышечку…

Закурить бы! На Эльмаде такие травки растут: закуришь после выпитого, и закачаешься… А в армии Амдиэля курение запрещено вообще. От дикари, честное слово… Чем солдату оттягиваться? Строевой подготовкой? В школе пулеметчиков им пытались привить любовь к воинским ритуалам, а в результате отбили желание ходить строем навсегда! Походами в публичные дома? Дак солдатские — они такие, что — прости господи — их даже элямцы многие стороной обходят, только самые отпетые ходить туда не боятся… И потом, на этой планете, по ходу, никто домов терпимости ни для солдат, ни для офицеров заводить ваще не собирается. Ну, конченый Амдиэль! На кой черт летели фиг знает куда? Чтоб ямки тут рыть? Синее небо кружило облаками, манило и звало бездонной лазурью. Эх, взлететь бы туда, в синеву, все выше, все ближе к родному Эльмаду. Ну да! Только поднимешься, чтоб звезды стало видно — тут хоп! Весь флот амдиэльский: а куда это ты, дружочек собрался, уж не дезертировать ли?

Пулеметчик ухмыльнулся. Хрен с ним. Тут тоже служить можно. Особенно, если службу подсекать. Ну-ка, сколько там спирта по меткам? Можно ли еще урвать? Или перерасход будет явным?

Молодой эльмадец перевернулся на бок. Перед ним сидела Нюша.

— Оп-па! — обрадовался человек живому и пушистому гостю. — Ты бросила этих волосатых и пришла к настоящим людям? Молодец! Ну, давай дружить… Хошь, спиртику за знакомство? Ты, наверно, и не знаешь этого кайфу… А я выпью еще немножко. Последнюю… На сегодня.

— Последнюю, — прошептала Нюша.

— Чиво-о? — протянул оторопевший пулеметчик. — Ты что-то сказала?

— Мряу? — поинтересовалась кошка.

— Ну, дошел я… — посетовал солдат. Потом запрокинул голову, выпил и, зажмурившись, понюхал собственную подмышку. — Когда они уже спирт приличный заливать станут… Такая отрава — не поверишь: пью — аж воротит. Но прошибает

крепко. Иди поближе, я тебе про Эльмад расскажу. А то живешь тут в этой глухомани, и про нормальную планету ничо и не слыхала, наверно.

Кошка сделала три осторожных шага и села, внимательно глядя в глаза пьяному пулеметчику и прислушиваясь к его голосу.

— Давай, зверюга, я тебя поглажу, — молодой эльмадец подтянул к себе кошку. — На Эльмаде у нас хорошо, хе-хе, родненько, но лучшие телки — это на Лидмахе. Заездные — все как одна, а ночью сами приходят. Порядок у них такой…

Эльмадец прикрыл глаза, вспоминая красоту девушек Лидмаха. Нюша поднялась на задние лапы, молниеносно вонзила когти ему в глазницы, и рванула что было сил. Солдат взвизгнул и отпрянул в угол площадки, прижимая ладони к лицу.

Свет командирского фонарика теснился в узких норках, прорытых в стенке котлована, и раз за разом перебегал в самую широкую нору, когда в коммуникаторе запиликал вызов.

— Слушаю, — отозвался офицер.

— Командир, докладываю… Я на берегу моря в районе нашей высадки. Корабль на месте, повреждений не видно. Лодка привязана к причалу, тоже в порядке…

— В чем дело, солдат, почему говоришь тихо? Тебе что-то мешает? Там кто-то есть?

— Да… На мостике, к которому привязана лодка, лежит какое-то существо. Окрас черный. Покрыто шерстью. Спит…

— Откуда знаешь, что спит? Может, дохлое? Крови не видно?

— Спит, командир… Ворочается, облизывается. Зевает… Проснулось. Смотрит в мою сторону…

— Видит?

— Похоже, нет…

— Приказываю открыть огонь из штатного оружия.

— Я не брал… Вы не приказывали…

— Идиот… Это я идиот, рядовой, — почему-то почти шепотом произнес командир. — Давай-ка, сынок, тихонечко вали оттуда. Или отсидись на месте, если укрытие надежное.

— Откуда надежное? Так, кустики. Покидаю наблюдательный пункт.

— Тихо давай… Как можно тише…

— Командир… Он меня заметил, наверное. Лежит, смотрит в мою сторону. Принюхивается…

— Это древолазающая форма?

— Не похоже… Массивен очень.

— Тогда уходи. Заметит — беги к ближайшему дереву. Влезай и сиди. Высылаю к тебе помощь.

Минуту или две командир прислушивался к учащенному

дыханию отползающего, отходящего и, наконец, бегущего солдата. Господи, подумалось командиру, куда ж эти диэльцы запропастились? И вдруг ледяной ужас окатил его: а что, если это черное чудовище давно расправилось с ними? Или не это, а нечто еще более страшное?

— Командир! — закричал солдат, — оно бежит за мною!

— Дерево! Ищи дерево! Есть рядом деревья?

— Да!

— Лезь!

В этот момент раздался крик с пулеметной вышки. Командир и трое солдат повернулись на голос. Крик не утихал, постепенно переходя в вой. Пулеметчик по коммуникатору не отзывался.

— Сержант! — жестко произнес командир в микрофон. — Берите четверых человек и с полным вооружением отправляйтесь на выручку к солдату, сидящему где-то на дереве по пути к бухте. Ему угрожает представитель местной фауны, хищник, крупный, черный, покрыт шерстью. Более точных сведений не имею. Действуйте!

— Вы двое, — командир обратился к солдатам, стоявшим рядом с ним, — бегом на вышку. Оказать помощь пулеметчику. Все, что встретится на пути из местной фауны — уничтожать.

Он перевел взгляд на вышку. Ему показалось, что со ступенек скользнула маленькая тень.

— Бегом! — прокричал командир. — Я кого-то вижу!

Солдаты бросились к стене котлована, ближней к вышке, и стали выбираться наверх, пользуясь норами как лестницей. Внезапно один закричал, отпрянул от земляной стены и упал, обхватив кровоточащую руку. Второй выскочил наверх и бросился к вышке.

— Ефрейтор! Вместе с рядовым — на вышку! Задание слышали? — прокричал командир автоматчику, все это время стоявшему на краю котлована.

— Так точно! — ответил ефрейтор и бросился бежать.

Командир подбежал к пострадавшему. На правой руке солдата отсутствовала ногтевая фаланга безымянного пальца, а кончик среднего висел на сухожилии. Раненый морщился, но молчал. Командир достал из его разгрузочного жилета аптечку, разорвал стерильный перевязочный пакет, откупорил ампулу с дезинфектантом.

— Отвернись…

Солдат закрыл глаза. Командир щелкнул выкидным ножом. Одним взмахом отсек бесполезный кончик пальца и брызнул обеззараживающим составом на раны. Солдат заскрипел зубами.

— Терпи, сынок… Мне на Диэле кишки выворотило без

всякого наркоза — больно было так, что я Бога о смерти молил. Пока не отъехал… Придержи бинт вот здесь. А тебе палец нарастят — будет лучше нового.

— Говорят, когда наращивают, чешется сильно?

— Точно! Спасу нет — как чешется! Это нервы растут когда… Ну, оно не страшно — лекарства дают, да и недолго это… Вот, готово. Я сейчас вылезу и спущу сюда трап. Тогда выйдешь и ты. Сам. Договорились?

— Да, командир. Спасибо за перевязку…

Командир внимательно осмотрел норы. Они были пустыми. Потом подпрыгнул, ухватился за выступ, и в несколько рывков выбрался на поверхность. Вон трап, вытащен из ямы, лежит, прохлаждается.

Офицер подошел к лестнице, приподнял ее верхний край и с усилием толкнул вперед. Тяжелая металлическая конструкция неохотно подалась, заскользила по траве и, наконец, нырнула в яму. Запищал коммуникатор.

— Командир, докладывает сержант. Мы нашли ходившего к морю. Сидит высоко на дереве. Признаков жизни не подает. Крови не видно, возможно, без сознания: дерево без сучьев, он привязал себя ремнями…

— Понятно, сержант. У вас пилы с собой нет?

— Нет.

— От этого дерева куда ближе идти: на берег или в лагерь?

— Море ближе.

— Отлично. Двоих оставьте на часах, втроем идите к морю. На корабле возьмете пилу — любую: механическую, гибкую, шнуровую. Вернетесь и аккуратно спилите дерево, подложив под место падения как можно больше веток, кустарника.

— Командир, быть может, один из нас сделает зарубки, поднимется, страхуясь ремнем, и снимет его?

— Опыт высотных работ есть у кого-нибудь? Веревки? Прочее снаряжение?

— Нет.

— Тогда даже не пытайтесь. Ваши ремни не рассчитаны на такие нагрузки. А мне вы нужны живыми. И Амдиэлю. И вашему родному Эляму, сержант… В общем, идите на корабль. Солдатам прикажите стрелять в любых представителей местной фауны.

— Есть стрелять во всех. Только нет никого…

— Помните, сержант: черный крупный зверь — главная известная опасность. Выполняйте!

Командир поднял глаза от лестницы, ожидая увидеть спешащего к ней раненого. Однако тот недвижно лежал там же, где командир его оставил, и неподвижность эта была

вынужденной: несколько десятков зверьков, по преимуществу белых, с длинными ушами и красными глазами, сидели и вокруг, и на самом раненом, да так плотно и густо, что пошевелиться у человека возможности не было. Более того, руки и ноги зверьки растянули в разные стороны, и тянуть продолжали! Те, что вцепились в ботинки и брюки — тянули ткань и обувную кожу что было сил. Те же, что впились в ладони — сидели по уши в крови. Но самое страшное было не белым и не ушастым. На груди у раненого, вцепившись лапами в куртку, лежал какой-то почти круглый грязно-рыжий зверь с хвостом на половину длины человеческого тела, и сосредоточенно что-то грыз, зарывшись мордой куда-то вниз. Вот кто убил ветерана!

Командир упал на колено, одновременно выхватывая из кобуры пистолет. Из-за рыжего зверя вдруг вырвалась струя алой крови, толстая и высокая, а командир еще только выпрямлял руку, выводя оружие на линию огня. Щелкнул предохранитель. Как по сигналу, и тело, и душу офицера охватило густое спокойствие, наработанное годами тренировок и боев. Первый выстрел — в рыжего зверя. Остальные двадцать два — в белых и ушастых.

Меньше трех секунд ушло на опустошение магазина. Вскочив, командир бросился к раненому, на ходу меняя обойму. Остановился… Помогать было некому. Грязно-рыжий зверь с оскаленными желтыми зубами валялся, насквозь прошитый пулей. У солдата — та же черно-красная рана от уха до уха, что и у ветерана. И плюс к ней — входное отверстие у подбородка, выходное в темени. С кулак величиной…

Ну, хоть недолго мучился… Господи, ведь мальчишка еще совсем. Не то что пороха не нюхал, а даже и мухи еще не успел обидеть! Что теперь говорить его матери? Наверняка же захочет она с руководством подразделения встретиться… Впрочем, одернул он себя, о том ли думать надо? У тебя еще с десяток живых осталось — о них позаботься! Да и сам не сыграй в ящик до срока. Ветеран вон поопытнее: боец с большой буквы! А тоже — был…

Командир включил коммуникатор.

— Пулеметная вышка! Отвечайте!

— Да, командир.

— Доложите обстановку.

— Пулеметчик жив, аппарат исправен, находится в режиме ожидания. У пулеметчика нет глаз. На лице следы когтей. Делаем ему перевязку.

— Где вы?

— Под вышкой.

— Иду к вам.

Когда он дошел до пулеметной вышки, перевязка была закончена. Пулеметчик сидел, привалившись к стойке.

— Кто тебя?

— Сам виноват, командир… Извините: Господин командир.

— Да ладно, говори уже.

— Что говорить? Это тот самый зверек, что диэльцы гладили, а мы рыбой кормили. Пойманной теми же диэльцами.

— Они, кстати, вернулись? — спросил один из солдат.

— Нет, ребята. Не вернулись. При этом лодка и корабль на месте.

— Дак они ж пловцы!

— Все равно до ближайшей суши им не доплыть. А там, черт знает… В общем, ведите раненого в лагерь. Проследите, чтоб к спирту у него доступа не было. И собирайтесь: мы возвращаемся на корабль.

— Как скоро?

— Немедленно. Я только запрограммирую пулемет и догоню вас.

Личный состав убывает

Сержант осторожно вышел к берегу бухты. Причал, лодка, корабль — все на месте. На песке — следы не поймешь чьи…

— Один со мной в лодку. Один на берегу, — скомандовал он, перелезая через борт. — Заводи! Пока я буду на корабле, оставайся в лодке. Мотор не глуши.

— Понял вас.

Они подплыли к кораблю, сержант влез по веревочному трапу. Застучал подошвами армейских ботинок по палубе. Стихло… Через минуту вернулся, мигом спустился в лодку.

— Все спокойно?

— Вроде да…

— У причала! Все спокойно?

— Так точно.

— Мы возвращаемся…

Без всяких помех они пришвартовали лодку, вылезли. «И чего только понавыдумывали?» — рассердился сержант. «Двое загуляли, дед под нож механической лопаты влез по дряхлости ума. Недоумок влез на дерево и прихватил себя ремнем так, что, наверное, уже задохнулся. Мы как последние придурки тягаемся с полной выкладкой, а теперь еще и дерево пили, снимай этого труса. Эх, жизнь солдатская!» — подумал он, а вслух сказал:

— Автоматы на плечо, бегом — марш!

И сухощавый, стройный, высокий, побежал первым. Солдаты припустили за ним.

Сержант бежал легко. Так бегалось ему на родном Эляме, где хочешь — не хочешь, а поспешать нужно: земля так нагревается под жарким солнцем, что стоять — да и просто шагать по ней — совершенно невозможно.

Они и за девушками так ухаживали — на бегу. Однако хочешь жениться — нужно обзавестись собственной пещерой. Кто богатый — может и построить. Только очень много энергии нужно, чтоб постройку охлаждать. Дорого это страшно. Хотя он, если прослужит в армии Амдиэля лет десять, на такой дом, пожалуй, заработает. Да зачем ему искусственно построенный дом: пещера и родней, и лучше.

А еще лучше махнуть на Лидмах: там девушки очень самостоятельны и ночного одиночества не переносят… На Лидмахе — зачем жениться? Можно и так жить! Пока приходят, конечно… А перестанут — вот тогда можно и жену заводить. Хорошо бы, чтоб тоже с Лидмаха была: самые красивые они в Содружестве Миров… Так, вон и то самое дерево. Висит

болезный, собственным ремнем пристегнутый? Висит… Часовые на месте? На месте…

— Шагом! — сержант обернулся, ожидая увидеть приотставших солдат. Но увидел только одного, хотя все время слушал, как они бегут, и готов был поклясться, что за ним все время бежали двое. Однако стоял, тяжело дыша, согнувшись и упершись руками в колени, всего один. Второго не было.

Сержант сорвал с плеча автомат, в три прыжка обежал солдата, упал на колено, и внимательно вглядываясь в экран прицела, обвел пространство впереди себя. Никого! Все датчики молчат. Тогда он вскочил, сделал еще три скачка вперед и влево. Прибежали они немножко не оттуда, но зато с тактической точки зрения это направление — самое удобное для нападения. И снова никого! Дальше углубляться в лес не стоило.

Сержант медленно встал, и, весь превратившись во внимание, пошел назад. Шесть прыжков превратились в две дюжины шагов. Вот место, до которого он добежал. Вон дерево с висящим на нем болваном, а вон часовые под этим деревом. А где же тот, который бежал непосредственно за ним? И который стоял, не в силах отдышаться?

Сержант резко обернулся. Никого… Внимательно всмотрелся в траву и листья на кустах. Ну, вот порванный листок, и вот, и еще вот… Кто их порвал? Не он ли сам? Это охотник может разобраться, а он с Эляма, где лесов нет и в помине… И который, если так и будет идти дальше, может не дождаться его самого.

Дерево спилили быстро и положили аккуратно. Привязанному только ногу сломали — а так ничего, мог бы и пожестче лечь…

Сержант включил интерком.

— Командир? С дерева мы страдальца сняли. У него — перелом ноги. Он без сознания, пульс частый и слабый. Потери — два человека, оба пропали без вести по пути с корабля…

Сержант ждал порицаний, на которые был горазд командир, но услышал только приказ:

— Живого несите в лодку. Мы следуем за вами, догоняем. У нас тоже один раненый.

— Кто? — спросил сержант.

— Пулеметчик. Он ослеп. Поэтому мы передвигаемся медленней, чем могли бы.

Теперь сержант шел сзади, чутко прислушиваясь ко всему происходящему вокруг. Но нигде не хрустнула веточка, не зашелестели листья. И хорошо — потому что тогда бы сержант, не глядя, кто да что, открыл бы самый что ни на есть ураганный огонь — с двух рук, из двух автоматов.

До корабля добрались без приключений. Сержант помог поднять на борт раненого и погнал лодку к причалу.

Чудовища

Командир отпер рубку и уселся в капитанское кресло. И трех суток они не провели на этом мирном с виду островке. А из восемнадцати человек четверо пропали без вести, двое погибли, двое утратили боеспособность. И главное — враг толком не обнаружен! Двадцать три застреленных грызуна — это же курам на смех!

Офицер снял руку с детектора личности. Замигала сигнализация поочередного включения систем управления судном. Главный двигатель… Генераторы… Готовность вспомогательных устройств…

— Поднять якорь, — негромко произнес человек.

— Есть поднять якорь, — отозвался динамик металлическим голосом, и текст сказанного высветился на дисплее.

Что за черное чудовище, о котором толковал солдатик? Кто у сержанта увел двух бойцов из-под носа? Не обнаружив себя? Где теперь эти пропавшие? Ну, если поискать, уверял себя командир, то найти их можно. Хотя живыми, конечно, они вряд ли отыщутся… Вот только где искать? И какими силами? Десяток солдат растяни цепью — так по одному все пропадут. Тут целой роты может быть мало…

— Якорь поднят, — прозвучало из динамика.

— Машине малый вперед. Автопилоту — курс в открытое море.

Вой турбины поднялся на полтона. Задрожал корпус — вращение, преобразованное редукторами, передалось на вал привода винта.

Командир, он же, по совместительству, капитан судна, бросил взгляд на датчик скорости. Цифры лихорадочно суетились во втором знаке после запятой. Ноль же как был нулем, так нулем и оставался.

Капитан включил громкую.

— Механик! Срочно в машинное отделение, немедленно доложить результаты визуального осмотра!

Послышался лязг створок люка. Потянулось ожидание… Вскоре заговорила внутренняя связь:

— Работа главного двигателя — в норме. Отклонений в работе редукционного механизма нет. Демпферная муфта исправна. Вал привода винта вращается штатно!

Что за чертовщина? Отчего тогда корабль стоит? Что с винтом?

— Механик! — почти прокричал капитан. — Бегом

поднимайтесь в рубку!

Командир выскочил из помещения и бросился на корму. Перегнулся через леер. Винт, судя по бурлению за кормой, вращается. Но струя воды не отбрасывается…

— Механик! Вы на месте?

— В рубке, командир!

— Переключитесь на ручное управление.

— Готово.

— Покачайте рулем.

— Амплитуда?

— Девяносто градусов.

— Выполняю.

Капитан всматривался в воду. Движения руля видны. Все в норме…

— Механик, дайте полный вперед.

— Есть полный вперед.

— Дайте самый полный!

— Есть самый полный!

Турбина выла как оглашенная. Мощная струя горячей воды вырывалась из бокового отверстия и вспарывала поверхность тихой бухточки.

— Двигатель — на холостые. Отключить вращение винта. Отдать якорь.

Громыхнув, размоталась еще мокрая якорная цепь. Стих шум турбины, перейдя из надсадного завывания в глухой рокот.

— Сержант, ко мне!

— Я здесь, господин командир.

— Сержант, возьмите маску. Нырнете с кормы судна, осмотрите винт.

— Я с Эляма, господин командир, плаваю… не очень.

— А плавать вам и не придется. Мы обвяжем вас фалом, сержант, вы опуститесь в воду, посмотрите, что с винтом, и мы вас поднимем. Вам даже не придется как-либо сигнализировать нам: мы продержим вас под водой… Сколько вы в сержантской школе выдерживали?

— Три минуты почти…

— Мы продержим вас под водой сорок пять секунд, меньше минуты. И вытащим, даже если вы будете сопротивляться.

— Не буду сопротивляться, — улыбнулся сержант.

— Идите за маской, — улыбаясь ему в ответ, проговорил командир. — Мне кроме вас и послать-то некого…

Сержант исчез, чтобы через минуту вернуться с водолазной маской в руках. Обвязку делали по науке, и поэтому человеку, опускаемому в море, висеть было почти удобно. Коснувшись

воды, он намочил маску, надел ее, и знаком показал: готов!

Командир нажал кнопку секундомера и ослабил фал. Веревка скользнула вниз. Под водой рокот турбины слышался куда отчетливее, чем наверху. Сержант медленно опускался вниз, и ему казалось, что бездонная глубина всасывает его неспешно и неотвратимо. Он поднял голову. В метре, ну, может быть, в полутора метрах над головой виднелись пузырьки пены, оставшиеся на поверхности после его погружения. «Да чего я боюсь!» — рассердился на себя сержант и стал грести руками, стараясь погрузиться пониже.

Вот и винт. Точнее, огромный веревочный узел вместо винта. Откуда только взялась столь массивная намотка? Конечно, такой чекалдой как ни крути, с места не сдвинешься. Нужны два человека с острыми ножами. Сколько ж у них уйдет времени на резку? Час? Два часа? Не меньше! Но и не больше.

Все ясно. Пора подниматься. Чего они тянут? Точнее, почему не тянут? Наверное, сорок пять секунд еще не вышли. Хотя по личным ощущениям он уже минут пять разглядывает подводное царство.

Сержант снова поднял голову, желая увидеть поверхность с пузырьками близко-близко. Однако сверху на него пялилось странное, но вполне симпатичное существо с округлым длинным носом. Существо медленно опустило голову, разинуло пасть, усеянную мелкими зубами, и аккуратно сняло с сержанта маску.

Все вокруг стало туманным и расплывчатым. Земной мир с его четкостью перспектив и осязаемостью форм пропал, уступив место мутной ирреальности. Утратив всего лишь маску, человек мгновенно почувствовал себя беззащитным. Слава богу, веревка начала натягиваться — его наконец-то поднимали!

Существо немного отплыло назад, взмахнуло хвостом и торпедой врезалось в грудь сержанта. Страшная боль пронзила все существо человека. Он не мог сдержаться, страдание вынуждало его кричать, и он заорал, зная, что это бесполезно и даже смертельно опасно: для крика нужно вздохнуть, но под водой вдохнуть можно только воду…

Тысячи раскаленных игл впились в человеческие легкие. Режущий спазм перехватил глотку. Хотелось воздуха, кислорода, дыхания — хотя бы совсем чуть-чуть, хотя бы один глоток! Все отдать за этот глоток! Честь, совесть, маму, весь Элям, всю будущую жизнь — за один вдох воздуха!..

Внезапно сержант понял, что умрет не когда-нибудь в недостижимо далеком будущем, а скоро, совсем скоро. Мысль эта не испугала его: он уже хотел умереть побыстрее, чтоб не чувствовать кошмара этой адской боли, красно-зелеными кругами

расплывающейся в глазах; и чтобы не видеть размытого силуэта этого зверя, разгоняющегося для нового удара.

Сержанта уже подняли почти до поверхности, когда новый удар отбросил его тело. С легкими, полными воды, с сознанием, работающим на последних каплях кислорода, человек ощутил, что внутри у него что-то разорвалось и растеклось горячим и страшным. Человек понял, что ощущение внутреннего жара — последнее, что он чувствует в этой жизни. Ему хотелось удивиться, и вытребовать себе — только у кого? — законное право увидеть весь свой недлинный путь, мысленно попрощаться с близкими, и уж тогда… Но даже пожелать продления последних мгновений он уже не мог. Красно-зеленая боль чернела и уходила в сторону, оставляя после себя полную пустоту, не имеющую ни вида, ни цвета, ни температуры…

Командир разрезал веревки, державшие бледное до зелени тело сержанта, расстегнул форменную куртку. Два страшных удара — вот что погубило паренька. Первый разорвал ему печень. Второй проломил грудь. Или наоборот.

Что же он увидел под водой? Да что бы ни увидел, там есть кто-то, кто эту тайну стережет. Поэтому повторные попытки осмотра корабельного винта так же обречены на провал, как и первая. Что уж говорить о ремонте… Если он вообще возможен вне дока.

Ситуация усугубилась. Что делать? Вернуться на остров нельзя: пулемет настроен на режим уничтожения всего живого, и в зоне поражения весь их брошенный лагерь, начатая стройка, склад. В лесу, отделяющем стройплощадку от моря, хозяйничает некто, ворующий людей и пугающий солдат до немоты. Корабль обездвижен. На нем они в относительной безопасности. Но безопасность эта, скорее всего, кажущаяся: винт в негодность приведен? Кто помешает тем же пакостникам привести в негодность и корпус корабля? Стало быть, вопрос расправы с ними, если они останутся на корабле — это всего лишь вопрос времени.

Скорее всего, своим прибытием и пребыванием на острове они разбудили некие силы, справиться с которыми им, амдиэльцам, не по плечу. Во всяком случае, его подразделению.

Если предпринять попытку удалиться из зоны активности этих сил, есть надежда, что напасти кончатся: живет же вся планета тихо — мирно, и никто ни от чего не страдает, ни от тайного, ни от явного. Мало ли что на этом островке, столь удаленном от материков и других островов, могло вырасти? Проще об этом клочке суши забыть, а эффективней всего — взорвать к чертовой матери! Но сейчас им нужно отсюда уйти. Не

выпрашивая у судьбы новых бед и не тратя времени даром.

— Механик! — позвал командир. — Глушите двигатели. Готовьте спасательный плот к спуску на воду.

Раненых, одного бойца и некоторое количество припасов поместили в крытый спасательный плот. Оружие, средства связи и остальной личный состав прекрасно разместились в надувной лодке.

Командир обесточил все системы корабля, запер рулевую рубку и по веревочному трапу спустился в лодку.

— Давай помалу… — махнул он механику.

Лодка тронулась. Буксирный конец натянулся, увлекая за суденышком ярко-желтый плот.

«Отойдем мили на две или три, — думал командир. — Как раз за это время либо подготовят авиагруппу, либо вышлют десантный корабль. Часа через два-три нас снимут…»

— Командир, смотрите! На причале!

Командир поднял взгляд. На утлом мостике причала, в том самом месте, где они привязывали свою лодку, сидели два существа. Один — хорошо известный пестренький зверек, так понравившийся диэльцам, да и остальным солдатам. Другой — черный головатый громила с ведерной красной пастью, из которой свешивался длиннющий язык, и пронзительным взглядом сверкающих глаз. Оба наблюдали, как из бухточки уходит их скорбный караван. Потом черное чудовище село, подняло передние лапы и помахало, как махали им на прощание жены и дочери Амдиэля.

— Автомат мне! — крикнул командир и требовательно протянул руку.

— Не нужно, командир, — проговорил механик. — Для них стрельба наверняка не опасна, иначе бы они не вылезли, а чем она кончится для нас — еще вопрос. Выпускают нас отсюда — уже хорошо.

— Вы правы, механик… Черт с ними. Никуда они отсюда не денутся, в конце концов. Нас прислали строить, а не воевать. А вот после нас приедут те, кто строить не умеет… Зато умеет убивать и разрушать. И я, механик, буду настаивать, чтобы меня включили в группу зачистки этого острова!

— Воля ваша, командир. Лично я — солдат только в самую последнюю очередь. Мое дело — строить, собирать, запускать. Следить, чтоб работало.

— Мне всегда было легко с вами. Свое дело вы знаете отлично, а выполняете лучше, чем я могу даже предположить. Так что не прибедняйтесь — солдат вы хороший. Я буду ходатайствовать о вашем поощрении. Правьте, пожалуйста,

строго на запад. Нас будут искать западнее от острова.

— Есть строго на запад. Спасибо на добром слове, командир.

Спасение

Несколько минут прошло в полном молчании. Каждый думал о своем: строители — о том, что накрылась клевая работа с возможностью получения неплохих премиальных; солдаты — о том, что наконец выбрались из этой ловушки; а командир уже мысленно составлял рапорт, подсчитывая потери и анализируя положение дел.

Вскоре механик сверился с навигатором и выключил двигатель: координаты точки встречи достигнуты. Все приготовились к томительному ожиданию. Кое-кто даже уснул…

С шумом и плеском из воды выпрыгнуло большое животное, видом напоминающее рыбу, только с горизонтально расположенным хвостовым плавником. Солдаты вскинулись, лодка ощетинилась автоматами. Однако более ничего не происходило. Оружие снова встало на предохранители и улеглось на днище лодки. Тут из воды высунулась голова с длинным округлым рылом, раздалось чириканье и свист. Командир выхватил пистолет, но не успел он прицелиться, как голова исчезла.

Через минуту шум вздоха и плеск воды послышался из-за спасательного плота.

— Прощайте! — проговорил тонкий голос по-амдиэльски, с акцентом, но вполне понятно. — К вам плывут акулы. Прощайте!

«Это еще что за новости? — подумал командир. — Какие такие акулы? Откуда им известна амдиэльская речь?»

Но времени на изумление оставалось мало. Со всех сторон и лодку, и причаливший к ней плот окружало несколько десятков черных и серых треугольных плавников, и они до боли напоминали такие же плавники, имеющиеся у жестоких обитателей Миэля.

«Неужели маршал принял решение выпустить в океан Земли миэлян? — с ужасом и злостью подумал командир. — Эти существа будут только рады заполучить возможность безнаказанно расправиться с амдиэльцами. Безнаказанно? Ну, уж нет!»

— К оружию! — громко сказал командир, но в командах нужды не было. Жуткий нрав и беспощадность миэлян был притчей во языцех на Амдиэле. Все способные держать оружие заняли оборонные позиции, и лодка ощерилась стволами.

— Огонь по моей команде! — прокричал командир. — Целиться с упреждением!

— Чего? — не понял простоватый парняга, виртуозный

мастер облицовки строений природным камнем.

— Не в плавник стреляй, а ниже, — разъяснил его сосед, специалист по микроклиматическим установкам. — И в голову старайся попасть, она в метре от плавника.

— В метре — влево и вправо? — поинтересовался облицовщик.

— Стреляй под плавник, — тоном, не терпящим возражений, произнес командир. — Внимание! Огонь!

Очереди пуль вспороли гладь моря. Командир заметил только, как один из плавников — видимо, тот, в который целил строитель — украсился дырой. Раскаленные гильзы еще не отшипели, падая в воду, а хищных рыб уже не было видно.

«Ушли на глубину» — понял командир.

— Приготовить гранаты! На счет ноль — бросаем их в воду!

Солдаты сорвали предохранители, замахнулись, вглядываясь в глубину, и застыли.

— Рискованно, командир, — проговорил механик, — осколки…

— Отставить разговоры! Пять! Четыре! Три! Два! Один! Ноль!

Десяток одновременных всплесков. Три секунды ожидания. И мощная серия почти одномоментных взрывов.

На поверхность поднялись огромные дымные пузыри. Запахло химической гарью. Командир приложил ухо к борту и прислушался: шипения воздуха не слышно. Значит, пронесло с осколками.

Где эти хищники, как их там назвал зверь — разумный, что ли? Или просто говорить надрессирован? Вот еще новость! — акулы? Сбежали, наверное, кто жив остался. Или по миэлянскому обыкновению рвут своих раненых на части, чтоб не мучиться милосердием?

Тревожное ожидание длилось минут пять, и уже стало превращаться в ненадежное спокойствие, когда лодку потряс удар в днище. Внезапный, сильный, мощный, он чуть не заставил людей повылетать наружу.

— Держаться за борта! — прокричал командир. Но как держаться за надувное бревно из твердой резины почти метрового диаметра? И чего, главное, ждать от водных хищников?

Однако долго ждать не пришлось. Терпение акулам неведомо… Новый удар снизу прорвал пластиковое днище лодки. В пролом соскользнул автомат. Солдаты кое-как затолкали в дыру брезент. «Нужно бы растянуть ткань под днищем, — думал командир, — а края поднять и закрепить на бортах. До прилета помощи продержимся».

Хотя сколько времени оставалось до появления помощи, он

не мог даже предположить. Час? Полтора? А счет, если хищники не уймутся, идет на минуты.

Униматься хищники не собирались. Они поднялись с глубины, куда их загнали взрывы гранат, и плавали кругами, время от времени переворачиваясь кверху белыми брюхами. Командир выстрелил из пистолета, однако короткая пуля большого калибра ушла в сторону, не причинив никакого вреда акуле. Гранаты взрывались на глубине, определенной тремя секундами погружения, и акулы просто держались ниже.

— Доложить остаток гранат! — скомандовал командир, и бойцы, по часовой стрелке, слева направо, стали по очереди выкрикивать:

— Две!

— Четыре!

— Одна!

— Нет гранат!

— Две!

В суматохе никто и не заметил, что спасательный плот, в котором находились двое раненых и один здоровый солдат, а также все продуктовые запасы, удаляется от лодки. Причем удаляется быстрее, чем если бы это происходило самопроизвольно. Наверняка хищники умудрились перекусить конец и теперь утаскивали плот подальше от гранатных взрывов.

— Механик! — скомандовал командир. — Заводите мотор, нужно догнать плот!

— Есть завести мотор! — отозвался механик. — Но с такой дырой в днище мы мигом наполним лодку до краев.

— Догоняем, механик. Мы не можем бросить людей.

Но пока завелся мотор, да пока разворачивалась лодка, акулы сделали свое дело. Одна из них, толкнув снизу борт плотика — командир самолично видел размеры этого чудовищного хищника — перевернула круглую, сплошь надувную конструкцию вверх дном. Акулы помельче набросились отовсюду. Со стороны было видно, как трепещет и мечется раздираемый изнутри плотик. Когда лодка наконец подплыла — полная воды, и потому едва возвышающаяся над поверхностью — было поздно. Бурые от крови волны, лохмотья ярко-желтой прорезиненной ткани, да непотопляемый нож, плававший как поплавок, ручкой вверх, — вот все, что осталось от троих человек.

Командир осмотрелся. Солдаты забрались верхом на понтон лодки. Их лица посерели. Отверстие в днище расширилось, протянувшись от борта до борта.

— Механик! Вы можете отсоединить двигатель?

— Да, командир. Его держат всего четыре гайки.

— Весь балласт за борт! Лишнее снаряжение — тоже, — приказал командир и, спустившись на дно лодки, самолично поднял и швырнул за борт все средства связи, бронежилет, каску, и два гранатомета.

— Оставляем только стрелковое и холодное оружие!

Команда незамедлительно последовала примеру. Механик открутил, наконец, четыре крепежных винта и сбросил в море двигатель, герметично закрытый аккумулятор и объемистый топливный бак. Лодка заметно приподнялась над водой.

Направив автоматы вниз, люди сосредоточенно следили за акулами, неутомимо наматывающими круги на небольшом расстоянии от лодки. Поглядывая на часы, вместе с ними разглядывал хищных рыб и их командир. Он был единственным, чье сердце билось ровно, а руки не дрожали. Боялся ли он смерти? Разумеется, нет. Его страшила — немножко — неизбежная перспектива умирания в зубах безжалостного зверя, но свой нож он передвинул поближе к руке, зная, что хищнику этот обед запомнится надолго.

Высоко над лодкой парили четыре ангела. Им как на ладони была видна черная лодочка, облепленная маленькими человечками, стремительные силуэты акул, все ближе подбирающихся к людям, и маленький — потому что очень издалека — экранолет, будоражащий океанскую гладь в поисках потерявшегося подразделения.

— А они герои, твои солдаты, — сказала Оля, глянув на мрачного Хамдиэля.

— По образу и подобию создателя, — улыбнулся Ксор.

— Самолет не успеет их отыскать, акулы справятся раньше, — Дима поднял взгляд на Хамдиэля. — Давай их спасем?

— Давай, — коротко согласился Хамдиэль, и стало ясно, что этого предложения он ждет уже давно.

Ксор глянул в сторону самолета, и тот пропал, влетев в туманное облачко, невесть откуда появившееся над водой. Через три секунды он вылетел из облака, однако из другого — того, что вдруг заклубилось прямо над терпящими бедствие солдатами.

Экранолет круто накренился влево, снизился и сел на воду, по инерции приближаясь к лодочке.

— Ас, — восхищенно перешептывались солдаты, а пилот удивленно смотрел на показания навигатора: еще минуту назад он летел не здесь, совсем не здесь…

Времени на погрузку ушло немного. Командир, влезая на откидной трап последним, обернулся, выхватил пистолет и выпустил несколько пуль в надутый понтон лодки. И не успел экраноплан улететь за горизонт, как на сцене недавней трагедии,

так и не сыгранной до конца, лишь желтели обрывки плотика, ставшего из спасательного похоронным, да плавал непотопляемый ножик со светящейся зеленым рукояткой.

Остров освобожден

Ангелы опустились на остров, оставшийся после затопления морем Москвы. На пляже их ждали большой черный пес, донельзя вывалянный в песке, и маленькая пестрая кошечка, как всегда чистенькая и аккуратная. В бухточке, вокруг застывшего на якоре корабля, плескались дельфины.

— Ну, что, Плюх? Отстояли остров? — спросил вместо приветствия Ксор, и пес завилял хвостом, разбрасывая песок на несколько метров вокруг себя.

— Откусали и отцарапали, — уточнила Нюша. — А Ондатр — отгрыз. Убили Ондатра… И кроликов многих тоже.

— Ладно, — сказала Оля. — Приведем остров в порядок, и все станет как прежде.

— Ты так уверена? — Ксор вскинул брови, а Дима добавил:

— Эти умники наверняка пришлют карательную экспедицию.

— Скорее, исследовательскую, — уточнил Хамдиэль. — Пошли, пройдемся к вашему дому. Я сам приберу все, что мои тут напачкали.

И Хамдиэль зашагал по тропинке, а остальные пошли следом: Нюша — на руках у Оли, Плюх — рядом с Димой, а Ксор отстал от всех. Хамдиэль только покачал головой, увидев неровно спиленное дерево и кучу кустарника, нарубленного для смягчения его падения. Через секунду от беспорядка не осталось и следа.

— Там дальше, — Плюх кивнул головой в сторону, — два солдата лежат. В касках и с автоматами.

— Уже не лежат, — бросил нагнавший их Ксор. — И два белошкурых на берегу возле скал — тоже уже не лежат.

Они прошагали еще немного и вышли на полянку, обрамленную тремя утесами, один из которых несколько дней назад был домом.

— Дом хотите новый? Или вернем все как было? — спросил Хамдиэль.

— Как было, — сказал Плюх.

— И Ондатра оживи, — быстро добавила Нюша и чуть не подавилась собственным языком: в сантиметрах от нее, в воздухе, застыл снаряд с хищно заостренным носом, кокетливым золотым пояском и раскаленным докрасна донцем. Кошка осторожно отстранилась и огляделась. Такие же снаряды застыли возле каждого из ангелов, а возле Плюха — так даже два.

— Режим уничтожения всего живого, — вздохнул Хамдиэль. — Я и забыл… Ну, выключим эту машину. А с

остальным барахлом что делать будем?

— Весь металл — в том числе и корабль в бухте — преврати в руду, — сказал Дима, и опусти километра на два вниз. — А я отправлюсь искать душу Ондатра.

Он исчез. Хамдиэль снова покачал головой:

— Животное — и с душой… Любопытно, как к этому отнесутся там… — и он показал головой наверх.

— Поживем — увидим, — резюмировала Оля. — Пошли в дом, я вас чаем напою.

— Давай лучше у Хамдиэля вина выпросим, — предложил Ксор. — И Дима от вина бы не отказался, чует мое сердце…

— Чего просить, — отозвался Хамдиэль. — Все давно готово, ждет.

И тотчас под ивами, возле прудика появился столик, на нем — странной формы емкость, наполненная полупрозрачным янтарным вином, тарелочки с закусками, бокалы.

— Не слишком ли вы близко к моей норе уселись? — проворчал из-под ивы знакомый голос.

— Ондатр! — мяукнула от радости Нюша. — Где тебя Дима нашел?

— Там же, где и потерял. Сидел я рядом с собственным трупом, и не знал куда податься… Хоть бы научили, чего при собственной смерти делать, ангелы называется…

— Ты чего такой ворчливый стал? — изумилась Нюша.

— Голодный потому что, — объяснил Плюх, насилу оторвавшись от огромного куска мяса.

И тотчас на траву перед Ондатром плюхнулась большущая рыбина.

— Ондатрик, миленький, — заворковала Нюша, — дашь мне кусочек?

— Семга, — проворчал Ондатр с набитым ртом, — только для тех, кто перенес смерть.

— Не хочу умирать! — сказала кошка.

— Тогда бери так, — смилостивился Ондатр.

Дима сделал глоток вина и откинулся на спинку кресла-качалки.

— Хамдиэль, — спросил он, — можно мне разбить одно стекло на космическом корабле, принадлежащем Амдиэлю?

— Там нет окон, — удивился ангел. — Ах, телеобъектив… Нас и правда слишком часто фотографировать стали. Я сам.

— Зачем им это? — поинтересовалась Оля.

— Готовят лицензию на наш отстрел, — ответил Ксор. — Сначала групповую. Потом будут продавать индивидуальные. И за что люди так не любят своих создателей? Дима, вот ты когда

был человеком, за что создателя не любил?

— Сердце мое было занято: я любил женщину, — улыбнулся Дима и посмотрел на Олю. — А так — завидовал, конечно.

— Слыхал, Хамдиэль? — засмеялся Ксор. — Оказывается, нам завидуют!

— Только круглый дурак может завидовать ангелу, — вздохнул Хамдиэль.

У маршала

— Разрешите войти, господин маршал?

— Входите, полковник.

— Мое звание — майор, господин маршал.

— Скажу честно: я бы вас сразу в генералы определил и в состав штаба ввел, полковник. Да устав не велит. Поэтому позвольте поздравить вас с присвоением внеочередного звания; за проявленную стойкость, мужество и находчивость — вручить вам орден, а денежную премию — это решите сами. Можете всю получить наличными, а можете зачислить ее на банковский счет.

— Служу Амдиэлю!

— Еще раз поздравляю, полковник. А теперь подсаживайтесь поближе, поговорим о деле. На равных. Как офицер с офицером. И без утайки — как мужчина с мужчиной.

— В своем рапорте я ничего не утаил…

— Не сомневаюсь, полковник. Я столько раз прочел его, что, наверное, выучил наизусть. А если учесть, что ваш текст иллюстрирован фотографиями, сделанными нашей разведкой, то информативность его вырастает в разы… Вот давайте посмотрим вместе.

Гляньте: вот остров за месяц до вашей высадки. Полная идиллия. Берег моря, бухта, лес, полянка, деревья над озерцом, три скалы… Или две скалы, а между ними — искусственное сооружение?

— Не понятно, господин маршал. Разрешение слабое…

— Слабое мой друг, слабое… А что вы хотите: это дежурная съемка поверхности планеты. Дальше будет лучше. Но на этом снимке не ясно — что это вот тут вот, в бухточке? На краю пляжа?

— Мостик, господин маршал. Вроде причала для лодок. Кустарной работы, но сделан грамотно.

— Как именно?

— Колья, сделанные из спиленной растительности, забиты в дно. К оголовкам этих кольев пришиты бруски, а на бруски уже нашиты доски. Довольно неряшливо…

— Судя вот по этой фотографии, уже гораздо более четкой, общая длина мостика — что-то около десяти метров.

— Так и есть.

— Каково расстояние между вбитыми кольями?

— Меньше метра. Не очень ровное, но меньше метра.

— Вы где-нибудь недалеко от бухты встречали срубленные деревья в количестве до трех десятков пеньков?

— Ни одного пня, господин маршал. Но мы не осматривали

весь лес.

— Конечно-конечно. Пойдем дальше. Каким образом колья вгоняются в морское дно?

— При кустарном способе постройки — просто вбиваются чем-либо тяжелым.

— Вы не заметили, полковник, на тех кольях, которые были вам видны, следов ударов? Ну, затеси от промахов, измочаленные волокна, слишком глубоко вогнанные в дно деревяшки?

— Нет, господин маршал. Кроме того, поверхность причала, несмотря на неаккуратно выполненный настил, производила впечатление идеально ровной.

— Вот и я о том же, полковник. Скажите-ка мне, мог ли человек, или группа людей, занятая кустарным изготовлением подобного мостика, выполнить равномерное заглубление опорных конструкций в обеспечение столь, как вы выразились, идеального качества работ?

— Я не строитель…

— Мы побеседовали с квалифицированным строителем, входившим в вашу группу — ваше ходатайство о его поощрении, кстати сказать, удовлетворено — и он высказал убеждение, что подобного качества можно добиться только при условии использования самого современного мерительного и рабочего инструмента. То есть наши рабочие — или ваши солдаты — вполне смогли бы построить такой мостик, если б перед ними стояло задание создать стилизованное под примитив строение. При этом для контроля уровня они бы использовали лазерный нивелир, для заглубления опор — подводный ямобур, ну и без химии не обошлось бы… Старый мостик-то?

— На вид — очень, господин маршал.

— Тем не менее, никаких повреждений…

— Совершенно верно. Никаких повреждений на нем нет.

— Вот-вот. И самое главное: до вас на этот остров не ступал никто из личного состава наших войск.

— Возможно, господин маршал, он был построен кем-либо из местных жителей?

— Кем? В вашем рапорте значатся только представители местной фауны, более или менее крупные. Морской зверь даже пытался общаться с вами вербально.

— Так точно.

— Кто-либо из виденных вами существ мог воспользоваться строительным инструментом?

— Рыжий грызун сумел подсоединить кабель к аккумуляторной станции.

— А пила, топор, кувалда ему поддались бы?

— Едва ли…

— Тогда смотрим дальше. Вот ваша выгрузка. Вот складируются материалы. Ставятся палатки. Собирается техника. Вот, кстати, та полянка — теперь отчетливо видно, что на ней три скалистых образования, и нет никаких искусственных строений. Вот белые фигуры на берегу — это отпущенные вами в увольнение диэльцы. Еще живые.

— Живые?

— На тот момент, полковник. Вот утро следующего дня. Фигуры диэльцев на берегу. Вероятно, они уже мертвы: положение тел не меняется час за часом, и голова одного из них, похоже, отделена от туловища… Вот суматоха на стройплощадке и в лагере. Вот ваш караван выходит из бухточки, а на мостике находится то самое большое черное существо…

— И рядом с ним — маленький пестрый зверек, господин маршал.

— Возможно. Из космоса его почти не видно… Вот здесь — смотрите — вся ваша морская эпопея. Снимки сделаны с интервалом в полминуты. Спасательный экранолет уже вылетел, но он еще далеко от вас. Вот он на снимке. А вот он же, через тридцать секунд. Уже, судя по всему, заходит на посадку. Вы не находите, что такому летательному аппарату пройти несколько десятков километров за полминуты, да еще и выйти прямо на вас, даже при всех возможных допущениях — невозможно?

— А что говорит пилот?

— Пилот, как все летчики, человек суеверный. Отрицает что-либо аномальное… Боится, чтоб от полетов в связи с психическим нездоровьем не отстранили. Мы на него не давим: нам достаточно информации, записанной автоматически.

— Не знаю даже, что и сказать, господин маршал…

— Подождите, полковник, я вам еще не все показал. Вот снимки злополучного острова, сделаны в тот же день, вскоре после эвакуации вашей группы. Максимально высокая четкость, интервал — тридцать минут. Прокомментируйте то, что видите.

— Снимок первый. Здесь, кажется, все так, как мы и оставили… Котлован, техника, осветительно-пулеметная вышка, три палатки, корабль в бухте. Вот то самое черное существо, что изображало нам прощальный жест амдиэльской женщины. Лежит на пляже. Снимок второй. Та-ак… Корабля нет, котлована нет, вышки нет, заскладированных стройматериалов нет… На лугу возле трех скал — что это? Стол?

— Стол, полковник, стол. За столом — четверо человек, один из которых явно чернокожий.

— Да-да, господин маршал… Вот все то же черное существо,

рядом с людьми…

— И обратите внимание, полковник, на среднюю скалу.

— Не очень похоже на скалу, господин маршал. Больше напоминает крышу дома. А нет снимков, сделанных в ином ракурсе?

— К сожалению, полковник, это фото — последнее. Сразу после того, как оно было сделано, вся аппаратура визуального слежения, расположенная на одном из наших кораблей, вышла из строя.

— Это не простая поломка?

— Можно ли назвать поломкой мгновенное расплавление нескольких сот килограммов металла и стекла?

— То есть, вы хотите сказать…

— Мне любопытно услышать ваше мнение, полковник.

— У меня лично сложилось впечатление, что наше вмешательство в жизнь острова — не планеты, я подчеркиваю, а именно острова — вызвало противодействие неких сил, которые, по всей вероятности, олицетворяют эти четверо.

— Даже пятеро, если учитывать черное существо.

— Да, господин маршал, даже пятеро.

— Есть у вас какие-либо предположения насчет природы этой группы?

— Есть. Мне думается, что эти существа — потомки обитавших на планете людей. Вроде пауков в банке — все перегрызлись, и остался сильнейший.

— Интересная мысль, полковник. Продолжайте.

— Этим, кстати, и объясняется запредельная осторожность животных, обитающих на континентах. У них в наследственной памяти отложился страх перед человеком. Потому абсолютное большинство из них, исключая, возможно, лишь некоторых, мутировавших особей, нас сторонится.

— Знаете, очень похоже на правду, полковник. Не стану скрывать, эта мысль одной из первых пришла в светлые головы наших ученых экспертов. У меня есть и собственная точка зрения на… события последних дней. Сейчас я изложу ее вам, а после мы с вами обменяемся мнениями по разрешению проблемы.

— Боюсь, господин маршал, вне моей компетенции давать вам какие-либо советы.

— А вы не бойтесь. Мой младший сын, служивший под вашим началом с начала похода, и пребывавший с вами на этом острове, характеризует вас как человека, у которого разум густо замешан на глубокой порядочности. А он у меня, знаете ли, в мать удался. Его мама в людях не ошибалась — тому сотни примеров…

— Ваш сын, маршал?..

— Ну, да. Один из тех, кто спустился вместе с вами в котлован. Тот, который вылез из ямы без потерь. Четвертый от вас, если считать по часовой стрелке, в лодке. У вас, кстати, нет замечаний к нему как солдату?

— Образцовый солдат, достоин продвижения по службе… Я это отразил в рапорте.

— Спасибо за оценку. Я читал.

— Простите, маршал. Это несколько неожиданно…

— А вы, полковник, полагали, что я своих протащу по академиям и пристрою в штаб?

— В общем, да. Так весь генералитет поступает, насколько мне известно.

— Не весь, полковник, уверяю вас, не весь… Не только мои ребята служат под псевдонимами в войсках.

— У вас есть еще дети, господин маршал?

— Идемте-ка в комнату отдыха, полковник… Там у меня есть початая бутылочка элямского бальзама. Заодно и звание ваше обмоем.

— Позвольте мне самому организовать стол, господин маршал. Ближе к вечеру…

— Офицерские традиции мне известны, полковник. Но приглашения вашего я не приму, вы уж не обессудьте. Присаживайтесь в кресло. Сидите-сидите, я сам вам подам… Так вот, старший мой сын уже офицер, его подразделение дислоцировано в северной приполярной области. Младший выразил горячее желание и дальше служить под вашим началом, но я его отправляю в школу младшего комсостава. Ваше здоровье!

— Спасибо, господин маршал. Ваше здоровье! После обучения в школе, он, смею полагать, сможет претендовать на присвоение офицерского звания?

— Это зависит от результатов выпуска. Как вы понимаете, в школу он идет не под моей фамилией. И не под той, что находился в вашем подразделении. Но мы отвлеклись… Так вот: у меня есть не очень качественная видеозапись одного инцидента, случившегося в кают-компании флагманского корабля после офицерского собрания. Поясню: на записи отчетливо видны четверо чужаков. Один из них как будто чернокожий… Он обращается к нашему солдату, ставшему случайным свидетелем их общения, на амдиэльском языке. Один из присутствующих для устрашения солдата трансформирует свое тело самым чудовищным образом. Смею полагать, что четверо, сидящие за столом на острове, и четверо, попавшие в объектив корабельной видеокамеры — одни и те же.

— А черное существо?

— А черное существо, махавшее вам лапой с причала, это пятый субъект островного сообщества. Возможно, именно ему было поручено уничтожить или выдворить ваш отряд.

— Там фигурировал еще один зверек.

— И даже не один. Вполне вероятно, что все представители островной фауны являются исполнителями, а эти четверо им ставят задачи. Не столь важно. Главное, полковник, это то, что своими руками ни один из этих четверых не действует. Скорее всего потому, что эти существа — уязвимы… Улавливаете суть?

— Не вполне, господин маршал.

— Это потому, что мы с вами мало выпили… Восполним пробел.

— Благодарю вас.

— Так вот. Вы в вашем рапорте высказывали желание участвовать в зачистке острова. Вынужден вам отказать. Никакого десантирования не будет. Мы не станем подвергать опасности личный состав Мы уничтожим остров целиком, вместе со всеми существами, которые тайно или явно населяют его. Вместе со всеми, кто живет в прибрежных водах.

— Будет атомная бомбардировка?

— Нет, полковник, полумеры тут не помогут. Мы переориентируем один из космических кораблей, и включим маршевый двигатель процентов на пять от мощности. Вместо острова сначала образуется яма, которая тут же заполнится магмой. Возникнет новый вулкан. Испарится несколько кубических километров воды, выгорит какая-то часть атмосферного столба. Образуется плазменный конус с вершиной в точке фокуса корабельного двигателя, и с основанием в несколько километров радиуса. Времени на это уйдет секунд десять. Все, кто тайно или явно обитают на острове, в острове, под островом, а также над островом, утонут в океане энергии. Все просто.

Маршал снова разлил темный тягучий бальзам, поставил бутылку, втянул аромат божественного напитка… Полковник покрутил в руке рюмку и спросил:

— Какова вероятность противодействия со стороны… этих существ?

— Браво, полковник! — маршал хлопнул в ладоши. — Я ждал этого вопроса. Мы не знаем, сумеет ли противник предпринять что-либо в ответ. Не знаем даже, какими возможностями он обладает. Судя по его прицельному уничтожению оптической системы — на некоторые усилия он способен.

— Это огромный риск для экипажа, — полувопросительно-полуутвердительно произнес полковник.

Маршал кивнул.

— Поставьте себя на мое место, полковник. Предлагайте смелее.

— Ну-у… Берем любой корабль. Экипируем его добровольцами в минимальном составе. И проводим акцию устрашения.

— Точнее, операцию по уничтожению противника, засевшего в неприступной крепости. А по ее результатам награждаем участников, возможно даже и посмертно. Так?

— Так, господин маршал.

— Ответ удовлетворительный. А теперь попробуйте предложить вариант получше.

Полковник немного помолчал.

— Мне известно, что вы не очень хотите отдавать земные океаны на откуп миэлянам. Поэтому было бы полезно для атаки использовать транспорт, перевозящий миэлян. И успех, и неуспех операции впоследствии можно было бы всяко обосновать с пользой для позиции Амдиэля. Экипаж…

— С экипажем понятно. Расформировать, перевести, отправить на переподготовку, назначить из подмены… В целом предложение хорошее, верное. Но вот что я вам хотел бы сказать… есть и третий вариант. Точнее, он мог бы быть — но мы поторопились высадить эльмадские семьи на Землю. Так вот, вместо транспорта с миэльскими хищниками нам было бы куда выгодней использовать транспорт с эльмадскими женщинами и детьми.

— Это бесчеловечно, маршал. В конце концов, мы существуем именно для того, чтобы защищать женщин и детей.

— Вне всякого сомнения, полковник. Именно бесчеловечно. И именно для защиты женщин и детей. Но тем и различаются обычный офицер, пусть и старший, пусть и военачальник высокого ранга, и по-настоящему крупный руководитель. Не званием и не чином. А умением выгоду общества поставить выше собственных принципов — хотя бы и высокоморальных.

— Извините, господин маршал, мне не очень понятно: в чем выгода уничтожения нескольких тысяч эльмадок и эльмадят? Что получает от этого Амдиэль?

— Ничего, кроме безраздельного господства в Содружестве Миров, а вместе с этим — и в освоенной части вселенной. Смотрите: злобные инопланетяне уничтожают транспорт с женщинами и детьми. Будущее эльмадской нации под угрозой. Сердобольные и милосердные власти Амдиэля — на сей раз в моем лице, но вообще-то личность руководителя не важна — принимают решение об эвакуации эльмадского народа. Лучшие

пилоты Эльмада ведут корабли с женщинами и детьми в безопасное место. Подальше отсюда. В другой рукав галактики. Или даже вообще в другую галактику. Здесь идет война. Герои Эльмада гибнут. Корабли приходят в негодность — или интенсивно используются в военных целях. Словом, сообщество граждан Эльмада распадается. Но достижения эльмадских ученых остаются в наших руках. И потом, интеграция Лидмаха в общество Амдиэля проходит настолько успешно, что мы смело можем говорить о долгожданном появлении на Амдиэле настоящей интеллектуальной элиты. Через годы и годы подросшие эльмадцы, столь внезапно оказавшиеся в изоляции (связь с ними, разумеется, будет утеряна скоро и надежно), вновь предстанут пред светлые очи Содружества Миров. И, конечно же, будут приняты с распростертыми объятьями. Но только на правах… бедных родственников, скажем так. Амдиэль к тому времени будет властвовать безраздельно, от Лидмаха не останется и следов, а всякие особо боеспособные расы — типа диэльцев или миэлян — либо будут ограниченно использоваться в интересах Амдиэля, либо исчезнут. Чего я от вас жду, полковник. Мне бы хотелось, чтобы вы без выжидания и лишних раздумий заглянули к себе в душу и решили: согласны ли вы время от времени насиловать свои моральные принципы во славу Амдиэля? Или же предпочитаете честно служить родине в том же ключе, в коем действовали до сих пор?

На сей раз полковник молчал недолго.

— Мне кажется, я бы смог интересы общества поставить выше личных моральных принципов.

— И отправили бы десять тысяч женщин и детей на верную смерть?

— Да. Отправил бы. Но рука моя, боюсь, дрожала бы при визировании приказа.

— Бросьте, полковник! Какие подписи, какие приказы… О чем вы говорите? Мы же не дети, чтоб создавать улики против самих себя. Преодолевать нам приходится только муки собственной совести. Оснований к юридическому рассмотрению дела мы не закладываем… А дрожание рук вы преодолеете быстро. Смею уверить вас. Пожалуй, я зачислю вас в штабной резерв. Вы не против?

— Не могу сказать, чтобы я с детства мечтал попасть в штабисты, господин маршал.

— Спрашивая, не против ли вы, полковник, я имел в виду наполнение наших бокалов, — улыбнулся маршал. — В штабной резерв мы зачисляем офицеров без их ведома. И все равно четыре пятых служащих в штабе — карьеристы… Представляете, что

было бы, если б подбор велся гласно? Ну, штаб штабом, а на моем месте вы бы как поступили с островом? Учитывая, что печься — прежде всего — нужно об интересах всего Содружества Миров?

— Не знаю, господин маршал. У меня недостаточно знаний для принятия таких решений.

— Н-да… Ну, ладно. Действительно, пристал я к вам не на шутку. Вы уж простите — живых людей вокруг меня мало, и поговорить-то не с кем. Чтобы компенсировать вам доставленное неудовольствие — хотите, я вам покажу своего нового друга? Это как раз тот случай, который вы назвали мутацией.

— Речь идет о представителе местной фауны?

— Да, полковник.

— Вы позволите мне сначала получить свое штатное оружие у вашего секретаря?

Показ

Маршал рассмеялся.

— Это животное — травоядное, полковник. А его нрав мы проверяли эльмадскими ребятишками. Держа всю компанию под прицелом, естественно…

— Ого! — вскричал полковник. — Эльмадские детки? Это нешуточное испытание даже для кадрового психолога!

— Для психолога! Скажете тоже, полковник! — смеялся маршал. — Да любое исправительно-воспитательное учреждение строем вешаться пойдет, если при нем организовать эльмадский детсад! Но это травоядное, знаете ли, ничего — не раздражалось. В худшем случае брало чадо за шиворот и относило к проходной.

— Оно крупное? — поинтересовался полковник.

— Весом — с десяток средних амдиэльцев.

— Большое…

— Пейте, полковник, и пойдем. Оружие вам отдадут на вахте.

Именно такого внимания Моргенштерн и ждал. Его статью восхищался не кто-нибудь, а сам маршал. Время от времени военачальник приводил своих подчиненных — похвастаться дружбой с гордым животным, но в этих случаях Моргенштерн вел себя надменно, и всем своим видом показывал: к людям он — снисходит, но не ко всем. И не всегда. Однако никакой агрессивности конь старательно не проявлял. Люди намеренно создавали ситуации, когда животное должно было рассердиться, но Моргенштерн или игнорировал человеческие хитрости, или показательно пугался. Словом, вел себя как типичное травоядное, да еще и с поправкой на робость местных обитателей.

Не ударил он в грязь лицом ни разу. Маршал показывал его другим амдиэльцам, но чужакам даже погладить себя Моргенштерн не позволял. И прыти особой не выказывал. Благодаря этому держали коня на просторной площадке за символическим ограждением — заборчиком из колючей проволоки высотой в человеческий рост. Собственно, никто не ограничивал его в свободе — но неизбежный элемент непредсказуемости поведения животного мог огорчить маршала. А ну-ка, дозовись коня, который сдуру ускакать может на два десятка километров, пока слегка запыхается!

Конь и сам хотел привязать к себе маршала, и потому как только ему выпала возможность переночевать внутри периметра военного городка, он с удовольствием остался. Вскоре для него отгородили немалый участок земли.

Моргенштерн принимал на спину маршала и гордо возил его

по кругу, даже не глядя в сторону воли. Когда маршал хотел, конь переходил на легкую рысь, но никогда не делал резких поворотов и уж тем более не срывался на галоп.

Сам бы Моргенштерн никогда не догадался до коварных игр в поддавки с врагом. Автором идеи был Кроу. Подслушивая разговоры солдат и офицеров, ворон узнал предпочтения маршала, а лишенные тел люди Ксора выведали план его поездок по гарнизонам. Прилетал Кроу время от времени и теперь, таскал у Моргенштерна из яслей зернышки и рассказывал тому все новости. Ворон и сейчас прятался под навесом, защищающим от непогоды стожок сена, кормушку и поилку.

Собственно новостей Кроу принес немного. Вооруженные силы Амдиэля все больше убеждаются, что Земля сдалась им без боя. Мужчины Эльмада приступили к строительству нескольких населенных пунктов. Охотники Диэля на суше не имеют себе равных. Плюх и Булька прогнали с острова строителей. Нюша, говорят, тоже отличилась. Ондатр и два десятка безымянных кроликов погибли. По другим сведениям, Ондатр выжил.

Моргенштерн выслушал ворона молча. Его горячая душа жаждала действий. Ему наскучило бродить по загону, катать маршала рысью, а ребятню — шагом. Он ждал команды к действию, но Кроу все чего-то выжидал. Конь уже собирался возмутиться и высказать самозваному командиру все свое недовольство, как вдруг внутренняя калитка загона открылась, и в нее вошли двое. Маршала Моргенштерн узнал сразу. Он оторвался от кормушки и, радостно потряхивая головой, приблизился к людям.

— Вот мой друг, полковник. Кушает травку и зерно. Обожает купаться. Не против прокатить на себе.

Полковник невольно залюбовался красивым животным.

— Знаете, господин маршал, если б там, на острове, у нас были такие животные, многих сложностей удалось бы избежать. Патрулирование территории, большая защищенность от диких и хищных зверей… Наверное, выгоды от обладания такими животными неисчислимы — только с высоты моей колоколенки они не видны полностью. Никакие черные страшилища не страшны, если передвигаешься на таком красавце. Думаю, что отправься двое солдат и сержант за пилой на корабль не пешком, а верхом, потери были бы меньше…

— Возможно, вы и правы, полковник. Предлагаю вам тщательно продумать использование животных этой породы в войсках Амдиэля, и представить подробный доклад штабу. Это и будет вашим вступительным экзаменом.

— Вот как? — улыбнулся полковник и вполголоса произнес:

— А я-то думал, что вступительным экзаменом был сценарий уничтожения этого злополучного острова.

— Ну, что вы! — усмехнулся маршал. — Это было лишь предварительное собеседование… Настоящие экзамены, если вы войдете в руководство вооруженными силами Амдиэля, куда сложнее, и сдавать их приходится чуть не ежедневно, всегда в самый неподходящий момент.

От неожиданности Моргенштерн замедлил шаг. О каком острове они говорят? Черное страшилище — это не Плюх ли? О каком таком сценарии идет речь? Эти люди — они хотят уничтожить остров? Ставший Моргенштерну второй родиной?

Конь остановился и повернул голову к стоявшему. Внимательно посмотрел. Потом дотянулся головой до маршальского колена, схватил его зубами и сдернул человека наземь.

Полковник схватился за пустую кобуру. Конь сделал шажок назад и лягнул человека в живот. Отлетев, полковник повис на заграждении.

Моргенштерн наклонился к маршалу.

— О каком острове вы говорили?

Ошеломленный маршал молчал. Страшно, до крика, до визга болела нога. На бледном маршальском лбу выступили бисеринки пота.

Моргенштерн поставил ногу на кисть руки лежащего человека.

— Я задал вопрос. Отвечай.

— Моргенштерн! — каркнул ворон, вылетая из-под навеса, — Беги!

Конь рванулся вперед, в несколько прыжков разогнался и перемахнул через ограду. С вышки донесся раскатистый звук выстрела. Из двери сторожки выскочил охранник. Он прицелился было в быстро удалявшееся пыльное облачко, но тут громко застонал маршал, и солдат, забросив винтовку на спину, бросился на помощь.

Вдаль от военного городка улетал ворон. С каждым взмахом крыльев он уносился все выше, все дальше, и скоро превратился в маленькую точку, почти незаметную в прозрачной сини неба. Вслед птице смотрел солдат, успевший выстрелить со сторожевой вышки. Кровь из разорванной мощным клювом артерии била прямо в ладонь, приложенную к ране, стекала на пол площадки, просачивалась в щели между досками и густыми лужицами собиралась на сухой африканской земле. И если первая кровь, пролитая на далеком островке была почти случайной и малозначительной для Амдиэля, то эта означала одно: началась

война.

Трудное решение

— Все равно Моргенштерн молодец, — настаивал Плюх, для убедительности порыкивая. — Не побоялся в логово врага внедриться. Получил пулю…

— … в задницу, когда смывался, — фыркнула Нюша. — А если б не Кроу, то и в голову мог бы кусок железа схлопотать…

— Ого! — воскликнул Ондатр. — Уже, значит, не грязный комок вонючих перьев?

— Да! — подтвердила кошка, — Ворон — смелый и умный, это я вам всем говорю! Он сумел с солдатом справиться. А конь — не сумел! Хотя мог бы уничтожить не меньше десятка. И самое главное — убил бы их маршала.

— Тут бы и застрелили Моргенштерна, — резонно заметил Плюх.

— Я вас не узнаю, — удивилась Оля. — Вы стали… прямо как звери!

— А мы и есть звери, — проворчал Ондатр.

— Причем глупые. Корчите из себя диверсантов и цареубийц… Ну, убил бы Моргенштерн маршала. Дальше что?

Звери, сидевшие и лежавшие вокруг кресла, в котором покачивалась Оля, примолкли. Кроме нее на острове ангелов не было. Каждый нашел себе дело — и улетел. Хамдиэль заинтересовался делами в Содружестве Миров. Дима отправился посмотреть, как идет захват земных территорий, и как его разумные звери этому сопротивляются. А Ксора, как отца нации, истребовали его подданные.

— А дальше, — продолжила Оля, — даже без минутного промедления все управление войсками перешло бы к одному из его заместителей. Вот если бы от главнокомандующего зависело нечто особо срочное и важное, и все бы ждали его решения, а он бы взял, да и гикнулся внезапно, тогда да. Тогда можно было бы предполагать, что диверсионная операция прошла хоть сколько-нибудь успешно. И маленький перевес на стороне наших — есть. Моргенштерн, между прочим, под руководством Кроу и ждал такого момента. Но в силу собственной горячности потерял власть над собой, когда услышал, что вас всех собираются уничтожить. Вместе с нашим прекрасным островом.

— Как собираются? — возмутился Ондатр. — До сих пор? Расправа, которую учинил Моргенштерн, для них не урок?

— Какой там урок, — вздохнула Оля. — Для амдиэдьцев это был сигнал к началу полномасштабной войны. И от планов по уничтожению нашего острова они не отказались.

— Что же теперь нам делать? — растерялся ондатр.

— Воюйте, — просто сказала Оля. — Старайтесь победить врага. Выгоняйте и уничтожайте захватчиков. Или сидите, ждите смерти. Умирать же не страшно? А, Ондатр?

— Умирать — страшно, — сказал Ондатр. — Быть мертвым не страшно.

— Страшно — не страшно, — раздраженно прокаркал, слетев с ивовой ветки, молчавший до той поры Кроу. — Ерунда какая… Что с островом сделать собираются?

— Друзья мои, — мягко сказала Оля. — Честно говоря, я не имела права даже Моргенштерна сюда переносить и лечить. А служить вам источником информации да координатором действий точно не могу. Хотя и хочу… Одно скажу: вам, как и людям, нужен верховный главнокомандующий.

— Предлагаю Моргенштерна! — громко проговорил Плюх.

— Ты еще себя предложи, крокодил волосатый, — зашипела на него Нюша. — Я вон поумнее вас обоих, и то молчу. Кроу пусть командует всеми звериными силами Земли.

— Ты умнее меня, когтистая селедка? — возмутился Плюх. — А ну, давай в крестики-нолики сыграем!

Все рассмеялись, только ворон остался серьезен, и когда смех стих, предложил:

— В южном полушарии воронов мало, зато много попугаев, и они очень не глупые птицы. В море живут киты, которые гораздо разумней всех нас, вместе взятых. Однако на моей стороне — спокойствие и мобильность. Поэтому я принимаю командование на себя. Обязуясь консультироваться со всеми, кто может предложить решение тех или иных проблем. Согласны?

— Согласны, — высказался за всех Плюх, и никто не возразил.

— Тогда, — продолжил Кроу, — Ондатр, сбегай к морю, перескажи Бульке и всей дельфиньей компании наше решение. Попроси его держать связь с китами. И кто мне подскажет, как увидеться с людьми Ксора?

— Никак, если мы бесплотны… — еле слышно прошелестело в тишине.

— И очень даже запросто, если мы во плоти! — радостно прокричал кентавр, со смехом выскакивая на поляну.

— Одной коняки мало… — поморщилась Нюша.

— Как зовут тебя, странное существо? — прорычал Плюх, и всем стало заметно, что под его вздыбленной шерстью играют, перекатываясь, мощные мускулы.

— Дайте мне имя сами, — миролюбиво попросил кентавр. — Во мне две живых души. Об имени мы между собой никак не

договоримся.

— Андрогиппус, — предложила Оля. — Был такой язык, греческий…

— Андрюха, то есть. Если по-свойски, — упростил Плюх.

Ворон дождался всеобщего успокоения и спросил:

— Что тебе известно, странное существо, о космических кораблях пришельцев?

— Сейчас у своих спрошу! — все так же весело прокричал кентавр и на минуту сосредоточенно замолчал. — Ну, теперь, пожалуй, все известно.

— Как они летают? — поинтересовался Кроу.

— Главный двигатель корабля, — принялся рассказывать кентавр, — это огромное изогнутое зеркало, в фокус которого подается вещество, превращаемое в энергию. Практически вся образующаяся энергия отбрасывается зеркалом в одну сторону. Так получается реактивный эффект…

— Как может вещество выдержать напор энергии? — спросил Кроу.

— Вещество не может. Вещество — само есть «сгущенная» энергия, — объяснял кентавр. — Зеркало только обозначено веществом, а на самом деле оно состоит из чужеродного для нас пространства.

— Как это? — изумился ворон.

— Подожди минутку, — попросил его кентавр, — я у своих спрошу…

— Ну, вот, — продолжил он после немого диалога с кем-то невидимым, — в нашем пространстве три измерения: длина, ширина и высота. А в пространстве, образующем зеркало, их четыре: длина, ширина, высота — как у нас, и еще глубина.

— Глубина — это куда? — не понял Плюх.

— Это куда-то внутрь, — ответил кентавр, — но как — я и сам не могу в толк взять. В общем, зеркало отражает энергию. Корабль, получая энергетический толчок, летит.

— Спроси там, — попросил Кроу, — нет ли возможности объяснить попонятнее, как это «чужое» пространство угнездилось в «нашем» пространстве?

— Понятней будет, — продолжил Андрогиппус после минутного промедления, — если представить, что наше пространство не трехмерное, а двумерное. То есть живем мы на плоскости.

— Вроде как на листке бумажки нарисованные, — уточнил Плюх.

— Именно, — согласился кентавр. — И вот представь, что в нашу плоскость глубоко врезался шар.

— Надо говорить — сфера, — поправил Андрюху Плюх.

— Хорошо, пусть будет сфера. Что случится, если сфера и плоскость пересекутся?

— На нашей плоскости сфера изобразится в виде круга, — ответил сообразительный Кроу.

— Верно, — согласился кентавр. — А теперь скажи, нарисованный на бумаге ворон, если ты попытаешься пересечь образовавшуюся окружность, у тебя это получится?

— Не знаю…

— Не получится. Потому что ты упрешься в поверхность сферы. И увидеть ты эту округлую поверхность не увидишь, потому что видишь ты только то, что находится в твоем пространстве, то есть на плоскости.

А на плоскости ты увидишь только замкнутую изогнутую линию, не пускающую тебя непостижимо волшебным образом…

— Почти понятно, — сказал ворон. — Но вот скажи мне, Андрогиппус, как нам, двумерным «плоскатикам», избавиться от этой противной трехмерной сферы? Которая нам жить не дает?

— Извини, Кроу, этого я не знаю.

— Да что там знать, — воскликнул раздосадованный сложностями Плюх. — Если плоскость — это лист, а сфера — это мячик, нужно дернуть лист посильнее, мячик и укатится!

— Вообще-то, да, — кивнул Кроу с непомерно умным видом. — Если только сечение плоскости не приходится на геометрический экватор сферы, любое приложенное к ней усилие заставит векторы сил складываться в отличную от нуля равнодействующую, заставляя тем самым мячик скатываться с листка.

Оля представила ворона в очках и галстуке, с мелком в крыле вещающим с кафедры ученого собрания, и чуть не прыснула смехом.

— А еще, — предложила Нюша, — мячик можно подопнуть с другой стороны.

— Кстати, — оживился призадумавшийся Кроу, — эти двигательные зеркала — они же выпуклые?

— Конечно, — ответил кентавр.

— И очень напоминают сферу, попытавшуюся пересечь плоскость?

— Похоже на то, — согласился кентавр.

— Тогда нам нужно просто как следует дернуть наше трехмерное пространство, и чужеродное четырехмерное вылетит из продавленной им дырки.

— А что, очень может быть… Подожди-ка, ворон, я своим передам твою идею… — и кентавр снова ненадолго умолк.

— И как ты думаешь тряхнуть пространство? — поинтересовалась Нюша, с интересом глядя на Кроу.

— Ну, я не знаю, — глухо ответил ворон. — Пусть люди Ксора чего предложат, они все ж таки умная цивилизация, запросто между галактиками летают.

— Мы как раз об этом и говорили, — подал голос кентавр. — Способов несколько. Первый — устроить на выпуклой поверхности большой взрыв. Но это нереально, так как на ней нет свободного места: выпуклая поверхность зеркала лежит в основании корабля. Способ второй: расположить одно зеркало в фокусе другого…

— Ага, ага, — раньше всех сообразил Плюх. — Потом его как включить, оно как даст разрядом по выпуклости, и вышибет его…

— Эй, вышибалы, вы поторопитесь, — как ни в чем не бывало улыбнулась Оля. — Амдиэль выводит свой корабль на орбиту, одновременно фокусируя его зеркало на нашем острове. Если пилотам не очень повезет, возиться с переориентацией они будут часа полтора. А если дело пойдет как по маслу, времени нашей с вами жизни остается максимум полчаса.

Отец и сын

Очнулся маршал внезапно. Будто и не было этого говорящего по-амдиэльски зверя, вырванной коленной чашечки, растоптанной ладони. То есть и рука, и нога были, и даже болели, но совсем тихонько, глухо и не очень надоедливо, почти не мешая работе мысли. Куда больше боли раздражала беспомощность. Оказаться в лазарете в такой момент, упустить время для атаки… Что может быть досадней?

Маршал застонал и потянулся здоровой рукой к лицу. Голова тоже перевязана, что ли? И грудь давит…

— Отец? Ты пришел в себя?

О, господи… Еще и старший здесь. Зачем? Разве мало медперсонала?

— Здравствуй, сын. Тебя вызвали, значит, я был плох?

— Не знаю. Раз говоришь со мной — все, похоже, в порядке. Как ты себя чувствуешь?

— Как почувствовать себя при обезболивании? Ощущения приходится ловить, как радиосигнал с обратной стороны планеты — то есть прием, то нету, — улыбнулся маршал. — Какой теперь день?

— Ты без сознания оставался трое суток. Все это время велась интенсивная терапия. Я рад, что она дала результаты.

— Позови мне дежурного врача. А лучше передай ему: пусть срочно вызовет ко мне начальника штаба.

— Да, папа.

Сын вышел. Маршал попытался шевельнуться. С трудом ему удалось немножко приподняться. Хорошо хоть младшего не стали вызывать: он парень нервный, горячий, ему такие переживания не нужны. Впрочем, чего там… Уже солдат, боевое крещенье прошел. Указ о его награждении медалью собственноручно подписывал…

Скрипнула дверь.

— Это ты, сын? Помоги мне подняться повыше, подмости подушек. Ага, вот так. Ну, как там у вас на севере?

— Как будто ничего не происходит. И в то же время не отпускает ощущение затягивающейся петли. Только встали лагерем — насекомые летучие взялись за нас, все мелочь, но жалит больно. И схлынуло вдруг…

— Возможно, сезонная активность?

— Возможно. Диэльцы наши все как один бросились рыбу ловить — рыбы полно! Но зверя, кормящегося рыбой, нет — а так не бывает! Где корм, там и…

— Да-да, я помню. Пищевая пирамида.

— Вот-вот. А еще те же диэльцы издалека увидели животное — свою точную копию, только раз в двадцать больше. Рвались с ним познакомиться, но оно на них только посмотрело, говорят — пристально так — и ушло. Это ненормально, обычно все живые интересуются себе подобными. Хотя бы и на предмет сожрать…

— Точно, сынок. Ты там, в кулаке держи своих диэльцев…

— Держу. Я контроллер изобрел. Вот, на руке.

— Этот браслет?

— Да. Он контролирует мой пульс. Как только мое сердце сокращается, контроллер посылает сигнал отмены.

— Отмены чего?

— Взрыва. В мышечные ткани каждого диэльца вшита капсула со взрывчаткой и радиовзрывателем. Замедление — десять секунд. То есть импульс от моего контроллера позволяет начинать отсчет заново. Если диэльцы взбунтуются и убьют меня, через десять секунд они все погибнут.

— Или если ты снимешь с руки браслет… Который хоть с виду и цельный, я уверен, снимается без труда.

— Да, папа.

— Остроумно. Они с тебя должны пылинки сдувать теперь.

— Ну, отец, ты же знаешь диэльцев: они о себе заботятся не слишком сильно.

— Ошибаешься, сынок. Заботятся они как раз только о себе. А тебя они с удовольствием бы съели: ты в их вкусе. Но у нас тоже есть маленькая секретная кнопочка. Планетарного масштаба. Так что едят они в основном кашу… Ладно. Регистрируй изобретение, внедрим — получишь вознаграждение.

— Спасибо, папа.

— Совсем устав забыл?

— Служу Амдиэлю!

— То-то же… А теперь отправляйся к себе. Пришел начальник штаба? Официальный приказ догонит тебя в пути. Но знай: я объявляю режим «все живое». Серьезность ситуации ясна, капитан?

— Так точно, господин маршал!

— Ну, езжай. И это… если со мной вдруг что — младшего заберешь в свое подразделение. Начальник штаба пусть войдет. Все. Пока!

«Остров — уничтожить!»

Нахохлившийся ворон сидел на вершине дуба. Внизу вечно беззаботный Плюх заигрывает с Нюшей, и кошка нехотя отбивается от пса лапой. Вдалеке пасется вылеченный Моргенштерн. К нему с разговорами пристает кентавр. Это он зря — выпросит пинка у Моргенштерна, как пить дать выпросит. Конь стал такой раздражительный после ранения — со спины не подлетай, над ухом не каркай! А куда лететь, если у коня всюду спина? И как не каркать, если голос от природы такой?

Вон и четверка ангелов слетелась, расположились под ивами: потягивают вино. Ондатр беззаботно плещется в озере. Всем все равно! Один Кроу переживает: справятся ли люди Ксора? Сумеют ли? Задача у них не простая: перехватить управление транспортом, направить его в корабль, изготавливающийся для стартового импульса по острову, и дать старт на сто процентов мощности! Космолеты столкнутся как биллиардные шары, и даже если зеркала уцелеют, сами корабли выйдут из строя.

Выйдут из строя и их пассажиры, хищные миэляне. Говорят, с виду — акулы акулами. А характерами — дак любой миэленок хуже десятка раздраженных Моргенштернов. Насоздавал Хамдиэль, нечего сказать… Диэльцы — точно белые медведи, только поменьше и пощуплее. Остальные — все на одно лицо, при этом одни темнее и тоньше, другие светлее и толще.

— Эй, главнокомандующий! Спускайся к нам!

«Кто это там разорался? — встрепенулся ворон. — Плюх? Ах, сам Хамдиэль? Мысли услышал… Надо ответить».

— Чего это вдруг? Мне и тут хорошо!

— Фейерверк лучше снизу наблюдать, подальше от ракет. Иди к нам, разделим судьбу, какая бы она не была!

Ишь, сколько пафосу! Затеяли игры в войну, а мы теперь гадай: сгорим или зажаримся…

— Не хочу… мне здесь удобно.

Нюша перестала отмахиваться от скачущего пса, села на задние лапы и поманила Кроу:

— Лети сюда, птица отряда воробьиных! Спускайся, муж вороны! Дело есть. Да перестань в небо коситься: все уже известно заранее. Щас бабахнет, и нас с тобой понесут на континент.

Ворон удивленно уставился на кошку: что значит, бабахнет? Так может бабахнуть, что и костей не соберешь… Или понесут — вперед ногами?

Дима повернулся к ворону:

— Мы решили, что остров останется целым в любом случае. И вы все, соответственно, тоже. Так что дожидаться в гнетущем одиночестве тебе пока нечего. Спускайся, сыром угостись. Швейцарский, как ты любишь, не сыр — одни дырки!

Устоять против сыра было свыше вороновых сил. Кроу взмахнул крыльями, распустил свой клиновидный, красиво закругленный хвост, и спланировал вниз. В этот момент и «бабахнуло».

То есть звука не образовалось никакого. Но небо засветилось звездой, которая в доли секунды стала ярче солнца. Сначала маленькое, как булавочная головка, светящееся пятно быстро выросло в полнеба и распалось на несколько сот частей. Одни из них угасали, другие, напротив, становились больше и ярче.

Это те, понял Кроу, которые летят в сторону Земли.

Через мгновение осколки врезались в атмосферу. Раздался гул, рокот, канонада далеких ударов. В небе закурчавились дымные извилистые следы. Кроу своими глазами видел, как один огромный, объятый пламенем осколок прочертил облака пламенем и ударился об воду — далеко, где-то у горизонта. Над морем поднялся огромный столб белоснежного пара.

И все… Звуки стихли. Наступила мертвая тишина.

— Красиво? — спросил Дима, ни к кому особенно не обращаясь. — Скажите спасибо людям Ксора — это они сумели верно взять курс и уничтожить два корабля захватчиков.

— Три, — уточнил Ксор. — Третий корабль случайно попал под выхлоп. Маленько испарился в носовой части.

— Интересно, а что с зеркалами? — Кроу обратился к кентавру, который, досадливо морщась, массировал круглое быстро синеющее пятно у себя на боку.

— Ага, — кивнул Андрогиппус, — сейчас спрошу у своих.

— Они хоть не лягаются, — добавила Нюша, — когда у них спрашиваешь…

* * *

Маршал клокотал от ярости. Три корабля! Он хотел рискнуть одним единственным, а потерял сразу три! Два с миэлянами — и черт бы с ними, с этими гидротранспортными перевозчиками и прожорливыми существами, их пассажирами. А вот третий — прекрасный корабль универсального назначения, укомплектованный профессионально подобранным экипажем, и, самое главное, державший на борту пятидесятитысячный резерв отборных амдиэльских воинов! Страшные потери, особенно, если

учесть, что по-настоящему активных боевых действий все еще не ведется.

Маршал нажал кнопку и проговорил в микрофон:

— Начальника информационной службы ко мне.

— Через десять минут будет, господин маршал.

До чего неловко с забинтованной рукой на перевязи! Колено не сгибается… И детские мечты о парадах, принимаемых верхом, оказались так смешны, что даже опасны… Н-да-а…

— Вызывали, господин маршал?

— Да, входите. Какие вы готовите информационно-пропагандистские акции о нападении на наши корабли?

— Видеофильм о героях, погибших на посту… Материал готов. Там много натуралистичных кадров: корабль со срезанной носовой частью, тела людей, погибших в вакууме, предсмертные записки, найденные в медленно разгерметизировавшихся отсеках. Свидетельства оставшихся в живых. Общая направленность такова: мы — мирные люди, по долгу службы — военные. Сидели себе в корабле, мухи не обидели — за что нас? Товарищи наши, которые несут службу на поверхности планеты, как известно, тоже ведут себя исключительно корректно, никому никакого вреда не приносят. Ведь ни о какой такой мести не может быть и речи! Наш главнокомандующий — святой человек! Там и о вас будет сюжет, господин маршал. Обогрел, выкормил и вынянчил голодного и сирого зверя, а он, неблагодарный, искалечил хозяина и пытался расправиться с героем-офицером. Потом дадим кадры с погибшими миэлянами: мирные жители водного мира ждали своей очереди на высадку, и вот — не дождались… Замерзшие круглые глыбы льда с беспомощными малютками-миэлятами, вмороженными в самую середину: вода застывала медленно, и внутри глыбы еще некоторое время оставалась жидкость. Дадим анимированную схему процесса. Представим натурные съемки с поверхности планеты, запечатлевшие горение падающих в атмосферу частей кораблей. Удалось, кстати, запечатлеть падение в океан огромного контейнера с несколькими миэльскими семьями внутри. Можем схематично показать, на какой высоте начался нагрев контейнера, когда и как в нем гибли миэляне…

— Не надо столько внимания Миэлю, — поморщился маршал. — И обо мне можете упомянуть, но живописать особенно ни к чему. Вот полковника, пострадавшего куда сильнее меня, покажите покраше. Сделаем его героем, он у нас одним своим видом будет вдохновлять войска. Дадите сюжет, что эльмадские матери своих детей называют именем этого полковника… И обязательно — вы слышите меня? — о-бя-за-тель-но подчеркните,

что из-за высокой опасности повторения немотивированной агрессии неустановленных пиратов, обманом захвативших и уничтоживших космические корабли, эвакуационные мероприятия для эльмадских семей откладываются.

— А разве объявлена эвакуация?

— Нет. Но вскоре — к моменту готовности фильма — необходимость в ней возникнет. Материалы, не вошедшие в фильм, распространите печатным образом, и сделайте все, чтобы грядущее наше наступление по всей территории велось с осознанием нашей правоты. Однако палку не перегибайте и красок чрезмерно не сгущайте: вскоре, я так чувствую, в вашем распоряжении появится много новых кадров…

— Да, господин маршал. Перебарщивать опасно: зритель может стать невосприимчивым…

— Ну, вы лучше меня знаете, что и как. Действуйте.

Летчики

Звено штурмовиков поднялось в воздух. Шесть пар крылатых машин, поочередно преодолев горку против ветра, разлетелись на выполнение заданий. Собственно, задание одно на всех: уничтожение любых существ, относящихся к местной фауне. Только за его исполнение все отвечают по-разному: с него, с командира, пилотирующего первый самолет последней, шестой двойки, шкуру спустят за всех. А он, в свою очередь, обязан проконтролировать и организовать несение службы каждым. И может — если сочтет нужным — даже пожурить нерадивых. А что еще сделаешь пилоту? Под арест его? Куда? За ногу приковать к собственной кровати? Летчики — народ гордый, унижений не переносят. Начнутся в личном составе разброд и шатания — все! Переформировывать придется весь отряд!

Нельзя, конечно, сказать, что ребята совсем уж халатно относятся к выполнению полетных заданий. Как ни крути, каждая секунда фиксируется, видеосъемка не прекращается в течение всего полета. Велено уничтожать живую силу врага — будь добр, уничтожай. Иначе — перевод в обслугу, и не обязательно временный…

Так что все разговоры о том, что авиация создана не для убийства, и все смешки при просмотре видеофильмов, присылаемых главным политическим управлением войск, командир обрывал сознательно и резко. Враг — есть враг. Подрывая его ресурсы здесь, они способствуют победе на других фронтах. И потому простое распугивание неких рогатых тварей, мирно пасущихся то там, то сям на бескрайних просторах тундры, не допустимо. Раз стоит задача физического истребления, значит, нужно планомерно и методично этих тварей отстреливать, как бы наивно ни пытались они защитить своих самок и детенышей, согнав их в тесную толпу и окружив обращенными к самолетам рогами. Очень удобная цель, кстати, такое стадо…

Командир взглянул на полетную карту и заложил плавный левый вираж. Ведомый синхронно повторил маневр. Молодец, лейтенант. Способный парень…

Охота велась в основном на ближних подступах к аэродрому. Успехи — налицо. Разгромлено лежбище морских млекопитающих, занимавшее несколько десятков островов северного архипелага. Прицельным бомбометанием удалось расправиться со стадом каких-то белых водоплавающих животных, пробивавшихся сквозь разводья в полярных льдах. Перестали появляться в поле зрения летчиков и огромные звери,

когда по одному, а когда и парами плававшие в прибрежных водах. Обнаруживались они по фонтанам воды и пара, выдыхаемым с чудовищной силой. Справляться с ними оказалось куда как проще, чем отстреливать существ, как две капли воды похожих на увеличенных диэльцев. Морским гигантам хватало одной очереди разрывных снарядов, в то время как прытких и шерстистых тварей приходилось подолгу выслеживать.

Как ни бился командир летного подразделения, доказывая, что уничтожать этих зверей лучше с земли, а не с воздуха, силами обученных десантников, а не штурмовыми эскадрильями, толку не было. Руководство соглашалось, давало команды, спускало на места приказы, планы и разнарядки — но всякая командирская инициатива наталкивалась на глухое противодействие снизу. Диэльцы, во множестве направленные именно на север, под любыми предлогами избегали охотиться на тех, кого возомнили своими прародителями. Остальные солдаты мнение товарищей уважали (да и перечить побаивались), оттого дело не шло.

Отдуваться приходилось летчикам, выходцев с Диэля в своих подразделениях не имевших. Однако чтобы выследить и подстрелить зверя в белой шубе, приходилось порой совершать по нескольку вылетов, что не просто не рационально, думал командир эскадрильи, но и банально расточительно.

Показатели работы авиагруппы спасали другие животные. Одному звену повезло обнаружить целую стаю мелких грызунов, сплошным ковром покрывавших летнюю зелень тундры. Полчаса шесть самолетов кружили смертоносную карусель, экономно расходуя боезапас и старательно расстреливая зверьков. Потом на смену им прилетело другое звено, в спешном порядке загруженное самовоспламеняющимися составами. Черная проплешина гари еще долго не сойдет с поверхности северной земли, и за порчу среды обитания, если верхи дознаются, по головке, конечно, не погладят. Но что было делать летчикам? Сажать машины и криками пугать зверьков, пытаясь загнать их в полноводную реку? Правда, те и так направлялись в сторону реки. Значит, у них там имелось некое укрытие, либо жизненный план предусматривал переход к иному способу существования.

Командир убрал крен и немного сбросил тягу. Ветер попутный, и даже минимальная экономия топлива полезна. Сажать планирующую машину, двигатели которой встали по причине опустения баков — дело чрезвычайно неблагодарное. А они сегодня направляются максимально близко к точке невозврата: этот далекий северный остров, по данным космической разведки, есть средоточие колоний пернатых.

Кто знает эту агрессивную местную фауну? Да и против такой

толпы, какой шли сжигаемые авиаторами грызуны, хоть танк двинь — опасности не избежать. Наплевав на страх смерти, зверьки накидываются на бронетехнику, забиваются во все щели, запечатывают воздухозаборники, и только и ждут, чтоб экипаж приоткрыл люки… От людей остаются голые кости — в считаные секунды.

Было такое видео, очень жуткие кадры. Колонна бронемашин шла по долине высохшей (или почти высохшей) реки походным маршем: люки нараспашку, командиры да механики при деле, остальные — кто во что горазд. Одни на броне сидят, подстелив брезенты чехлов. Другие в десантных отсеках спать пристроились: гул-де убаюкивает. Третьи со скуки по окрестным высоткам постреливают, кроша камни в пыль развлечения ради. На каждой машине видеокамеры панорамного слежения весь этот бардак записывают, да только никто ответственности не страшится. Мирная планета, пугливые животные — кого бояться? Ну, командиры и благодушествуют: солдаты шатаются недрюченные, от безделья дурью маются. Штатные инспекторы на такие видеозаписи шипят матом — дескать, убери, скотина, этот позор куда хочешь. Чтоб никто его не видел…

А не видел — вроде как и нету. Живет часть без ЧП — значит, все в ней в порядке.

И вот, на тебе: гром с ясного неба, приказ уничтожать все живое. Ну, поехали… Ехали-ехали, и на подъемчике, косогоре таком малоприметном, встретили крысиную стайку. Голов тыщ на тридцать — это потом эксперты считали, по материалам оставшихся видеозаписей. А там, может, и все пятьдесят или сто было — да какая теперь разница? Только поползли и колесные, и гусеничные машины по косогору, скользя по крысиным телам. А те не разбегаются, наоборот: прут вперед, по головам друг друга, зубы скалят, прыгают, пытаясь на борт взобраться. Стрельба, конечно, поднялась… Толку, однако же, от нее чуть, да и недолго она длилась.

Пушечные выстрелы посдували перед машинами крыс, пулеметы прорех понаделали, гранаты крысиное мясо с землей поперемешали — и тут военные действия перешли, как говорят стратеги, на территорию агрессора. Крысы во множестве стали влезать на колеса, запрыгивать в открытые люки, подниматься по обмундированию спрыгнувших на землю стрелков. Уставная позиция автоматчика, присевшего на одно колено и ведущего прицельный огонь с упора, для крыс оказалась находкой.

В общем, людей захлестнула волна серой пищащей массы. Не успели позадраиться и экипажи бронемашин. Скоро стрельба прекратилась: бой перешел в рукопашную фазу. Но и она не

долго длилась… Видеокамеры поработали еще немного, а потом кабели питания лишились изоляции, и наступила полная тьма.

Длился этот фильм минут пять. Само же крысиное нашествие — от момента появления на экране первых волн серой массы и до момента выключения записи длилось, если судить по цифрам электронного отсчета времени, чуть менее получаса. Пятьдесят семь человек, из которых шестеро — сверхбыстрые диэльцы, и тринадцать единиц техники оказались уничтожены ничтожными крысами. Которых на этой планете, по убеждению некоторых ученых, сотни миллионов…

Командир прогнал врезавшуюся в память картину, бросил взгляд на высотометр: десять километров, почти ровно. Они, эти мелкие грызуны, и на севере мешают не на шутку: все, что не металл и не стекло, сгрызается и портится. Сколько с летной техникой мучились, пока не сумели огородить все пространство аэродрома мелкой сеткой, заглубленной в землю на два почти метра? Ночи не проходило, чтоб один-два самолета не оседали на испорченных шинах, чтоб не выходила из строя гидравлика и кабели, чтоб пилотские ложементы не оказывались изжеванными и продырявленными.

Теперь, слава богу, стало полегче… Правда, один патрульный, обходивший территорию аэродрома, рассказывал, что в бинокль видел странное: будто полярная сова, птица крупная, перенесла в клюве через сетчатую изгородь какого-то грызуна. Причем не одну крысу, а сразу нескольких: она несла палочку, веточку растения какого-то, а на этой-то веточке висели, вцепившись и скрючившись, несколько зверьков. Птица пролетела над забором, несколько снизилась, и бросила ношу. Скорее всего, уронила собственный обед, смеялись бойцы.

Командир тогда сел в машину, посадил рядом наблюдательного бойца и поехал с ним на осмотр места данного события. Естественно, ни грызунов, ни палочки найти не удалось. Да и какие палочки вдоль взлетно-посадочной полосы? Даже обтекаемые тяжелые голыши сдувает к чертовой матери, когда взлетает многотонный самолет.

И потом, никаких следов пребывания крыс на территории части уже давно не обнаруживается. Пищеблок — первый индикатор их присутствия. И в кухне, и в столовой, и вокруг расставлены самые остроумные ловушки, приманкой в которых служат и кусочки мяса, и рыба, и сыр. Уже несколько месяцев — ни одного грызуна! Так что или солдат выдумывает, или сова действительно потеряла обед, но когда человек ушел — отыскала и унесла. Или съела.

Командир вздохнул, покачал головой и бросил взгляд в

зеркало. Ведомый шел как привязанный. Где-то впереди, в туманной дымке облаков, прячется этот остров. Скоро они пойдут на снижение, сделают облет, уточнят пути захода на цель. На следующем круге отстреляются — и бегом назад. Завтра-послезавтра космическая съемка покажет, каковы итоги. Если визуально птичьи колонии еще будут определяться, возможно, последует боевое задание тяжелым бомбардировщикам. Ну, это уже вне сферы его влияния. Могли бы, конечно, и сразу остров разбомбить. Но берегут планетку, хотят сохранить материнскую землю для далеких потомков. Молодцы, что сказать. Возможно, они и правы. Так и нужно… Не вечно ж им тут с каждым зверем воевать. Когда-то ж они кончатся, эти звери!

— Командир! — прохрипел в наушниках сдавленный долгим молчанием голос ведомого. — Прямо по курсу вижу цель! Локатор не определяет. Расстояние пять тысяч. Прошу изменения курса.

Летчик бросил взгляд на экран локатора. Метка ведомого светится оранжевым ромбиком сзади. Впереди горизонт чист. Окинул взглядом датчики. Молчат. Всмотрелся в фонарь. Ничего!

— Повторите, лейтенант! Лейтенант! Отвечайте!

Командир посмотрел в зеркальце, прикрепленное к силовому элементу фонаря. Ведомый летит немного выше, чтоб не попадать в струю выхлопных газов, и зеркало укреплено так, чтобы виден он был постоянно. Сейчас в зеркальном отражении светилось только фиолетовое небо. Второй, ведомой машины, не наблюдалось.

Летчик толкнул регулятор тяги на максимум, накренил машину вправо и потянул ручку управления на себя. От перегрузки потемнело в глазах. Вот он, лейтенант! Его машина идет прежним курсом, но снижается. Почему?

— Лейтенант! Почему изменили курс? Отвечайте! Что с вами?

Нет ответа! Так… Надо брать управление на себя.

Командир отодвинул щиток, закрывавший пульт управления дополнительными функциями, нажал кнопку активации и проговорил:

— Управление бортом девятнадцать двадцать восемь беру на себя.

В наушниках прозвучал условный сигнал. Что ж, уже хорошо. Показатели жизнедеятельности пилота? Пульс — ноль, частота дыхания — ноль, мозговая активность — ноль. А вот это плохо… Давление в кабине? О, господи! Разгерметизация!

— Борт девятнадцать двадцать восемь: делай как я!

Глубокий женский голос вкрадчиво проговорил:

— Выполняется.

Черт бы побрал этих конструкторов: это ж надо так машину озвучить? И не захочешь, а станешь прислушиваться! Если ты молодой и полный сил мужчина, такой голос ты услышишь и различишь из тысячи. Фразы произносит — самые простые, но так, что внутри все переворачивается. Ну, да хрен с нею… с ним… с голосом, в общем. Нужно сбросить боезапас, иначе назад, особенно если против ветра, можно и не долететь.

— Борт девятнадцать двадцать восемь: атаковать цель!

— Есть атаковать цель, — проворковала невидимая красавица, облизывая жаркие губы…

Летчик неслышно чертыхнулся и, выбрав на экране локатора первый попавшийся островок, дал по нему залп из всех видов оружия. То же сделал и ведомый.

— Ложимся на обратный курс. Высота — пять тысяч метров.

— Ложимся… — вымолвила соблазнительница и взмахнула локтями, стаскивая с себя майку…

Самолеты летели, тонко свистя турбинами. Летчик затребовал телеметрию ведомого. Развернул меню состояния пилота. Те же нули… Что ж с ним случилось? И что увидел он впереди? На десятикилометровой высоте — что может быть вообще?

Командир ушел в сторону и сбросил скорость. Поравнявшись с ведомым, осторожно качнул штурвалом вправо. Присмотрелся…

Фонарь разбит. Выжить при такой аварии невозможно. Поток набегающего воздуха, если человек не в скафандре, способен разорвать кожу. Стоп-стоп… Мы летаем в противоперегрузочных костюмах, а это те же скафандры. Осколок пластика ударил? Может быть…

Летчик немного прибавил и довернул еще. В кабине, за поникшей фигурой летчика — кровавое месиво. Больше ничего не разглядеть. Ну, ладно. Разберемся после посадки.

Первым на автопилоте садился ведомый. Командир сопроводил его, промчался над ВПП и ушел на второй круг.

Скромные огни глиссады. Аэродром, понятно, военный, но враг здесь специфический, и атаки с воздуха опасаться нечего. Можно было бы и получше световую сигнализацию выполнить, все летчикам удобнее будет. Почему не отвечает диспетчер? Сажая ведомого, командир нарочно звук приема сделал тихим, чтоб ничего не мешало контролировать посадку. Но теперь — где диспетчер? И почему самолет ведомого стоит в самом конце полосы? Его отбуксировать некому? Или не видно, что фонарь разбит? Или неясно, что ведущий сам выполнял посадку ведомого? Что за чертовщина?

Уйти на третий круг? Топлива не хватит. Надо садиться…

Самолет выпустил шасси, опустил закрылки, проскрипел по бетону и помчался, тормозя всем, чем оснастили его конструкторы. Остановиться удалось метров за тридцать от ведомого.

Командир сбросил обороты и огляделся. Никто не едет… Вообще никакого движения. Очень странно!

Летчик ослабил давление на педаль тормоза и прибавил оборотов. Самолет тихонько покатился. Кивнув, остановился вровень с ведомым. Командир откинул колпак, отстегнулся и встал, чтобы было лучше видно. Все понятно. Это была птица, крупная птица. Как только удалось ведомому заметить ее? Он еще говорил — пять тысяч… Различить с пяти километров полярного гуся даже с его немалым размахом крыльев — сложно, особенно если летит он один. И еще очень неожиданно: гусь на высоте перелета, в то время как до сезонной миграции еще несколько недель. Да, чего только не случается в небе…

Летчик вздохнул, уселся и снова прибавил обороты. Нужно зарулить на стоянку. Где, черт возьми, вся обслуга? Как он без сигнальщика с флажками точно вырулит на линейку? Напились что ли тут все, раз командир улетел на три часа?

Самолет привычно встал на свое место. Свист турбин стал понижаться, превращаясь сначала в вой, потом в гул, и наконец в финальный рокот.

Пилот снова откинул фонарь и встал, отключаясь от системы жизнеобеспечения. Краем глаза он следил за ангарами, вечно открытыми нараспашку, и постоянно заполненными ленивым, если смотреть издалека, движением. Сегодня почему-то ворота закрыты. Отчего? Штормовое предупреждение? Северный шквалистый ветер бывает чудовищно сильным. Порой даже самолеты сдвигает…

Но как, однако, спускаться вниз? Без лесенки? Прыгать на бетон? Дураков нет, с такой-то высоты… Можно, правда, по фюзеляжу добраться до крыльев, соскользнуть на плоскость, дойти по ней до края, уцепиться руками за округлую кромку, повиснуть — а после уже прыгать. Тогда до бетона остается всего ничего, не убьешься, даже если упадешь. Вот только в противоперегрузочном костюме чудеса пилотской акробатики показывать сложно. Но придется…

Летчик высунулся из кабины, прикидывая, как ему поудобней выбраться наверх, и вдруг заметил: со стороны построек, вдоль толстой бетонной стены — отбойника выхлопа — спешно перебирают лапами два зверя, на вид — чистые диэльцы. Только гораздо крупнее. Морда первого испачкана чем-то бурым…

Напали-таки, сволочи? Как же часовые проворонили? Такой зверь, если встанет на задние лапы, с самолетного крыла человека спокойно снимет! Хорошо, что он не успел ни на бетонку спрыгнуть, ни даже выбраться на плоскость!

Хорошо-то хорошо, но что же делать? Боезапаса нет, топлива — килограммов триста. Эх, не нужно было на пяти тысячах лететь: воздух плотный, керосина много ушло. Но кто ж знал… Ладно. Сесть, задраиться, пристегнуться. Подберутся сзади — стартовым выхлопом швырнуть их об стену. Можно разогнаться по ВПП и попробовать взлететь. Высоко не брать. Как только ослабнет тяга — катапультироваться. Выживанию он обучен. Все необходимое у него есть. Потеряв связь с северным аэродромом, на выручку поспешат братья-амдиэльцы… когда? Да уже спешат, наверное. Из полотнища парашюта выложить крест. Дать сигнал ракетой. Увидят… В конце концов, у него есть пистолет. Тяжелый армейский двадцатитрехзарядный пистолет.

Клацнули запоры фонаря. Щелкнули контакты стартеров. Взвыли турбины. Самолет выкатился на полосу, разогнался и легко взлетел, оставив внизу безжизненное летное поле, опустевшие ангары и одинокую машину погибшего лейтенанта.

Не прошло и половины минуты, как топливо кончилось. «Высота достаточная», — решил летчик и рванул рычаг катапульты. Кричаще оранжевый купол парашюта дивным зонтиком раскрылся над не видевшей таких ярких цветов тундрой. Человек, перебирая руками стропы, умело направил свой спуск, и когда земля оказалась под ногами, даже не упал.

Приземлившись, летчик быстро отстегнул парашют, вскарабкался на каменистый холмик, пологий с одной стороны, и огляделся. Белошубых и переросших диэльских родичей не было заметно ни с одной из сторон. Увиденное, однако, заставило летчика вытащить пистолет и взвести курок. И слева, и справа, и спереди, и сзади к нему не спеша приближались какие-то зверьки, остромордые, с пушистыми серыми хвостами. Те, что были далеко, бежали вприпрыжку. Те, что подошли достаточно близко, садились, и, не отрывая от человека взгляда, смотрели. «Они, — понял летчик, — собираются в большую стаю, чтоб не дать мне шанса спастись. Медлить нельзя!»

Пилот вытянул руку, взяв на прицел одного из сидевших ближе всех зверей. Оскалив зубы, зверек вскочил, вздыбил холку, и тонко зарычал, прижимая голову к земле. Но не убежал. Тогда летчик согнул руку в локте, приставил пистолет к виску и нажал на спуск.

Разговор с полковником

Соединение, которое принял под свое командование полковник, обязывалось очистить от всякой живности тот самый континент, где вероломное травоядное показало зубы маршалу и пренебрежительно отмахнулось ногой от полковника. Природные красоты, однако, требовалось по мере возможности сохранять.

Начал полковник с перевооружения. Крупнокалиберные бронебойные снаряды — зачем они? А вот шрапнель и мелкая стальная дробь, посредством пазов и выступов скрепляемая в пулю, — это именно то, что надо. Выталкиваемая из ствола пороховыми газами, такая пуля ведет себя как монолит. Испытывая лобовое сопротивление (да хоть бы и просто воздушное), она рассыпается на сотни частиц с острыми как бритва краями. Проникающая способность невелика, но облако смертоносного песка способно неплохо проредить стаю мелких зверьков. Один выстрел — и два квадратных метра свободны от жизни. Один полный магазин несет смерть тысяче особей. А если сгрудить их поплотнее, то и более. Та злополучная колонна бронетехники, если б была оснащена новыми зарядами, пожалуй, с крысами справилась бы за пять минут. Да и ему бы в котловане на острове не пришлось бы палить чуть не из пушки по воробьям. Два выстрела — и кролики разбежались бы, обливаясь кровью. Ну, и у человека бы ссадины образовались — но голову ему уж точно не прошило бы.

Полковник вздохнул и задумался о термическом оружии. Все эти огнеметы, гранаты объемного горения, самовоспламеняющиеся составы весьма эффективны, но применять их следует ограниченно, а жаль. Тем не менее, каждое подразделение требует оснащения огнеметным оружием: не напрасно же все живые существа так боятся пламени. Кроме того, в стрелковых подразделениях необходимо ввести особый режим хранения автоматов, в герметично закрывающихся емкостях. Не так давно одну из застав, граничащих с обширной пастбищной зоной, постигла беда. А солдаты ее поначалу даже не заметили… Всего одна ночь понадобилась паукам, чтобы свить в дулах плотные коконы. А ведь паутина прочнее стали. Утром заставу подняли в ружье: к периметру приближался табун полосатых травоядных. На видео, среди черно-белых короткогривых животных, отчетливо различался и тот самый конь, который искалечил маршала, да и самого полковника едва не прикончил.

Солдаты расхватали штатное оружие, заняли позиции, начали огонь, и первые же выстрелы пораздували стволы. Бой

превратился в бойню… Когда подоспело подкрепление, спасать было некого. Преследовать тоже. Вызвали, конечно, авиацию, но и там не все слава Богу: летучие насекомые во время регламентных работ пробрались в кабины самолетов и затаились, и как только машины взлетели по тревоге, набросились на пилотов. Сесть удалось далеко не всем. Что уж говорить о выполнении боевого задания… Сорвалось преследование, так и ушли копытные безнаказанными.

Ну, эта проблема разрешима. Усовершенствовать хранение, наладить обязательное распыление в местах дислокации войск инсектицидов — но что делать с водными объектами? Вчера пришел рапорт: усиленная бронетанковая группа, совершая патрулирования левого берега реки, тянущейся от экватора на север, обнаружила подозрительную активность на противоположном берегу. После огневой подготовки несколько отделений на моторизованных надувных лодках отправились на обстрелянный берег для окончательной зачистки местности. Всего семь лодок, от одиннадцати до тринадцати человек в каждой. Каждый десятый — диэлец, авангард, главная ударная сила. Когда первая из лодок почти достигла берега, а последняя пересекала середину потока, река вскипела. Огромные твари, напоминающие зазубренные бревна, вцепились в борта. Стреляя, люди посыпались в воду. Не выплыл никто!

Одну из тварей удалось прикончить. Одну! И то только потому, что пуля случайно попала ей в живот. Пистолетные пули вообще не пробивают упругих пластин на шкуре животного. Автоматный выстрел способен поразить эту рептилию, но только в упор и только при условии отвесного попадания снаряда в зверя. Конечно, против крупнокалиберного оружия эти рептилии бессильны, но из станковых пулеметов стрелять не в кого! Потому что прячутся эти твари так, что увидеть их вне воды пока никому еще не доводилось.

Полковник нервно вздохнул и потер ладонями затылок. С ума можно сойти от такой войны. Сколько животных уже перебито, сколько трофеев собрано: рогов, клыков, бивней — а победой не то что не пахнет, а даже наоборот… Люди стали раздражительны. Куда подевалось ледяное спокойствие диэльцев? Исчезло напрочь! А как ему не исчезнуть, если стоит только одному белошкурому пройти под деревом, как на него с ветвей падает десяток-другой клещей, пауков, гусениц. Выцарапает диэлец въевшегося клеща, а головка осталась в коже, болеть стало, нарывать. Бабочка, почти незаметная, отложила вечером яйца где-нибудь на спине этого прирожденного убийцы, утром смотришь — посыпалась шерсть как состриженная… А

конечности? Пальцы у диэльцев как человеческие, только потолще, и вместо ногтевой пластинки — коготь. Вот в лунку вокруг когтя и стали внедряться какие-то мелкие прозрачные червячки. Не чувствительно абсолютно! У некоторых чешется слегка. Червячки эти вгрызаются в ткани когтя и преспокойно прогрызают в них ходы. Когти от этого ломаются в самый неожиданный момент.

Вот что делать? Заставить диэльцев носить обувь и перчатки? А также одежду? Какой тогда смысл в этих полузверях? Можно отправить всех поголовно на крайний север: там проблем с паразитами поменьше. Однако в тех краях происходит совсем уж крайнее непотребство: встретив местную разновидность собственных родичей, диэльцы дезертируют. То есть здешние белые медведи принимают их радушно, а эти и рады. Вместе ловят тюленей. Вместе ловят рыбу. Вместе воспитывают медвежат.

Хуже того: есть подозрение, что и потомство у них совместимое! А это значит, что разумные диэльцы нашли удовольствие в общении с местным зверьем. Несомненно, тоже разумным. Чем и объясняются весьма успешные рейды белошкурых банд по обособленным подразделениям. Шутка ли сказать: за двое суток были выведены из строя все авиаформирования крайнего севера! И везде захват проходил по единой схеме: сначала на базу, более или менее изолированную от окружающего мира, забрасывались грызуны, которые, не выдавая себя, накапливались. После, как по команде, они набрасывались на все коммуникации, лишая базу электропитания, связи и управления, а тут уж подоспевали и главные ударные силы в виде белых медведей. Два аэродрома, полковник это помнил точно, сумели оказать должное сопротивление нападавшим: в небо были подняты штурмовики, и воздушные асы расстреляли зверей. Но звери-то уже находились на территории подразделений! И вместе с ними погибло немало людей. Да и толку от такого подвига — с гулькин нос: сквозь разгромленные защитные сооружения в помещения пробрались полярные лисы. И те, кто выжил в первый день, погибли в день второй.

Полковник задумался. Проутюжить танками каждый квадратный метр территории не представляется возможным. Просеять всю землю через сито пулеметных очередей — очень хочется! Только где взять столько пулеметов? И кто потом станет жить на земле, засеянной пулями? Выжечь к чертовой матери всю поверхность, да и начать ее заселение заново! Но сколько ж тогда лет пройдет, пока снова зазеленеют леса?

— Это смотря как выжечь… — прошелестел где-то рядом голосок.

— Кто здесь? — вскинулся полковник, выхватив пистолет. Он и не заметил, уже с минуту говорит вслух, озвучивая нерадостные мысли.

— Пообещай, что не станешь стрелять, появлюсь, — посулил голосок.

— Хорошо, — сказал полковник, — стрелять не стану.

Из-под крышки письменного стола вынырнула маленькая гибкая ласка, и в два скачка, словно капелька ртути, отбежала в сторону. Полковник потянулся было к кобуре, но усилием воли остановил непослушную руку.

— Кто ты? — снова спросил он. — И чего хочешь?

— Предложить хочу, — пропищала ласка.

— Что и кому? — хмуро поинтересовался полковник. Ему еще роли армейского дипломата не доставало…

— Всем вам, — терпеливо попискивала ласка. — Или вы теперь же начинаете сворачиваться и улетаете с планеты, или мы вас всех лишаем жизни.

— Для такого маленького зверька звучит круто, — усмехнулся полковник. — Но почему ты обращаешься ко мне? Тебе нужно такие слова говорить маршалу!

— Мне сказали, — пожала плечиками ласка, — что главный тот, кого лягнул Моргенштерн. А лягнул он тебя…

— Моген… как? Как ты его назвала? — изумился полковник.

— Моргенштерн, — охотно и как будто даже с улыбкой повторила ласка. — Тот конь, который вас двоих… уделал.

— У него есть имя? — снова изумился полковник.

— Ну, да, — в свою очередь удивилась ласка. — У каждого есть имя. Тот грызун, которого ты убил на острове, он — Ондатр. Черный пес, который поел твоих волосатых и безволосых солдат, — Плюх. Дельфин, который позвал акул к твоим лодкам — Булька. А конь — Моргенштерн. На одном из человеческих языков это значит «утренняя звезда».

— Утренняя звезда, — медленно повторил полковник. — Неплохо… А кто у вас главный?

— Если ты не главный у своих, то зачем я стану рассказывать тебе? — снова пожала плечиками ласка. — Ты и так узнал слишком много. Придется тебя убить…

И она рассмеялась совсем по-человечьи, скаля острые зубки и прикрывая рот лапками. Полковнику тоже стало смешно, но настроение у него от этого лучше не стало. Даже наоборот…

— Тебе это не под силу, зверек, который невесть откуда узнал наш язык. Ты слишком мелок для того, чтобы угрожать мне.

— Так значит, главный — это тот, второй, которого Моргенштерн за ногу укусил?

— Да, это он главный.

— Тогда прощай…

— Нет, погоди! — почти весело выкрикнул полковник, одновременно выхватывая пистолет, опуская движок предохранителя и нажимая на спусковой крючок. — Погоди!..

Грохот пяти выстрелов, последовавших один за другим, разорвал тишь комнаты. Тяжелые пули вонзились в пол, вырывая из него щепки и поднимая фонтанчики пыли. Пороховая гарь едким маревом заполнила помещение. Живая и невредимая ласка осторожно выглянула из-под сейфа.

— Обещал же не стрелять, — напомнила она полковнику и выжидающе уставила в него бусинки темных глаз.

— Чего ты ждешь? — недоумевающее спросил полковник. — Беги?

— Жду, когда ты поймешь.

— Что пойму? — полковник нетерпеливо покрутил пистолетом.

— Что твои солдаты должны были прибежать на стрельбу, а не бегут…

— Точно, ч-черт… — прошипел полковник. — Ладно. Я передам маршалу…

— Бестолку, — пропищала ласка без всякой игривости в голосе. — Нечего было стрелять. Теперь ты отсюда не выйдешь, и с маршалом не встретишься. Уж как-нибудь без тебя обходиться будем.

— Да что ты плетешь? — разозленный полковник вскочил, пнул ногой сейф и бросился к двери. Почему, действительно, никого нет? Никому, что ли, никакого дела до пальбы? Или с перепугу в штаны наложили и попрятались?

Полковник распахнул двери. Последнее, что он увидел, это был рой. Огромный, как переполненный водой детский воздушный шар, рой полосатых насекомых сидел на противоположной стене коридора. Увидев полковника, пчелы набросились на него, без промедления и раздумий устремившись в глаза, забираясь в нос и уши, под воротник и манжеты, и жаля, жаля, жаля… Отмахиваясь, теряя разум от боли, полковник раскрыл рот, чтобы закричать, но вдохнуть ему удалось только нескольких пчел — и новая порция страдания влилась ему в глотку. Теряя равновесие, он уже не ощущал, что падает, и не мог заметить ласку, блеском черной молнии промелькнувшую у него под ногами.

Переговоры

— Эвакуацию начать немедленно. Точка. Дата. Подпись.

Маршал закончил диктовать приказ, но не сел, а продолжил расхаживать по кабинету, бросая взгляды на огромную карту Земли, занимавшую всю стену. Континенты горели красным. Только вдоль берегов несколько небольших участков светились синим и зеленым. Это означало, что системы контроля и передачи данных находят положение дел на этих базах удовлетворительным. Попросту говоря, вздохнул маршал, нападение жалящих насекомых удалось пережить тем, у кого была возможность отсидеться до темноты в воде, а ночью погрузиться в корабли и удалиться от берега на несколько километров. Остальные гарнизоны уничтожены полностью.

Самые счастливые погибли первыми, получив смертельную дозу яда. Тем же, на чью долю выпало остаться в живых в первый день нападения, нашли свою смерть позже: или ночью, от укусов выползших из всех щелей скорпионов, пауков и многоножек, или на следующий день — от нового нашествия. Не помогли никакие средства профилактической защиты: на сетках систем вентиляции впоследствии были обнаружены разрезы, а камеры слежения показали, что накануне нападения очень активно летали крупные жуки, никакого беспокойства людям не причинявшие. Именно они перекусывали волокна пластиковых сеток воздухозаборников, предположили амдиэльские энтомологи, вызванные на экстренное совещание.

Помещения, вентиляционные отверстия которых были забраны металлическими сетками, оказались атакованы через ходы, прогрызенные в полах и стенах. Хотя об отсутствии даже малейших признаков грызунов маршалу бодро рапортовали абсолютно все подразделения: после утраты аэродромов на севере мыши и крысы считались врагами номер один. И как оказалось, ошибочно…

Маршал дошел до окна, отодвинул штору. За бронированным стеклом, сплошь закрывавшим проем, колыхалось целое поле высоких трав, а за лугом деревья качали ветвями в такт ветру. Маршал оперся о подоконник и залюбовался. Такая красота — и такая опасность. Как ее устранить, сохранив природу? Быть может, нужно отыскать пути к заключению хоть каких-либо договоренностей?

Этот говорящий конь, которого не удалось подстрелить, и который впоследствии не раз появлялся на экранах камер слежения. Эта невообразимая координация между грызунами и

насекомыми: ученые в один голос утверждают, что ее в принципе не может быть! Способ восприятия мира у тех и у других настолько различен, что даже осознавать друг друга они могут только как возможный источник пищи, а методов общения между ними не предусмотрено природой.

И, тем не менее, слаженность в подготовке и проведении нападения — причем не на каком-либо локальном участке, а на огромном материке — налицо! Значит, есть кто-то, кто командует. А значит, есть кто-то, кто следит, собирает сведения и передает приказания. А как передать распоряжения на такие расстояния без техники? Невозможно! Но ведь как-то передают…

Маршал отвернулся от окна и нажал кнопку на карманном пульте. Засветился огромный экран, поделенный на прямоугольные сегменты, каждый из которых выдавал свое изображение. Звука не было.

Все каналы связи транслировали картины спешной погрузки эльмадских женщин и детей в авиакорабли, способные к выходу в открытый космос. На одной из экранных картинок маршал разглядел тех детей и женщин, которым удалось выжить после нападения насекомых. Их было немного, выглядели они ужасающе. Невозможно вообразить, какой ценой солдатам удалось усадить их в кабины герметично закрывающихся машин.

Маршал даже не мог представить, как можно в тучах жалящих насекомых найти силы, чтобы подхватить одного или двух брыкающихся детей, пронести их по улице, впихнуть внутрь, закрыть дверку… Да, ребенка еще можно замотать в одеяло — хотя это, судя по распухшим лицам, помогло не очень-то — но как сами солдаты справлялись с невыносимой нарастающей болью?

По сбивчивым рассказам оставшихся в живых женщин, некоторые смельчаки сумели по два раза отнести детей и их мам в машины — и только после этого позволили себе упасть. Герои, настоящие герои…

Одно маршала удивило: ему думалось, что большинство из храбрых и стойких — эльмадцы. Все-таки свои женщины, свои дети. Но оказалось, и амдиэльцы, и выходцы с Эляма и Диэля вместе с товарищами по оружию старались спасти беззащитных. Ну, формируя списки для посмертного награждения, национальный состав нужно все же подкорректировать…

Маршал отвернулся от экрана и сделал несколько медленных шагов к окну. Запищала внутренняя связь. Включился коммуникатор.

— Господин маршал, — начал доклад дежурный офицер, — за периметром наблюдается активность.

— Подробнее, пожалуйста.

— Сержант, несущий службу на КПП, сообщает, что метрах в двадцати от ворот мелкие животные активно движутся, похоже, надпись выкладывают…

— Переключите камеру внешнего обзора на мой экран.

— Есть!

— Невозможно различить… Похоже, надпись уже готова?

— Вероятно, господин маршал.

— Зачитайте мне ее.

— Не могу, господин маршал, я в дежурном помещении, мне тоже не видно на экране…

— А-а, ладно. Отбой.

Маршал вызвал проходную.

— Сержант? Доложите обстановку. Что значит «происшествий нет?» А надпись? То-то же… Ну-ка, прочтите. Так возьмите бинокль! Жду.

Молчание длилось полминуты. После сержант вернулся к телефону.

— Але? Господин маршал?

— Да. Говорите, сержант.

— Там написано: «Не стреляй. Будем говорить».

— И все?

— И все, господин маршал.

— Чем вы вооружены, сержант?

— Автомат с дробовыми патронами… Пистолет. Армейский нож…

— Отставить нож. Приказываю открыть огонь из автомата.

— Цель?

— Уничтожение надписи, сержант! О выполнении доложите, я жду на связи.

— Есть, господин маршал!

Маршал услышал стук переговорного устройства, ложащегося на стол, потом лязг затвора и три короткие очереди. Сержант схватил коммуникатор:

— Ваше приказание выполнено, господин маршал!

— Очень хорошо, сержант. Спасибо. Отбой.

— Господин маршал…

— Да?

— Они новую надпись выкладывают… Такую же, из зеленых листочков.

Маршал выключил коммуникатор, хлопнул дверью кабинета и решительно зашагал к выходу из здания. Часовой, стоявший у двери, вытянулся.

— Дежурного офицера на проходную, — бросил маршал. — С

ранцевым огнеметом.

Когда он вошел в помещение КПП, сержант рассматривал пространство за периметром в бинокль.

— Что пишут, сержант?

— Не могу понять, господин маршал, — почему-то улыбаясь, проговорил сержант. — Вот взгляните сами! — и он протянул маршалу бинокль.

Маршал поднес окуляры к глазам. Покрутил настроечное кольцо. И прочитал: «Сволочь!»

На КПП вбежал офицер с ранцем за спиной и длинной металлической трубкой в руке. Гибкий шланг соединял емкость и трубку.

— По вашему приказанию…

— Хорошо-хорошо, офицер, — маршал махнул рукой в сторону надписи, но потом внезапно задумался.

— Сержант! Дайте мне свой автомат, включите коммуникатор и бегом отнесите его к надписи. Положите его — включенным! — немного дальше надписи, и бегом назад. Мы с офицером вас прикроем.

Сержант снял с себя коммуникатор, проверил связь и бросился за двери. Офицер вышел следом. Маршал присел на одно колено прямо в дверном проеме и навел визир прицела на спину сержанта. Но ничего страшного не произошло. Коммуникатор остался лежать на шаг дальше надписи. Сержант вернулся назад, даже не запыхавшись.

Маршал поправил микрофон своего коммуникатора и проговорил:

— Кто хотел говорить со мной? Я готов к переговорам. Повторяю: я готов к переговорам.

С дерева, листками которого была выложена надпись, слетела черная птица. Маршал открыл бронированную дверь и встал в проеме.

— Повторяю, — сказал он еще раз, — я готов к переговорам.

Ворон подошел к лежащему коммуникатору и спросил:

— Маршал?

— Да. Я — главнокомандующий. Кто вы и от чьего лица ведете переговоры?

— Я, — каркнул ворон, — на Земле, как вы на Амдиэле. Командир.

— Понятно, — ответил маршал. — Вы хорошо говорите по-амдиэльски.

— Придет время, — не принял лести Кроу, — и мы ваш язык с удовольствием забудем. У меня вопрос.

— Спрашивайте.

— Люди грузятся в корабли и собираются улетать. Все?

— Нет, — твердо сказал маршал, — лишь те, кто особенно нуждается в безопасности.

— У меня предложение, — каркнул ворон. — Улетайте все. Я дам вам на сборы столько времени, сколько вы пожелаете. Мы никого не тронем. Но чтоб все до единого!

— Ваше предложение не может быть принято, — без раздумий произнес маршал. — Однако раз у вас есть возможность мириться с нашим присутствием какое-то время, почему не сделать его бесконечно долгим?

— С течением времени вы расплодитесь, — прокаркал Кроу. — Кроме того, сюда прилетят все, кто пока остается в вашем родном мире.

— Наша родина — здесь, — сказал маршал.

— Спорное утверждение, — ответил ворон. — Или вы, или мы. Планета тесна, все на ней не поместятся.

— Мы — поместимся, — заявил человек.

— Тогда я вам официально объявляю войну, — прокаркал Кроу. — Мелкие инциденты недавнего прошлого — не в счет.

Маршал кивнул, но на сердце у него лег камень. «Мелкие инциденты»? Ценою в сотни тысяч жизней…

— Теперь у меня к вам вопрос, если вы позволите…

— Я вас слушаю, — подчеркнуто холодно выговорил Кроу.

— Вы — один из четверых?

— Нет! — каркнул ворон. — Они — властвуют. Я — правлю.

— Я могу поговорить с ними?

— В любой момент, — милостиво позволил Кроу. — Либо непосредственно перед смертью, либо вскоре после нее. Выбирайте!

— Дай-ка мне автомат, — прошептал маршал в сторону сержанта. Но Кроу уже летел за кроной дерева, и стрелять в него было бессмысленно.

Четверо

Хамдиэль и Ксор удобно расположились в креслах. Дима рассматривал светящуюся карту Земли. Оля стояла у окна за маршальским столом. Ангелы молчали, ожидая возвращения военачальника. Ради такого события они оделись: Хамдиэль — в мешковатое и пестрое одеяние, немного нелепое в строгом убранстве кабинета, но все же неповторимо красивое и неуловимо притягательное. Ксор облачился в светлые отутюженные брюки и белую сорочку, идеально сидевшую на его ладном теле. Дима нафантазировал себе льняную пиджачную пару цвета сливок. На Оле же красовалось простенькое платье, силуэт и фасон которого с равным успехом можно было отнести к любому модному поветрию — или не относить ни к какому. Голубые васильки узоров колыхались в такт движениям изящного женского тела. Даже когда Оля замирала, цветы продолжали раскачиваться, словно обдуваемые нежным ветерком…

Все четверо выглядели предельно живописно, но только на Олю хотелось смотреть и смотреть не отрываясь. Именно это и ощутил маршал, когда вошел в свой кабинет. Он сделал шаг от двери — та закрылась сама собой — и остолбенел, увидев всю четверку, и осознав, что красота женщины превосходит все его уже давно устоявшиеся представления.

Маршал давно ждал и, одновременно, боялся этой встречи. Он догадывался, что рано или поздно ему придется говорить с теми, чей покой он нарушил. Потому и спрашивал этого чернокрылого клоуна. И вот… Слова застряли в глотке.

— Ну, что же вы застыли, маршал? — Дима сделал несколько шагов к человеку, встряхнул в пожатии его руку, приобнял за плечи и подтолкнул к столу. — Мы вас ждем, ждем, а вас все нет и нет…

— Извините, господа… Не знал о вашем визите, — заволновался маршал.

— Ну, не беда, не беда, — успокоил его Дима. — Вы ведь из столовой идете? Не хотите ли после обеда вкусить чашечку замечательного кофе? Не отказывайтесь: ваш отказ все равно не будет принят… Оль, напои-ка нас кофием!

Маршал уселся на привычное место. Та, которую звали Олей, легкими шагами прошла мимо, всколыхнув в мужчине все его естество, обошла стол. Восхитительный аромат неизвестного напитка коснулся обоняния маршала. Он привстал и окинул взглядом гостей. Оля искренне улыбнулась ему, наливая густую горячую жидкость в чашечки. Тот, который пожимал руку,

влюбленно смотрел на девушку. Двое других были безучастны: высокий и голубоглазый помешивал ложечкой кофе, чернокожий крутил в руках бумажку, то сворачивая ее в тугую трубочку, то постукивая ею по полированной поверхности стола, то снова разворачивая. По всему было видно, что он — единственный из гостей, кто хоть сколько-нибудь волнуется.

— Если мне будет позволено, — проговорил маршал, — я бы хотел угостить вас бальзамом, настоянным на травах моей родины…

— Замечательная идея! — согласился чернокожий. — Этот настой у ваших виноделов получился очень удачно.

— И потом, — сказал голубоглазый, — вы здесь хозяин, и вправе распоряжаться всем чем угодно по своему усмотрению.

Маршал кивнул, поднялся, открыл сейф. Внизу хранилось несколько бутылок бальзама — маршал взял самую ароматную марку. На средней полке, прямо под рукой, лежал заряженный пистолет…

— Если решите застрелиться, — не выпуская из рук ложечки и не поднимая головы заметил голубоглазый, — отойдите в угол, и аккуратненько, чтоб нас брызгами не заляпало.

Маршал молча захлопнул сейф, повернулся к столу. Рюмки, такие же серебряные, как и кофейник, уже ждали.

— Позвольте мне! — чернокожий принял бутылку, не глядя откупорил ее и принялся разливать. — Мы не представились. Единственная среди нас дама носит имя Ольга.

Девушка лучезарно улыбнулась, и маршала вновь обожгло изнутри.

— Дима — ее супруг. От стрельбы вас предостерег Ксор. А меня на этой планете как-то звали Хамидом. Зовите и вы меня также.

Маршал кивнул и принюхался к кофе.

— Прошу прощения, но что это за напиток?

— Здесь это растение зовется кофе. Несколько его разновидностей растет в предгорных районах Эляма. Его зеленые зерна требуют обжарки и помола. Однако никто из элямцев сделать так не догадался, а вашим соотечественникам на Эляме было… не до того.

— Вы поразительно осведомленны, Хамид. Вам приходилось бывать в наших краях?

— Неоднократно, маршал. Но давайте-ка ближе к делу: вы не далее как час назад заявили Кроу, что хотели бы увидеться с нами. И вот мы у вас…

— Да-да, конечно. Кроу — это то летучее и говорливое существо? Оно действительно обладает теми полномочиями, о

которых было заявлено?

— Не будьте слишком строги, маршал, — вновь улыбнулась ему Оля, и вновь маршала окатило огненной лавой от головы до чресел. — Но, в целом, дела обстоят именно так.

Несколько секунд прошли в полном молчании. Гости чинно смаковали кофе, и ароматная настойка действительно сочеталась с ним как нельзя лучше.

«Бред сумасшедшего, — подумал маршал. — Сижу невесть с кем, пью непонятно что… Не удивительно будет, если вскоре они станут превращаться в змеев с руками, торчащими из пасти…»

Неизвестно чему улыбнулся тот, которого чернокожий представил как Диму. Маршал взглянул на противоположную стену, в одном из углов которой находилась видеокамера. Вторая располагалась у него над головой, немного в стороне и сзади, чтобы обозревать всю поверхность маршальского стола.

— Вам мешает видеозапись? — поинтересовался Ксор. — Однажды мы уже имели неосторожность запечатлиться на вашем корабле… На сей раз вместо нашего разговора в памяти компьютеров отобразится ваша напряженная каждодневная работа. Так что не беспокойтесь и говорите. Все-таки инициатор нашей встречи — вы…

— Не знаю, какими способами вы действуете, — принужденно усмехнувшись, проговорил маршал, — но вынужден признать вашу оперативность.

— Ошибаетесь, маршал, — прервал его Дима. — Мы — не действуем, если рассуждать по большому счету… Спасательный самолет для группы ваших строителей в тонущей лодке, да обманутая видеозапись нашего общения — не в счет. Простая любезность. Как, кстати, чувствуют себя спасшиеся? Надеюсь, с ними все в порядке?

— В живых остался только один, — ответил маршал, — остальные погибли во время нашествия жалящих насекомых.

— А, ну да, — кивнул Дима, — с осами да пчелами совладать трудно… Тот, который спасся — ваш, как нам известно, младший сын?

— Да, — подтвердил маршал. — Он один остался… Только потому, что был отправлен мною в командирскую школу.

— Это на одном из космических кораблей? — учтиво поинтересовался Ксор.

— Смею предположить, — сказал маршал, — что вам доподлинно известно, на каком именно.

Серебряная ложечка ювелирно тонкой работы выпала из маршальской руки и звонко ударила по краю блюдца. Маршал глубоко вздохнул и сжал кулаки. Левая рука, поврежденная

копытом Моргенштерна, слушалась плохо.

— Извините… — пробормотал он. — Чувствую себя как перед казнью.

— И совершенно напрасно, — сказал Ксор. — Мы не с вами, но и не против вас. Если уж быть точным, то диспозиция сил такова: Хамдиэль… то есть Хамид — всецело за вас. Дима и Оля — противоборствующая вам сторона. Я… у меня свои интересы. На сей момент они сонаправленны с действиями одной из сторон. Как сложится дальше — не известно.

Маршал собрался с мыслями, помолчал и проговорил с усмешкой:

— Мне сложно понять такое разделение сил. Но, по-видимому, обращаться мне следует к вам, Дима?

— Если как к противоборствующей стороне, то да, — согласился Дима.

— Прошу прощения, — Оля встала из-за стола. — Вам есть о чем поговорить и без меня. Я покину вас ненадолго…

И она исчезла, а маршал продолжил.

— Я хотел бы найти способы мирного сосуществования с животным миром этой планеты. Потери с обеих сторон, на мой взгляд, чрезмерны. В то же время, мне кажется, есть возможность поладить. Разделить ареалы обитания. Обозначить кормовые базы…

— По какому принципу — спрашиваю, маршал, из чистого любопытства, без всяких намерений к действию, — сказал Дима, — по какому принципу вы предлагаете провести разделение ареалов обитания и кормовой, как вы выразились, базы?

— Пропорционально потребностям. Или в соответствие с количеством населения.

— Мысль не новая, — отозвался Ксор. — Когда-то на этой планете так и было. Это привело к активному вымиранию целых видов животных. Потом, правда, вымерли…

— В одночасье, — вставил Дима.

— …сами люди. Теперь вы предлагаете вернуться к прежним методам взаимодействия.

— Так вы не согласны?

— Видите ли, маршал… Подобные договоренности вне нашей компетенции, — Ксор был тверд и даже немного холоден. — Но если вы настаиваете на переговорах, можете возобновить их с Кроу. И потом, объявленная вам война, по сути своей, не то же ли взаимодействие между людьми и животными, которое вы предлагаете растянуть на долгие десятилетия? То же самое! Только концентрированное во времени.

— И в потерях, — добавил Дима.

Маршал сделал глоточек бальзама, отпил кофе и обратился к Хамдиэлю:

— Если вы на моей стороне, Хамид, то почему молчите?

— Я не только молчу, — живо отозвался Хамдиэль. — Я еще и бездействую, хотя помочь вам в вашем деле — мог бы. Но между мной и вами есть разница. Вот смотрите! — и Хамдиэль взглядом указал на бутылку с бальзамом.

Медленно, как при замедленном кинопоказе, бутылка покрылась трещинами, рассекшими толщу ее стекла на мельчайшие осколки, и рассыпалась по столу. Темная вязкая жидкость растеклась по столу. Слабый аромат превратился в сильный и густой запах.

Маршал хмыкнул.

— Бесконтактно разрушать мы, конечно, не умеем. Но контактно делаем это не хуже вас. Разница между нами невелика!

— Это обманчивое впечатление, — заметил Хамдиэль, и тут же разлившийся бальзам стал собираться, стеклянные осколки и осколочки безошибочно сложились воедино, и бутылка вновь оказалась на столе в целости и сохранности, и даже аромат, наполнявший комнату, исчез.

— Главное мое дело — создавать, а не разрушать.

Хамдиэль взял в руку невредимую бутылку и встряхнул ее как следует.

— Видите? Она вновь целая! И жидкость — до последней молекулы спирта — вновь внутри. Так вы умеете?

— Нет, — глухо ответил маршал. — Но научимся!

— Если захотите, то научитесь, — с горечью проговорил Хамдиэль. — Но вы не хотите. Вы не умеете создавать, и вам не стыдно не уметь этого. Вы умеете только завоевывать и подчинять, а это бесперспективно.

— Для чего тогда вы согласились встретиться со мной? Только ли чтоб указать на несовершенство моего народа?

— Скорее, всей вашей цивилизации, — уточнил Дима. — Но, конечно, не для этого. Свойства своего мира вы можете осознавать, а можете и не осознавать — дело ваше. Мы здесь только для того, чтобы приободрить вас. Ну, и самим сделать кое-какие выводы… Но главное — это наше желание сделать вам приятный сюрприз. Сейчас откроется дверь, и Оля…

Весточка с Амдиэля

Дверь тут же распахнулась, и вошла улыбающаяся Оля. В руках она держала большое блюдо, наполненное маленькими парящими рулетиками.

— Не проголодались? Вот, маршал, ваша бывшая жена, мать ваших сыновей, вам передает. Просит, мужу и детям — отнесите, пожалуйста. Могла ли я ей отказать?

Округлившимися глазами маршал смотрел на стол. Он, когда-то молодой лейтенант, был приглашен в гости к своему начальнику, и среди прочих яств на столе оказались точно такие же рулетики. Сыр, зелень, тесто из растертых в муку бобов, огненно жгучий перец и прохладное послевкусие мяты… Дочь командира делала. Так и познакомились. Когда уже жили вместе, готовила она их не часто, да и его самого вечно дома не было. Постоянные войны…

— У меня, маршал, для вас есть и другая новость, — мягко проговорила Оля. — Ваша нынешняя супруга изъявила желание повидать вас.

— Как? — изумился маршал.

— Как это заведено у женщин Лидмаха. Сама захотела — и пришла. Я ей только дорогу показала… Она у вас славная, ваша принцесса. Мы почти подружились по пути сюда. В общем, она дожидается вас в ваших апартаментах.

Маршал сорвался с места и, слегка прихрамывая на левую ногу, бросился к дверям.

— Даже спасибо не сказал, — улыбнулся Ксор. — А ты, Хамдиэль, тоже хороший гусь! У вас там готовят вкусные, похоже, вещи, а ты нас одним только вином и поишь.

Эулий летит в гости

Битый час Эулий сидел в кают-компании космического корабля и ругал себя, науку, которой он когда-то сдуру вздумал заняться вместо того, чтобы пойти в военные; эту благодатную — на первый взгляд — планету, и вообще всех вокруг. Какую замечательную лабораторию в горах они уже доделывали! Сколько надежд и планов было с нею связано! В условиях чистого воздуха и высокой инсоляции он год — да что год! — три года мог спокойно работать, доводя исследования по созданию принципиально нового фотонного зеркала до ума. Он уже и штат себе набрал — умнейшие парни и с Лидмаха, и с Эльмада, математики, физики, экспериментаторы — от бога! Остроумные и мастеровитые. С такими парнями до конца жизни безбедно можно было бы заниматься исключительно тем, чем всем им интересно. — Наукой!

Новый мир, новый порядок: ни фонды выбивать, ни гранты выпрашивать. Все заняты делом, у всех своих забот полон рот, никто не лезет: ах, напишите учебник по естествознанию — наши дети по старым книгам понять ничего не могут… Ах, рассчитайте нам защиту от электромагнитных импульсов, а то ведь война, знаете ли, вдруг противник специальную бомбу применит… А хрена ли им учебники писать, этим юным лоботрясам, если книжки без картинок они брезгливо отбрасывают? Комиксы им рисовать по адиабатическим процессам? Защиту рассчитать можно, но мощность заряда сначала сообщите! Что значит максимальная? Да от максимального заряда вся эта чертова планетенка разлетится кипящими брызгами! А теперь вот — эвакуация… Снова на корабли погрузиться велено! Жди теперь! Чего? Сколько?

Говорят, целый почти континент народу полег. От укусов насекомых… Что ж там за насекомые такие? Страшно и подумать! На Эльмаде да на Амдиэле — ну, укусит. Ну, почешешься минут десять. Только чтоб отыскать такое кусачее насекомое — нужно тридевять земель облететь. А тут — такое! На детей да женщин, выживших после нападения, смотреть страшно.

Эулий заглядывал в медицинский блок, ужасался. Правда, энтомологи все как один утверждают, что на тех высотах, где Эулий строил свою лабораторию, никаких жалящих нет и быть не может. Ну, да что ж… Не будешь же один-одинешенек сидеть в лаборатории и заниматься удовлетворением собственного любопытства? А жрать, пардон, кто притащит? И откуда?

— На Земле, — раздался голос где-то рядом, —

действительно никто вам ничего не притащит. Не ищите меня взглядом и не прислушивайтесь, Эулий. Я бестелесен и говорю с вами не голосом.

— Как вам это удается? — не слишком испугался Эулий. — Кто вы? Имя у вас есть?

— Есть, Эулий, есть… — ответил голос, идущий и впрямь откуда-то из середины головы прямо в центр мозга. — Главное, что у нас есть для вас — и для всего вашего народа — это предложение. Но знаете что? У вас сейчас такой вид, что — неровен час — войдет кто-либо в кают-компанию, и вас сочтут сумасшедшим…

— Не беспокойтесь. Нас, ученых, за нормальных никто и не держит…

Голос в голове рассмеялся, и Эулий тоже разулыбался.

— Надо же, — хохотал голос, — другой мир, другая галактика, а проблемы те же!

— Вы, простите, ученый?

— Ну, конечно же… Вот что, дружище Эулий: я вас прошу, проследуйте в свою личную каюту. А то со стороны вы производите странное впечатление, разговаривая и улыбаясь в помещении, где больше никого нет. Идите к себе. И мы продолжим общение.

— Но вы — не галлюцинация?

— Нет. Доказать?

— Да.

— Сейчас я качну весь корабль с амплитудой… малозначительной. Но резко. Несколько раз. Держитесь за подлокотники!

Эулий вжался в кресло, вцепился в поручни. Корабль ощутимо тряхнуло. Где-то что-то зазвенело, падая. Загудели аварийные сирены, но не высоким сигналом опасности для жизни корабля, а низким предупреждающим баритоном. И тут корабль тряхнуло еще раз.

— Достаточно, — сказал Эулий. — Я иду к себе.

В каюте голос зазвучал снова.

— Ложитесь, Эулий, будто бы спать. Сообщите, кому сочтете нужным, чтоб вас не тревожили.

Эльмадский ученый послушно разделся и забрался в постель.

— Постарайтесь лечь максимально удобно: ворочаться у вас возможности не будет, и не хотелось бы, чтобы тело пострадало от долгого пребывания в вынужденной позе.

Эулий лег на спину, протянул руки вдоль туловища.

— Так хорошо?

— Да, — ответил голос. — Теперь закройте глаза и

расслабьте мышцы. Внутренним взором пройдитесь последовательно по всему телу, и прикажите каждому мускулу снизить тонус до минимума. Первоначально это потребует времени и усилий, но в дальнейшем все будет происходить за доли секунды.

— Вы полагаете, такие опыты станут у меня постоянными? — насмешливо поинтересовался Эулий, не слишком доверяя этому таинственному голосу, и подчиняясь ему по большей части из любопытства.

— Давайте диалоги оставим на будущее… Расслабились? Чувствуете, что все ваше тело неподвижно, и расшевелить его — значит нужно приложить недюжинные усилия?

— Да… — мысленно ответил Эулий. Он и в самом деле ощущал свое тело как некий неподвижный и очень комфортный кокон, в темноте которого сверкали, поблескивали и вспыхивали его собственные мысли. Эулий физически ощущал движение своих мыслительных процессов. При этом внешние ощущения почти отсутствовали — то есть они были, но где-то далеко, тихо и глухо.

Вновь зазвучал голос. Теперь он слышался близко и рельефно, как будто говорил человек, сидящий рядом в темноте.

— Глаз не открывайте. Попробуйте мысленно увидеть интерьер вашей каюты. Повнимательнее присмотритесь к светильнику. Он вас не слепит?

— Нисколько, — мысленно ответил Эулий и слабо удивился. Должен же слепить…

— А теперь все так же воображаемо поднимитесь вверх, приблизившись к светильнику как можно ближе, и посмотрите: что там на внутренней поверхности его плафона? Вас ведь всегда интересовало, как производственникам удалось добиться такого эффекта рассеивания.

— Интересовало, — усмехнулся про себя Эулий, — но только спросить все забывал…

— Вот и присмотритесь.

— Но ведь это будут лишь мои предположения?

— Что из того? Вы гляньте — и, возможно, обнаружите что-то совершенно для себя новое.

Эулий представил потолок каюты. Вот аварийный люк, он задраен, вот потолочный светильник. Ну-ка, поближе… Так… Толща стекла, оказывается, кристально прозрачна. А что на внутренней поверхности? Эулий попытался вообразить, как будет выглядеть стекляшка изнутри. И к своему удивлению увидел целый лес кристаллических деревьев, где каждая веточка оканчивалась аккуратным срезом, и на каждый срез был нанесен

тонкий слой люминофора. Более того, располагался люминофор — это становилось видно, если хорошенечко присмотреться — маленькой чашей. Наподобие фотонного зеркала, только в миниатюре.

— Точнее, в микроминиатюре. Увиденное вами имеет микроскопические масштабы, и невооруженным глазом не видимо. А теперь отведите взгляд от плафона и взгляните со стороны на себя. Ну, как?

— Я и я… Ничего особенного.

— Вы присмотритесь, Эулий. Себя вы обычно видите только в зеркале, при умывании. Родинка, которая возле уха у вас… где?

— О, господи… Точно! В зеркале я вижу ее с другой стороны.

— В общем, Эулий, знайте: вы сейчас находитесь вне своего тела.

Лежавший дотоле неподвижно Эулий встрепенулся, глубоко и прерывисто вздохнул, распахнул глаза и пошевелил руками.

— Вы испугались и низринулись в тело, — снова из середины головы зазвучал голос. — Между тем, бояться нечего. Вот, вышли из тела. Вот, вернулись. Что страшного?

— Вы правы… Как вас, кстати, зовут?

— Ксаверий.

— Наши имена чем-то схожи…

— И даже сильнее, чем вы думаете, Эулий. Если вы снова решитесь выйти из собственного тела, и доверитесь мне, я покажу вам много нового, и вы многое осмыслите заново.

— Что за вопрос, — пробормотал Эулий одними губами, — если решусь!.. Ученый я или нет, в конце концов? Мне же любопытно… Ч-черт! Никак не получается!

— Позволите вам помочь?

— Если можно…

И не успел Эулий услышать последние слова, как мир вокруг и внутри него снова содрогнулся, как тогда, когда заработали предупредительные сирены, и он ощутил себя вне тела, снаружи, на свободе!

— Вы можете мне как-то показаться, Ксаверий?

— Конечно. Но вам будет легче меня увидеть, если мы покинем корабль.

Эулий почувствовал — или увидел, или ощутил — что он движется сквозь перегородки, помещения и наружные стенки корабля. Мгновение — и бездонная чернота космоса отверзла свои объятия и приняла душу эльмадского ученого.

Эулий взглянул перед собой, не понимая, вниз, вверх, вперед или назад он смотрит. Глубокий ужас и одновременный с ним восторг охватили его душу. Такого душевного подъема и такого

наслаждения, понял Эулий, он не испытывал никогда, и никогда более от этих ощущений не откажется. Вся прежняя жизнь в теле — очень недурном, кстати сказать, теле! — представилась ему малозначительной. Все пережитые им удовольствия и неудобства стали вдруг одинаково мелкими и неважными. Теперь он был по-настоящему свободен и по-настоящему счастлив!

— Ксаверий? Вы рядом?

— Рядом…

— Прежде всего, я хочу сказать вам спасибо! Такого со мной не было еще никогда!

— Вы заблуждаетесь, Эулий. Но давайте-ка я вам все изложу по порядку…

И постепенно удаляясь от амдиэльской флотилии, две человеческие души устремились вдаль, туда, где жемчужной россыпью светилось Магелланово Облако.

Властитель Лидмаха

— Вы должны быть тверды и непреклонны, мой повелитель. По крови вы амдиэлец, и вам нетрудно быть решительным и строгим. Однако вам выпала честь стать мужем наследной принцессы Лидмаха, более того, стать настоящим мужем. Это значит, что вы — единственный законный, полномочный и полновластный властитель империи Лидмах. Об этом знает каждый гражданин нашей империи, и каждый из знающих, смею вас уверить, рад этому.

Принцесса замолчала, поправила и без того безупречно лежащую драпировку изысканного платья темно-зеленого шелка, и поглядела в окно. Маршальский самолет с неощутимой скоростью парил над океаном. На почтительном удалении справа и сзади летело звено истребителей. Впереди, как было известно маршалу, прокладывало путь еще одно звено, не видимое в лучах заходящего солнца. Предосторожность эта, может статься, и была чрезмерной: летчики Амдиэля научились выжигать все живое и в небе, и на поверхности этой планеты. А чтобы избежать случайно пропущенных птиц, поднимающих на заоблачную высоту камушек из самого твердого минерала, маршал приказал просто снизить скорости полетов. На дозвуковых скоростях прочности конструкций хватает, чтобы выдержать все возможные соударения.

Принцесса отвела взгляд от облаков, простиравшихся недалеко внизу и почти не двигавшихся в поле зрения, и продолжила говорить:

— Его превосходительство господин президент, поздравляя меня с получением титула Наследницы, доверительно сообщил, что после окончания военных действий на Земле он намерен самолично переселиться сюда, перевести вместе с собой весь бюрократический аппарат державы и править сливками Содружества Миров, которым будет даровано право заселения Земли. Вместе с тем он полон решимости создать коллегиальный орган управления государствами Содружества, такой, знаете ли, псевдодемократического свойства, а во главе поставить вас. Не только потому, что высоко ценит ваши способности военачальника. Президент выразил убежденность в ваших высоких нравственных качествах, в подтверждение чего продемонстрировал мне видеозапись вашего с ним разговора, касавшегося моей судьбы… Да и в карьере вашей, это уже достоверно известно лично мне, тоже не было ни единого случая, начиная со вступительных экзаменов в военное училище,

которым можно было бы попрекнуть.

— Лично вам? Откуда такая осведомленность, принцесса? — маршал, нежно улыбаясь, подошел к женщине, взял ее руки в ладони и поцеловал.

— Не забывайте, маршал, все узкие специалисты ваших вооруженных сил — выходцы если не с Эльмада, то с Лидмаха. И об этом никогда не забывает даже самый последний разгильдяй, покинувший нашу империю в поисках объятий ваших объемистых женщин.

Упомянув дородность женщин Амдиэля, принцесса презрительно повела плечом, и маршал снова разулыбался. Он любил, нет — он обожал эту стройную красавицу, быть может, действительно несколько обделенную телом, но зато щедро одаренную пылом страсти. Ту женщину, которая была женой маршалу два десятка лет, и которая поныне не считала неудобным передать отцу своих детей совершенно домашний, можно даже сказать интимный гостинец, маршал тоже любил, но… совсем не так. Она была близкой, родной. Она была другом, с которым всегда приятно увидеться, и к которому испытываешь безусловную благодарность за все пережитое — но такого желания она не вызывала никогда. Да и сама настолько страстной тоже не была никогда.

— Возможно, принцесса, президент действительно рассчитывает на пожизненную синекуру. Но если так, я могу только надеяться, что он не забудет помогать мне своими советами. В конце концов, мне тоже нравится взаимодействовать с ним. И я тоже ничем не могу укорить его. Я догадываюсь о неизбежности интриганства в политике, но в отношении вооруженных сил президент всегда был открыт, откровенен, честен и щедр. Потому-то войска оставались ему верными даже в самые тяжелые времена.

— Я рада это слышать, маршал. Меня, не стану скрывать, очень обнадеживает перспектива столь блестящей карьеры моего мужа и повелителя.

Принцесса церемонно опустилась на одно колено и приложила склоненную в поклоне голову к ладони маршала.

— Я искренне надеюсь принести как можно больше пользы моему Лидмаху. И еще меня радует возможность быть вашей возлюбленной…

Принцесса подняла голову и смиренно прикоснулась губами к израненной руке. Однако припухшие ее губы увлажнились, голос дрогнул, а глаза затуманились той самой дымкой, значение которой понятно каждому мужчине.

Маршал легко подхватил женщину на руки и шагнул к двери,

отделявшей кабинет от спальни.

Приговор миэлянам

Ночную вахту нес сам капитан корабля. Пустая формальность — эти вахты, но кто-то же должен дежурить на случай возникновения непредвиденных обстоятельств, а также для срочного выполнения приказов командования. Дежурить самому капитану — это, конечно, никуда не годится, но три четверти личного состава отправлено на переподготовку, а на судне вяло идут какие-то необязательные ремонтные работы, придуманные исключительно для того, чтобы хоть чем-то занять оставшуюся четверть.

Капитан зевнул и приготовился вникнуть в перипетии судеб героев и подонков, сгрудившихся под обложкой толстой книги. По привычке он окинул взглядом пульт управления. Все в норме. Только участки, где ведутся ремонтные работы, светятся желтым. Самое главное — груз в порядке. А откуда взяться непорядку, если гидрокапсулы — огромные емкости, приспособленные для длительного проживания в них тысяч миэлян — вполне автономны? От экипажа требуется только соблюдение непрерывности подачи энергии, все остальное делает автоматика. Миэляне могут выходить на связь с командной рубкой, но случается такое крайне редко. И слава Богу…

Офицер открыл книгу, перевернул страницу, затем другую. Эпические страсти не трогали. Размеренный стих усыплял. Капитан бросил развернутую книгу на пульт и вознамерился выпить чего-либо бодрящего, когда вдруг засветился экран экстренной связи.

Капитан вскочил с кресла и одернул китель.

— Здравия желаю, господин маршал!

— Здравствуйте, капитан.

Маршал, судя по обстановке, говорил с борта своего летающего командного пункта. Лицо его, спокойное и скорее доброжелательное, чем воинственное, не выражало готовности к решительным действиям.

— Не беспокойтесь, капитан, ничего экстраординарного не произошло. Садитесь на место… Я вижу, вы классиками увлекаетесь?

— Виноват, господин маршал…

Капитан покраснел и убрал книгу с пульта. Чтение на боевом дежурстве строго воспрещалось.

— Да бросьте, капитан… Подвиги древних героев вдохновляют современников. Если лично вам чтение книг помогает коротать дежурства, отчего я должен этому

препятствовать? Впрочем, я этого не говорил, а вы не слышали, — улыбнулся начальник.

— Хорошо, господин маршал, — в тон ему ответил капитан. Все-таки не зря верховного так хвалят и солдаты, и офицеры!

— Но я к вам по делу, капитан. Вашему кораблю ставится боевая задача, с содержанием которой вы сможете ознакомиться через некоторое время. Выполнение задачи произойдет в автоматическом режиме. Я просто посвящу вас в суть… Вкратце дела таковы: группа миэлян, попавшая в воды занимаемой нами планеты, нас предала. Они пока не ведут военных действий против нас. Но аналитики убеждают меня в том, что их активное сопротивление — вопрос времени и концентрации сил. В связи с этим вашему кораблю приказывается осуществить выгрузку гидрокапсул в открытый космос. Все корабли, несущие груз, подобный вашему, берут курс на планету, обращающуюся вокруг звезды по наименьшей орбите. На подлетах к планете гирокапсулы выгружаются в открытый космос и продолжают движение по инерции в сторону гравитационного центра системы. Это позволит нам избежать замусоривания межпланетной среды. Корабль совершает облет планеты и возвращается к месту своей временной дислокации. Все маневры, я повторяю, выполняются в автоматическом режиме, и в функции капитанов, несущих дежурство на кораблях в этот момент, входит только наблюдение за общими параметрами жизнедеятельности корабля.

Вопросы есть?

— Да, господин маршал. Какую запись мне следует внести в бортовой журнал?

— Запишите: корабль функционирует в штатном режиме, выполняя цикл централизованно поставленных задач. Не беспокойтесь, вам не придется участвовать в этой… процедуре. Будьте готовы: сразу по завершении маневра вы отбываете на курсы переподготовки для принятия под управление корабля иного, более эффективного типа. Так что заранее поздравляю вас с повышением, капитан!

— Служу Амдиэлю, господин маршал!

Ксаверий и Эулий

Ксаверий с Эулием сидели в той самой аудитории, в которой Ксор когда-то призвал людей отказаться от развития науки и техники, чтобы перейти к исследованию куда более перспективных возможностей. Эулий, уже кое-как обвыкшийся в Роксе, все не мог обжиться в новеньком теле, синтезированном для него Ксаверием. Еще труднее Эулию было представить, что порча и гибель этого молодого и красивого тела никак не скажется на факте его существования. Как поверить, что он сам — точнее, его бессмертная душа — в полной безопасности? Ведь где-то там, на корабле, в запертой изнутри персональной каюте, покоится никем не тревожимый человек, которого его собственный разум отказывается считать настоящим Эулием…

Ксаверия смешило непонимание Эулия, но ему можно смеяться: его народ уже не счесть сколько поколений только и делал, что бросал свои тела и путешествовал по миру налегке. Эулий же привык знать, что для перемещения чего-либо в пространстве нужно выполнить работу, привлечь те или иные силы, затратить энергию. Вот и сейчас он пытался сосредоточиться на выкладках, некогда вчерне начертанных неким Ксором, а впоследствии пытливо продуманных и развитых его подопечными.

По всему выходило, что прав был Эльмадский наставник Эулия, утверждавший, что создать фотонное зеркало можно и в рамках трехмерного пространства. Прав, но в расчетах пошел ошибочным путем, и вместо концентрации энергии в ограниченном объеме получил многократное наслоение участков пространства. Тем самым создав четвертое, хотя и несколько ограниченное измерение. По счастливой случайности блинчатый пирог вновь образованного пространства превысил проектную толщину фотонного зеркала. И потому оно прекрасно работает…

По здешним же формулам выходило, что вполне работоспособное зеркало можно создать и без инициации пространственных возмущений. Конечно, ресурс изделия получается небесконечным, но дела это не меняет. Летать на таких зеркалах можно, но недалеко, только в пределах галактики. Чего более чем достаточно! Пока что… Собственно, и в таких полетах нет необходимости: зачем перемещать массу материи, если можно переместить единственно разум, сиречь душу человеческую, а она уж сумеет все материальные блага — в том числе и биологической природы (подумав так, Эулий снова оглянул свое новенькое тело) — создать в изобилии.

— Это у вас, наверное, святое место, Ксаверий?

— Конечно! Меня сюда пустили только как твоего сопровождающего, ведь ты — Гость Из далекого Мира.

— Тогда не станем злоупотреблять гостеприимством твоих соотечественников. Пойдем-ка отсюда…

Мужчины вышли на улицу. Город жил своей обычной жизнью. Мамы гуляли с детьми в парках. Папы занимались делом, не всегда понятным Эулию. Какой может быть бизнес, если товарно-денежные отношения изжиты много веков назад? Соответственно, политической жизни, в любой цивилизации целиком и полностью зиждящейся на продвижении товаров и завоевании рынков сбыта, тоже никакой. Тем не менее, у каждого гражданина есть какое-то занятие, которому он отдается ответственно и целеустремленно. Ну, да он, Эулий, и сам, если со стороны посмотреть, занимается черт-те чем. Большинству не понятно, зато лично ему — увлекательно и интересно!

Эулий хмыкнул. Ксаверий вопросительно глянул на него:

— Ты чего-нибудь хочешь?

— Конечно! Хочу узнать, Ксаверий, как душа перемещается в пространстве? Вам это известно?

— По правде говоря, не очень… Не забывай, переход от научного способа познаний к принятию знаний и умений на веру для нашего общества был принципиальным. Я тебе даже не сумею объяснить, как именно мне удалось встряхнуть корабль, когда ты захотел доказательств моего присутствия.

— Это понятно… — задумчиво проговорил Эулий. — Но знаешь, какая мысль пришла мне в голову? Человеческая душа, а равно и душа этого вашего божества, которого вы зовете Ксором, а вместе с ними и все иные духовные сущности, о которых нам не известно, и которые, по всей вероятности, существуют, взаимодействуют не с материей как таковой. Души взаимодействуют с пространством.

— Если, не вникая в детали, согласиться с твоим предположением, — Ксаверий даже перестал шагать, ощутив новизну и всеохватность идеи, — можно утверждать, что, влияя на пространство, человеческая душа имеет возможность влиять и на время? Ведь они неразрывно связаны?

— Очень любопытное следствие, — согласился Эулий. — Но я думаю о другом. Ты заставил содрогнуться корабль. Скажи, а мог бы ты в бестелесном состоянии приложить намного больше усилий? Чтоб не просто тряхнуть корабль, а заставить его переместиться?

— Нет. Я — и не я один — пробовал. Чтоб воздействовать на материальные объекты, мы должны вначале обрести

материальную форму…

— … и дальше действовать по старинке. Я правильно понял?

— Да.

— Тем не менее, перелеты с немыслимыми для материальных объектов скоростями душам подвластны.

— Подвластны.

— В общем, Ксаверий… Куда мы направляемся? Идем к вашим хранилищам тел, сдадим свои руки-ноги-туловища, и немножечко поэкспериментируем.

Через несколько минут две человеческие души покинули радушную планету.

— Ксаверий, пока мы летим к Земле, скажи — с какой целью ты мне объявился?

Ответ прозвучал не сразу. Эулий даже успел в деталях рассмотреть идущее полным ходом слияние Млечного Пути и Туманности Андромеды, отыскать слабенький огонек крейсера, в одном из помещений которого покоится его тело, полюбоваться бесконечными далями — или глубинами — космоса.

И только после долгой паузы он услышал:

— Видишь ли, Эулий… Завоевание Земли — затея безумная. Земля полна обитателей, и они свою родину просто так никому не отдадут. Всех вас ждет смерть. Ждала бы…

— Что такое смерть? Это спрашиваю у тебя я, который недавно познал радость освобождения от тела!

— Смерть — это не только освобождение от тела. Это еще и освобождение от дела. От всех привязанностей и забот. И вообще весьма мучительный процесс…

— Н-да, — согласился Эулий. — Я видел выживших после нападения насекомых. И могу только представить, как пришлось расставаться с жизнью тем, кому умереть пришлось…

— Так вот мне, — продолжал Ксаверий, — показалось, что губить весь ваш не слишком многочисленный народ, причем исключительно в угоду захватническим планам Амдиэля — это несправедливо. И я решил открыть кое-какие истины тебе… Чтобы ты стал вождем своего племени на пути к новой жизни.

Эулий расхохотался.

— Ты смешишь меня безжалостно! Ну, какой из меня вождь? Что из того, что я лучше других знаю устройство фотонного зеркала? Все мое преимущество — это знание.

— А я и не предлагаю тебе, Эулий, жечь сердца своих соплеменников пламенным глаголом. Я предлагаю тебе — и всем вам — покинуть Солнечную систему и обрести долгожданный покой где-нибудь неподалеку от нас. Всем, чем мы богаты, мы поделимся. Это, между прочим, вполне соответствует планам

вашего маршала. Своего рода устранение конкурентов…

— Эльмад Амдиэлю не конкурент… Кстати, не лучше ли нам вернуться на Эльмад?

— Не лучше. Это будет бегство, а бегства Амдиэль вам не простит. И поэтому Амдиэль вас не отпустит, хотя и хочет вашего исчезновения. А не исчезнете, Амдиэль сделает с вами то же, что сделал с Лидмахом.

— А что случилось с Лидмахом? Они ж вроде с Амдиэлем друзья не разлей вода…

— Вот-вот, — ответил Ксаверий, останавливая движение. — Дружба обернулась заговором. Который Амдиэль блестяще раскрыл, и примерно наказал зачинщиков. Казнив всю аристократию и весь цвет высшего общества Лидмаха…

— Тогда, Ксаверий, получается, что Эльмад — на очереди?

— Эльмад — впереди очереди. Ваши женщины и дети не случайно были расселены по всей планете. Они должны были сыграть — и сыграли — роль демпферного устройства, или, попросту говоря, пушечного мяса, став объектом агрессии со стороны эндемичных форм жизни.

— Ну, да, — согласился Эулий. — Способ восприятия действительности у животных и насекомых настолько различен, что говорить о направленной жестокости нельзя: осе или пчеле все равно, кого жалить — безобидного ребенка или опасного взрослого. Да она и не различит, кто есть кто…

— В общем, Эулий, я предлагаю тебе всех эльмадцев отсюда увести. Но для этого нам нужно проверить идею, пришедшую в твою светлую голову. Ксор, кстати, нам намекал, что движение души сродни управлению пространством… Давай-ка попробуем найти одно из тех фотонных зеркал, которые остались после разрушения кораблей.

Эулий немного помолчал, вспоминая.

— В моей лаборатории, которую мы построили в горах, есть все данные о расположении кораблей на тот момент. Можно вычислить…

— Не нужно ничего вычислять. Смотри…

Медленно кувыркаясь, между ними и верхними слоями земной атмосферы проносилось огромное полусферическое зеркало. Его внутренняя чаша настолько четко и детально отражала и далекие звезды, и близкие облака, и бесконечную черноту космоса, что казалась невидимой, прозрачной. Наружная, выпуклая сторона, ничем особенным не отличалась. По всей ее поверхности бугрились остатки каких-то конструкций, а обрывки трубопроводов странными щупальцами тянулись вовне — и ни до чего не могли дотянуться. Величественное, и, одновременно,

жалкое зрелище, отметил про себя Эулий.

Они с Ксаверием приблизились к зеркалу.

— Давай так, — предложил ученый, — мы оба представляем себе пространство, занимаемое зеркалом, в виде сложенного в несколько раз одеяла. Вот это-то одеяло мы и — вместе, одновременно, по команде — и пытаемся распрямить. Встряхнуть, вытряхнуть!

— А с чего ты решил, что хоть что-нибудь получится? — поинтересовался Эулий.

— Расскажи, как ты летаешь?

— Ну-у-у… Просто устремляюсь вдаль, как будто у меня есть тело. Весь протягиваюсь вперед, если хочешь.

— Понятно, все мы так… А ноги твои воображаемые — где?

— Ноги я, Ксаверий, как будто бы подтягиваю к себе, только это как-то бесконечно… головой устремляюсь, а ноги подтягиваю. Все время. И такое странное у меня ощущение, будто вода по ногам струится. А что, у тебя по-другому?

— Точно так же. У всех душ передвижение получается одинаково хорошо, причем совершенно неосознанно. Я бы сказал — инстинктивно.

— И что из того?

— А то, Эулий, что наше передвижение в пространстве — суть есть наше управление пространством. Когда мы устремляемся вперед, мы, по сути дела, растягиваемся в пространстве.

— Или, если рассуждать методом от противного, мы остаемся на месте, но сминаем пространство в промежутке от нашей воображаемой головы до наших воображаемых ног… Так? — догадался Эулий.

— Именно, друг мой, именно. Потому-то скорости нашего передвижения много выше скорости света — граничной для распространения любой разновидности электромагнитной энергии. Потому-то и инерцией мы не обладаем.

— Но ведь мы же не осознаем, каков механизм взаимодействия души и пространства?

— Что не мешает нам вполне успешно передвигаться… В общем, давай пробовать!

Человеческие души примолкли, сосредоточившись на гигантской чаше. Внешне не изменилось ничего. Зеркало, в непосредственной близости от которого они находились, только дернулось — и то не целиком, а так, будто по нему пробежали волны. Даже не пробежали, а лишь возникли, обозначились сразу по всей площади и толще, и моментально исчезли.

— Получилось ли? — спросил Эулий.

— Надо проверить, — ответил Ксаверий, — но как?

— А давай толкнем его к Земле! Попробуем толкнуть… Представим, что устремляемся вперед, только вместо воображаемой головы — у нас реальный край реального зеркала.

И снова ничего не изменилось внешне. Хотя нет: мало-помалу край огромной, по-прежнему сверкающей чаши, стал передвигаться в сторону голубого марева атмосферы.

— Как думаешь, Эулий, долго ли ему так ползти?..

— Парусность огромная. А мы, как ни крути, в верхних слоях атмосферы… Оно наверняка уже тормозится. Давай еще подтолкнем!

И они вновь приблизились к краю зеркала, и вновь приложили к нему свои неловкие и неодновременные усилия. Однако дело пошло на лад. Километрового диаметра чаша, блистая отполированным нутром, загудела и завибрировала, встречая первые воздушные уплотнения. Земное притяжение неумолимо тянуло ее вниз. Все более слаженно, и потому все более действенно, толкали этот циклопический обломок две человеческие души.

— Души мои! Что это вы здесь затеяли? — голос, раздавшийся в пустоте, удивил и Ксаверия, и Эулия.

— Вижу, вы тут камушки в воду швыряете? То есть пытаетесь фотонное зеркало от амдиэльского звездолета утопить в океане. А зачем?

— Великий Ксор? — трепетно спросил Ксаверий.

— Просто Ксор, — прозвучало ему в ответ. — Так как? Желаете, чтоб булькнуло как следует?

— Мы, Ксор, пытались распрямить пространство… — начал было Ксаверий, но Ксор прервал его:

— Этого и следовало ожидать. Поздравляю! У вас, как я вижу, все получилось!

— А что теперь будет с зеркалом? — поинтересовался Эулий.

— А-а, Эулий, человек Хамдиэля… Что? Нагреется, рассыплется на кусочки, самые крупные из которых долетят до земли. Точнее, до воды. Пошипят, как будут тонуть. И все!

— Так значит, неуязвимость фотонного зеркала исчезает, если расправить пространство?

— А что вас смущает, Эулий? Вы, насколько я помню, отстояли эту идею несколько лет назад, еще на Эльмаде. Но вы, похоже, что-то задумали?

— Видите ли, уважаемый Ксор… — начал говорить Ксаверий, но ангел прервал его:

— Пусть скажет Эулий. Хамдиэль! Лети послушай, тебе будет интересно.

— Я уже тут, — отозвался другой голос. — Говорите, Эулий. Или, быть может, опустимся на поверхность планеты?

— Мое тело в каюте крейсера, уважаемый Хамдиэль…

— И вам «нечего надеть». Понятно. Это не проблема. И ради всего святого, Эулий, говорите просто, без всех этих вежливостных околичностей.

В следующее мгновение все четверо оказались на земле, под ивами у маленького прудика, на берегу которого одиноко сидел Ондатр.

— Присядем, — предложил Хамдиэль, и они уселись за столик.

— Итак? — произнес Ксор, потирая руки.

— Мы с Ксаверием только что нашли способ распрямления пространства, — начал говорить Эулий, несколько обалдевший от молниеносности пережитых превращений.

— Спелись, мой с твоим-то! — громким шепотом сообщил новость Ксор, заговорщически подмигивая Хамдиэлю, и толкая его локтем под ребра.

— Ну-ну, — Хамдиэль отмахнулся от Ксора, — и что из того? Каковы ваши планы?

— Планы таковы, — продолжил Эулий, — мы сейчас возвращаемся в космос, где расправляем пространство в каждом корабле, принадлежащем Амдиэлю. Не трогаем лишь те, которые наполнены женщинами и детьми Эльмада.

— Корабли с народом Эльмада, — заговорил Ксаверий, — будут направлены в наш мир. Мы приготовим подходящую планету для строительства Нового Эльмада.

— Круто! — восхитился Ксор, обращаясь к Хамдиэлю. — И главное, помешать этим добрым людям никто не сможет. Ты не находишь, что партия сыграна? Мат!

— Пока только шах, — отозвался Хамдиэль.

Главное оружие

Разум маршала кипел от возмущения. Он никогда не верил миэлянам — и совершенно правильно делал. И то, что он отправил почти всех уцелевших в войне жителей Миэля на «солнечные курорты» — как едко шутили спецы из отдела пропаганды — это тоже совершенно правильно.

Не особенно доверял маршал и диэльцам, зная, что все они… чужаки неблагодарные, да плюс к тому еще и каннибалы.

Но Эльмад! Ведь все преференции — Эльмаду! Все почести — эльмадцам! Они — изобретатели космических кораблей и оружия. Они — элита космофлота. Они же, правда, и подопытные кролики на полигоне по имени «планета Земля», но ведь сами напросились! И вот: на тебе! Все, кто мог бежать с Земли — улетели в космос, у каждого нашлась уважительная причина. А все, кто были в космосе — погрузились на несколько кораблей и убыли в сторону какой-то периферической галактики, к которой им лететь-то не один год.

Главное, сам ведь хотел этого, улыбнулся маршал своим мыслям. Но одно дело, когда ты решаешь, что кому делать. И совсем другое, когда подчиненные принимают решения самостоятельно. Пусть даже и вполне полезные…

И все-таки эльмадцев понять трудно. Сбежать — сбежали. Но куда? Зачем? И главное — какой смысл так поступать, если известно, что в руках Амдиэля остается несколько десятков единиц техники куда более высокого класса, чем транспортные корабли эльмадцев? Конечно, сейчас ни о какой погоне говорить не приходится, но через несколько недель, когда на Земле кончатся, наконец, эти чертовы животные, и некому будет подстраивать ловушки его солдатам, устраивать подкопы в лагеря, плеваться ядом с деревьев — ведь тогда-то? Неужели эльмадские беглецы не понимают, что тогда от погони им не уйти!

В кабинет без стука вошла принцесса.

— На вас нет лица, маршал. Ваши переживания о сбежавших эльмадцах напрасны: во-первых, вас покинули самые нестойкие, которых в любом обществе около двух третей. Но зато верная треть осталась с вами… Во-вторых, в армии Амдиэля служат сыны Лидмаха, и вы очень правильно сделали, информировав войска о переменах в жизни моей империи, а также о переменах в нашем с вами статусе. Теперь у ребят есть возможность воевать не только за идеалы Амдиэля, ставшего им второй родиной, но и за своего императора — то есть за вас.

— И за императрицу! Полагаю, — улыбнулся маршал, — куда большее удовольствие им доставляет мысль о том, что воюют за вас, их принцессу… Прошу прощения, конечно же, императрицу!

Маршал приветливо поцеловал жену и усадил ее в кресло.

— Ваши визиты в действующие войска, императрица, воодушевляют не только воинов — выходцев с Лидмаха, но и коренных амдиэльцев. Сейчас, когда враг стал слабеть, и потому проявляет дьявольскую изобретательность и отчаянное упрямство, поддержание высокого боевого духа у солдат стало очень сложной и очень важной задачей.

— Возможно, маршал, я нарушаю субординацию, но скажите мне: велики ли потери?

— Точных цифр я вам называть не стану — это закрытая информация — но оценить урон, который несут наши войска, можно как большой.

— А у врага?

— По нашим сведениям, враг несет куда большие потери, но и сопротивляется все ожесточенней. С недавних пор они стали пользоваться трофейным оружием, а иногда даже и техникой. Не могу сказать, что управление самолетом или бронемашиной дается этим зверям легко, но иногда им удается обмануть бдительность наших солдат… И тогда мы замораживаем трупы для отправки на Амдиэль.

— А что говорят штабные аналитики?

— Единодушия нет… Одни утверждают, что критический порог уже преодолен, и сопротивление врага идет на спад. Другие экстраполируют свои функции в бесконечность, и обещают беспокойное будущее до тех пор, до которых на этой планете будет жить хоть одно местное существо. Истина, я полагаю, где-то посередине…

— Мне кажется, маршал, что середины у этой истины нет. Или — или. Если мы побеждаем здешнюю жизнь, то полностью и безоговорочно. То есть, проводим не выборочное, а системное уничтожение врага.

Если мы миндальничаем и витаем в облаках несбыточных надежд, то тогда каждый год мы будем заботиться лишь о том, чтобы статистический прирост насильственной смертности наших граждан на этой планете умещался в какие-то разумные проценты. А еще нам придется плодить и развивать все более и более специализированные подразделения для пресечения партизанской войны. Это на фоне постоянного обучения гражданского населения методам противодействия эндемичным формам жизни.

— Что ж, вполне обоснованные опасения…

— Это только часть сумрачной картины ближайшего будущего. Как вы говорили, в здешний океан попали представители миэльской расы?

— Да, моя принцесса.

— Насколько я помню, радикального способа борьбы с миэлянами так изобретено и не было? Быть может, положение дел изменилось, и теперь волноваться не за что?

— Не изменилось, императрица. У нас по-прежнему нет надежных средств уничтожения живых существ в море.

Женщина встала из кресла, обошла стол и оказалась у окна. Мирный зеленый лес весело и неслышно шумел вдали за периметром из колючей проволоки, за частой металлической сеткой, за изумрудным лугом.

— Я хочу, маршал, поинтересоваться вот чем. Если разогреть атмосферу этой планеты до состояния горячей плазмы на несколько суток, то как скоро восстановятся жизненные циклы растений, и животные, соответственно, получат пищу?

— У нас, моя радость, уже проведены точные расчеты нескольких вариантов термического воздействия на Землю. Разогрев поверхности планеты и ее атмосферы, по нашему мнению, весьма радикальное средство против всех форм земной жизни.

— Вот как? Вы очень прозорливы, мой маршал!

Она положила руки на плечи офицера, зажмурила глаза и прижалась к его груди. Потом отстранилась, серьезно взглянула в лицо мужа и произнесла:

— Тогда вы знаете, что выбрать нужно тот вариант, который предполагает гарантированную стерилизацию планеты, и одновременно с этим позволяет начать возрождение жизни на ней как можно скорее. А полумерами, любимый, тут уже не обойтись.

Она смолкла, постояла еще полминуты и тихо вышла из кабинета. Маршал вернулся на свое место, сел и обхватил голову руками. По всему выходило, что иного выхода нет. Им придется построить несколько колоний на четвертой от Солнца планете, а за третьей — просто следить. Наблюдая, как она остывает.

Реальная угроза

Ангелы собрали вокруг себя животных, с которыми делили остров. Для того, чтобы разговор был слышен и морским обитателям, они устроились на берегу.

Дима и Оля, обнявшись, сидели на мостике. Вокруг их ног сгрудились дельфины, против обыкновения молчаливые. Плюх высился черной громадой у кромки прибоя. Нюша, чтоб не замочить лап, лежала у него на спине. Безмолвный Ондатр уныло уставился на пустую ракушку, выброшенную волной и безвольно перекатываемую то набегающей, то отступающей водой. Стайка кроликов, свесивших уши, даже взглядом не искала, чего пожевать.

Не было Моргенштерна: коня выследили летчики, и маршал самолично уселся за турель пулемета, чтоб отомстить непокорному скакуну. Звено вертолетов превратило табун, вожаком которого был Моргенштерн, в кровавое месиво, размазанное по азиатской степи.

Не было Кроу. Захватчики научились бороться с птицами, растягивая над деревьями сети, сплетенные из тончайшей проволоки. Делалось это ночью, когда дневные птицы беспомощны. В одну из таких западней угодил и ворон. Сеть опутала дубовую рощу, и солдаты Амдиэля приколотили ее края к земле. Вскоре подъехали огнеметные танки…

Звериные армии таяли не по дням, а по часам. Распыляемые яды уничтожали насекомых. Выжигаемая растительность заставляла умирать от голода и зверей, и птиц. Но грызуны уже не собирались в несметные толпы, чтобы нападать на врага. Самая маленькая и беспомощная с виду мышка бесстрашно и беззвучно взбиралась по обмундированию солдата, чтоб найти (или прогрызть) дыру в одежде. И тогда коренастые амдиэльцы, сухощавые элямцы, аристократичные выходцы с Лидмаха начинали кататься по земле, оглашая округу воплями и пытаясь раздавить вредоносную мелочь. Часто вопли оканчивались фонтанами крови, изливающейся из перегрызенных артерий… Если мыши удавалось прогрызть кожу и углубиться в мягкие ткани — а происходило это за секунды — то обезумевшие от боли люди стреляли в себя, надеясь погубить грызуна пулей. Госпитали не справлялись с развороченными животами, а командиры ломали головы над комплектацией подразделений: все резервы живой силы были исчерпаны, а смертность личного состава росла.

Все сильнее и сильнее помогали животным люди Ксора.

Материализуясь из вещественного небытия, они принимали формы, способные воевать трофейным оружием. Амдиэльцы уже не удивлялись, если танк, шедший в хвосте колонны, вдруг начинал расстрел идущих впереди машин, или взрывался без видимых причин.

Не было покоя и в казармах, всем, чем только можно, изолированных от внешнего мира. В ночной тиши, во мраке внезапно появлялись тени, быстро превращавшиеся в причудливых существ, способных, однако, пользоваться оружием. В ужасе просыпались солдаты, заслышав лязг затворов собственных автоматов и понимая, что еще миг, и… С недавних пор им приходилось укладываться, не выключая, а усиливая освещение, и в каждом проходе ставить часового. Отдыха не получалось. Боеспособность падала…

Кто побеждал, кто терпел поражение в этой войне? Ответа не было. Обреченными стали все.

— Маршал отчаялся добиться успеха, — рассказывал животным Дима. — Поэтому сейчас они все грузятся на корабли.

— Ура! — одиноко заверещал Булька. — Значит, мы можем жить свободно?

— Можете, — ответил Дима. — Дня два у вас есть.

— А что потом? — удивился дельфин.

— За эти два дня маршал подтянет к Земле все свои звездолеты, рассредоточит их вокруг планеты, а потом они все одновременно включат маршевые двигатели.

— И улетят?

— Да нет. Они их включат на малой тяге. Однако для наблюдателя, стоящего на поверхности нашей планеты, каждый работающий даже на малой мощности двигатель будет сродни Солнцу, только раз в сто сильнее.

Дельфин присвистнул и защелкал, мотая головой.

— А мы все нырнем! — громко, но с явным отчаяньем заявил он. — Там, внизу, где не видно света, нам не страшно никакое солнце! И даже сто солнц!

— Дышать ты чем будешь, ныряльщик? — прорычал Плюх. — Вынырнешь — а вверху вода кипит.

— И воздух горячее пламени, — добавил Дима. — К тому же моментально растают и испарятся льды Арктики и Антарктики. Лишенная ледяного груза, Антарктида тут же поднимется повыше. Это вызовет чудовищные землетрясения. Огромные волны разойдутся во все стороны. Многосотметровая толща воды хлынет на сушу, но назад не скатится: испарится. Испарение вызовет местное охлаждение разогретой донельзя атмосферы. Относительно холодный воздух устремится вниз, к океану, а его

место займут горячие слои. Поскольку все это свершится за краткое время, а задействованы будут огромные территории, ветры, которые там задуют, будут иметь небывалую силу.

— Так что вынырнешь ты, Булька, воздуха горяченького вдохнуть, а тебя подхватит, как листок, и унесет, переворачивая с боку на бок для лучшей прожарки, — сказала Нюша, нервно вылизывая лапу.

Звери умолкли. Молчали и ангелы.

— Что мы предлагаем? — произнесла Оля. — Мы предлагаем вам не дожидаться этих мук. Любой из нас может освободить ваши души от ваших тел. Но без особенных страданий. Хотите?

— А как же вы сами? — поинтересовался Ондатр.

— Как обычно, — ответил Дима. — Тела бросим тут. Поднимемся в космос. Хотя можем и остаться. Каждый из нас внутри звезды бывал — а это, я вам замечу, посильнее всякого двигателя будет…

— Поднимемся в космос, ты говоришь, — зарычал Плюх, — а мы? Вместе с вами?

— Это вряд ли, — ответил Дима. — Нам — к начальству, на разбор полетов. А туда без приглашения не ходят. Вам придется нас дожидаться.

— Я согласен, — без раздумий заявил Плюх. — Вынимайте меня из тела. И эту волосатую блоху у меня на спине — тоже вынимайте.

Не обращая ни на что внимания, кошка истово вылизывала лапу. Старалась она так, как будто ей нет никакого дела до сказанного псом. Или наоборот: ни о чем другом она думать не способна…

Конец амдиэльского флота

Императрица Лидмаха сидела в своей роскошной каюте и дрожала как осиновый лист. Сколько осталось времени до синхронного включения двигателей всех кораблей амдиэльского флота? Сколько бы ни оставалось — но каждое мгновение тяжким молотом стучало в висках женщины. Маршал рассказывал ей, что случилось с кораблем, в фокусе фотонного зеркала которого оказался один всего островок. И видеозаписи она смотрела… А сейчас на прицеле — вся планета! Нет никаких сомнений: конец всего амдиэльского флота близок!

Эта мысль порадовала императрицу. Она перестала дрожать. Пусть приходит смерть — ее ждут! Та девушка, которая подарила ей совершенно фантастическое платье, она ведь не позволит кому бы то ни было командовать на своей Земле? И императрица не позволит никому, в том числе и всесильному Амдиэлю, распоряжаться судьбой ее Лидмаха!

Жаль, как жаль, что у нее не остается шанса вернуться на Родину! Уж она бы нашла способ и отомстить этому мерзкому президенту, и возродить былую славу ее империи. Но что делать? Видимо, возрождать Лидмах выпадает кому-то другому. Ее миссия — поставить космический флот Амдиэля в условия, которые для него окажутся непереносимыми. И с задачей этой она, похоже, справилась блестяще. Маршал, наивный служака, многомудрый солдафон, упивающийся своим умением расположить к себе любого подчиненного и убедить любого человека — как просто оказалось управлять тобой! Ты, отец двух взрослых парней, наставник двум миллионам солдат и офицеров, оказался доверчивым простаком. А она, лишенная всех радостей и надежд слабая женщина, сумела настроить тебя так, что ты сам запихал свое войско в могилу. Живьем затолкал! Это не корабли окружили планету, а гробы! Склепы! Какие же молодцы эльмадцы: р-раз, и смылись по-тихому… Хотя после гибели десятков тысяч своих женщин и детей могли бы оторвать голову этому самовлюбленному болвану, и никто бы не посмел возразить! Кроме горстки вооруженных до зубов прихвостней и облеченных высокими должностями холуев… Слава Богу, скоро, уже совсем скоро этой клике придет конец!

Что же это она, в самом деле, расселась и расчувствовалась? Надо же и самой приготовиться. Платье надеть то самое, с живыми голубыми цветами по белому полю. Кто знает, может, и поможет чем-то этот подарок…

Маршал ждал рапорта о завершении построения. Лицо его

было сурово, а мысли тяжелы. «Нужно бы, — думалось маршалу, — заранее отправить на четвертую планету десант. Но кораблей мало… Расчетное время прогрева поверхности планеты — одни сутки. За это время суша начнет плавиться, а океан выкипит как минимум на три четверти. Среда обитания ВСЕХ живых существ окажется разрушенной. И все, можно на годик перерыв делать. Пока атмосфера остынет, влага сконденсируется… Воды можно и подбавить, если не хватит. Вокруг пятой планеты спутники кружатся, на них воды вдоволь. Позаимствуем…»

— Господин маршал! Корабли заняли расчетные позиции.

— Очень хорошо. Начинайте обратный отсчет.

— Десять!

Взвыли насосы, подающие воду из огромных резервуаров на электролиз.

— Девять!

Водород, отделенный от кислорода, устремился к реакторам.

— Восемь!

Дейтерий и тритий наполнили ионизационные камеры.

— Семь!

Включились акселераторы подачи газа в фокус зеркала.

— Шесть!

Набрали мощность электромагниты, управляющие истекающей струей.

— Пять!

Напряжение подано на лазеры воспламенения.

— Четыре!

Давление в топливных баках второй очереди достигло заданных значений.

— Три!

Заработали датчики пространственной ориентации фотонного отражателя.

— Два!

Цикл предстартового тестирования системы завершен.

— Один!

Готовые к действию механизмы ожидают команды на запуск.

— Пуск!

Акселераторы вбросили в камеру сгорания, ограниченную с одной стороны чашей фотонного зеркала, а другой обращенную к Земле, первую порцию водорода. Мощным импульсом рабочие лазеры содрали с атомов электронные оболочки и заставили протоны отделиться от нейтронов. Первые брызги энергии ударили в зеркальную твердь чаши. Через четыре тысячных доли секунды новая доза ионизированного газа попала в уже

разогретую область пространства. И снова сработали лазеры, заставляя материю расставаться с энергией и переформировываться в новое вещество. Но теперь уже и само зеркало работало как гигантский концентратор лучистого излучения. Атомы и элементарные частицы, попавшие в область перегретого фокуса, превращались в чистую энергию, которая частью изливалась в пространство, а частью опять-таки вернулась к зеркалу.

С каждой миллисекундой объем ядерного пожара растет. Цикл, еще цикл, еще порция дейтерия и трития — и вот уже зеркало испытывает огромное давление мечущихся излучений и бомбардирующих его корпускул. Кольцо электромагнитного поля, охватывающего зону реакции непробиваемой стеной, заставляет продукты распада и аннигиляции устремляться прочь. И тогда в область горения вещества подается другое топливо: кислород, ранее входивший в состав воды.

Массивные атомы кислорода дают еще больший выход энергии. Автоматика следит за количеством подаваемого материала, иначе ускорение превратит обитателей корабля в мертвецов.

Маршал внимательно следил за показателями работы маршевых двигателей. Десятипроцентная мощность набрана за четыре секунды. Там, на Земле, уже воцарился ад. И этот ад там будет бушевать сутки!

Равномерный бег цифр вдруг сменился тревожным высвечиванием одного показателя. Маршал вгляделся в экран. Датчик температуры зеркала показывает незначительные колебания, свойственные геометрическим деформациям твердого тела. Но откуда им взяться? Фотонное зеркало расположено в четырехмерном пространстве, которое из трехмерного континиума потревожить невозможно в принципе! Вот если бы зеркало было простой отполированной железкой, пусть бы и сверхпрочной, тогда да…

Маршал открыл меню слежения за техническим состоянием всего флота. В графах, которые всегда были наполнены непоколебимыми нулями, теперь мелькали цифры, и в значениях наблюдалась отчетливая тенденция к росту!

Главнокомандующий войск Амдиэля потянулся к коммуникатору, потом махнул рукою, вскочил и опрометью бросился в инженерную рубку. Дежурные офицеры даже не пошевельнулись, когда он влетел в помещения. Их взгляды были прикованы к экранам слежения за кораблями флота. Начальник расчета сидел за пультом, закрыв лицо руками.

— Что происходит? — закричал маршал.

Офицер оторвал ладони от глаз и посмотрел в глаза своему командиру.

— Извините, маршал, — его губы сложились в кривую ухмылку, — надо бы поздороваться. Но нам впору прощаться…

— Что случилось, я вас спрашиваю? — еще более повысил голос маршал.

— Перестаньте орать! — с раздражением ответил офицер. — Сядьте рядом и дайте нам всем умереть спокойно.

— Что значит — умереть? Что-то не в порядке с двигателями? Так отключите подачу топлива! Дайте им остыть! Потом разберемся!

— «Потом» у нас не будет, господин маршал.

Начальник инженерного расчета взял себя в руки.

— Автоматика уже отключила подачу воды в камеры электролиза, причем на всех кораблях. Но реакция идет и будет идти, пока накопленные водород и кислород не выгорят. Это займет примерно полторы минуты. Уже меньше…

— А что с зеркалами? Они выдержат эти девяносто секунд?

— Само по себе зеркало — тонкий, примерно сантиметровый слой сверхплотного вещества. Каждый удар корпускулы, каждый квант отраженного излучения отрывает от поверхности зеркала несколько атомов. Теоретически устойчивости хватит более, чем на полторы минуты. Практически же этот срок всегда будет меньше — из-за глубины локальных повреждений… Ну, и температурная деформация. Зеркало может банально треснуть. Поскольку инородное пространство отныне его, судя по всему, не защищает…

— Куда ж оно делось? — в отчаянии вскричал маршал.

— Не знаю. Работать с пространством наши ученые пока не научи…

Не закончив фразы, дежурный офицер, весь его расчет, главнокомандующий космических войск Амдиэля, а также вся громадина корабля разлетелись на атомы.

Недоумевающий маршал вдруг ощутил себя свободным и вольным. Его окружал безграничный и бездонный мир, в котором светилась всполохами пламени ближайшая планета, да вспыхивали один за другим — а то и по нескольку сразу — маленькие металлические суденышки, окружившие полыхавшую твердь.

Зрелище это не удивило, не порадовало и не огорчило маршала. Он вдруг вспомнил, как когда-то сидел сапожником в тесном киоске возле выступа здания почты на бульваре Пушкина, слыл хорошим мастером и добрым человеком. Еще ему вспомнилась молодая мама, которая время от времени

заглядывала к нему, ведя ребенка в садик или из садика. Летом мама носила сарафан, на котором по белому полю были разбросаны голубые васильки, и он, немолодой уже человек, с замиранием сердца смотрел на эти колышущиеся цветы, и не смел поднять глаз, чтобы окончательно не потерять разум от восхищения и нежности.

Воспоминание мелькнуло, но эмоций не вызвало. Вокруг клубились души других людей, и каждый, как чувствовал маршал, не знал, что делать дальше.

А что делать? Ведь никакой он, на самом деле, не маршал, и не сапожник, и не счетовод в имении, и не ратник в дружине, и не раб фараонов. Он — человеческая душа, и его ближайшая цель отыскать путь к колонии Борэа.

Ну, да: он — Борэа. Его принцесса — Орэс. И оба сына тоже — Орэс. Впрочем, какие уж теперь сыновья… Все они — дети божьи. А ведут их по жизням ангелы. Каковыми и являлись те четверо.

Радость понимания и успокоения наполнила человеческую душу. Не первая жизнь прожита. И наверняка не последняя. Да и не главное это — жизнь во плоти…

«А что же главное? — раздумывала душа, устремляясь прочь. — Об этом я подумаю в следующей жизни».

Вместо эпилога

Четверка ангелов, огромная черная собака и маленькая пестрая кошечка удобно устроились на зеленой лужайке. Хамдиэль лежал, пожевывая травинку. Дима сидел в кресле, поглаживая голову пса, дремлющего рядом. Оля играла с кошкой, то подсовывая, то оттаскивая от нее желтоголовый одуванчик. Нюша самозабвенно охотилась на цветок, прячась в траве и округляя глаза перед броском. Прыгая, она размахивала хвостом и рвала траву когтистыми лапами.

Ксор устроился на самом краю заросшей травой площадки. Он лежал на животе, болтая в воздухе ногами и свесившись с кромки плечами и головой. Перед его глазами гигантский вихрь Млечного Пути смешивался с раскрученным колесом Туманности Андромеды. Рядышком светились Магеллановы Облака.

— Что видно в свете далеких звезд? — поинтересовался Хамдиэль.

— Малахиэль летит, — ответил Ксор.

— Не Малахиэль, — прозвучал голос. На лужайке, висящей в бездонной пустоте, появился еще один человек.

Кошка стремительно нырнула под мышку к псу. Плюх сонно приоткрыл глаза и без особого любопытства взглянул на пришельца. Ангелы встали…

Дима всмотрелся в незнакомые, но неуловимо родные черты. Оля, обняв любимого, молчала. Тихо стоял Хамдиэль. И только Ксор улыбнулся человеку, как старому знакомому…

— Кто победил? — спросил прибывший.

— Никто, Всевышний, — ответил за всех Ксор. — Земля сожжена. Войско Хамдиэля разгромлено. Мои люди взялись пригреть на груди змею, которая их и погубит…

— И какого вы решения ждете от архангелов? — поинтересовался Господь.

— Полагаю, человечество будет приговорено, — сказал Дима. — Но если ты позволишь…

— Продолжай, — подбодрил его Вседержитель.

— Я бы взял на себя смелость создать человечество заново. И создать его другим.

— Пусть так и будет, — кивнул Бог. — Ваши заботы о человечестве пока несут во Вселенную обильные потоки энергонов. Поэтому Ксор и Хамдиэль выполняют решение архангелов, а после за дело принимаетесь вы, Дима и Оля.

И не успели ангелы согласиться либо отказаться, как говоривший исчез.